

133202 295098

АНТОЛОГИЯ ВЕНГЕРСКОЙ ПОЭЗИИ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1952

Вступительная статья

АНАТОЛЯ ГИДАШ

Составление и редакция

переводов

АННЫ КРАСНОВОЙ

СТИХИ В ПЕРЕВОДАХ

А. Безыменского, Н. Грибачева, А. Жарова,
Н. Заболоцкого, М. Зенкевича, В. Инбер,
М. Исаковского, С. Кирсанова, А. Кудрейко,
В. Левица, В. Луговского, Л. Мартынова,
С. Маршака, И. Миримского, Б. Пастернака,
Н. Тихонова, Н. Чуковского

Художник

И. БЕКЕТОВ

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ВЕНГЕРСКОЙ ПОЭЗИИ

I

К наиболее ранним из дошедших до нас стихов, написанных по-венгерски, относятся и те, которыми открывается «Антология венгерской поэзии». Они были созданы в эпоху, наступившую в 1526 году после Мохачской битвы, когда Венгрия утратила свою самостоятельность. Поэты, творившие в ту пору, имели все основания оплакивать несчастье своей отчизны и мечтать о лучшем будущем.

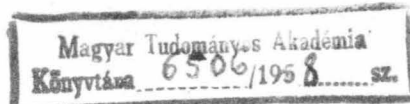
Все значительные поэты Венгрии на протяжении долгих веков угнетения страны оставались верными патриотическим традициям основоположников венгерской поэзии.

Следует оговорить с самого начала, что, в противоположность буржуазно-космополитическим историкам литературы Венгрии, мы не считаем возможным отнести к венгерской поэзии те религиозно-католические стихи, которые писались на латыни до XVI века, да и позднее поэтами венгерского происхождения. Эта поэзия не может считаться венгерской национальной поэзией по двум признакам: языковому и идейному. Стихи эти создавались не на венгерском языке. Идейное же их содержание носило религиозный, католический, чуждый народной жизни характер. Они могли быть созданы (да и создавались) в любой из католических стран Европы, и отдельные образцы их могли быть использованы (и использовались) в других католических странах. «...латинский язык,— писал в 1835 году Иштван Сечени в своей книге «Гунния»,— убил дух венгерской культуры еще в ее колыбели».

Венгрия XVI века — той эпохи, когда рождалась дошедшая до наших дней поэзия,— пребывала в атмосфере постоянной напряженности.

Уже в XV веке турки стояли у врат Венгрии. Это было время, когда венгерцы еще не сложились в нацию. «На востоке Европы... процесс образования наций и ликвидации феодальной раздробленности не совпал по времени с процессом образования централизованных государств,— пишет товарищ Сталин.— Я имею в виду Венгрию, Австрию, Россию. В этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия. И так как на востоке Европы процесс появления централизованных государств шёл быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народов, еще не сложившихся в нации, но уже объединённых в общее государство»¹.

¹ И. Сталин. Сочинения, т. 5, стр. 34.



После занятия турками Константинополя и открытия Америки торговые пути, пролежавшие через Венгрию, передвинулись на Запад. В связи с этим промышленность и торговля Венгрии деградировали, цветущие города пришли в упадок. Обеднело и утратило свое значение бюргерство, и, естественно, ослабела центральная королевская власть, опиравшаяся прежде всего на среднеломестное дворянство и города. После того как силы, представлявшие прогресс, ослабели и сдерживать крупных феодалов, стремившихся к установлению удельных княжеств со своими войсками, таможенными пошлинами и пр., было уже некому, — центральная королевская власть, игравшая в то время прогрессивную роль, превратилась в свой собственный призрак. Начавшийся сравнительно рано процесс разложения венгерского феодализма был на некоторое время приостановлен.

Феодалы обрушились на крестьянство, постарались уничтожить и права бюргерства (самоуправление и пр.), которое было союзником центральной королевской власти и боролось против центробежных сил феодализма. Бюргеры, цеховые мастера, владельцы рудников постарались в свою очередь переложить все новые тяготы на трудящихся. Подмастерья и шахтеры в цехах и рудниках были принуждены работать по 18—19 часов в сутки, причем плата за труд упала наполовину.

Восторжествовавшая феодальная реакция лишила крестьянство его последнего и важнейшего права — права передвижения. Положение венгерского крестьянства, вследствие его безудержной эксплуатации со стороны крупных землевладельцев, стало невыносимым.

Тогда-то и разразилась крестьянская война Дьёрдя Дожи — одно из величайших событий венгерской истории, определившее эпоху, к которой мы относим начало развития венгерской письменной поэзии, дошедшей до наших дней. «...крестьянская война пророчески указала на грядущие классовые битвы, ибо в ней на арену выступили не только восставшие крестьяне, — в этом не было ничего нового, — но за ними показались начатки современного пролетариата...»¹ — писал Энгельс о крестьянской войне, прокатившейся по Германии в 1525 году.

Дьёрдь Дожа в своей знаменитой речи, обращенной к восставшим крепостным, ясно сформулировал причины революционного выступления крепостного крестьянства. «Все, что родит земля, обработанная вашими руками, вашим трудом, — все это становится добычей дворянства. Вы для них обрабатываете землю, для них сажаете виноград, для них разводите коров и овец. Что же остается вам самим? Только нужда и рабство... Не упустите этот случай, завоюйте свободу себе... Третьего пути нет... Либо вы рассчитаетесь с дворянством..., либо останетесь в рабстве».

Венгерскую крестьянскую армию, вступившую в битву с угнетателями, поддерживали румынские, сербские крестьяне и городской плебс.

«Вся чернь Буды и Пешта радуется тому, что крестьяне наступают, и готова даже притти им на помощь», — писал венгерский король Уласло II в письме от 22 июня 1514 года.

«Начатки современного пролетариата» появились уже и в Венгрии, отставшей в своем развитии даже от отсталой Германии. На рудниках северной Венгрии, где добывали главным образом медь, золото и серебро, под влиянием восстания Дожи началось брожение и среди рудокопов. Опасались даже всеобщего восстания. Для усмирения шахтеров пришлось прибегнуть к вмешательству самого короля. Быстрым подавлением восстания Дожи и различными хитросплетениями удалось достигнуть того, что «начатки» современного венгерского пролетариата не присоединились к движению венгерских крепостных (исключение составляли только шахтеры южных районов). И только спустя десять лет, когда уже в соседней Германии высоко взвились огни костров крестьянской войны, разразилась и первая крупная забастовка шахтеров в Венгрии. Началась она в 1525 году в рудниках, принадлежавших немецкому банкирскому дому Фуггеров, и продолжалась больше года.

Но «...крестьяне и плебей не смогли соединиться для общего действия...»² — пишет Энгельс о крестьянской войне в Германии. Таково же было положение и в Венгрии. Что же касается бюргерства, то часть его, присоединившаяся к движению крестьян, очень скоро предала его.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 475.

² Там же, т. VIII, стр. 196.

После нескольких месяцев ожесточенной борьбы выступление венгерских крестьян было подавлено. Войска для их усмирения вел богатейший венгерский феодал Янош Зáпои.

«Захваченных... обезглавить или колесовать, изжарить или предать другой любой мучительной казни...» — так гласило воззвание Зáпои. Дьёрдь Дожа был заживо сожжен на раскаленном троне. Венгерские магнаты истребили десятки тысяч крестьян.

Указы, изданные после восстания Дожи, обрекли венгерское крестьянство на полное рабство. «... все крестьяне, восставшие против своих природных господ, — гласил указ, — должны быть наказаны жесточайшим образом, как изменники». При этом было постановлено, что крестьяне должны быть «вечными, бесприкословными рабами помещиков и впредь не имеют права переселяться с места на место».

Тот же Янош Зáпои, который подавил крестьянское восстание, «учил послушанию» восставших рудокопов, «отрезая им уши и языки». А по приказу Вербёци «бунтовщиков»-шахтеров «рубили на куски», казнили, сотнями бросали в тюрьмы. Окружив войсками рудничные поселки, Вербёци заставил шахтеров принести присягу, что «они никогда не будут больше восставать против господ».

Значительным событием этой эпохи было сопровождавшееся крестьянскими войнами движение реформации. Бюргеры, плебей и присоединившиеся к ним небогатые дворяне, а также взиравшие с возмущением на земли духовенства крупные феодалы составили, правда очень не надолго, общий фронт реформации. Затем, после того как феодалы завладели землями высшего духовенства, часть их в страхе перед крестьянством присоединилась к поддерживаемому австрийскими войсками движению контрреформации.

В движении контрреформации снова столкнулись интересы феодалов с интересами бюргеров, городского плебса и присоединившихся к ним мелко- и среднеломестных дворян. Но феодалы сталкивались и меж собой, когда, исходя из своих временных интересов, переходили из одной религии в другую.

«Итак, мы видим, — писал Энгельс, — что в начале XVI века разные сословия империи, — князья, дворяне, прелаты, патриции, бюргеры, плебей и крестьяне, — образовывали чрезвычайно запутанную массу с чрезвычайно разнообразными, во всех направлениях взаимно перекрещивающимися потребностями. Каждое сословие стояло поперек дороги другим и находилось в непрерывной, то скрытой, то открытой, борьбе со всеми остальными»¹.

И только «с всеобщим распространением революционных религиозно-политических идей в эпоху реформации»² стала возможна и в Венгрии некоторая группировка различных сословий в «более крупные единицы».

Одним из идеологических орудий реформации — классовой борьбы, которая велась под религиозной оболочкой, — служила переведенная на венгерский язык Библия.

Частями Библия переводилась на венгерский язык еще во время движения гуситов, но полностью перевод ее был закончен Гашпаром Карои (1529—1592) в 1586 году.

«Своим переводом Библии, — писал Энгельс, — Лютер дал в руки плебейскому движению мощное орудие. В Библии он противопоставил... распадающемуся феодальному обществу — картину общества, ничего не знавшего о многосложной, искусственной феодальной иерархии. Крестьяне всесторонне использовали это орудие против князей, дворянства и попов»³. Точно так же в Венгрии перевод Библии явился мощным подспорьем в борьбе антикатолического, антифеодального, плебейского крыла венгерского общества.

Решающим событием для Венгрии этой эпохи была утрата ее национальной независимости после 1526 года. Начиная с 1514 года, когда движение венгерских крестьян было подавлено, восторжествовавшие феодалы не были больше в силах успешно бороться против внешнего врага. Помимо постоянной борьбы меж собой они должны были направлять все силы против народа: крестьянства,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII, стр. 126.

² Там же, стр. 127.

³ Там же, стр. 135.

которое было обречено на все более тяжкое бесправие и эксплуатацию, и городов, которые были центрами высокой экономической и духовной культуры.

Венгерским магнатам было безразлично, что, обрекая крестьян на полное бесправие и нужду и притесняя города, они этим самым дезорганизуют политическую и экономическую основу национального сопротивления и отстраняют от борьбы с внешним врагом большую часть населения страны.

Перед тем как Венгрия утратила свою независимость, она уже более столетия воевала с турками, которые все ближе и ближе подступали к стране, воевала и с Габсбургами. Пока центральная королевская власть была в силах бороться с феодальной анархией удельных князей, до тех пор она отстаивала независимость страны. Защита страны происходила в различных формах; то за нее брался самый могучий феодал, как, например, в середине XV века — выдающийся полководец Янош Хуняди, одержавший ряд решающих побед в боях с турецкими захватчиками, то позднее эту задачу взял на себя сын Яноша Хуняди — король Матьяш (1440—1490), который, умирив крупных феодалов и обеспечив относительную, в пределах выгоды для королевской власти, свободу крепостным, сумел организовать постоянную армию.

Вскоре после ослабления королевской власти в 1490 году и вслед за восстанием Дожи, когда мелкие феодальные властители «сковали массы цепями рабства»¹, — в 1526 году возле Мохача произошла битва между венгерскими и турецкими войсками. Янош Зápоя, который в 1514 году, не колеблясь, ринулся со всем своим войском на крестьянскую армию Дьёрдя Дожи, а в 1525 году без промедления заставил отрезать «языки и уши мятежным рудокопам» — теперь этот же Зápоя «опоздал» на Мохачскую битву.

Мохачская битва решилась в несколько часов. Турки разбили немногочисленную венгерскую армию.

Вскоре Венгерская держава распалась. Четыре столетия стонала она потом под чужеземным игом, сперва турецким и немецким, а после изгнания турок — немецко-габсбургским.

II

Возникает вопрос: что же случилось с венгерской поэзией, существовавшей до XVI века? Почему она не сохранилась для потомства, почему затерялась в жестоких усобицах столетий?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы должны заглянуть еще дальше в глубь венгерской истории.

Первые следы венгров находили еще за несколько веков до нашего летосчисления: венгры жили где-то возле реки Иртыша и его притоков, Ишима и Тобола. Дальше следы их обнаружили возле реки Обь, там они проживали с I по V век нашего летосчисления, откуда после смерти Аттилы перекочевали дальше на запад. (Согласно хроникам, в 1235 году венгерский монах Юлиан пошел разыскивать венгров, живших, по его предположению, на своей старой родине. По возвращении в Венгрию он сообщил, что обнаружил их якобы где-то на Урале по соседству с татарами. Язык венгров будто бы не изменился. Но после начавшегося вскоре монгольского нашествия новые исследователи, отправлявшиеся в эти края, уже не нашли даже следов венгров.) В VIII—IX веках следы их находили на Северном Кавказе и Кубани, там венгры жили под владычеством хазаров. Об этом периоде свидетельствуют и отдельные слова венгерского языка. Таковы, например, грузинское «хид» (мост) и осетинское «кард» (сабля) и др. слова, которые вошли в венгерский язык.

После вторжения русского князя Святослава в Хазарскую державу венгерские кочевые племена передвинулись дальше к Дону и Днестру. В 860 году с ними встретился возле Херсона Кирилл. Он первый попытался обратить венгров в христианство.

¹ А ч а д и. История венгерского крепостного крестьянства. Будапешт, «Сикра», 1948 г.

Совершенно ясно, что за долгие века, в течение которых венгерские племена кочевали от Иртыша до Дуная, они смешались с целым рядом других народов (главным образом с монгольскими и тюркскими племенами).

К середине IX века отдельные конные отряды этих племен доходили до французской земли, до Бельгии, где совершали набеги на местное население. Те венгерские пастушеские племена, которые снаряжали эти отряды конницы, жили между Доном, Днестром и Бугом и частично занимались уже земледелием вручную, причем работали главным образом женщины. К концу IX века, — это был уже как бы последний всплеск великого переселения народов, — вследствие натиска бешенеев (печенегов) венгерские племена двинулись дальше и перевалили через Карпаты. Они заняли равнину между Дунаем и Тиссой (примерно в 895 году).

На равнине между Тиссой и Дунаем и за Дунаем (Паннония), где осели венгры, в IX веке жили славянские племена. Эти племена по сравнению с венгерскими завоевателями обладали более высокой культурой. Они уже пахали землю сохой, а не вручную. Государственные формы жизни у них тоже были более развитыми (Задунайская держава Прибины, Моравская держава Святоплука). Славяне жили в деревнях, скот содержали в сараях, заготавливали для него на зиму корм.

Венгерские племена завоевали державу Прибины и часть державы Святоплука и поселились среди славян. Славяне некоторое время сохраняли даже свое самоуправление, своих вождей.

Еще десятки лет совершали венгры свойственные скотоводческим племенам разбойничьи набеги на земли французов и германцев, также и на Балканы. Позднее они стали терпеть поражение за поражением, и набеги венгерских конных отрядов зачастую кончались тем, что возвращался назад только один гонец. Постепенно венгры стали учиться у задунайских славян обработке земли сохой (начатки этих познаний они приобрели, вероятно, у славянских племен, живших возле Дона, Днестра и Буга). Венгры переняли у славян и систему государственного устройства и выучились у них разным ремеслам. Вместе с тем под влиянием более высокой славянской культуры значительно пополнился словарный фонд венгерского языка¹.

Скотоводы венгры занялись землепашеством. С переходом к частной собственности постепенно стал ликвидироваться и родовой строй. Формы прежней пастушеской жизни стали уходить в область преданий. Продолжался некоторый процесс слияния венгерских и славянских племен. Этому содействовало их общее экономическое и политическое положение. В конце X века, как об этом свидетельствуют раскопки, славяне и венгры хоронили своих мертвецов уже на общих кладбищах.

В жизни венгерских племен славяне стали играть большую роль. Многие из них заняли руководящие должности в венгерских войсках; очень частыми стали смешанные браки. Жёну венгерского властителя Гезы I (970—997) звали Великингина, сына Гезы, Иштвана, до крещения звали Вайком или Байком — это имена явно славянского происхождения. Сыновей братьев Гезы звали Васой (Василий) и Ласло (Владислав). Начальника личной охраны короля Шаламона (1063—1074) звали Святополк; женой короля Кальмана (1095—1116) была дочь Владимира Мономаха Евфимия. Подобных примеров можно привести много.

Влияние славян на венгров в эти века (IX—XII) было огромным, однако венгерские историки «западной ориентации» всячески пытались его замалчивать или отрицать.

¹ Так, например: 1. Слова, относящиеся к государственному устройству и армии: воевода — vajda; витязь — vitéz; копье — kőpfa; двор — udvar; придворный — udvarnok; жупан — ispán; стольник — asztalnok и др. 2. Слова, относящиеся к земледелию: простой (крестьянин) — paraszt; борона — borona; коса — kasza; грабли — gereblye; колос — kalász; солома — szalma; сено — széna; рожь — rozs; капуста — káposzta и др. 3. Слова, относящиеся к домашнему производству: мясник — mészáros; корчмарь — kocsmáros; ткач — takács; гончар — gerencsér; ведро — vödör; доска — deszka и др. 4. Слова, связанные с оседлым образом жизни: обед — ebéd; ужин — uzsonna; вечер — vacsérny; тесто — tészta; галушка — galuska и др. 5. Другие слова: мера — mérő; залог — zálog; свобода — szabadság; раб — rab; слуга — szolga; долг — dolog; челядь — cseléd; сосед — szomszéd; челнок — csolnak; холм — halom; редкий — ritka; голубь — galamb; среда — szerda; четверг — csütörtök; пятница — péntek и др.

* * *

С 970 по 997 год одним из властителей Венгрии был Геза I («... сам он не был христианином, но допустил миссионеров проповедывать христианство и позволил Адальберту, апостолу пруссов, окрестить своего сына *Стефана I*»¹) (Иштвана. — А. Г.).

Принятие христианской религии, сыгравшее в свое время для Венгрии прогрессивную роль, явилось одним из следствий становления феодального строя и привело к созданию централизованной королевской власти, к ускорению перехода земли в частное владение. Сто с лишним лет крещение вызывало большое сопротивление в Венгрии. Венгерские дворянские и буржуазные историки старались свести это сопротивление только к борьбе между языческой и христианской религиями. Или, в лучшем случае, они видели в этом борьбу прежних глав племен (Коппана, Айтона и позднее короля Шамуэля Абы) против королевской власти, стремившейся перейти к новым общественным формам, основанным на частной собственности. Венгерские историки старательно игнорировали тот факт, что Дьюла и Айтонь приняли христианство раньше Вайка (Иштвана), но, будучи властителями Южной Венгрии, они приняли крещение не от Рима, а от Византии. Бесспорно, что в восстаниях Дьюлы и Айтона, наряду с приверженностью к родовому строю, немалую роль играла и византийская (болгарская) ориентация, сопротивление влиянию римско-католической церкви (императору Священной Римской империи) и вторгавшимся в Венгрию немецкому и итальянскому духовенству и рыцарству.

«...*Стефан Святой*: (Иштван. — А. Г.) имел немецкую гвардию, призвал монахов и духовных; ... подавил немецкой гвардией своих собственных родственников в Семиградьи»², — указывает Марк в своих хронологических записях.

В результате этой борьбы между сторонниками западной и восточной ориентаций, по воле короля Иштвана, создателя венгерского государства после его смерти королем Венгрии должен был стать не законный престолонаследник Васой, а ориентирующийся на Рим — Петер. Васоя (Вазула) Иштван повелел ослепить и налить ему в уши расплавленный свинец. Сыновья Васоя (Вазула), Андраш и Левенте, были вынуждены искать убежища при дворе русского князя Ярослава Мудрого. Андраш женился на дочери Ярослава, Анастасии. Там он и получил русское имя Андрей (Андраша). Даже семьдесят лет спустя продолжалась еще эта борьба за престолонаследие: «1071. ...В Венгрии в это время власть была поделена между *Гейзой II* (сыном Бельи I) и *Соломоном* (сыном Андрея I); первый склонялся к грекам и их религии, второй к немцам и их вере»³.

Все обстоятельства принятия христианства, причем римско-католической веры, мы разбирали в данном случае так подробно, чтобы объяснить особенности развития венгерской поэзии. Потому что католические властители, вместе с наводнившими Венгрию немецкими и итальянскими попами, огнем и железом искореняли устные предания венгерского народа, — его песни, стихи и, вероятно, древний эпос. Народных певцов, игрицов и кобзашей (чьи названия также, как мы видим, происходили от славянского корня) власти преследовали.

Стремившаяся к мировому господству орда римского католического духовенства, космополитическая по своей сущности, презиравшая все национальные культуры и языки, за несколько столетий сумела истребить древний венгерский фольклор так, что почти не сохранилось даже его следов.

«Мы, венгры, не столь счастливый народ, чтобы иметь возможность гордо указывать на древние корни нашей литературы, на народный наивный, но все-таки национально-самостоятельный эпос, — горестно писал Янош Арань в 1856 году в своем труде «О венгерском стихосложении». — Мы только понаслышке знаем о тех песнях, которые распевались за столами Арпада, Эндре и Матьяша, но мы не можем повторить ни одной их строчки, не можем напеть ни одного звука этих песен».

Устное поэтическое наследие венгерского народа, его песни, сказания неперестанно подвергались жестоким гонениям со стороны католического духовенства и венгерских феодалов.

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 73.

² Там же.

³ Там же, стр. 82.

Государственным языком, языком летописей и церкви в Венгрии стала латынь. Только из латинских летописей знаем мы, что были венгерские сказители, которые в песнях рассказывали о деяниях предков. Венгерский историк Анонимус, писавший на латыни, примерно в 1200 году, в своей летописи рассказывал с презрением: «Низкий люд изучает историю своего прошлого по лживым сказкам и глупым песням сказителей». А в конце летописи, защищая правдивость своих слов, он гневно восклицал: «Если вы не верите моим словам, то поверьте болтливым песням сказителей, суетным сказкам крестьян, которые до нынешнего дня не забыли о героических деяниях мадьяр».

Эти летописцы с презрением говорили о «болтливых» крестьянских сказителях, хотя некоторые легенды, относившиеся к древней истории мадьяр, они перенимали у них дословно и только переводили на латинский язык.

Существовали ли в ту пору поэты, хотя бы даже среди венгерских священников, — ведь грамота в то время была привилегией духовенства, — которые писали стихи на венгерском языке, об этом ничего не известно. Первым свидетельством венгерской письменности, кроме нескольких случайных венгерских слов в латинской летописи, является сохранившаяся с конца XII века так называемая «Надгробная речь».

Первый венгерский поэт, имя которого (а не стихи) дошло до нас, это — Лёринц Энекеш, живший во второй половине XIII века. Известно имя еще одного поэта — Габора, который жил в XV веке и слагал «прекрасные песни на радость своим соотечественникам».

Историк Джалеотто (1427—1497), живший при дворе короля Матьяша и писавший на латыни, рассказывал: «...есть музыканты, игрицы, которые воспевают героические подвиги витязей на отечественном языке... Венгерцы, дворяне ли, крестьяне ли, все говорят одинаково, потому-то и песни, сочиненные на венгерском языке, равно понятны и крестьянам и дворянам».

Только одно столетие отделяет Джалеотто от того времени, когда были созданы первые венгерские стихи, сохранившиеся уже для потомства (Шебештьена Тиноди Лантоша, Петера Борнемиссы, Балинта Балашши). А все те героические песни, о которых упоминает Джалеотто, исчезли.

Слова Джалеотто о венгерском языке, поэзии и героическом содержании песен очень важны при исследовании корней демократических традиций венгерской поэзии.

Венгерские поэты писали на языке народа, и они призывали свой народ к борьбе против чужеземных угнетателей. Поэты XVI века, стихи которых нам уже известны, следовали за ними. Лучшие представители венгерской поэзии пронесли до наших дней языковые и идейные традиции своих первых поэтов. А те поэты — их было, правда, немного, — которые отошли от этих традиций, остались за пределами большой поэзии.

III

В середине XVI века западной Венгрией управляли уже ставленники германо-римского императора Фердинанда, а замок Буды был в руках турок. Венгерские же бедняки, у которых не осталось ничего, «кроме их избитых тел»¹, измученные, взирали на разбой, творимый угнетателями и чужеземными захватчиками. Уже в 1527 году — через тринадцать лет после крестьянского восстания Дожи — возле Тиссы снова вспыхнуло крестьянское восстание. В 1562 году поднялись крепостные на земле секеев. В 1573 году двадцать тысяч хорватских крепостных выступили под руководством Мате Губицы против венгерских помещиков, обрекавших их на голодную смерть. И в результате крепостных вешали, жгли на кострах — наемные войска феодалов подавляли этим силы сопротивления страны чужеземным захватчикам.

Города пришли в упадок, и вместе с ними рушились и очаги культуры. В реакционной «Тройной книге» Вербёци промышленность и торговля были заклеены как «занятия, не совместимые с дворянским достоинством». Все города вместе взятые имели в дворянском собрании один голос.

Безудержный произвол феодальных господ становился все более невыносимым. Изодня в день росла внутренняя сумятица, а вместе с ней росли обнищание и отчаяние. Все больше исчезали усло-

¹ Из текста закона, принятого в 1535 году на венгерском дворянском собрании.

вия, необходимые для производительного труда. «Феодалы не выступали против чужеземных врагов, но тем беспощаднее пользовались своими клинками... против слабых»¹.

Немецкие поработители угоняли с захваченных ими венгерских земель десятки тысяч голов скота на венскую ярмарку. Большая часть венгерских магнатов готова была склониться перед Австрией, питая надежду, что за это австрийские войска защитят их от мятежного крестьянства и от протестантского бюргерства. Только немногие феодалы Венгрии не желали склонить голову перед Австрией и вступали в бой за независимость Венгрии.

Венгерское войско, бывшее в найме у немецких феодалов и отражавшее новый натиск турок, строило в пограничных крепостях планы «освобождения и от немцев».

Бродячие певцы, «которые иногда жили неплохо, а иногда бывали биты палкой», прославляли в своих песнях борьбу народа, оплакивая страдания, «печаль» Венгрии.

В эту суровую эпоху социальной и национальной борьбы были учреждены первые венгерские печатни. Первая печатня была основана в 1473 году в Буде, затем в 1529 году в Надьсебене, в 1539 году — в Шарваре. В 1527 году вышла в Галиции первая венгерская «Грамматика». Поэт и реформатский проповедник Петер Борнемисса (1535—1585) учредил типографию, чтоб отпечатать первый перевод библии на венгерский язык. В сохранившемся книготорговом списке за 1583 год среди шестисот двадцати трудов уже стоят сорок пять названий венгерских книг, в числе их и сказания в стихах.

А венгерские дворяне в это время совершали паломничества в Вену. В стране хозяйничали немецкие наемники, турецкие полчища наступали; бюргеры, не видя иного спасения, обращались за помощью к реформированному богу. Крепостные убегали в леса. Эрдей, стиснутый между немцами и турками, старался добиться независимости путем различных ухищрений. В это же время появились в Венгрии первые иезуиты Игнатия Лойолы. Такова была жизнь несчастной венгерской земли в XVI веке.

И поэтому не удивительно, что одно из первых, дошедших до нас произведений венгерской поэзии, стихотворение Петера Борнемиссы звучит горестной жалобой:

От немца чванного мне просто нет житья,
Средь турок-нехристей проходит жизнь моя.
О буду ли я вновь в любимой Буде жить? ² —

и за ним следуют стихи Балинта Балашши:

О, как несчастен я,
Вся молодость моя
Повита хмурой мглой.
Как трудно к моему
Привыкнуть мне ярму.
Оставил за собою
Я радость прежних лет,
Влеком в пучину бед
Печальною судьбою ³.

IV

Читая стихи Петера Борнемиссы и прекрасные, живые по сей день стихи Балинта Балашши, трудно себе представить, что у этих поэтов не было предшественников. Возможно, что их поэзия явилась «скачком» в венгерском стихосложении, но для этого скачка надо было откуда-то оттолкнуться, откуда — вопрос немаловажный.

¹ А ч а д и. История венгерского крепостного крестьянства.

² Перевод Н. Чуковского.

³ То же.

Антал Серб в своей «Истории венгерской литературы» утверждает, что «венгерская литература в сущности дочь латинской литературы... До принятия христианства у венгерской литературы не было никаких традиций. Венгерское стихосложение возникло из переводов средневековых латинских гимнов...» И в заключение Серб приходит к выводу: «На протяжении тысячи лет христиан и венгерец означало одно и то же».

Антал Серб и другие историки литературы, преклонявшиеся перед высшим духовенством и католическими магнатами, исказили факты для того, чтобы доказать, что католицизм — убийца венгерской культуры — являлся ее источником и вдохновителем.

Антал Серб и его соратники, верно, забыли о презрительном смехе католического епископа Геллерта, когда он услышал песни, которые пели венгерские девушки, вращая ручную мельницу: «Вальтер! Ты слышишь, как звучат песни венгров?» И они оба стали смеяться над этими песнями («Жизнь святого Геллерта». Кодекс XV века).

По мнению Антала Серба и его единомышленников, «аристократическая культура явилась гораздо больше, чем только ступенью в развитии национальной литературы... Венгерская поэзия порождена ею, она и в дальнейшем разговаривала на ее языке».

Реакционные буржуазные историки забыли и о том, что писал выдающийся венгерский поэт и ученый Янош Арань: «Нашими добрыми старыми стихотворцами руководило не что иное, как народные мелодии и невольно звучащие в них ритмы народных песен».

Достаточно в промежутке между чтением двух стихов Балинта Балашши прочесть венгерскую народную песню пятисотлетней давности, чтобы согласиться со словами Яноша Араня, а не с католическими космополитическими утверждениями Серба, Пинтера, Михая Бабыча:

Там, где прохожу я,
И леса грустят —
Листья с нежных веток
Вслед за мной летят,
Плачутся тропинки,
И вздыхает мох...
Отовсюду слышу:
«Спаси тебя бог!» ¹

Или вот еще отрывки (к сожалению, только отрывки) стихов, написанных до Борнемиссы и Балашши. Стихи эти убедительно доказывают, что католическая латинская поэзия не была прародительницей венгерских стихов, что венгерская поэзия началась патриотическими произведениями.

Школяр Гести Ласло в год больших невзгод
Сложил эту песню... Тяжек был он, тот
Тысяча пятьсот двадцать пятый год:
Крепости пылали, враг был у ворот! ²

Или отрывок стихотворения, написанного в 1515 году:

Деметр Чато, печалась весьма за отчизну свою,
Сочинил в Силадьшаге прискорбную песню сию
В дни, когда много венгров погибло в бою ³.

Какое отношение имеют эти поэты и эти стихи к космополитическим, лишенным национального своеобразия, католическим религиозным песнопениям, буйно разросшимся под эгидой папской диктатуры?

¹ Перевод Л. Мартынова.

² То же.

³ То же.

В тот год, когда Венгрия утратила свою самостоятельность (1526), было создано стихотворение, которое является лучшим ответом на лживые слова всех буржуазных мракобесов:

Ты не связывайся с попом,
Ибо, если войдет он в твой дом —
Завладеет твоим кошельком,
Дочь твою соблазнит он тайком, —
Так поступит с тобой, простаком! ¹

Обманут, обесчестят твою дочку, отнимут деньги и отнимут, убьют твою душу, твои песни!

Истина заключается как раз в том, что венгерская поэзия развивалась и сохранилась, вопреки космополитическим католическим стихам, противостоя им.

Если же покопаться в переводах латинских песнопений на венгерский язык, то и среди них можно встретить такие строчки, которые несомненно являются венгерскими любовными стихами, облаченными поневоле в религиозное одеяние. Да и что еще оставалось делать венгерским поэтам, переводчикам католических кодексов, которым грозило бы отлучение от церкви, тюрьма и смерть, если бы они посвящали свои любовные стихи не богородице.

О невинные и чудесные
Очи,
О сияющие лица,
Озаренные румянцем,
О волос великолепных
Золотящиеся пряди,
Нам вы радуете сердце,
Озаряя
Наши лица! ²

(Тиханьский кодекс, XV век.)

Что это за строчки? Это первые, сохранившиеся венгерские любовные стихи.

В кодексе Телеки описаны волосы, брови, зубы, тело девы Марии: «Кожа Марии ни бела, ни темна, ни красна, цвет ее смешение всех этих цветов... а у таких женщин очень приятный нрав, они всегда веселы».

В своем исследовании «Наивный эпос» (1856) Янош Арань пишет: «Один документ нашего последнего короля Эндре (XIII в.) свидетельствует о том, что королевским певцам (которые пели по-венгерски. — А. Г.) предоставлялись целые поместья. Был у нас свой наивный эпос, и он, как любое произведение народной поэзии, появился в поэтической форме... Поэтическое чутье народа — это вовсе не только современное свойство, оно существовало всегда. Когда письменная поэзия отделилась от устной народной поэзии и стала презирать ее, то этим самым она лишила себя твердой почвы».

Анталы Сербы, Йене Пинтеры, Михаи Бабичи в согласии с своими католически-космополитическими взглядами на искусство выбросили из венгерской литературы всю устную народную поэзию для того, чтобы беспрепятственно притти к латинским песнопениям, как истоку венгерской поэзии. Им мешала даже подлинная национальная самобытность поэзии Балашши, так что они предпочли поставить под сомнение оригинальность его стихов. Они усердно доказывали, что стихи Балашши написаны под влиянием итальянской, новолатинской, польской, турецкой, немецкой и хорватской поэзии. Нашлись и такие «исследователи», которые все стихи Балашши сводили к переводам с иностранного языка. Таким образом они пытались ликвидировать национальное значение творчества первого крупного венгерского поэта.

Большей части высшего венгерского католического духовенства и магнатов-католиков не было никакого дела до национальных традиций, еще меньше дела было им до венгерского народа. Для них важна была не венгерская земля, а то, что можно было присвоить себе из ее урожая. На протяжении ряда веков высшее католическое духовенство и аристократы говорили по-латыни и по-немецки, даже не помышляя о том, чтоб научиться венгерскому языку.

¹ Перевод Л. Мартынова.

² То же.

При феодально-католическом строе поэт, писавший на родном венгерском языке, мог служить только предметом насмешек. Его награждали голодом, унижением, гонениями.

С трудом терпели венгерские господа даже сторонника императорской партии Шебештьена Тиноди Лантоша (1505—1556), воспевавшего на венгерском языке борьбу против турок. Правда, не в малой мере раздражало их еще и то, что этот «певец» советовал господам не мучить народ.

В феодальной Венгрии каждый, решившийся стать поэтом, смело мог поставить эпитафией ко всей своей жизни заключительные строки стихотворения Шебештьена Тиноди Лантоша: «Али-паша из Буды»:

Эта повесть в добром Коложваре
В превеликой сложена печали;
В комнате с остывшими печами
Отпечатана Тиноди Шебештьеном,
Согревал он пятерню своим дыханьем, —
Ибо не было гроша в его кармане ¹.

V

«Конечно, элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический, — пишет товарищ Сталин. — Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях» ².

Находившиеся во время правления Матьяша еще в зачаточном состоянии города, бюргерство, вольное крестьянство и феодально-зависимое крестьянство, то есть элементы, представлявшие «потенцию в смысле возможности образования нации», с трудом находили себе дальнейшее развитие вследствие тех процессов, которые произошли в Венгрии после того, как была ослаблена центральная королевская власть, подавлено крестьянское восстание и утрачена независимость страны.

Венгерские поэты, выражая чувства угнетенного народа, подняли голос протеста против своих и чужеземных угнетателей.

Венгрия второй половины XVI века вправе гордиться не только поэзией Балашши, но и всем богатством поэзии, расцветшей в эту эпоху. Одна за другой появились летописи в стихах, героические песни и предназначенные для масс песенники. Разнообразие поэзии этой эпохи было необычайным.

Гашпар Хелтаи (1520—1574) писал басни, в которых высмеивал жестокость феодалов и жадность католических священников. Альберт Дьёрдей (о жизни его нет никаких сведений) написал и издал первую венгерскую сказку в стихах — «Королевич Аргилиус», в которой фигурируют великаны и феи. Герой сказки после долгой и мучительной борьбы достигает, наконец, своего счастья. (Мотивы из этой сказки заимствовали Вёрёшмарти в пьесе «Чонгор и Тюнде» и Петефи в поэме «Витязь Янош».) В эту же пору вышла в свет стихотворная история Бана Банка, летопись в стихах о короле Матьяше, песни о национальном герое Пале Кинижи. В эту пору Петер Илошваи Шеймеш (род. 1500) создал рассказ в стихах о национальном герое Миклоше Толди. И все это писалось на народном языке и для народа, поэтому не случайно, что поэты XIX века, борцы за национальное и социальное освобождение Венгрии — Катона, Вёрёшмарти, Петефи, Арань — немало черпали из этого материала.

* * *

Реформация и связанная с ней конфискация церковных земель оказалась выгодной и крупным феодалам, которые, перейдя в протестантство, завладели поместьями высшего католического духовенства.

Но так как и среднепоместное дворянство захватило земли приходских священников, то католическое духовенство в целом встало на сторону Габсбургского дома и ждало момента, чтобы

¹ Перевод Л. Мартынова.

² И. Сталин. Сочинения, т. 11, стр. 336.

с его помощью снова обосновать свою экономическую, а следовательно, и политическую и духовную власть. И Габсбургский дом не заставил себя долго ждать. Сперва он атаковал комитаты, расположенные близ австрийской границы, потом борьба разгорелась во всей стране. Венгерские феодалы и большая часть дворянства, пребывавшие в постоянном страхе перед крепостным крестьянством и даже перед бюргерством, с готовностью вступили на путь компромисса (исключение составляли такие крупные феодалы, как Иштван Бочкаи (1556—1606), Габор Бетлен (1580—1629) и Дьёрдь Ракоци I (1591—1648), которые вели войны против Габсбургов). Часть земли, отнятой у католического духовенства, была ему возвращена. Контрреформация с невиданной быстротой вернула венгерских дворян, а вместе с ними и крепостных, которые обязаны были придерживаться религии своих господ, в более безопасное для феодалов лоно католической церкви, возглавляемой Габсбургами. Уже в начале XVII века «господа, боясь за свою жизнь и состояние... искали опоры в Вене и стали слепыми орудиями Австрии»¹.

В 1561 году в Венгрию пришли иезуиты. В 1567 году их изгнали, через двадцать лет они явились снова, и теперь уже «рыцари ордена великого капитана Иисуса» победоносно завоевали почти всю страну. Главарем их был кардинал Петер Пазмань (1570—1637).

В типографиях стали печатать «религиозные рассуждения, церковные псалмы, утешительные бальзамы, различные духовные снадобья» и т. д. Эти мракобесные книги вытеснили скорбные патристические стихи Балинта Балашши, героические песни о Пале Кинижи и направленные против господ басни Хелтаи.

В стране, распавшейся на три части (одна часть была захвачена турками, другая — немецкими феодалами, в третьей образовалось эрдейское княжество), самым тяжелым было положение крестьянства.

В 1618 году на оккупированной императором территории венгерские магнаты передали австрийцам охрану пограничных крепостей. Дескать, пусть австрийцы защищают Венгрию, пусть они держат армию. Кроме «обдирания крепостных», венгерские господа не соглашались брать на себя никакой «повинности».

В 1686 году под предводительством австрийцев был освобожден замок Буды. Из Венгрии постепенно стали вытеснять турок. Но после их изгнания положение крестьянства стало еще более тягостным.

Поэзия, созданная в XVII и начале XVIII века, скудна, как само это время. Только два значительных поэта представляли ее: Миклош Зрини (1620—1664) и Иштван Дьёндьши (1629—1704).

Миклош Зрини относился к тем немногим венгерским феодалам, которых волновала судьба родины. Он предвидел, что если турки будут изгнаны из Венгрии с помощью австрийцев, то страна подпадет под еще более тяжелое габсбургское иго. Для предотвращения этого Зрини хотел создать самостоятельную национальную армию. Он воспевал короля Матьяша, сумевшего основать централизованное государство с единой армией. Зрини написал книгу «Горестная жалоба», направленную против немецких захватчиков, и книгу «Целебное средство против турецкого дурмана», а также поэму «Сигетское бедствие», — но венгерские феодалы оставались равнодушными к его словам. Не проявил равнодушия один только австрийский двор: когда Зрини стал им уже слишком в тягость, то «он потерял жизнь во время охоты на дикого кабана». Но в венском императорском дворце висел кинжал, на котором было написано: «Сей кабан и убил Миклоша Зрини».

Это событие было только прелюдией к трагедии семейства Зрини. За семьдесят лет весь род Зрини был истреблен — одних прямо уничтожили, другие умерли в изгнании. Семейство Зрини выдвинуло целый ряд виднейших борцов за национальную независимость Венгрии. Отпрыском этого рода был и сам Ференц Ракоци II (1676—1735), который стал вождем величественной национально-освободительной войны против австрийского гнета (1703—1711).

¹ А ч а д и. История венгерского крепостного крестьянства.

* * *

На знамени Ференца Ракоци II было начертано: «За родину, за свободу». Под этим стягом сплотились венгерские, украинские, румынские и словацкие крестьяне. Восставшие крестьяне надеялись на освобождение от крепостного права. Руководитель «рваной гвардии» Тамаш Эссе писал «вождю-властителю» Ракоци: «Мы умоляем в надежде на то, что те крепостные, которые верно служат с оружием в руках вашей милости, крепостными после этого не будут... ведь борьба началась против угнетателей бедного люда».

Веротерпимость, гуманное отношение к крепостным, стремление создать постоянную национальную армию, вся политика в области экономики и культуры, попытка сплотить в единый фронт население страны — все это указывает на то, что Ракоци стремился к переустройству Венгрии на новых началах. Он учреждал государственные мастерские, обучал юношей ремеслу, привозил из-за границы квалифицированных рабочих и инженеров.

Стержнем и движущей силой восстания Ференца Ракоци II были крепостные крестьяне, мелкие и среднепоместные дворяне и, правда, очень немногочисленное городское бюргерство. Венгерский народ поднялся, чтоб свергнуть господ, чуждых народу, чтобы изгнать немецких захватчиков и создать национально самостоятельную Венгрию. Бодро, задорно звучала песня куруцев, как называли повстанцев Ракоци.

Палко Чином, Янко Чином,
Карабин мой костяной,
Патронташ мой шелковистый,
Пистолет мой нарезной.

Для печали нет причины, —
Нынче в Альфельд мы идем,
Чванных немцев-иностранцев
Расколоти, разобьем!

Мы покажем иностранцам,
Мы докажем им в бою
Силу нашего народа,
Честь солдатскую свою!¹

Но уже в 1704 году Ракоци под давлением дворянства, которое он хотел привлечь на сторону национального восстания, строго карает крестьян, отказывающихся от выполнения своих феодальных повинностей. Он оставляет в неприкосновенности и весь институт крепостничества и терпит, что во главе армии стоят бездарные и враждебные крестьянству генералы. Эти и подобные антикрестьянские мероприятия сломали воодушевление крестьянства. Оно поняло, что восстание ведется уже не в его непосредственных интересах. Между крестьянством и дворянством образовывалась все большая пропасть. Крестьяне уже равнодушно взирали даже на то, что на Онодском сейме (1704) среднепоместные дворяне лишили престола Габсбургов и объявили Ференца Ракоци II властителем страны.

Ракоци оказался меж двух огней.

С одной стороны, крупные венгерские феодалы стали на сторону Габсбургов. Высшее духовенство во главе с эстергомским архиепископом грозило Ракоци отлучением от церкви. С другой стороны, крестьянство все больше и больше отстраняли от национально-освободительной войны. Ракоци это ясно видел. И в 1709 году он издал указ, согласно которому все крестьяне, принимавшие участие в освободительной войне, получают полную свободу и ряд льгот. Но этот указ был издан слишком поздно. Он не сумел придать новых сил гибнущему движению. И после восьми лет боев, побед, поражений, предательства восстание, руководимое Ференцем Ракоци II, в 1711 году было окончательно подавлено.

¹ Перевод М. Исаковского.

* * *

Несчастные, печальные столетия переживал венгерский народ. «Меж двух врагов,— говорила песня, — за одну отчизну кровь свою он проливал».

В эту эпоху подлинная народная венгерская поэзия нашла себе прибежище среди босых и оборванных людей, среди борцов за свободную Венгрию. Ни одна эпоха в истории Венгрии не создала такой могучей, такой прекрасной народной поэзии, как эта так называемая эпоха куруцев. Эпоха куруцев не ограничивается только восстанием Ракоци. Первыми куруцами, борцами за свободу и независимость своей родины были войска Дьёрдя Дожи— крестьянские революционеры. Они первые стали называть себя куруцами.

Народные песни и баллады куруцев оказали огромное влияние на развитие письменной венгерской поэзии. В XX веке мотивы поэзии куруцев по-новому зазвучали в революционных стихах Эндре Ади.

И на самом деле, где выразился полней душевный мир народа в ту пору, чем в куруцеской «Песне Якоба Буги»:

Что, земляк, печалишься, что глядишь с тоскою?
Бог господь поможет — станет жизнь другою.
Солнышко пригреет — луг зазеленеет,
Мы по белу свету вновь пойдем с тобою.

Доломан мой порван — тело видно стало,
На штанах заплаты — не сочтешь, пожалуй,
Шляпа так свалялась, что пиши пропало,
Ветхий полушубок лоснится от сала.

Корма нет, и лошадь в клячу превратилась,
На седле давно уж стерлись украшения,
А на дом посмотришь: крыша провалилась,—
Всюду запустенье, всюду разрушение¹.

(1650)

Безвестные авторы этих стихов прекрасно знали,— ведь они были подлинными представителями венгерского народа, — кто повинен в поражении Венгрии, в поражении Ракоци и Тёкёли.

А под Варадом бедняг легло немало,
Но ведь даже солнце не видало
Крови барской капли ни единой —
Ни единого не пало господина.

Доброе бы дело это было,
Венгрию спасти бы можно было, —
Если бы не эти господа бы!
Мы тогда бы не были так слабы,
Если бы господ коварных гнали,—
Мы бы поражения не узнали!
Мы бы не погибли, не пропали!²

(1711)

Боевая национально-освободительная традиция стихов Борнемиссы «От немца чванного мне просто нет житья!» и Балашши «Как трудно к моему привыкнуть мне ярму» нашла себе достойное продолжение в стихах куруцев. И в конце XVIII века Бачани, Фазекаш и Чоконани, в середине XIX века Вёрёшмарти, Петефи, Арань, в начале XX века Эндре Ади, затем Аттила Йожеф, венгерские поэты, пролетарские революционеры, боровшиеся за освобождение Венгрии, из поколения в поколение воспринимали эту боевую традицию.

¹ Перевод М. Исаковского.

² Перевод Л. Мартынова.

* * *

Восстание Ракоци потерпело поражение. Куруцы проклинали в своих песнях изменников венгерского народа. По вине изменников — феодалов и высших католических священников — для венгерского народа настали еще более тяжкие десятилетия. Даже реакционные историки венгерской литературы не могли скрыть все те ужасы, которые творились после поражения национально-освободительной войны Ракоци.

«Бюргеры и крестьяне,— писал один из историков,— вынуждены были безропотно терпеть, чтоб солдаты из года в год жили в их домах, целые города и села беззащитные бились под сапогом немецких солдат... Исправник, помещик, управляющий, поп и деревенский судья составляли списки, согласно которым угоняли несчастных крестьян в пожизненную солдатчину».

А что представляла собой для венгерца австрийская солдатчина? В период царствования «гуманной» Марии Терезии (1717—1780) беспощадному избиению рядовых был «положен предел». Согласно новому указу рядовым нельзя было наносить больше двадцати пяти палочных ударов. А во время пропускания сквозь строй «приговоренного нельзя было пропускать больше чем через сто человек. И бегать туда и обратно он мог не больше шести раз». Словом, розгами или шпипрутенами разрешалось наносить не больше шестисот ударов.

Так какое дело могло быть венгерскому народу до стихотворения барона Ласло Амадэ (1703—1764), который в это время писал о жизни в австрийской солдатчине:

У красивого солдата
Жизнь сплошное торжество,
Золотится,
Серебрится
Амуниция его!
Жизнь чудесна,
Жизнь прелестна,—
Лучше нет ни у кого!¹

Таким способом вербовал в армию генерал барон Амадэ. Народ же попрежнему пел рекрутскую песню куруцев:

Пусть же немцы уберутся
Поскорее с наших глаз.
А не то, такое будет —
Не пеняют пусть на нас!²

(1703)

VI

После того как австрийские войска с помощью венгерских феодалов подавили национально-освободительное восстание Ференца Ракоци II и Тамаша Эссе, победители конфисковали все имения Ракоци. Эти поместья вместе с землями, освобожденными от турок, составляли огромный земельный массив — около четырех-пяти миллионов гектар. Австрийский царствующий дом позаботился, чтоб эта земля попала в «надлежащие» руки. Получили свою долю венгерские дворяне-изменники родины,— им были вручены имения вместе с герцогскими и графскими титулами,—австрийские офицеры, венские предприниматели и католические священники. Только венгерским крестьянам не досталось ничего.

Новая аристократия с первого момента ее появления играла предательскую роль в жизни страны, была равнодушна к судьбам своего народа. Она стала зачинщицей всех мероприятий Австрии, направленных на ограбление венгерской нации. Лозунг этих новоиспеченных аристократов был: «Пусть грабит император, лишь бы нам не мешал грабить!»

¹ Перевод Л. Мартынова.

² Перевод М. Исаковского.

Решением австрийского государственного совета от 1740 года Венгрия обязана была поставлять в Австрию сельскохозяйственные продукты и сырье для того, чтобы в Австрии успешнее развивалось промышленное производство. Это решение окончательно закрепило колониальное положение Венгрии. Ничтожная и едва влачившая свое жалкое существование венгерская промышленность была обречена почти на полную гибель.

В 1777 году в Венгрии при населении около восьми миллионов человек в промышленности работало всего лишь тридцать тысяч, считая ремесленников вместе с подмастерьями и учениками. А экспорт сельскохозяйственных продуктов непрерывно возрастал, хотя никакие новые методы обработки земли не вводились: венгерские крепостные обрабатывали свою землю теми же способами, что и их предки пятьсот лет тому назад.

И несмотря на это, и экспорт хлеба все возрастал; если в 1764 году в Австрию вывозили восемьсот девяносто семь тысяч мер пшеницы (одна мера равна шестидесяти двум литрам), то в 1780 году уже вывозили миллион четыреста девятнадцать тысяч мер.

О колониальном положении Венгрии ярче всего свидетельствует жалоба скототорговцев в венгерский сейм: «...пошлины увеличились настолько, что, пока скот доберется до Вены, торговцы теряют каждую третью голову... Дальше Вены скот гнать запрещено... так что даже остающаяся ничтожная прибыль достается владельцам венских боен... С нами очень часто вовсе не расплачиваются, если же мы начинаем требовать причитающиеся деньги, то нас заключают в тюрьмы». Это уже не только слова жалобы, но и протест против национального угнетения.

«Основной вопрос для молодой буржуазии — рынок, — говорит товарищ Сталин. — ...Рынок — первая школа, где буржуазия учится национализму»¹.

Мария Терезия и впоследствии ее сын Иосиф II пытались провести кое-какие крестьянские реформы. Эти реформы, — впрочем, никогда до конца не осуществленные, — выпущдались прежде всего непрерывными войнами, которые вела Австрия. Необходимо было увеличивать и оснащать австрийскую армию, а также повысить платежеспособность населения империи, в том числе и венгерских крепостных крестьян. Это было важно еще и потому, что венгерское дворянство не платило налогов.

«Овец надо кормить, если мы хотим их стричь», — говаривала Мария Терезия. В этих словах были заключены все экономические принципы «просвещенной» императрицы.

Мария Терезия тщательно заботилась и о том, чтобы юные венгерские аристократы и дворяне получали в Вене «соответствующее образование». Она хотела воспитать их верноподданными гвардейцами. Однако венгерская дворянская молодежь, попадавшая в лейб-гвардию императрицы, знакомилась в Вене не только с придворным этикетом, но и с внутренним положением Австрии, которая по сравнению с Венгрией стояла на более высокой ступени экономического развития. Молодые лейб-гвардейцы имели возможность познакомиться там и с произведениями французских просветителей, и нет сомнения, что им случалось встречаться и с отчаявшимися венгерскими торговцами, которые «учились национализму» в «школах рынка». Вена помогла этим лейб-гвардейцам увидеть угнетенное состояние их родины.

Мария Терезия положила начало организации единой централизованной австрийской абсолютистской державы. Ее сын, Иосиф II, продолжил начинание своей матери с удвоенной силой. Национальные противоречия в своей многонациональной державе Иосиф II пытался ликвидировать очень «несложным» путем: он стал вводить повсюду, в том числе и в Венгрии, обязательный немецкий язык и настойчиво проводить политику ассимиляции угнетенных наций. С 1784 года преподавание в венгерских школах разрешалось вести лишь на немецком языке, и в гимназии принимали только тех мальчиков, которые владели им. Административным языком стал также немецкий, так что на службу принимались только люди, знавшие его. Все эти мероприятия проводились в то время, когда немецкий язык был доступен в Венгрии даже в университетах только одной десятой части студенчества.

¹ И. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 305.

Политика языковой ассимиляции не увенчалась успехом. «...нации и национальные языки, — пишет товарищ Сталин, — отличаются чрезвычайной устойчивостью и колоссальной силой сопротивления политике ассимиляции»¹.

Иосиф II хотел предать венгерский язык смертной казни, но этим самым он содействовал пробуждению национального самосознания и порождению национальных движений в широких массах венгров. Образовался «фронт» национального сопротивления. В него вошли представители самых различных социальных слоев, люди самых различных интересов. Все они объединились под стягом защиты родного языка.

Националистические стремления Иосифа II, его попытки добиться путем буржуазных реформ и языковой ассимиляции создания единой австрийской державы пробудили с особенной силой национальные чувства венгерцев, вызвали острую борьбу за создание национальной литературы, за развитие национального литературного языка.

На зарождавшееся венгерское литературное движение наложили свой отпечаток два направления: реакционное дворянское направление, которое во имя завоевания «древних свобод», под которыми подразумевались дворянские привилегии, выступило против реформ Иосифа II под знаком защиты родного языка, и просветительское направление, объединившее сторонников освобождения крестьянства и образования национального государства, считавших венгерский язык одним из залогов создания венгерского буржуазного общества.

Последствия борьбы этих двух направлений сказались не только в том, что писатели распались на два, подчас резко враждебных друг другу лагеря, но и в том, что даже у отдельных писателей возникали противоречия между их литературными и политическими взглядами.

Позднее столкновение двух лагерей в литературе происходило большей частью не из-за различия взглядов на освобождение крестьянства, а на литературной почве, в связи с вопросами так называемого обновления языка, стиля, отношения к народной песне и т. д.

Говоря о двух направлениях, не следует забывать и о том, что политика Габсбургов до и после французской революции была совершенно различной. Новое венгерское литературное движение началось еще перед французской революцией 1789 года, и в начальный его период в борьбе за защиту венгерского языка выступали все венгерские писатели вне зависимости от того, каких политических взглядов они придерживались.

В 1779 году в Пеште было создано «Венгерское патриотическое товарищество», но Иосиф II не разрешил ему развернуть свою деятельность. Была учреждена первая публичная библиотека, затем в 1792 году — библиотека, выдававшая книги на дом. В 1784 году в Буде состоялось первое театральное представление на венгерском языке. Играли, правда, немецкие актеры, причем они так скверно произносили венгерские слова, что «зрители хохотали» в самых трагических местах. В 1790 году в Буде была создана первая венгерская театральная труппа. За шесть недель она разучила и поставила девятнадцать пьес. В 1789 году был учрежден первый венгерский литературный журнал «Мадьяр Музеум». Редакторами его были поэты Янош Бачани и Ференц Казинци. К этому же времени относится рождение первой венгерской газеты «Мадьяр Хирмондо» («Венгерский вестник»), а в 1794 году стал выходить первый литературный альманах «Урания». В 1789 году был назначен в университет первый профессор венгерской словесности.

* * *

Первым представителем новой венгерской литературы, глашатаем идей буржуазного просвещения был лейб-гвардеец императора, поэт, драматург, автор философских сочинений Дьёрдь Бешшени (1747—1811).

Бешшени, хотя и ратовал за создание свободной, просвещенной Венгрии, но в силу своей сословной ограниченности считал еще естественными дворянские привилегии. Он протестовал только против дворянского произвола и требовал улучшения условий жизни крепостного крестьянства.

¹ И. Сталин. Сочинения, т. 11, стр. 347.

Бешпенеи первый поставил вопрос о необходимости развития национального языка и этим проложил дорогу для новой венгерской литературы. «Ключ нации — язык, причем родной язык каждой страны», — писал Бешпенеи.

С возмущением высказывался он о царившем в Венгрии пренебрежении к родному языку: «Я удивляюсь нашей нации, что она с таким равнодушием взирает на то, как забывают ее родной язык... Все нации познали науки на своем, а вовсе не на чужих языках...»

Наряду с борьбой за венгерский язык все больше людей пробуждалось к сознанию необходимости борьбы за национальную культуру. У некоторых передовых деятелей венгерской культуры, как, например, у поэта Яноша Бачани, сознание этого соединялось с идеологией революционного просветительства, с пониманием того, что борьба за национальное освобождение тесно переплетена с борьбой за социальное освобождение народа. Бачани первый грозно заговорил на венгерском языке с аристократией.

Вы божьей милостью мучители народа,
Чтоб знать свою судьбу, осмыслить суть событий —
Вы зоркие глаза к Парижу обратите! ¹

(1789)

Эти слова обличения и угрозы были ответом деятелей венгерской культуры на великие события, происходившие во Франции. Вместе с тем это был призыв к передовым людям Венгрии, обратить «зоркие глаза» к революционному Парижу и найти в себе силы последовать его примеру.

В ряды борцов за венгерский язык встал даже старый генерал от кавалерии граф Йозеф Гвадани (1725—1801). Провинциальный помещик, консерватор, не проявлявший ни малейшего сочувствия к закрепощенному люду своей страны, он, однако, встревожился, увидев, «что нация его стоит на краю гибели». Разумеется, Гвадани пугали прежде всего буржуазные реформы, грозившие его привилегиям помещика, но одновременно его возмущала австрийская политика «просветительства», носившая в сущности националистический характер и нарушавшая традиционный уклад венгерской «национальной» (дворянской) жизни. Гвадани поднял голос протеста против онемечивания Венгрии в своей поэме «Путешествие деревенского нотариуса в Буду». В этой поэме традиционным венгерским стихом описал он венгерскую природу, быт венгерских дворян, крестьян, представил в комическом свете аристократов, во всем подражавших немецкому дворянству.

Деревенский нотариус едет в Буду — столицу Венгрии. Он надеется увидеть там цвет венгерской нации.

В столице я искал всех лучших, всех избранных,
Мечтал увидеть их в богатых доломанах,
В расшитых кушаках на куртках златотканых,
И в алых, как заря, сапожках кордованных.

Так, рассказывают, встарь ходили предки наши,
Суровые в бою, веселые за чашей,
Обычай наш храня, чужое гнали взашей ².

А вместо этого он увидел немецкую одежду, услышал повсюду иностранную речь.

Противившийся всем реформам, всему новому, консерватор Гвадани защитой родного языка тоже в какой-то мере присоединился к фронту национального сопротивления.

Поэт-просветитель Михай Фазекаш (1766—1828) был борцом за создание национальной венгерской культуры. Всей творческой деятельностью он доказал свою глубокую любовь к венгерскому народу, к венгерской поэзии. В одном из своих стихотворений он с презрением плебея высказался о тех венгерских писателях, которые, стремясь создать национальную культуру Венгрии, искали для этого искусственные, далекие от народа пути, прибегали к заимствованиям из иностранных культур и даже к эстетским выдумкам.

Когда помазанных орава
Порой на Геликон плелась
И там за струны лир бралась
Петь языку родному славу,—
Я на простой своей дуде
В полях хвалил его везде! ¹

И за этим высказыванием Фазекаша скрывалась вовсе не приверженность к патриархальной традиционности. В этом высказывании выразилась вся его антидворянская, демократическая направленность, ярче всего проявившаяся в его знаменитой поэме «Мати Лудаш».

«Мати Лудаш» — первое острое антикрепостническое произведение венгерской литературы, в котором на чистейшем народном языке рассказывается о столкновении крепостного мальчика с феодалом, творящим произвол. Фазекаш не побоялся выдвинуть героем своей поэмы человека из народа, причем крестьянского бунтаря. Знаменательные слова Мати Лудаша:

Запишите на воротах, чтоб случайно не забылось,
Трижды вас побьет за это беспощадно Мати Лудаш ², —

долго звучали для трусливых венгерских помещиков лозунгом крестьянского бунта. Правда, это был лозунг стихийного выступления отдельных крестьян, не желавших больше терпеть помещичьего гнета. Но за словами отчаянного мальчишки Мати нельзя было не слышать отзвука грозных, сознательных и полных уверенности слов революционера Яноша Бачани:

Свобода! Этот клич весь шар земной потряс,
Он близок, он грядет, давно желанный час,
И троны из костей, скрепленных кровью наций,
Везде уже дрожат, готовы зашататься,
Глядят, куда бежать, коль скоро рухнет трон,
Убийцы жадные, носители корон.

Ликуй, печальный ум, мир обновится ране,
Чем этот век придет к своей последней грани ³.

(1791)

Век подошел к своей последней грани, но жизнь на венгерской земле не обновилась. Иосиф II перед смертью отрекся от своих реформ, в том числе и тех, которые касались крестьянства, — и венгерские дворяне успокоились. Ведь в сущности для них важнее всего был крестьянский вопрос. Теперь же им были возвращены все старые права, а остальное — вопрос венгерского языка, литературы... какое им было до этого дело? Пусть этим занимается кто хочет! А впрочем, таких людей можно иногда даже поддержать. Это полезно, особенно в тех случаях, когда надо несколько пошантажировать Австрию. Ведь, скажем, точно так же и Австрия «поддерживает» иногда бунты венгерских крестьян, когда ей это необходимо для шантажирования венгерского дворянства.

Так торговались и «соглашались» господствующие классы Венгрии с Австрией, и тяжесть этих «соглашений», как всегда, ложилась на плечи трудящихся.

Французская революция 1789 года и последовавшая за ней в Венгрии реакция дали толчок к образованию такой организации, которая ставила своей целью создание революционным путем венгерской национальной республики. В эту тайную, заговорщического типа организацию входило четыреста

¹ Перевод Л. Мартынова.

² Перевод И. Миримского.

¹ Перевод Л. Мартынова.

² Перевод Н. Тихонова.

³ Перевод Л. Мартынова.

шестьдесят пять человек. Возглавлял ее Игнац Мартинович¹. Эта организация, однако, не была связана с движением крестьянства, которое в Венгрии почти никогда не прекращалось.

В революционную организацию Мартиновича входило пять венгерских поэтов. После раскрытия заговора четверых из них приговорили к смертной казни, одного к тюрьме. Судьба их в дальнейшем была такова: Ладковича казнили, Сеньтьови-Сабо (1767—1795) погиб в том же году в тюрьме, а Ференца Вершеги (1757—1822) и Ференца Казинци (1759—1831) помиловали. Вершеги, переводчик Марсельезы на венгерский язык, провел в неволе девять, а Казинци — семь лет. Янош Бачани просидел в тюрьме более года. Но после освобождения он больше никогда не мог вернуться в Венгрию. Реакция слишком хорошо знала, кто ее настоящий и упорный политический враг. Трудно было забыть гневные строки стихотворения «На перемены во Франции».

Таким образом, стремления к созданию венгерского буржуазного общества и буржуазной культуры, борьба за развитие языка, начатая еще в свое время Бешшени, очень скоро приобрели характер прямых политических действий, которые были жесточайшим образом пресечены.

Австрийская реакция, поддерживаемая реакционным венгерским дворянством, считала, что казнь Мартиновича и его товарищей, заточение в острог прогрессивных писателей Венгрии являются заключительным актом борьбы, которая возникла в результате политического подъема, наступившего после первой французской революции. И на самом деле, прямая политическая борьба за буржуазную Венгрию прекратилась на долгое время. Но она не совсем угасла, а только приняла различные формы литературной, идеологической борьбы. Этот «обходной путь», это сползание с позиции политических действий на путь мирной литературной борьбы, говорили о том, что революционные силы Венгрии были очень слабы.

С другой стороны, это свидетельствовало и о том, что антифеодальные силы Венгрии были не столь уж ничтожны, чтоб позволить беспрепятственно задуть стремления к созданию национальной литературы.

* * *

Крупнейшей фигурой просветительства в Венгрии и одним из крупнейших венгерских поэтов был Витез Михай Чоконаи (1773—1805).

Вместе с Михаем Фазекашем, автором поэмы «Мати Лудаш», он принадлежал к так называемой «дебреценской школе». Дебрецен в то время был одним из наиболее культурных городов Венгрии. Он славился своими коллегами, учеными. Промышленность в Дебрецене была также более развита, чем в других венгерских городах, поэтому и беглые крепостные могли иногда найти себе в нем пристанище и работу.

В 1795 году двадцатидвухлетний Чоконаи приехал в Пешт. Он стоял в толпе, смотревшей на казнь Мартиновича и его товарищей, в том числе и поэта Ладковича. Может быть, в этот час и стали слгаться у Чоконаи строки:

Везде «твое», «мое». Насколько было краше,
Когда про все кругом могли сказать мы «наше».
.....
Законом бедняки тогда не презирались,
Все были равными, все в равенстве рождались.
.....
О зарево зари, о ясное сиянье!
Лишь ты пока одно ничье не достойаешь!²

¹ Игнац Мартинович (1755—1795) — священник, глава венгерского якобинского заговора. Мартинович основал два тайных общества: «Общество венгерских реформаторов» и «Общество свободы и равенства»; наиболее радикальные участники движения Мартиновича требовали уничтожения крепостного права, провозглашения республики.

² Перевод Н. Чуковского.

Чоконаи навестил в Пеште Андраша Дугонича (1740—1818), первого собирателя венгерских пословиц, который «во время пештских ярмарок сидел на оглоблях крестьянских телег и подслушивал речь крестьян, их поговорки, пословицы, шутки» (Казинци).

Андраш Дугонич, кроме слов: «Я настоящий венгерец и люблю свою родину больше всего», — ничего не мог сказать отчаявшемуся Чоконаи. А те люди, которые могли бы разрешить сомнения юноши, были зарыты в канаве Генеральского луга (с тех пор это место прозвали «Вермезё» — «Кровавое поле») или сидели в тюрьме. Среди них было трое приговоренных к казни венгерских поэтов.

В некоторых своих стихах Чоконаи изображал венгерский народ с его горестями и радостями. Целый ряд его стихотворений написан в духе венгерской народной песни.

Тщетно предлагал Чоконаи свои стихи богатым меценатам — другого выхода у этого безвременно погибшего несчастного венгерского поэта не было, — тщетно шагал он пешком от одной барской усадьбы к другой, месил грязь проселочных дорог Венгрии, как полвека спустя Шандор Петефи. Напрасно предложил он Пожоньскому сословному собранию издавать журнал, дворяне на это не согласились. Чоконаи сам взялся за непосильное для себя дело и, конечно, потерпел крушение. Да и почему должна была отличаться его судьба от судьбы большинства передовых венгерских поэтов, начиная от Шебештьена Тиноди, который «дул себе в пятерню», когда ему было холодно, до Аттилы Йожефа (1905—1937), воскликнувшего в одном из своих стихотворений: «О друг мой, семь дней уж я не ел!»

Чоконаи не удалось получить и должности писаря: богат граф Ференц Сечени, «покровительствовавший» науке и литературе, не счит нужным даже этого ему предоставить.

Чоконаи погиб от чахотки, одинокий, покинутый всеми. Большая часть его стихов была издана только после его смерти.

«Мадьяр! Рассвет идет! — писал он в одном из своих стихотворений. — Радуйся, что темная ночь подходит к концу, что растворилось бархатное окно востока». И грустно добавил: «Так пел намедни один мадьяр, и в мечтах своих он двадцатый век представлял».

«Мы едва освободились от гнетущего сна, — писал Чоконаи в 1798 году, — как снова впали в дремоту... Наши типографии теперь опять печатают одни молитвенники. Наш театр скончался еще в колыбели. Наши лучшие литераторы или погибли, или попали в беду...»

* * *

Революционная борьба Мартиновича и его товарищей, ставивших своей целью политическое и экономическое переустройство Венгрии, потерпела поражение. Силы реакции восторжествовали над силами прогресса, и целеустремленный бурный поток политической борьбы венгерских просветителей направился только в русло литературного движения. Социальные задачи буржуазного просветительства были отодвинуты в сторону, на первый план выступила борьба «за обновление языка и стиля», которая была одной из форм национальной борьбы.

Руководителем венгерской литературной жизни начала XIX века стал спасшийся от рук палача Ференц Казинци. Сойдя с главной дороги политических действий, Казинци постепенно отошел и от своих радикальных политических взглядов и лишил возглавленное им движение демократических начал. Он резко повернулся против складывавшегося демократического направления в литературе.

Казинци и его приверженцы стремились обновить венгерский язык, так как считали его «недостаточно богатым и гибким для выражения новых идей времени». В этом была прогрессивность движения, возглавляемого Казинци. Но отход от основной линии политической борьбы, аристократизм, эстетство и даже некоторый космополитизм во взглядах на литературу помешали Казинци найти верный путь и в литературе. Он оторвался от народных традиций отечественной литературы и, как замечательно сформулировал Ади, «отбросил прекрасный язык в ту самую пору, когда стремился

улучшить его... Это было время, когда с запада внезапно пришли новые понятия, а те люди в Венгрии, которые могли считаться интеллигентами, в большинстве своем плохо знали родной язык... Идеи нужно было облекать в слова, а язык, прекрасный, богатый, обитал в низах... Так следовало бы демократическими государственными реформами поднять наверх, ввести в форум превосходно разговаривающего венгерского крестьянина!», то есть следовало бы продолжать борьбу за освобождение венгерского крестьянства, как это делали пионеры буржуазного прогресса Мартинович и его товарищи; следовало бы не отходить от основного и единственно плодотворного пути — борьбы против феодального строя. А вместо этого «обновители», понадеявшись на собственные силы замкнутой литературной касты, ограничились придумыванием новых слов и словосочетаний.

Говоря об этой кризисной эпохе в становлении венгерского литературного языка, Ади совершенно справедливо замечает: «в кризисное время венгерским языком занялись те, которые не владели им по-настоящему. Таковы были и Бешпенеи, и Казинци... потому что культура их была иностранной, потому что они жили слишком далеко от людей, разговаривавших на подлинно венгерском языке».

Антидемократические тенденции Казинци, его оторванность от национальной почвы, особенно сказались в его взглядах на развитие литературы. Казинци считал, что «обновление венгерской литературы должно вестись прежде всего путем заимствования из чужих, более развитых литератур». В своей поэтической практике он строго следовал этому правилу и в силу этого не сумел создать ничего по-настоящему значительного.

Казинци был первым критиком и первым организатором литературной жизни Венгрии, сыгравшим значительную роль в развитии отечественной литературы. Однако и в своей критической деятельности он тоже допускал ряд ошибок. Отрицая значение народного творчества, Казинци выступил с жестокой критикой поэтов «дебреценской школы» Чоконאי и Фазекаша, которые стремились к слиянию с народной поэзией. В своем воинствующем эстетизме Казинци дошел до того, что поставил «вне литературы» глубоко национальную поэму Фазекаша «Мати Лудаш». Казинци не понял большого социального значения этой поэмы, не увидел в ней литературного отражения тех антикрепостнических взглядов, которые выдвигались в свое время Мартиновичем и его товарищами.

К движению «обновителей языка и литературы» присоединился и молодой поэт и критик Ференц Кельчей (1790—1838). Кельчей в своей творческой практике также во многом следовал иностранным образцам. Однако Кельчей шел все-таки более верным путем, чем Казинци. Как поэт он выступал борцом за национальное освобождение Венгрии, за освобождение крестьянства и считал борьбу за венгерский язык исходным пунктом борьбы против феодализма, исходным пунктом борьбы за единство нации. Выступая против аристократов в сейме в 1832 году, Кельчей заявил: «Они (аристократы. — А. Г.) не хотят ничего иного, как превратить латынь в такой священный язык, который обособлял бы их от масс. А может быть, они боятся принять родной язык, потому что боятся демократии?..»

Правда, он вместе с Казинци выступал против «вульгарного» народного языка, но и здесь он не во всем сходил с взглядами своего учителя. Уже в 1826 году в своем труде «Национальные традиции» Кельчей указывал на огромное значение народных песен, сказок и сказаний для развития литературы.

В своем творчестве, во многом обращенном к славному прошлому венгерской нации, Кельчей выдвигает подлинных национальных героев, как, например, Миклоша Зрини, Ференца Ракоци. Некоторые произведения Кельчеи представляют собой образцы истинной политической лирики. Поэтическое творчество Кельчеи было тесно связано с его позицией политического и общественного деятеля, верного идеям просвещения, ратовавшего за свободу своей нации, за свержение феодального строя.

VII

Итак, даже реакции Священного союза не удалось приостановить тех изменений, которые происходили в Венгрии в первой трети XIX века.

После наполеоновских войн разразился первый серьезный экономический кризис. Цены на сельскохозяйственные продукты резко упали. И несмотря на это, вернее, именно поэтому в пяти комитатах Венгрии (всего их было шестьдесят три) за 1816 год умерло с голоду сорок тысяч человек.

Пока продолжались войны, доходным было и самое отсталое сельское хозяйство, настолько высоки были цены на его продукты. А во время кризиса и после него даже владельцы крупных латифундий, и те с ужасом подсчитывали свои все уменьшавшиеся доходы: «И настоящее и будущее с каждым днем становится все более шатким», — установил граф Иштван Сечени.

Повысить урожайность можно было только путем введения интенсивных методов обработки земли. Только таким путем можно было добиться и увеличения поголовья скота. А для всего этого нужны были деньги, кредиты, наемные рабочие руки (труд крепостных крестьян становился все более нерентабельным). Нужны были хорошие дороги, лучшая администрация, торговля, не контролируемая Австрией. Нужна была национальная самостоятельность, то есть все то, чего не было в феодальной Венгрии и о чем Австрия не хотела даже слышать.

Старая хозяйственная система Венгрии трещала по швам и разваливалась, а промышленность и торговля развивались, пробиваясь через все рогатки. Все усилия Австрии затормозить этот процесс не помогали. Крупные помещики старались вводить новую, более доходную систему ведения хозяйства. «В Венгрии феодальные землевладельцы все больше и больше превращаются в оптовых торговцев зерном, шерстью и скотом, и их выступления в сейме носят последовательно буржуазный характер»¹.

Под давлением наполеоновских войн Австрия еще в 1807 году была вынуждена созвать венгерское сословное собрание. Несмотря на сопротивление отдельных консервативных депутатов, собрание приняло решение о том, что впредь комитаты будут спосылаться друг с другом только на венгерском языке. А Пештский комитат заявил, что в дальнейшем он будет принимать даже прошения только на венгерском языке. В 1807 году в будайском сословном собрании выступил Паль Надь и первый внес предложение о том, чтобы сделать венгерский язык государственным языком страны. Но когда он заговорил о том, что надо облегчить положение крепостных, присутствующие разразились хохотом и стали кричать: «Перестаньте дурить!»

После образования Священного союза Австрия не считала больше нужным созывать венгерское дворянское собрание. Налоги она назначала без согласования с ним, также поступала она с определением количества рекрутов. Однако в 1822 году австрийские сборщики налогов были изгнаны из венгерских комитатов. Комитаты отказались и от поставки рекрутов. В ответ на это австрийцы заключили в тюрьму высшую комитатскую администрацию. Но эти репрессии уже не привели ни к чему. В 1825 году Австрия была вынуждена снова созвать венгерское сословное собрание. С этого времени и исчисляются венгерские буржуазные историки «эпоху реформ» (1825—1848). О том, какова была позиция этого дворянского собрания в вопросе реформ, касавшихся крепостного крестьянства, можно судить хотя бы по тому, что из законопроекта был исключен пункт, по которому «наносящие ущерб общественным кассам и угнетающие налогоплательщиков»² подлежат наказанию, вне зависимости от рангов и положений.

В первый период «эпохи реформ» вождем либерального дворянства был граф Иштван Сечени (1791—1860). Он стремился к реформам при сохранении дружественных отношений с Австрией. Сечени требовал обложения налогом дворянства, постепенного освобождения крестьян с выкупом. Основным принципом Сечени было мирное сожительство с Австрией и с венгерской аристократией.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, стр. 247.

² В Венгрии дворяне не платили налога.

Им были осуществлены некоторые мероприятия, не затрагивавшие особенно ни интересов Австрии, ни интересов венгерского дворянства. Так было учреждено «Товарищество дунайского пароходства», составлен проект постройки железной дороги, основан коммерческий банк, учреждена Венгерская Академия наук и т. д.

Вождем левых сторонников реформ был Лайош Кошут (1802—1894). Кошут опирался на среднепоместное дворянство и стремился осуществлять реформы более энергичными способами, чем Сечени. Сечени рассчитывал провести сначала экономические, а уже потом — в неопределенном будущем — и политические реформы. Кошут же требовал одновременного проведения экономических и политических реформ. Он считал, что новая экономика Венгрии может быть создана только на новой политической основе. Кошут осознал, что «без самостоятельной промышленности и внутреннего рынка сельское хозяйство тоже обречено на вечное рабство, ибо страна без промышленности, все равно, что человек без руки».

В 1844 году, незадолго до революции, Кошут учредил «Общество защиты венгерской промышленности», которое уже через год имело сто сорок шесть филиалов. Однако и Кошут как до революции 1848 года, так и во время нее ревниво следил за тем, чтоб «вожжи оставались в руках дворянства».

Борьба между Сечени и Кошутом становилась все острее, Сечени прибегнул к переговорам с Меттернихом. Сечени — этот «величайший из венгерцев», как его окрестили буржуазные историки, — предложил Меттерниху либо «использовать Кошута, либо повесить его».

Крестьянство Венгрии бурлило. «Миллионы людей не едят у нас хлеба», — писал Михай Танчич (1799—1884), первый учитель венгерских крестьян и рабочих, выходец из семьи крепостного крестьянина. «Крестьяне наши богаче всего отрепьями», — вторил ему другой публицист того времени.

Уже больше полвека прошло с тех пор, как пролилась на Вермезё кровь Мартиновича и его товарищей. И из людей, близких к этой организации, был жив только один Янош Бачани. Ему шел в это время восемьдесят второй год, но на родину ему все еще воспрещали вернуться; больше того: когда Янош Эрдеи, первый собиратель венгерского фольклора, навестил в 1844 году престарелого поэта в изгнании, то над самим Эрдеи был после этого установлен полицейский надзор.

* * *

Национальное пробуждение Венгрии XIX века нашло первых литературных выразителей в лице писателей, объединившихся в 1822 году вокруг журнала «Аурора» и ее редактора Кароя Кишфалуди. Возникновение журнала «Аурора» положило конец диктатуре Казинци. На первый план выступили писатели, которые стремились к созданию венгерской поэзии, неразрывно связанной с традициями венгерского исторического прошлого. Многие из них искали в этом прошлом утешения от горестного настоящего своей нации. Но вся деятельность этих писателей содействовала пробуждению национального самосознания.

В 1817 году в Венгрии началось собирание фольклора. Поэты круга «Аурора» стали писать стихи в духе народных песен. Писал народные песни и Карой Кишфалуди; они удавались ему далеко не всегда, большинство его песен было лишено подлинной народности. Писал народные песни и молодой Вёрёшмарти (1800—1855), но печатал их сперва анонимно. К созданию народных песен приобщались и Йожеф Байза (1804—1858) и Гергей Цудор (1800—1866).

Эти поэты выражали в литературе стремление к основанию венгерского национального государства как единственного выхода из кризиса, охватившего страну, зависимое положение которой мешало буржуазному развитию ее хозяйства. И это общее стремление положило начало новому литературному движению Венгрии, участники которого впоследствии стали активными деятелями так называемой «эпохи реформ».

Начались лихорадочные поиски национальных традиций. Рождались поэмы, баллады, драмы, посвященные героическому прошлому венгерской нации.

В эту эпоху кризиса венгерского феодального строя написал Вёрёшмарти и поэму «Бегство Залана». Описывая в ней завоевание венграми нынешней своей родины, он пытался представить время далекого родового строя, как эпоху национального величия Венгрии. Укрепление национального са-

мосознания, необходимого для борьбы за создание национального буржуазного государства, все еще шло по линии возрождения традиций дворянства. И только один, пожалуй, Кельчеч, сетуя о судьбе своей нации, ища для нее новых путей, не забывал о революционных традициях просветительства и призывал к новой освободительной борьбе под знаком традиции Ракоци.

Но безудержное воспевание прошлого ничего не изменило в судьбе страны. Не кто иной, как Иштван Сечени, разъяснил в своей книге «Кредит» поэтам «эпохи реформ», что причина всех бед таится в отсталом общественном и экономическом устройстве Венгрии. Он разъяснил, что эта отсталость стоит преградой на жизненном пути даже самых привилегированных сословий и что наибольшим препятствием к устранению этих бед является горький плач над безвозвратным прошлым, беспомощность в настоящем и безнадежность относительно будущего.

Когда наиболее выдающийся писатель «эпохи реформ» Михай Вёрёшмарти осознал значение слов Сечени, он вынужден был отвернуться от столько раз воспетого прошлого. Но не так просто было найти пути к реализму, и Вёрёшмарти ушел на некоторое время в романтический мир грез и фантазии.

В конце 30-х годов атмосфера в Венгрии становилась все более и более накаленной. Габсбурги решили ввести в подвластной им стране еще более жестокий режим. В ход опять пошли репрессии, тюрьмы. В это время был посажен в острог и Лайош Кошут. Все ожесточеннее становилась борьба между среднепоместным дворянством и аристократией, которая во всех вопросах придерживалась антинациональной точки зрения, стояла на стороне Габсбургов. Столкновение с придворной аристократией и магнатами заставило идеологов среднепоместного дворянства притти к несколько более демократическому образу мышления. В литературе торжественная патетичность и изысканно салонный стиль постепенно становились достоянием прошлого. Оторванный от действительной жизни романтизм также перестал удовлетворять и самих писателей и читателей, — литература стала на путь приближения к реализму и народности. Вместе с тем передовые писатели Венгрии отказывались от традиций немецкой культуры и обращались к культуре революционной Франции, даже в какой-то мере к идеям утопического социализма.

Правда, столь усердно провозглашавшаяся тогда народность была лишь немногим больше поисков нетронутых чужеземными влияниями национальных традиций. Она выражала в литературе антигабсбургскую антиаристократическую направленность рядового обуржуазивающегося дворянства.

Это течение в литературе развивалось одновременно с деятельностью Кошута, направленной к обуржуазиванию Венгрии. К борьбе Кошута присоединились и молодые писатели во главе с Михаем Вёрёшмарти. Он стал бичевать в своих произведениях дворянскую лень, преклонение перед иностранщиной, политику безмерного угнетения крестьянства и призывать к развитию национальной промышленности. И чем ближе подходил Вёрёшмарти в своем творчестве к насущным задачам современной Венгрии, чем яснее понимал он, что национальное освобождение нельзя осуществить мирным путем, тем больше его поэзия проникалась элементами народности. Вёрёшмарти был по-настоящему большим поэтом, и он сумел совершить огромный путь от высокопарных гекзаметров «Бегства Залана» и других поэм до простых, ясных и устремленных в будущее строк «Песни Фоти».

Пьет мадьяр, веселым взором
Вдаль глядит,
Ибо вышитое с толком
Не вредит.
Пьет за родину, и сразу —
Ясен путь!
Только лучше б совершил он
Что-нибудь...¹

Этими и подобными стихами Вёрёшмарти проложил дорогу для великого Петефи, который первый в Венгрии придал истинный революционный смысл народности и патриотизму в литературе.

¹ Перевод Н. Чуковского.

После нищеты, бродяжничества и солдатчины в венгерскую литературу пришел девятнадцатилетний Шандор Петефи. Он начал свой путь с Большого Венгерского Альфельда, из тех мест, где вечерами старики рассказывали о Дьёрдье Доже, о том, как некогда по соседству, в Цегледе, он держал свою знаменитую речь; они горестно говорили о жестокости турецких захватчиков и воодушевлялись, вспоминая о том, как сто с лишним лет назад проносились здесь всадники Ракоци и «сокрушали силу немцев».

Петефи пришел оттуда, где бескрайние просторы земли томились в руках графов, герцогов, венских купцов, где творили справедливость сбежавшие от помещиков и австрийской солдатчины венгерские бегляки, где крестьяне ходили насупившись, надвинув шляпы на глаза, потому что «степная даль в пшенице золотой» не сулила им хлеба.

После первых же шагов Петефи в литературе стало ясно, что все усилия «обновителей языка» и все потуги приверженцев традиционности нужны были только для того, чтобы явился из Альфельда этот молодой человек, Шандор Петефи, и, отобрав все лучшее из того, что было добыто его предшественниками и что было найдено им самим в живой народной жизни, создал новую венгерскую поэзию, новый венгерский литературный язык. Языкотворчество и литературное новаторство Петефи пришло как нечто само собой разумеющееся. Он не писал об этом трактатов, подобно Казинци, Кельчеи и Бержени, а просто властно внес в литературу традиции венгерской народной поэзии, органически сочетав их с наиболее ценным из того, что создали до него писатели Венгрии.

Петефи взял факел поэзии из рук Вёрёшмарты, зажег его огнем политической борьбы, высоко поднял над головой и понес вперед. «Слова — солдаты», «герои в дерюгах» прокладывали ему путь к вершинам венгерской поэзии.

И прошло всего лишь несколько лет, а творчество Петефи уже стало знаменем венгерской народной и национально-освободительной борьбы.

Произведения Петефи принесли не только в венгерскую поэзию, но и в жизнь Венгрии нечто совершенно новое. Они открыли Венгрию венгерцам.

В его стихах полно и многообразно выступила чудесная венгерская природа, в ее зимнем, летнем, осеннем и весеннем облике. И не только природа, но и люди, населявшие венгерскую землю. Лачуги, стонущие на ветру, и весенние травы-зеленя, и деревенские домики, прижавшиеся к земле в страхе перед бураном, и вереница аистов, летящих на юг, и пасущиеся стада, и беснующиеся табуны, и рыбаки с Тиссы, и герой пушты — бегляк, и деревенские трактирщики, и тупые венгерские помещики, и аристократы, предавшие родину, и герои освободительных войн — все это жило полной жизнью в его стихах.

А главное, что было внове, в большей части стихов присутствовал сам их лирический герой — Петефи: студент, бродячий актер, скиталец, шагающий босой по грязным большакам, помощник редактора, влюбленный юноша, политический борец и вождь революции.

Все события жизни, все, что он видел и чувствовал, у него немедленно воплощалось в стихи. И в какие стихи!

В них не раз звучал голос народного вождя — Петефи говорил от имени народа с такой силой, величием и гордостью, которые подстать только народу, требующему свои права:

Народ пока что просит... просит вас!
Но страшен он, восставший на борьбу.
Тогда народ не просит, а берет,
Вы Дьёрдя Дожи помните судьбу?
Его сожгли на раскаленном троне,
Но дух живет. Огонь огня не тронет!
И берегитесь пламень тот тревожить,
Он всех вас может уничтожить!¹

¹ Перевод Л. Мартынова.

«Я считаю Дожу одним из самых славных людей венгерской истории», — писал Петефи. «Что бы там ни говорили, а истинная поэзия — поэзия народная» — в этих словах выразил он свой взгляд на дальнейшее развитие литературы. «То, что правда, то естественно, а то, что естественно — то и хорошо, а следовательно, красиво: вот моя эстетика!»

Петефи принес в венгерскую литературу не созерцательное, а действительно любовное отношение к родине. Он показал, что патриотизм — это не высокопарное шовинистическое воспевание дворянских предков, не плач над прошлым, которому приписывалось все прекрасное, что патриотизм — это прежде всего любовь к своему народу, истинному творцу жизни, родины. Он показал, что родина — это не беседки, ручейки или фонтаны в барских усадьбах, а необъятные просторы полей, на которых гнут спины миллионы крестьян, что истинными героями Венгрии в прошлом были не короли, не венгерские дворяне, а Дьёрдь Дожа, Ференц Ракоци II, Игнац Мартинович. Петефи доказал, что подлинный герой венгерской истории — народ.

Петефи был настоящим национальным поэтом. Именно потому он первый внес в венгерскую поэзию, вместе с тревогой за судьбу венгерского народа, тревогу за судьбы всего трудящегося человечества и братскую любовь к человеку труда, под каким бы небом он ни родился. Как истинный поэт народа он не мог не знать, что судьба венгерских трудящихся тесно связана с судьбой всего трудового человечества и что только в общей борьбе народов Венгрия может отстоять свою национальную свободу.

Все его творчество нашло себе достойное завершение в революционной деятельности. Петефи стал одним из вождей венгерской революции 1848 года. Он отдал жизнь в одной из последних схваток революционно-освободительной войны.

В Шандоре Петефи в неразрывное целое слились поэт и борец-революционер, поэтому он и стал величайшим поэтом Венгрии и одним из благороднейших героев освободительной борьбы трудового человечества.

* * *

15 марта 1848 года в Пеште началась революция. Вождем ее стал Шандор Петефи. Было провозглашено равноправие граждан, свобода печати и собраний, выдвинуто требование учреждения ответственного венгерского министерства.

Перед венгерской буржуазной революцией 1848 года стояли три исторические задачи: создание независимого венгерского государства, освобождение крестьян, уравнивание в правах национальностей, проживавших на территории Венгрии.

Третье сословие, которое должно было возглавить революцию, было немощным, поэтому руководство венгерской буржуазной революцией, имевшей одновременно национально-освободительный характер, было ему не под силу.

В стране с двенадцатимиллионным населением работой в промышленности было занято всего лишь триста пятьдесят тысяч человек, из них на фабриках и заводах трудилось двадцать пять тысяч, на рудниках тридцать тысяч, а остальные были кустарями, ремесленниками и цеховыми подмастерьями.

Среднепоместное дворянство, естественно, не соглашалось принимать в крестьянском вопросе каких-либо радикальных решений (раздел земли и пр.). Точно так же вело оно себя и в вопросах национальной политики. Об уравнивании прав наций оно не желало даже слышать. Оно попрежнему угнетало славян и румын, проживавших на территории страны. В вопросе независимости Венгрии эти дворяне вели себя нерешительно, трусливо и соглашательски. И только после того, как Австрия прибегла к вооруженному вмешательству в дела Венгрии, среднепоместное дворянство решилось на вооруженное сопротивление. Но их борьба вскоре сменилась мольбами к австрийскому правительству о заключении «мирного» соглашения.

Аристократия стояла, конечно, на стороне Габсбургов и продолжала вести свою извечно предательскую политику.

Крестьяне, в первую очередь те, которые и после освобождения остались без земли, были лишены руководства (газета их учителя Танчича была запрещена). Петефи и его единомышлен-

ники, опиравшиеся на плебейские массы Пешта (в Пеште было сто тысяч жителей), не располагали достаточной организованной силой для того, чтобы взять в руки руководство всем революционным движением страны.

24 марта граф Иштван Сечени поехал в Вену во главе делегации сейма с просьбой, чтоб венское правительство подавило «пештскую революцию» силой оружия.

Плебейские массы Пешта, руководимые Петефи и его сподвижниками, «Мартовской молодежью», бдительно стояли на страже интересов революции. Собрание созывалось за собранием, и ораторы произносили пламенные речи против Австрии и соглашательской политики венгерского правительства.

Петефи призывал массы к революционному наступлению:

— Эй вы, миллионы! В поле на простор,
Забирай лопаты, косу иль топор.
Случай нас торопит, он ведет нас в бой,—
Час великий мщенья возведен судьбой!¹

По всей стране прокатились крестьянские волнения. Кое-где крестьяне захватывали землю, поджигали помещичьи усадьбы. Только за апрель и май 1848 года произошло двадцать четыре крестьянских бунта. Новое министерство учредило чрезвычайные суды. Кошут, и тот не осознал всей важности разрешения крестьянского вопроса, хотя бы даже с точки зрения национального освобождения Венгрии. Он также стоял за «энергичные» меры против восставших крестьян. Вождей восставших крестьян вешали и в венгерском Берене, и в сербском Надьбечкереке, и в румынском Дьюла-Фехерваре.

Часть венгерского крестьянства, неудовлетворенная решением земельного вопроса, волновалась. Она не желала проливать кровь за интересы помещиков. «Пусть идут на войну те, кому принадлежит земля!» — говорили крестьяне.

Крестьянство угнетенных наций, проживавших на территории Венгрии, также осталось неудовлетворенным решением земельного вопроса. Во многих местах его не освободили даже от крепостных повинностей. Поэтому оно присоединилось к национальному движению, направленному против венгерской революции 1848 года.

«Что касается крестьян,— пишет товарищ Сталин в своей книге «Марксизм и национальный вопрос», — то их участие в национальном движении зависит прежде всего от характера репрессий. Если репрессии затрагивают интересы «земли», ...то широкие массы крестьян немедленно становятся под знамя национального движения»².

Насколько именно вопрос «земли» повел крестьянство национальных меньшинств Венгрии против венгерской революции, лучше всего подтверждают такие факты: в Тренчене еще в июне 1848 года прикладами принуждали идти на барщину «освобожденных» словацких крестьян. В комитате Торонтал даже в сентябре 1848 года заставляли сербских и хорватских крестьян платить подати помещику.

Венгерское правительство, вместо того чтобы путем широких демократических мероприятий включить в революционную борьбу национальные меньшинства, превратить их в один из главных двигателей революции, по своей дворянской ограниченности оттолкнуло их.

Венгерская революция 1848 года погибла. Новая отчизна, созданная дворянством, была совсем не такой, о какой мечтал народ вместе с Танчичем и Петефи. И все же революция 1848—1849 годов была одной из самых прекрасных страниц в истории Венгрии.

* * *

Петефи на долгие годы наложил печать своей индивидуальности на всю венгерскую поэзию. Не в малой мере ощутил влияние творчества Петефи и его крупнейший современник — поэт Янош Арань (1817—1882), переживший его на тридцать с лишним лет.

¹ Перевод В. Левика.

² И. С т а л и н. Сочинения, т. 2, стр. 307.

Еще при жизни Петефи он написал свою поэму «Толди», которая выдвинула его в ряды лучших поэтов Венгрии.

Арань был верным соратником Петефи в его борьбе за народную литературу, однако в революционности он значительно уступал ему. Главная заслуга Араня перед венгерской литературой заключается в том, что он усилил струю реализма в поэзии, истоки которого восходят к творчеству Петефи. Арань не случайно любил русскую реалистическую прозу, в частности Гоголя, влияние которого сказалось в его творчестве.

Янош Арань и во время революции и после нее был сторонником борьбы за независимую Венгрию.

Нельзя сказать, чтоб венгерская поэзия доставила Францу-Иосифу особенно много радости, несмотря даже на то, что двое венгерских классиков посвятили ему стихи. Одно стихотворение, автором которого был Шандор Петефи, называлось «На виселицу королей», вторым была полная мрачного драматизма баллада «Уэльские барды», написанная Аранем в 1856 году в ответ на просьбу правящих кругов Венгрии прославить императора, совершающего поездку по своим владениям. Арань ответил на эту просьбу по-своему. Он написал стихотворение в манере шотландской баллады и место действия, по цензурным соображениям, перенес в Уэльс. В своей балладе Арань воспел свободолюбивых непокорных бардов, не желавших исполнить волю короля.

Этим стихотворением Арань выразил свою гордую непримиримость к иноземным угнетателям Венгрии, к воцарившейся реакции, к деспотизму монархии вообще.

Не склонил голову перед реакцией и Михай Томпа (1817—1868) — третий член «триумvirата» народных поэтов, о создании которого мечтал Петефи. В стихотворении «К аисту», написанном в 1851 году, он высказал всю боль угнетенных венгерцев, сохранивших верность своей родине.

Трагически безысходной представлялась Томпе жизнь в стране, где революция была задумана, где народ снова влачил двойные цепи рабства.

А Михай Вёрёшмарти, совершенно надломившийся душевно под влиянием этой национальной катастрофы, сидел в своей бедной комнате и набрасывал на бумагу строки своего прекраснейшего стихотворения «Старый цыган»:

Пусть мозг дрожит под теменем твоим,
Пусть кровь вскипает в жилах у тебя,
Глаза горят, как головы комет,
И струны стонут, будто все губя,
Несется вихрь, и скачет град такой,
Который выбьет весь посев людской.

И в конце стихотворения он восклицает с надеждой человека, однажды присягнувшего в верности революции:

Играй! Но нет! Дай струнам ты покой.
Настанет праздник. Срок еще нескор.
Но час придет, смирится ярость бурь,
И кровью в битвах изойдет раздор.
К такой ты песне будь, цыган, готов.
Чтоб разутешить даже и богов,
Чтоб за смычок когда возьмешься ты,
Разгладились бы хмурые черты.
Играй, упившись радости вином,
И не заботься ни о чем ином!¹

«Настанет праздник!» — эти слова стали девизом угнетенного венгерского народа.

Какой же грандиозный путь проделал Вёрёшмарти от традиционных гекзаметров «Бегства Залана» до «Старого цыгана»?! Только безгранично любя свою родину, мог он проделать этот путь, стать глашатаем национально-освободительной борьбы народа.

¹ Перевод Л. Мартынова.

Венгерские буржуазные литературоведы называли послереволюционное творчество Вёрёшмарти «третьим периодом».

«У нас нет возможности заниматься разбором медицинской проблемы: что явилось причиной душевной катастрофы Вёрёшмарти», — писал Антал Серб. Что может быть более кошунственным, чем зачислить в разряд «медицинских» проблем мучительную внутреннюю борьбу венгерского поэта, скорбящего о своей родине?

После подавления революции 1848 года в Венгрии бодрствовали виселицы, и воцарившаяся тьма освещалась лишь вспышками залпов. Тысячами томились борцы за венгерскую свободу в острогах Вены, Линца, Зальцбурга и Куфштейна. Но уже десятилетие спустя, 15 марта 1860 года, шестьдесят тысяч человек вышли на улицы Будапешта с требованием национальной независимости.

IX

Когда в 1867 году Австрия пошла на «соглашение» с правящими классами Венгрии, то последние с гордостью заявляли: «Мы не позволили себя обидеть! Император вынужден был уступить!» Венгерские помещики на самом деле не позволили себя обидеть, они только своей родине позволили попасть в полуколониальное положение. Взамен этого им было гарантировано право безграничного угнетения трудящихся Венгрии.

Дело было в том, что Габсбургам, ослабевшим после поражения в итальянской и прусской войнах, необходима была поддержка Венгрии. Если бы венгерские правящие классы на самом деле представляли интересы всей нации, то именно в это время они могли бы путем организации широкого фронта сопротивления положить конец владычеству Габсбургов в своей стране. Воссоединение Италии, поражение Австрии в соперничестве с Пруссией создали благоприятные условия для завоевания независимости Венгрии. Поэтому Кошут и венгерские полки, дравшиеся на стороне Гарибальди, имели все основания проклинать «соглашение» 1867 года.

Ослабевшая Австрия постепенно становилась придатком Германии, а после «соглашения» и Венгрия оказалась втянутой в безумные планы осуществления германского мирового господства. Таким образом соглашение 1867 года стало одной из главных причин бедствий Венгрии, одной из причин ее трагедий в 1914 и 1941 годах.

Вместе с тем «соглашение» открыло Венгрии некоторый простор для капиталистического развития. Венгерские помещики шли к капитализму по прусскому пути. Они наслаждались всеми преимуществами, явившимися следствием обуржуазивания Венгрии, и при этом сохранили целый ряд феодальных «пережитков», которые, как это бывает всегда в полуколониальных странах, обеспечивали развивающемуся капитализму сверхприбыли.

С более интенсивным развитием капитализма укреплялась и буржуазия, правда, она попрежнему была бесхребетной, преклонялась перед владельцами латифундий и во всем подражала им. В конце века возник «Большой Будапешт» с миллионным населением, заводами, фабриками, нищетой рабочих предместий. По всей стране прокладывались железнодорожные линии. Создавались промышленные центры также и в провинции, вырастали крупные рудничные поселки. Рос и укреплялся рабочий класс Венгрии.

Венгерское рабочее движение стало складываться в шестидесятых годах из разрозненных культурно-просветительных организаций рабочих и из рабочих, группировавшихся вокруг страховых касс. В эту же пору возникло движение крестьян-бедняков и середняков.

Почти нигде в Европе рабочие не были столь бесправны и не работали в таких тяжелых условиях, как в Венгрии. Все больше дифференцировалось и венгерское крестьянство. К началу XX века в стране с двадцатимиллионным населением насчитывалось два с половиной миллиона бедняков и середняков и три миллиона сельскохозяйственных рабочих. А земля, бывшая во владении бедного и среднего крестьянства, составляла к этому времени всего лишь шесть процентов всей плодородной земли Венгрии, в то время как помещики владели 47,6 процента плодородной земли. За счет бедного и среднего

крестьянства укрепилось и кулачество. Составляя двадцатую часть всего населения, оно владело тридцатью процентами всей плодородной земли.

Все больше расширялись поместья аристократических семейств, так называемые майораты, которые по феодальным законам не могли быть раздроблены. В 1870 году майоратам принадлежало сто шестьдесят три тысячи хольдов земли, а в 1900 году — уже два миллиона триста шестьдесят три тысячи хольдов. За этот же период увеличились и владения церкви с одного миллиона двухсот восьмидесяти восьми до двух миллионов пятисот тысяч хольдов земли.

По этой причине и потому, что венгерская промышленность вследствие заключенного с Австрией соглашения развивалась очень медленно и не могла предоставить работу вытесненным с земли крестьянам, началась массовая эмиграция крестьянства.

Это своеобразное «переливание крови» из Венгрии в западные капиталистические страны в иные годы достигало поразительных размеров. После подавления крестьянских забастовок 1907 года за один только 1908 год покинуло Венгрию сто пятьдесят тысяч человек. С 1900 по 1910 год из «венгерской земли обетованной» уехало больше миллиона людей, то есть пять процентов населения страны. Власти не препятствовали этой эмиграции, или, как Ади называл ее — «убегающей революцией», потому что резервная армия и без того оставалась достаточно большой, чтобы удерживать нищенскую заработную плату в промышленности и такую же жалкую «оплату натурой» в сельском хозяйстве.

Первые шаги нового венгерского рабочего движения относятся к семидесятым годам прошлого века. Еще во время революции 1848 года рабочие в Пеште выдвигали требования повышения заработной платы (стачкой наборщиков руководил Михай Танчич), но это были пока только отдельные вспышки, а не выступления сформировавшегося класса. Первое рабочее собрание было проведено в 1869 году в Пожоне. На этом собрании выставлялись требования всеобщего избирательного права, свободы собраний и печати. В это же время было основано и Пештское всеобщее товарищество рабочих. В роли руководителей движения подвизались мелкие буржуа и несколько лассальянцев.

Положение трудящихся было чрезвычайно тяжелым. Рабочий день продолжался от двенадцати до шестнадцати часов. Права голоса у рабочих не было. Власти запрещали организацию профессиональных союзов; впрочем, мелкобуржуазные лидеры к этому даже не стремились. Они всячески стояли за совместные действия с господствующими классами. Деятельность рабочих объединений сводилась почти целиком к культурно-просветительной работе и к работе страховых касс.

И несмотря на все, провозглашение Парижской Коммуны вызвало как в Пеште, так и в провинции множество демонстраций. К этому времени относятся и первые массовые аресты рабочих.

В 1876 году вернулся на родину в Венгрию Лео Франкель, бывший министр труда Парижской Коммуны. Франкель был когда-то лассальянцем, но после падения Парижской Коммуны считал себя сторонником Маркса. По возвращении на родину, он старался организовать рабочую партию на платформе классовой борьбы. В 1878 году он созвал рабочих делегатов на учредительный конгресс. Но правительство запретило основание партии. Мелкобуржуазные руководители различных культурно-просветительных и страховых объединений развернули жестокую борьбу против Франкеля. Вмешались и власти. Франкель был посажен в тюрьму. После отбытия срока заключения он снова покинул Венгрию, и все рабочее движение попало в руки мелкобуржуазных руководителей страховых касс.

На первом конгрессе II Интернационала присутствовало несколько венгерских делегатов. После выступления делегата культурно-просветительных объединений и страховых касс речь произнес венгерский рабочий: «Товарищ Попп (сапожник, Будапешт) заявил нечто совершенно противоположное тому, что говорил предыдущий оратор. Он сказал, что венгерское рабочее движение развивается неблагоприятно... что оно очень оппортунистично... Чтоб изменить это положение, приступили к организации рабочей печати и уже существует около двадцати профессиональных газет. Надо надеяться, что за несколько лет будет создана такая партия, которая достигнет уровня всеобщего социалистического движения».

При идеологическом «содействии» австрийских социал-демократов в декабре 1890 года была учреждена венгерская социал-демократическая партия. О характере этого идеологического «содействия» лучше всего говорит воззвание, выпущенное новым партийным руководством. «...Что касается утверж-

дения, будто социалистическая рабочая партия стремится осуществлять свои цели незаконными путями, при помощи насилия, то оно опровергается не только всем развитием немецкой социал-демократии, но и бесчисленными официальными заявлениями партии... Под революцией мы понимаем не такое движение, которое было бы направлено к изменению политического устройства, то есть внешней формы. Экономическая революция не знает насилия...»

В 1893 году произошел раскол венгерской социал-демократической партии. Руководство попало в руки еще более правых бюрократов страховых касс, чем те, которые выпустили вышеозначенное воззвание. Причиной раскола послужил спор по двум пунктам: организации самостоятельного классового движения и организации беднейшего крестьянства. По обоим вопросам новое руководство придерживалось отрицательной точки зрения. Центральный орган немецкой социал-демократической партии — «Форвертс» поддерживал новое руководство.

В начале XX века руководство венгерской социал-демократической партией перешло в руки нескольких рабочих, которые вернулись из Германии, получив там «теоретическую» подготовку. Это были уже «образованные» сторонники реформизма, и они всеми способами старались пересадить его в венгерское рабочее движение. Основными организациями рабочего движения попрежнему оставались профсоюзы, члены которых одновременно были и членами партии. Лидеры реформизма были решительно против создания партии, как авангарда рабочего класса и отделения партии от профсоюзов.

Социал-демократическая партия и перед первой мировой войной, и во время нее, и после провозглашала единственный лозунг — лозунг всеобщего избирательного права. Конечная цель социал-демократов сводилась к тому, чтобы, уничтожив в Венгрии полуфеодальную систему выборов, войти в венгерский парламент. Всеобщее избирательное право было, по их мнению, панацеей от всех бед и ключом к капиталистическому развитию Венгрии. С введением всеобщего избирательного права Венгрия, как они думали, встанет в ряд развитых западных капиталистических государств. А после этого возможна будет остановка и «мирное» вращение «парламентарным путем в социализм».

После незавершенной революции 1848 года и последовавшего за ней соглашения 1867 года Венгрии все еще предстояло разрешить задачи осуществления национальной независимости, демократического политического устройства, предстояло решить аграрный и национальный вопросы.

А социал-демократическая партия даже не помышляла ставить вопрос о завоевании независимости Венгрии. Когда часть господствующего класса организовала в начале XX века движение «национального сопротивления», требуя «самостоятельной пошпинной территории», то социал-демократы не только не постарались возглавить это движение, но, поддавшись на удочку Габсбургов, пообещавших новое избирательное право, выступили вообще против требования национальной независимости.

Ввиду того, что в программе социал-демократической партии задача буржуазно-демократической революции не стояла, не говоря уже о перерастании ее в пролетарскую революцию, то в аграрном вопросе социал-демократы требовали только преобразования майоратов в крупные капиталистические поместья и секуляризации церковных земель. Социал-демократы не считали крестьянство политическим союзником рабочего класса, они категорически выступали против раздела земли и не желали понимать, что пролетариату надлежит выполнить нерешенные задачи буржуазно-демократической революции для того, чтоб потом шагнуть дальше. Поэтому и в девяностых годах прошлого века, и после русской революции 1905 года социал-демократы предавали движение крестьянства и использовали его только для того, чтобы выклянчить у правительства еще какие-нибудь льготы для рабочей аристократии.

Совершенно не затрагивали социал-демократы вопросов права наций на самоопределение, если же они касались национального вопроса, то решали его с точки зрения «единого государства», с точки зрения той программы, которая «кончается призывом к солидарности всех наций Австрии»¹ под руководством Габсбургов.

И не удивительно, что ни крестьянское движение девяностых годов, ни волнения рабочих и крестьян после революции 1905 года, ни будапештские баррикадные бои 1912 года не дали ничего даже

¹ И. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 322.

для достижения всеобщего избирательного права. Вследствие того, что руководство партии было оппортунистическим, борьба венгерских трудящихся распылялась. Венгерские правые социал-демократы приходили в ужас, когда стихийные выступления трудящихся перерастали намеченные ими рамки.

Для убеждений и взглядов этой партии чрезвычайно характерно следующее. В 1905 году царь вынужден был издать манифест, который, по словам Ленина, «...есть действительно величайшая победа революции, но эта победа далеко еще не решает судьбы всего дела свободы. ...революционному народу остается решить много серьезнейших боевых задач, чтобы довести революцию до действительной и полной победы»¹.

Орган социал-демократической партии Венгрии «Непсава» в номере от ноября 1905 года откликнулся на это следующим образом: «Наши русские братья уже выиграли великое сражение... русский народ *принимает* (курсив наш. — А. Г.) права из рук царя».

Эти социал-предатели не могли себе даже представить, что может существовать такая рабочая партия, которая завоевывает свои права, а не принимает их из милости, и что после завоевания политических прав в буржуазном обществе не останавливается на достигнутом, а стремится дальше к своей пролетарской цели.

X

Венгерские буржуазные литераторы, благословившие «соглашение» 1867 года, стремились в первую очередь расправиться с наследием Петефи. Но популярность Петефи была столь велика и творчество его так глубоко проникло в гущу венгерского народа, что попросту «запретить», выкинуть его поэзию было невозможно. И началась работа по искажению, фальсифицированию наследия Петефи в духе «соглашения».

Застрельщиком в этом деле выступил критик Пал Дьюлаи (1826—1909). В своих «исследованиях», опубликованных еще в шестидесятые годы, он прежде всего «расправился» с Петефи как с борцом за народную поэзию: «... С точки зрения эстетики цена этих споров очень невелика... Ему нужны были бы познания в области эстетики... у Петефи не было научных знаний». Затем он прописал рецепт, как пользоваться наследием Петефи: его народные песни, описательные стихи, любовная лирика — хороши, а остальные произведения (словом, те, в которых сильнее всего прозвучали освободительные стремления венгерского народа и его революционная борьба) — «туманны, наивны, странны». «Его богатое воображение готово было оторваться от действительности». «Он не сумел найти в венгерской истории героя, достойнее Дьёрдя Дожи», — продолжал Дьюлаи с нескрываемым презрением. «Оставляя в стороне его политические стихи, я хочу говорить только о лирических произведениях, составивших главную силу его поэзии».

Известный венгерский прозаик Мор Йокаи, с которым Петефи порвал всякие отношения еще летом 1848 года, так как считал его предателем «Мартовской молодежи», в своей гнусной лжи зашел еще дальше Дьюлаи. Чтобы фальсифицировать творчество Петефи и оправдать свое недостойное поведение в пору царствования Франца-Иосифа, он во время открытия памятника Петефи в восьмидесятых годах писал следующее: «...народная свобода, которую он искал, как драгоценный алмаз... сейчас уже достигнута... Петефи может убедиться, что пророчески написанное им в стихотворении «На железной дороге»: «Все металла нехватало? Рунуть цепи, их немало, вот и будет вам металл», — уже осуществилось. Цепей больше нет! Он может убедиться и в том, что уже есть свободная печать... может увидеть, что опять есть гонимые... И еще одно может он увидеть, что есть уже король, любимый народом и любящий народ, и это — король Венгрии».

Этим «любимым народом и любящим народ» королем был палач героев 1848 года, Франц-Иосиф, король Венгрии, знавший не больше трех десятков венгерских слов.

Янош Арань к этому времени уже скончался, и только Янош Вайда (1827—1897), участвовавший в революции 1848 года в рядах «Мартовской молодежи», остался в период после «соглашения» верным

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 9, стр. 396.

Петефи. С ненавистью взирал он на венгерских господ, на венгерских литераторов, примирившихся с Габсбургами. Еще в 1860 году писал он в ответ Дьюлаи: «Литература захлебнулась у нас в школярском педантизме... Смерть Петефи — это несомненно величайшая утрата, какую понесла не только венгерская литература, но и революционная борьба». «Мартовская годовщина — это праздник Петефи. В будущей жизни нашей нации прекраснейшей будет та эпоха, в которой Петефи снова станет идеалом нашей молодежи», — писал Вайда в 1895 году.

* * *

В последнее десятилетие XIX века и в начале девятисотых годов в венгерской литературе появились представители буржуазии и мелкой буржуазии, выражавшие в первую очередь мироощущение капитализирующегося Будапешта. До появления этих писателей почти все литераторы, за исключением Тольнаи и Вайды, занимались шовинистическим воспеванием «доброе старое» феодального мира. С особым удовольствием изображали они выросшую из дворянства буржуазию, которая рядилась в такие же пестрые одежды, как феодально-капиталистическое общество современной ей Венгрии. Эти литераторы идеализировали деревню, жизнь крестьянства. Судя по их произведениям, в городе и в деревне царили тишь и гладь, «согласные» души венгерцев пребывали в радости и благоденствии. Если же эти писатели что-либо и критиковали в окружающей действительности, то их критика была беззубой, скорее собранием безобидных анекдотов. С пренебрежением и болью писал в 1906 году об этой беспринципной литературе Эндре Ади:

«Призывали ли у нас когда-нибудь к ответу Калмана Миксата за его социологию? Спрашивали ли когда-нибудь Ференца Херцега quo vadis? Да разве у венгерцев есть на это время?... Ангелом-хранителем маленькой литературы Венгрии выступает святой Анекдот...» И он с горечью добавлял: «А впрочем, феодальной Венгрии эта литература анекдотов очень подстать». Но успокоенные и удовлетворенные венгерские писатели, певцы соглашательской Венгрии не хотели, да и не могли дать широкую реалистическую картину жизни. В их произведениях герои-буржуа все еще являлись в романтизированном облачении дворянской «чести», и в этом маскарадном костюме строили они заводы, переводили поместья на рельсы капитализма, обдирали рабочих и бедных крестьян. В их изображении господ и бедняков объединяла патриархальная любовь друг к другу; в таком же роде представлялись и отношения государя с подданными, австрийцев с венгерцами и т. д.

В этот период, пожалуй, только один Миксат пошел несколько дальше в своих творениях, в которых он критиковал, разоблачал окружавшее его общество. Правда, в большей части его произведений эта критика носила характер добродушного анекдота. И это вовсе нельзя считать случайностью. Такая форма критики явилась литературным выражением его соглашательства в политике.

Выступившие на арену литературы новые городские писатели, любившие именовать себя «натуралистами», стремились в своих произведениях расшатать как раз эту идиллическую гармонию. В поэзии они выступили против эпигонов Петефи и Араня. Но идеалом своим они избрали литературу буржуазных стран Запада. После нескольких лет различных литературных экспериментов в 1908 году большая часть этих писателей объединилась под сенью журнала «Ньюгат» («Запад»). Материальную поддержку этот журнал получал от Всевенгерского объединения промышленников. Секретарь объединения был членом редакционной коллегии журнала. «Ньюгат» поддерживала та группа промышленников, которая стремилась к более быстрому развитию капитализма в Венгрии, к ее экономическому отделению от Австрии. Поэтому создание буржуазной литературы, освобожденной от пережитков феодализма, соответствовало их интересам. Журнал этот поддерживала и радикальная буржуазная интеллигенция, сгруппировавшаяся вокруг «Общественно-научного товарищества», которое было создано в начале XX века. Идеалом этой интеллигенции была демократия «западного типа». И, наконец, к кругу сторонников журнала принадлежала и «теоретическая верхушка» венгерской социал-демократической партии, которая ставила своей конечной целью создание мирным парламентарным путем капиталистической Венгрии по западному образцу.

Вокруг «Ньюгата» собрались писатели с самыми различными политическими убеждениями. Большая часть их стремилась идти по стопам декадентской литературы западных империалистических стран и придерживалась точки зрения эстетского новаторства. Таким образом, стремились они противопоставить себя консервативной эпигонской официальной литературе Венгрии.

Это новое литературное течение старалось сделать своим вождем Эндре Ади (1877—1919).

Эндре Ади начал свою литературную деятельность в начале XX века. Кроме произведений Чоконнаи, Петефи, Вайды и поэзии куруцев, любимой его книгой в юности был «Евгений Онегин» Пушкина, превосходно переведенный Кароем Берци в 1866 году на венгерский язык и выдержавший с тех пор семнадцать изданий. Свою любовь к «Онегину» Ади запечатлел в двух стихотворениях, посвященных Татьяне¹.

В тот период, когда Ади вступил в литературу, уже существовали массовые организации рабочего класса, а после 1905 года под влиянием русской революции число членов венгерских профсоюзов утроилось. С 1905 по 1907 год в стране разразилось больше тысячи забастовок. В 1907 году около полумиллиона крестьян прекратили работу в латифундиях.

А реакционные джентри, пошантажировав Австрию, провалили начатое ими же движение национального сопротивления. Крупные промышленники выдвигали только отдельные, частичные требования, но самостоятельной политики проводить не желали и объединились с владельцами латифундий. Даже реально существовавшие между ними противоречия были оттеснены страхом перед народом, уж не говоря о том, что венгерские промышленники были заинтересованы в обуржуазивании крупных поместий, а крупные помещики старались реализовать излишек капитала в промышленности. С начала XX века и тех и других объединил новый властелин — финансовый капитал. Буржуазия и помещики совместно заседали в правлениях банков.

В венгерском парламенте в это время усердно обсуждался вопрос о включении в бюджет расходов на подготовку войны, об увеличении армии. Император Вильгельм рвался через Балканы на Ближний Восток. Габсбурги аннексировали Боснию и Герцоговину.

Множество венгерских крестьян покидало страну. На улицах Будапешта все чаще проходили рабочие демонстрации. В Венгрии снова назревала революционная ситуация. Но не было революционной партии, которая указала бы массам пути, организовала бы их стихийные выступления, повела бы их к победе.

Так жила Венгрия в начале эпохи империализма и пролетарских революций.

«Крупные состояния, — писал в 1903 году Ади, — несут гибель, гниение в самих себе. Этот непреложный закон относится и к состояниям, подобным моргановскому... Все трудящиеся венгерцы — уже социалисты в душе». И дальше он устанавливает: «Два лагеря противостоят в этой стране друг другу, общество рабочих и общество капиталистов... Третье сословие у нас не одержало победы и все-таки пришло к своему концу, а феодализм при этом остается таким же, каким был во времена Дьёрдя Дожи... Мы одновременно должны покончить с рангами, привилегиями, древней грубостью, аристократическим миром и кровопийцами-капиталистами».

* * *

В 1904 году Ади уехал в Париж, чтобы познакомиться с «желанным» Западом, с западным социалистическим движением, но вскоре для него стало ясно, что Запад и лидеры западных социал-демократов вовсе не таковы, как это казалось ему, жившему в полуфеодальных условиях Венгрии и наслушавшемуся о Западе восторженных гимнов венгерских социал-демократов. Живя в Париже, он очень скоро разочаровался в западной демократии. В своих знаменитых «Парижских письмах» Ади беспощадно

¹ Надо заметить, что, начиная со второй половины XIX века, русская проза также пользовалась в Венгрии необычайной популярностью. За короткое время было издано несколько сот книг русских авторов.

срывал маски с жизни и культуры империалистического Запада. «Роден должен был бы воздвигнуть памятник «Деньгам». Это была бы страшная и потрясающая фигура. Он мог бы поставить ее против своей статуи «Мыслителя», — писал Ади в 1904 году. — «Знаменитая республика, демократическая Франция очень скоро превратится в полицейское государство... Только псам живется в ней хорошо». «Всем еще доведется увидеть, как французские социалисты включают в свою программу реванш, а гвардия Бебеля выступит самой верноподданной оппозицией его императорского величества для того, чтобы этот дрянной мир задрожал перед единой и всегда готовой к войне Германией».

Ади вернулся в Венгрию. На события русской революции 1905 года он откликнулся гораздо острее и революционнее венгерских социал-демократов. «А теперь уже нет и не будет остановки... Может быть, над Кремлем уже развевается красный флаг... Этот подъем будет гордостью истории. Пролетариат вернул народ народу. Мы можем следовать примеру России...», — писал он в 1905 году.

Но с большевизмом, с учением Ленина Ади не был знаком. Он только инстинктивно чувствовал, что в России действуют иначе, лучше, правильнее. Видя вокруг себя венгерскую жизнь, рабочее движение, Ади сомневался и мучительно искал причину бед. Без помощи извне поэт Ади не мог ясно осознать, в чем ошибка, он только стихийно чувствовал, что делается не то, что нужно. «Я верю и провозглашаю, что революционное обновление Венгрии — неизбежно», — писал он в 1907 году. В венгерском крестьянстве он видел один из резервов революции. В 1906 году он писал: «Венгерский народ должен воздвигнуть памятник Дьёрдью Доже».

Он обращается к пролетариату:

Встань, встань, святое алое солнце,
Встань, озари меня.

С революционными призывными речами обращается он к угнетенным национальностям, проживавшим на территории Венгрии:

Пора желаньям нашим спящим
Стать волей твердой, точно сталь,
Печаль славян, румын и венгров —
Всегда единая печаль! ¹

И к господам, готовящим войну, он тоже находит грозные и пророческие слова:

Так пусть они грозят войной.
К иной войне давно готовы мы.
Для нас ваятель чудо отольет.
Об этом мыслят гордые умы,
Последними смеяться будем мы ².

Ади чувствовал, видел, что единственный выход для венгерского народа — революция, руководимая пролетариатом.

Проснулась кровь. Кипит огнем все!
Молчание. Никто не дрогнет.
Мы в революцию несемся! ³

Ади так же, как в свое время Петефи и его небольшое окружение, был почти совершенно одиноким в Венгрии, в которой не было революционной партии. Он ясно понимал, что между ним и «Ньюгатом» лежит пропасть. «Мне нет никакого дела до так называемых венгерских модернистов...

¹ Перевод Л. Мартынова.

² То же.

³ То же.

Я не считаю себя ни новее, ни современнее Балашши, Чоконаи и Петефи». «Ньюгат» уже не мое дело». Ади знает, что «Эта литературная война — детище социальной войны» (1908).

Ади сокрушает поэзию, измельчавшую, увязнувшую в бесконечных славословиях соглашательской Венгрии, он обогащает язык венгерской поэзии, обновляет поэтику, превратившуюся в свод пустых канонов. Он устремляется в бой против фальсификаторов Петефи и пишет свою замечательную статью «Петефи не примиряется» (1910). «Незавершенный труд 1848 года, — писал Ади, — жестоко отомстил за себя... презираемый молодой человек Шандор Петефи — этот народный поэт, видел дальше, лучше других. Мертвые и живые, прожорливые ничтожества, писавшие до сих пор о Петефи, стыдитесь! По-настоящему вы его не любили никогда! Петефи жил ради нашей эпохи, ради нашего поколения. Мы постараемся защитить его и от жалких его друзей... Венгерские господствующие классы обращались с Петефи бессовестно... Они старались притянуть его к себе, исказить, использовать в своих мелких интересах... Но Петефи не примирялся, Петефи не примиряется, Петефи принадлежит революции!.. Бить, рубить, создавать в этой стране, кичащейся своей старостью, — вот к чему призывал Петефи» ¹.

К сожалению, Эндре Ади был тоже не вполне свободен от воздействия западной декадентской литературы. Усложненность формы и содержания, гипертрофированный субъективизм некоторой части его лирических стихов помешали тому, чтобы его поэзия проникла в гущу народа также глубоко и целостно, как творчество Петефи.

Но не этот налет модернизма был главным в творчестве революционера Ади. Поэзия его прекрасна и величественна вопреки этим элементам. Ади, в противоположность остальным поэтам — «ньюгатам», освежил венгерскую поэзию струей поэзии куруцев, революционно-освободительными традициями венгерской лирики. «Я чувствую себя внуком Витеза Михая Чоконаи, которого Кёльчен считал крестьянином, а Казинци... считал странным. Сапоги Чоконаи были порваны, в них набивалась ледяная жижа... стихов его не читают, а если читают, то не понимают» (1908).

Ади внес в свое творчество не только традиции венгерской революционной поэзии, но и самые животрепещущие вопросы современности, и всем этим обновил он венгерскую поэзию. Ади сумел стать в свою эпоху самым последовательным борцом за демократическое преобразование Венгрии и выразить в своих революционных стихах стремления всех трудящихся страны. И если в поэзии его часто слышались ноты отчаяния и трагизма, это объяснялось прежде всего тем, что в условиях венгерской действительности он вынужден был выступать сторонником буржуазно-демократической революции в то время, когда он уже собственными глазами убедился в растленности буржуазной демократии стран Западной Европы. А в Венгрии никто не познакомил Ади с учением Ленина — Сталина о буржуазно-демократической революции и ее перерастании в революцию пролетарскую.

«Герои II Интернационала утверждали (и продолжают утверждать), что между буржуазно-демократической революцией, с одной стороны, и пролетарской — с другой, существует пропасть или, во всяком случае, китайская стена, отделяющая одну от другой более или менее длительным интервалом... Едва ли нужно доказывать, что эта «теория» китайской стены лишена всякого научного смысла... ..едва ли нужно доказывать, что буржуазно-демократическая революция, в более или менее развитой стране, должна сближаться при таких условиях с революцией пролетарской, что первая должна перерастать во вторую» ².

«Иногда я падаю духом, — писал Ади в 1913 году, — но моя вера всегда снова втайне напештывает мне, что здесь будет революция». «Если в скором времени по этой стране не пронесется какой-ни-

¹ Поход против Петефи продолжался и во времена Ади. Декадентский метр «Ньюгата», Михай Бабич, еще в 1910 году писал о Петефи: «Петефи вовсе небольшой художник. Впечатления отражаются в его поэзии в сыром виде; они меньше, чем это было бы возможно, переплавляются в горниле души. В языке его мало индивидуальной окраски: он демократичен и общедоступен».

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 41-е, стр. 20—21.

будь благостный вихрь, то конец венгерцам, их трудам, их культуре, — конец и всей этой стране» (1908).

Ади чувствовал, что пролетариату суждено возглавить эту революцию: «У нас родилась слабая, разобшенная, бесхребетная, аристократствующая буржуазия, у которой недостает таланта даже на то, чтоб раскрыть рот и поймать жареного голубя» (1908).

Поэт понимал значение крестьянских восстаний. «Весть, дошедшая ко мне из Мармароша, — писал Ади в 1907 году, — попросту прекрасна. Крестьяне взялись за косы...»

Ади был сторонником освобождения женщин: «Швеи забастовали, — писал он в 1903 году, — и это значит, что женщина начала думать и будет думать. Она хочет работы и прав. Это уже музыка будущего, она выльется в чудесную симфонию».

Мысль о том, что на его родине стремятся создать гнилое буржуазное государство, подобное тем, что он видел на Западе, повергала его в скорбь. Он мечтал совсем об ином. Он стремился куда-то дальше, но путей не знал. В Венгрии не было революционной партии, вооруженной революционной теорией. И Ади был совершенно одинок. Это трагическое чувство одиночества и порождало порой мотивы безысходности в его поэзии. Развитию этих мотивов содействовало также и то, что Венгрия находилась в это время в кольце грабительских империалистических держав, прожорливость которых не могла не вызвать у Ади естественного страха за свой народ. Правые социал-демократические лидеры, занявшие министерские кресла в правительствах этих держав, вовсе не препятствовали, а, как хорошо видел Ади, даже содействовали их стремлениям к порабощению малых народов. «Немецкий социалист остается тевтоном... хмельная мечта о военной славе живет и в французском социалисте», — писал Ади.

Чутьем гениального поэта Ади один из первых в полуфеодальной полукOLONиальной Венгрии понял не только то, что трагедия венгерского народа заключается в упорном стремлении господствующих классов отстоять пережитки феодализма, но и то, что буржуазия Венгрии бесхребетна, а социал-демократы предают свой класс.

Поэтом-то звучали и звучат революционные стихи Ади с удивительной силой, поэтому его политическая лирика стала всенародным, национальным достоянием.

Ади ясно понимал, что зависимое положение Венгрии несколько не мешало ее господствующим классам проводить империалистическую политику¹.

Когда разразилась первая мировая война, Ади решительно выступил против нее. «Пусть те воспевают войну, кто видят в ней выгодную сделку», — писал он в ответ на лавину шовинистических стихов, печатавшихся тогда в Венгрии. Он писал это в ту же пору, когда орган социал-демократической партии заявлял, что: «Никогда еще благородная и драгоценная кровь не проливалась за такое прекрасное дело, за такую великую идею, как сейчас на полях Галиции и Польши». Еще в 1905 году Ади заявил: «Национализм — не есть патриотизм. Патриотизм — необходимое условие для развития человека и общества».

Знай, мой друг, что поведут нас
Завтра на смертельный бой.
Если даже победим мы,
Уничтожат нас с тобой², —

обращается он к венгерскому народу, которого втянули в империалистическую войну.

«Настанут лучшие дни!» — заверял Ади передовых людей Венгрии. Вконец озверевшая венгерская реакция решила призвать тяжело больного поэта в армию, надеясь, видимо, на то, что там он

¹ С начала XX века венгерский финансовый капитал хлынул на Балканы, не отставали и владельцы крупных латифундий: они стремились подавить своих балканских «соперников». В начале 1918 года на опубликованной официально географической карте новой Венгрии были «присоединены» значительные румынские территории.

² Перевод Л. Мартынова.

сложит голову. Только путем долгих хлопот удалось его освободить от этого. Ади создавал в это время свой последний сборник стихов «Во главе мертвецов», в котором еще раз наносил жестокие удары правящим классам, еще раз присягал в верности венгерскому народу.

И когда в 1918 году смертельно больному поэту сказали, что в Венгрии произошла буржуазно-демократическая революция и он может радоваться, так как «идеи» его победили, то он, по словам очевидца, махнув рукой, ответил: «Нет, это не то, чего я ожидал. Придет еще другая революция, она уже в пути. Настоящее красное солнце взошло над Россией. Свет его дойдет и сюда».

В 1916 году, в самую пору беснования шовинизма, Эндре Ади писал: «Будучи интернационалистом, я гордо указываю на тома своих сочинений и думаю, что более венгерского поэта, чем я, не было».

XI

Мы подошли к одной из самых блестящих глав венгерской истории: к пролетарской революции 1919 года. Навеки останется гордостью венгерского народа, «что семя, посеянное русской революцией»¹, взошло впервые на равнине между Тиссой и Дунаем. Помимо национального значения венгерская пролетарская революция имела и большое международное значение: она опровергла «теорию», будто «только особенности России вызвали этот неожиданный поворот к пролетарской советской демократии...»²

Венгерский народ освободился от векового рабства и национального угнетения.

Великая Октябрьская социалистическая революция привела в движение массы венгерских трудящихся еще в начале 1918 года. В январе 1918 года забастовали рабочие Будапешта, требуя заключения мира. Забастовка их была подавлена оружием. Летом того же года рабочие снова поднялись на борьбу, а в октябре уже кипела вся страна. 30 октября солдаты одного из маршевых батальонов отказались идти на фронт. Еще не прошло и года со дня октябрьского переворота в России, как в Венгрии под руководством рабочего класса победила буржуазно-демократическая революция, и трудящиеся были готовы к тому, чтобы буржуазно-демократическая революция переросла в пролетарскую. После того как буржуазно-демократическая революция разразилась, правые социал-демократы, придерживаясь своей многолетней практики, решили принести присягу верности последнему отпрыску Габсбургов. (В буржуазное правительство Венгрии вошло два социал-демократических министра.) Однако их желание сохранить на троне императора Карла не увенчалось успехом лишь потому, что последний сбежал в Швейцарию к глубокой печали легитимистски настроенных правых социал-демократов.

Не сумев оказать услуги императору, социал-демократы постарались «заслужить» доверие буржуазии у себя на родине. Один из министров выдвинул лозунг «прекращения классовой борьбы» и выделил так называемое «угольное пособие» «бедным» фабрикантам. Правые социал-демократы выступили против крестьян, отбиравших помещичьи земли, создали вооруженные отряды для «предотвращения всяческих эксцессов», произносили «просветительные» речи о «святости» частной собственности.

Ни венгерский рабочий класс, ни бедное крестьянство не соглашались «прекращать» классовой борьбы. В ноябре 1918 года была создана Коммунистическая партия Венгрии. Руководителями ее стали отколовшиеся от своей партии левые социал-демократы, члены антимилитаристических групп и бывшие военнопленные, вернувшиеся из Советской России. Не прошло и четырех месяцев, как большая часть венгерских трудящихся встала на сторону Коммунистической партии Венгрии. Буржуазное «народное» правительство не могло удержать власти в своих руках. Была провозглашена пролетарская диктатура. Пролетарская диктатура Венгрии передала в руки трудящихся банки, заводы, рудники, торговые предприятия, доходные дома; конфисковала помещичьи земли, провозгласила государствен-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 29, стр. 200.

² Там же, стр. 199.

ную независимость, союз с Советской Россией; осуществила равноправие наций, женщин; закрепила за трудящимися право на работу, отдых, образование, ввела восьмичасовой рабочий день, всеобщее избирательное право, всеобщее обязательное обучение, защиту материнства и младенчества и т. д.

Однако во время венгерской пролетарской революции был совершен ряд существенных ошибок. Главные из них явились следствием многолетней «традиции» реформизма в венгерском рабочем движении. Две наиболее серьезные ошибки сводились к тому, что венгерская коммунистическая партия объединилась с партией социал-демократов не на революционной основе и что земля крупных поместий не была разделена между крестьянами, а вместо этого сразу были организованы крупные государственные хозяйства.

Вследствие предательской политики венгерских троцкистов, измены лидеров социал-демократов и наступления международной реакции молодая Венгерская Советская республика была уничтожена. «Окружающие венгерскую Советскую республику всемирно-могущественные разбойники империализма (т. е. буржуазные правительства Англии, Франции и т. д.) сумели, конечно, использовать эти колебания *внутри* правительства венгерской Советской власти и зверски задушили ее руками румынских палачей»¹.

После падения пролетарской диктатуры на протяжении шести дней в Венгрии господствовало социал-демократическое правительство. Под лозунгом «преступники должны быть наказаны» правые социал-демократы положили начало волне арестов и тем самым белому террору, который продолжали потом палачи Хорти. Лучшие люди венгерского народа десятками тысяч попадали в тюрьмы, на виселицы.

Венгерская буржуазия и помещики с помощью правых социал-демократов и иностранных империалистов одержали временную победу над венгерским народом.

* * *

Венгерская пролетарская диктатура за время своего короткого существования не могла найти большого отражения в поэзии. Но после поражения в Венгрии не было такого поэта или прозаика, который не был бы вынужден выразить свое отношение к власти трудового народа. Революция заставила всех писателей определить свои политические позиции. Большая часть «ньюгатовцев» (Ади уже не было тогда в живых) восприняла падение пролетарской диктатуры со злобной радостью. Костолани, один из «ведущих поэтов» «Ньюгата», стал апостолом белого террора. Михай Бабич, второй «ведущий поэт» «Ньюгата», раскаивался, бил себя в грудь за то, что во время пролетарской диктатуры согласился быть профессором в университете и, чтобы искупить свою вину, уединился в «башню из слоновой кости». У него не нашлось ни единого слова протеста против ужасов террора.

Некоторые наиболее честные из мелкобуржуазных поэтов уехали в эмиграцию, и кое-кто из них включился в революционное рабочее движение (Бела Балаж, Андор Габор, Шаролта Лани). Футуристы, начавшие свою деятельность еще в период первой мировой войны, во время пролетарской диктатуры выступили против литературной политики венгерской советской власти, требовали монополии для своей «вечно революционной» литературы.

В годы белого террора в Венгрии, естественно, могли печататься только такие произведения, которые поносили венгерскую пролетарскую революцию и вообще всякие революционные выступления венгерского народа. Венгерская революционная поэзия начала двадцатых годов могла оформиться только в эмиграции. В 1920 году появились первые протестующие против белого террора стихи Андора Габо («Орговань», «Господа офицеры»). В это же время создал свое первое стихотворение о пролетарской диктатуре Эмиль Мадарас («Чепель»), тогда же писал свои стихи о революции Аладар Комьят, который отошел от футуристов еще в 1917 году и стал одним из основателей коммунистической партии Венгрии.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 30, стр. 329.

В Венгрии подрастало новое поколение поэтов. Ноте из них, которые примкнули к революционному движению, смогли выпустить свои произведения только в эмиграции. Так, например, написанная в Венгрии в 1923—1924 годах книга стихов Анатоля Гидаша «На земле контрреволюции» была издана в Вене; его же книга «Венгрия ликует» — в Москве.

Дьюла Ийеш, принадлежавший к этому же новому поколению литераторов, знакомится с революционным рабочим движением и созревает как поэт в парижской эмиграции. В 1927 году он возвращается в Венгрию и становится одним из основоположников современной венгерской поэзии.

Создается сравнительно сильная эмигрантская революционная поэзия, которая проникает в Венгрию подпольными путями и оказывает свое влияние на развивающуюся там новую поэзию. Вместе с тем большое влияние на новую венгерскую поэзию оказывают стихи советских поэтов, в первую очередь Маяковского.

«В 1919 году, — писал Антал Серб в своей книге «История венгерской литературы», — революционная пролетаризованная Венгрия рухнула за один день... революции и след простыл».

А на самом деле, начиная с 1919 года, венгерская пролетарская революция никогда не снималась с повестки дня политической и литературной жизни Венгрии. Самыми значительными представителями современной венгерской поэзии стали те поэты, творчество которых озарилось этим великим историческим выступлением венгерского пролетариата.

Некоторые передовые поэты «Ньюгата», как, например, Оскар Геллерт, оставшись на родине, были обречены на долгое молчание; такой крупный представитель венгерской поэзии, как Аттила Йожеф (1905—1937), тоже стал поэтом венгерского народа, только приблизившись к революционному мировоззрению пролетариата. К лучшим творениям венгерской поэзии относятся именно те его стихи, которые проникнуты этим мировоззрением.

Аттила Йожеф прошел сложный творческий путь. Сын пролетарской окраины Будапешта, Йожеф пережил тяжелую, полную лишений юность. «Когда мне исполнилось девять лет, — писал он в своей «Автобиографии», — разразилась мировая война. Нам становилось все хуже и хуже... случилось и так, что в девять часов вечера я уже стоял в очереди перед продовольственным магазином, когда в половине восьмого утра очередь должна была уже дойти до меня, то перед самым носом захлопывалась дверь и сообщали, что сала больше нет... Я торговал водой в кино «Вилаг»... Мастерил разные игрушки из цветной бумаги и продавал их богатым детям. Носил корзины, сумки из магазинов... работал на барже...» В это время ему не было еще и четырнадцати лет.

Писать Аттила Йожеф начал в двадцатые годы, в то время когда Европа еще только оправлялась после первой мировой войны, когда трудящиеся Венгрии, залечивая раны, нанесенные им подавлением революции, еще только намечали под руководством коммунистической партии те пути, по которым должна идти борьба. Правые социал-демократы прилагали все старания к тому, чтобы расколоть силы рабочего класса и выслужиться таким образом перед правящими кругами. Литература европейских империалистических стран, в том числе и Венгрии, находилась в это время в состоянии полного разброда. Волны формализма и эстетства захлестывали ее. Даже часть прогрессивных писателей поддавалась этому влиянию и усматривала в разрушении литературных форм великую революционность, пыталась обновить литературу путем формалистского новаторства.

Первый период творчества Аттилы Йожефа тоже прошел под знаком таких формалистических исканий. Высшей точки достигло творчество Аттилы Йожефа в тех стихах, где он не только описывает ужасы капиталистического мира, показывает разорванность сознания человека этого мира, но указывает и на единственно возможный революционный выход. Это его стихи «Рабочие», «Ночь окраины», «Дровосеки», «Баллада о капиталистическом барыше», «Пшеница», «Социалисты» и др.

Передовые представители новой венгерской поэзии решительно порвали с буржуазно-декадентскими течениями. Героями их стихов становится трудовой народ. Они воспевают борьбу рабочих, бедных крестьян, выражают их чувства и мысли.

* * *

К сожалению, поэзия Йожефа, так же как и поэзия Эндре Ади, не была монолитной. Живя трудной жизнью в атмосфере реакции Хорти, с ужасом и отвращением взирая на разгул правителей, не умея в достаточной мере найти себе опоры в революционном рабочем движении, Йожеф подчас впадал в отчаяние, пессимизм, не видел выхода для себя и окружающих. Поэтому в его поэзии мы находим довольно большое количество стихов болезненных, индивидуалистических, полных рефлексий. Содействовала этому и постоянная нужда, в которой жил поэт, и постепенно развивавшаяся душевная болезнь, приведшая его к трагической гибели.

Величайшая заслуга Аттилы Йожефа заключалась в том, что, живя в Венгрии, он никогда ни на мгновение не примирялся с существовавшим режимом Хорти. В своих стихах он с потрясающей силой рисовал всю античеловечность, антинародность правящих классов Венгрии времен Хорти. В целом ряде стихотворений отрицая этот общественный порядок, он призывал к его уничтожению. С необычайной задушевностью изображал Йожеф жизнь бедняков, раскрывал чувства людей труда.

Душевнобольной поэт, не находя в себе больше сил для борьбы, покончил с собой тридцати двух лет от роду.

Несколько лет не дожил он до освобождения Венгрии. А ведь только в свободной Венгрии его стихи о народе стали всенародным достоянием.

* * *

В 1941 году правящие круги вовлекли Венгрию во вторую мировую войну. Они продали гитлеровским фашистам независимость страны, пожертвовали жизнью сотен тысяч венгров ради сумасбродных, преступных планов немецкого фашизма. Но уже 6 октября 1941 год «Фронт национальной независимости», возглавляемый коммунистической партией, проводит в Будапеште антивоенную демонстрацию. 15 марта 1942 года десять тысяч венгерских трудящихся вышли на демонстрацию к памятнику Петефи под лозунгом венгерско-советской дружбы. Руководители этого движения были казнены. В 1944 году немецкие фашисты оккупировали Венгрию. Лучшие писатели страны, скрываясь от фашистов, были вынуждены уйти в подполье. Кое-где создавались венгерские партизанские отряды. Венгерский народ повсюду сопротивлялся и ждал освобождения.

В 1945 году Советская Армия сбила вековые оковы с рук венгерского народа. Венгрия стала свободной. Уже больше пяти лет строится новая народная демократическая Венгрия. Венгерский народ встал на путь социализма. Поэзия Венгрии тоже пошла по новому социалистическому пути.

Поэты Венгрии, следуя лучшим традициям родной поэзии и участвуя с советскими поэтами, принимают активное участие в культурном строительстве родины. Здесь и поэты старого поколения: Оскар Геллерт, Эмиль Мадарас, Шаролта Лани, Андор Габор и такой выдающийся поэт, как Дьюла Ийеш и талантливые поэты-коммунисты, как Золтан Зелк, Ласло Бенъямин и юное поколение поэтов в лице Петера Кудки, Дьюлы Тота, Ференца Юхаса, Лайоша Кони, Ласло Ф. Надя и др.

Венгерская нация постепенно приобретает черты социалистической нации, вместе с тем и венгерская литература также становится национальной по форме и социалистической по содержанию.

«Эти новые нации возникли и развились на базе старых, буржуазных наций в результате ликвидации капитализма, — путём коренного их преобразования в духе социализма»¹, — пишет вождь трудящихся всего мира товарищ Сталин о народах Советского Союза. «...кроме буржуазных наций существуют еще другие нации, социалистические нации, гораздо более сплочённые и жизнеспособные, чем любая буржуазная нация»².

¹ И. Сталин. Сочинения, т. 11, стр. 339.

² Там же, стр. 340.

«Нужно помнить, — говорит товарищ Сталин, — что эти возрождённые нации являются уже не старыми, буржуазными нациями, руководимыми буржуазией, а новыми, социалистическими нациями, возникшими на развалинах старых наций и руководимыми интернационалистической партией трудящихся масс»¹.

В этот почетный ряд новых социалистических наций входит венгерский народ. Он знает, что независимость, благосостояние и культура Венгрии могут быть сохранены и развиваться благотворно только при условии, если Венгрия будет дальше идти по пути социализма, будет отстаивать дело мира и верно хранить свои дружеские отношения с Советским Союзом.

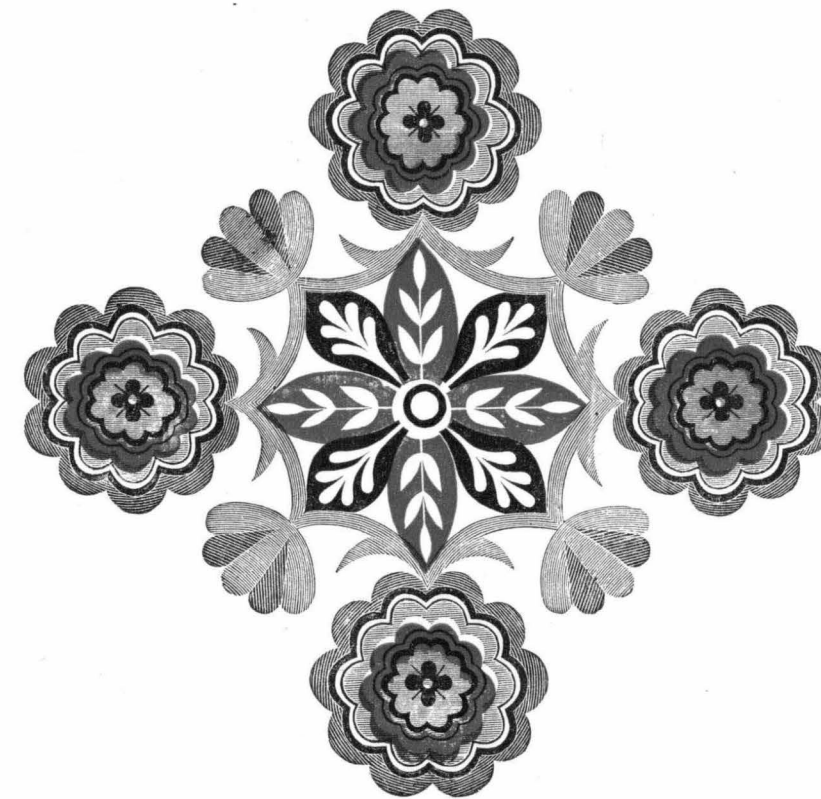
Венгерский народ знает, что единственная возможность сохранить независимость и национальную культуру это «быть верными до конца делу пролетарского интернационализма, делу братского союза пролетариев всех стран»².

Новые венгерские поэты едины со своим народом, они идут по пути социализма. Верные лучшим традициям венгерских поэтов, верные традициям венгерской народной поэзии, они идут к невиданному творческому расцвету.

АНАТОЛЬ ГИДАШ

¹ И. Сталин. Сочинения, т. 11, стр. 353.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 485.



**ВЕНГЕРСКАЯ
ПОЭЗИЯ**

ПЕТЕР БОРНЕМИССА

(1535—1585)

Петер Борнемисса (*Bornemisza Péter*) — реформатский священник и проповедник, писатель и печатник, автор многочисленных псалмов, снискавших ему популярность в народе. Человек широкой гуманистической культуры. Восемь лет он провел в скитаниях по иностранным университетам. Подвергался гонениям со стороны католической церкви.

«Как грустно, что с тобой расстаться должен я», — одно из первых дошедших до нас венгерских стихотворений патриотического содержания. В нем отражена скорбь поэта, а вместе с тем и скорбь народа, угнетаемого иноземными захватчиками при поддержке продажной венгерской знати.

Важным событием литературной жизни Венгрии того времени является сделанный Борнемиссой перевод «Электры» Софокла (1558). Этим переводом Борнемисса стремился доказать, что венгерский язык достаточно развит для выражения самых сложных мыслей и чувств.

К заслугам Борнемиссы следует отнести и то, что он воспитал первого выдающегося венгерского поэта Балинта Балашии.





*Как грустно,
что с тобой расстаться должен я...*

Как грустно, что с тобой расстаться должен я,
Благословенная Мадьярия моя.
О, буду ли я вновь в любимой Буде жить?

Проклятый турок взял весь наш мадьярский юг,
А немец взял весь Верх, не выпустит из рук.
О, буду ли я вновь в любимой Буде жить?

От немца чванного мне просто нет житья,
Средь турок-нехристей проходит жизнь моя.
О, буду ли я вновь в любимой Буде жить?

Наскутила мне знать. Все наши господа
Ученье божие забыли без стыда.
О, буду ли я вновь в любимой Буде жить?

Благословенная Мадьярия, прощай,
Отныне ты пустой и разоренный край.
О, буду ли я вновь в любимой Бude жить?

Я Борнемисса Петр, я в замке Хуста был,
И там в веселый час я эту песнь сложил.
О, буду ли я вновь в любимой Бude жить?



БАЛИНТ БАЛАШИИ

(1554—1594)

Балинт Балашии (Balassi Bálint) — первый выдающийся венгерский поэт. Родился в родовом замке Зойом. Двадцати лет поступил в Эгерскую «Школу витязей», и с этого времени началась его полная приключений воинская жизнь. Творчество Балашии сложилось в ту эпоху, когда Венгрия утратила свою независимость. Под оболочкой религиозных войн шли жестокие классовые бои, не прекращались усобицы феодалов, а страной тем временем все больше завладевали турецкие и немецкие захватчики. Балашии воевал с турками, принимал участие в походе австрийского императора против властителя Эрдея — Иштвана Батори, попал в плен. Будучи в плену, вошел в придворный круг гуманистов и позднее, когда Батори стал польским королем, переселился в Польшу, где пополнил свое гуманистическое образование, начало которому было положено Петером Борнемиссой. Вернувшись на родину, Балашии поселился в Эгере, но вследствие столкновения с католической церковью в 1589 году снова вынужден был бежать в Польшу. Вернулся он на родину через четыре года и в 1594 году пал в битве с турками под Эстергомом.

До Балашии венгерская поэзия, судя по дошедшим до нас источникам, носила большей частью религиозный характер. Балашии обогатил ее новым, светским содержанием. Он воспевал любовь, природу, ратную жизнь. Его любовные стихи, хотя и не лишены налета куртуазности, проникнуты подлинным лиризмом. В его стихах о родине звучат тревога за судьбу Венгрии и призыв к защите ее от чужеземных врагов.

Балашии обновил венгерское стихосложение; он внес в венгерский стих легкость и простоту, заимствованные во многом из народной поэзии.

Стихи Балашии религиозного характера часто печатались в XVII и XVIII веках, но его светские любовные стихотворения, составляющие большую часть его творчества, на протяжении трехсот лет по воле церкви оставались в рукописях, как произведения, «недо-

стойные серьезного человека». Среди любовных стихов Балашии можно выделить два наиболее значительных цикла. Первый из них состоит из двадцати пяти стихотворений, посвященных Юлии. Этим именем он называет вдову национального героя Венгрии Анну Лошонци, в которую много лет был влюблен без взаимности. Второй цикл — стихи, посвященные Целии, написан им во время изгнания в Польше.

Строфа, которой Балашии чаще всего пользовался (см. стихотворение «Журавлям»), до сих пор называется «строфой Балашии».



Журавлям

День добрый, журавли,
Летающие вдали
Туда, к родному краю!
Едва замечу вас,
Ток слез бежит из глаз,
И горько я вздыхаю.
Красавица моя!
Тебя припомню я —
И снова я страдаю.

Вы, журавли, вперед
Стремите свой полет,
В край милый, животворный,
К подруге дорогой,
Что всей моей душой
Владеет так упорно.
Вас видя в вышине,
Вздыхнет ли обо мне,
Служившем ей покорно?

Чужие здесь места,
Я здесь, как сирота,
Бреду все мимо, мимо,
Я в темное одет,
И в сердце вечный след
Тоски невыносимой.
Я не имею крыл,
А то б я воспарил
И улетел к любимой.

Ты, мой журавль, крылат,
Ты мчишься, ветра брат,
Садись, где желаешь,
И чистою водой,
Холодной, ключевой,
Ты жажду утоляешь.
Коль под своим крылом
Ее заметишь дом,
Мой рай ты повидашь.

Журавль, подставь мне грудь,
 Чтоб на груди черкнуть
 Ей краткое посланье.
 Не торопись, прошу.
 Лишь имя напишу
 Я ей в написание.
 Пусть знает, что люблю,
 Из-за нее терплю
 Все муки, все страданья.

Так пусть господь с высот
 Здоровья ей пошлет,
 Пошлет ей долголетия,
 Так пусть из божьих рук
 Летят к ней, как на луг,

Все блага, как соцветья,
 Чтоб след ее пророс
 Кустами ярких роз,
 Чтоб мог ее воспеть я.

Когда, средь битв и бурь,
 Вдруг надо мной лазурь
 Прорежет птичья стая,
 Летящая в края,
 Где Юлия моя
 Живет, красой блистая,
 Кричу я птицам вслед,
 С крылатыми привет
 Любимой посылая.

Рухнут в конце концов...

Рухнут в конце концов
 Крепости и дома.
 Рухнут и города.
 Роскошь старинных дворцов —
 И сбереженья купцов —
 Все утечет, как вода,
 И отцветут навсегда
 Розы и лебеда,
 Лилия и резеда.

Власть, величие, честь —
 Можно ли перечесть
 Все, что развеется в прах,
 Все, что сметет обвал,
 Будто бы глыбы скал
 Мощно круша в горах!
 Слава, почет, мечта,
 Ангельская красота
 Станут золой в кострах.

Мир наш состарится,
 Горы развалятся,
 Даже и на море
 Мели появятся,
 Даже на мраморе
 Надписи сгладятся,
 Солнце закатится
 И не воротится —
 Все переменится!

В хлябь превратится твердь,
 Зависти будет смерть.
 И повелит господь
 Злу добродетелью стать,
 Будет он все кончать,
 Будет он все менять,
 Только моя любовь
 Будет и вновь и вновь
 Адским огнем пылать.

Страсть велика моя!
 Ведать могу ли я
 Страсть неизменнее?
 Если б от Юлии,
 Словно от Лазаря,
 Ждал облегчения,
 Ей посвятил бы я
 Все до единого
 Стихотворения.

Как плачет соловей...

Как плачет соловей,
 Когда его детей
 Мальчишка вороватый
 Уносит из гнезда!
 Как он поет тогда,
 Отчаяньем объятый!
 Так, Целия, и ты,
 Вся в блеске красоты,
 Оплакиваешь брата.

Как рассышь нежных рос
 Румянец юных роз
 Весною омывает
 И роза под росой
 Блестит, горит красой,
 Сверкает и пылает,
 Так Целия от слез
 Пылает ярче роз
 И краше расцветает.

Как лилия, косой
 Подрезанная злой,
 Вдруг падает с откоса,
 Так Целия чело
 Склоняет тяжело,
 На гроб роняя косы,
 И слезы на очах
 Горят, блестят в лучах,
 Как жемчуг или росы.

О, как несчастен я!

О, как несчастен я!
 Вся молодость моя
 Повита хмурой мглой.
 Как трудно к моему
 Привыкнуть мне ярму!
 Оставил за собою
 Я радость прежних лет,
 Влеком в пучину бед
 Печальною судьбою.

Грустят мои глаза,
 Бежит из них слеза
 И падает, сияя,
 И сердце слез полно,
 Тоской напоено
 И сетует, рыдая.
 Я думаю о той,
 Что так строга со мной,
 И слезы лью, страдая.

Осенние леса
 Сперва кропит роса,
 В чащобах ветер воет,
 Потом с деревьев лист
 Слетает, золотист,
 А там и снег покроет
 Росу в лесах сырых,
 След алых, огневых
 Сапог моих зароет.

Господь, что делать мне?
 Скажи, в какой стране
 Искать мне утешенья?
 Ужель мне так и жить, —
 Грустить, всегда грустить,
 Не зная избавленья?
 Ужели жребий мой —
 Пройти весь путь земной,
 Терпя одни мученья?

В тоске, за годом год,—
Так юность и пройдет.
Чем сердце успокою?
Уж лучше с журавлем,
Родной покинув дом,
Осеннею порою
Умчаться в край, куда
Завистник никогда
Не прилетит за мною.

И, может быть, сказав
«Прости» — и убежав
На край земли, далече,
Моих клеветников,
Завистников, врагов
Избегну я злоречья.
Зачем им будет лгать,
Браниться, клеветать,
Коль прекратятся встречи.

Был сокол у тебя,
И ты его, любя,
На привязи жемчужной,
На нитке золотой
Всегда несла с собой.
Теперь простись с ним дружно,
Скажи ему: «Лети!» —
И с миром отпусти,
И не сердись, не нужно.

Мольба изгнанника

Господь, я отдаю
Тебе всю жизнь мою,
Храни меня в дороге.
Тоскуя и скорбя,
На одного тебя
Покинут я в тревоге.

С младенческих годов
Твоих щедрот, даров
Усердно ожидал я.
Как сын отца зовет,
Так средь тревог, невзгод
К тебе всю жизнь взывал я.

Тебе желаю я
Счастливого житья,
Любви тебе желаю
И не жалею, нет,
Что столько отдал лет
Одной тебе; мечтаю,
Чтоб ты всегда была
Здорова, весела;
Тебя благословляю.

Прости, что согрешил
Слуга твой и не скрыл
Невольную досаду.
Как тяжело сойти
Мне с твоего пути,
Но знаю: надо, надо.
Увижу ль, друг ты мой,
Еще хоть раз живой
Тебя, моя отрада?

Тебя и ныне чту
И лишь на доброту
Твою я уповаю,
Тобой одним храним,
Тобой одним водим,
Тебе себя вручаю.

Что выгадаешь ты,
Разбив мои мечты?
Зачем внушать сомненья
Мне, сыну твоему
Приемному, кому
Твой сын принес спасенье?

Внемли моей мольбе,
В моей судьбе, борьбе
Прими и ты участие,
Дай знак своей любви,
Меня благослови,
Пошли немного счастья.

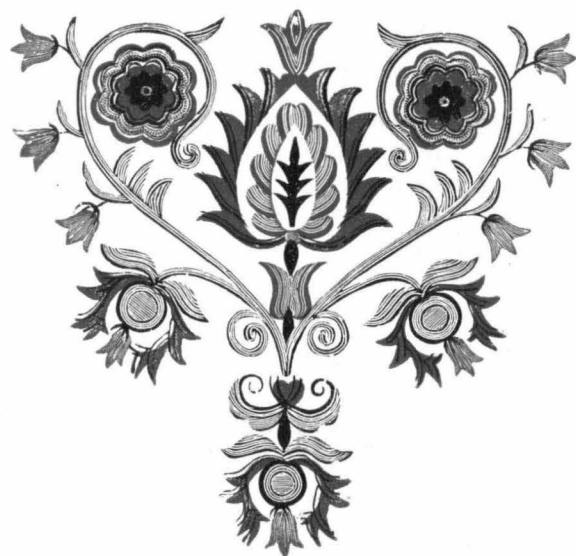
Меня не покидай,
Надежду мне подай,
Мне помоги с охотой,
Свободно и светло
Мне осенить чело
Отеческой заботой.

Как ты кропишь весной
Свои цветы росой,
Раскрыв для них объятья,
Так, жизнь мою храня,
Ты окропи меня
Своею благодатью.

Чтоб до последних дней
В груди все веселей,
Все звонче сердце билось,
Чтоб вольно я дышал
И всюду прославлял
Благую божью милость.

Пишу я это тут,
Где гребни волн несут
На берег пены перлы,
Пишу все это в год
Я тысяча пятьсот
Девять-на-десять первый.





МИКЛОШ ЗРИНИ

(1620—1664)

Миклош Зрини (Zrinyi Miklós) — наиболее значительный венгерский поэт XVII века, политический деятель, полководец. Потомок старинного дворянского рода, он родился в Хорватии в замке Озали. Двадцати семи лет указом австрийского императора был назначен правителем Хорватии. В молодости Зрини надеялся, что Венгрия будет освобождена от турецкого ига австрийцами. Позднее он понял, что изгнание турок — дело самих венгерцев, так как иначе страна подпадет под еще более тяжкое габсбургское иго.

В своих прозаических произведениях — «О короле Матьяше» (1654), «Горестная жалоба» (1655), «Целебное средство против турецкого дурмана» (1660) — он провозглашал необходимость создания централизованного национального государства, требовал создания венгерской национальной армии, выступал открыто против габсбургского дома, чем вызвал к себе ненависть австрийских правителей. В 1664 году Зрини погиб на охоте, как предполагают, от руки убийцы, подосланного австрийским двором.

Крупнейшим произведением Зрини является его эпическая поэма «Сигетское бедствие», или, как ее принято называть в Венгрии, «Зриниада» (1651). В ней поэт изображает борьбу своего предка Миклоша Зрини (1508—1566) против турок. Кроме того, Зрини написал большое количество идиллий, элегий и религиозных гимнов. Стиль его произведений отличается некоторой тяжеловесностью — недостаток, который ощущал и сам поэт, но оправдывал его тем, что он пишет «не пером, а обагренным мечом».





Время на крыльях летит...

Время на крыльях летит,
Не ожидая, спешит,
Мчится, как бурный поток.

Ты его не повернешь,
Богатыря не найдешь,
Чтоб задержать его мог.

Бедного и богача,
Слабого и силача —
Всех победит оно в срок.

Нет, я пишу не пером,
А обагрённым мечом,
Нет, мне не надо чернил,
Кровью я здесь начертил
Вечную славу мою.

В гроб ли положат меня, солнце ли прах мой сожжет, —
Только бы не потерять честь, когда гибель придет.
Пусть меня ворон склюет, пусть загрызет меня волк, —
Будет земля подо мной, а надо мной небосвод.

В мире не подчинено
Времени только одно,
Только одно перед ним,

Перед разящей косой,
Перед губящей красой
Не разлетится, как дым.

Только лишь слава одна,
Слава на свете вечна,
Трон ее непоколебим.

Сигетское бедствие

(Отрывок из поэмы)

Фаркашича уж нет. Пришел его черед.
Пред господом душа героя предстает,
А Зрини горестный над гробом слезы льет
И, жалуясь на рок, такую речь ведет:

«О, переменчивый несправедливый рок!
Героя славного зачем от нас увлек?
Зачем для подвигов его не поберег?
Фаркашич храбрый мертв, а быть живым он мог.

О жизнь, ты коротка, ты молнии быстрее,
Пересыхаешь вдруг, как в жаркий день ручей,
От нас уходишь ты, когда всего нужней,
Бежишь в небытие, как росы от лучей.

Как росы от лучей, как сладкий сон от глаз,
Как дымы от костра, который вдруг погас,
Как стая облаков от ветра в бури час,
Как снег от пламени, — так жизнь бежит от нас.

Поганый змей ползет, шипя, на жаркий склон,
Угрюмой старостью ничуть не угнетен,
Не страшен для него жестокий бег времен,
Он шкуру сбросит прочь — и станет юным он.

А человек не то. Хоть создало его
Почти по своему подобию божество,
Ему не принесет спасенья ничего,
И ждет его в конце лишь смерти торжество.

Стареет вся земля осеннею порой,
Но молодеет вновь цветущею весной,
И солнце вечером уходит на покой,
Но ясным утром вновь сияет над горой.

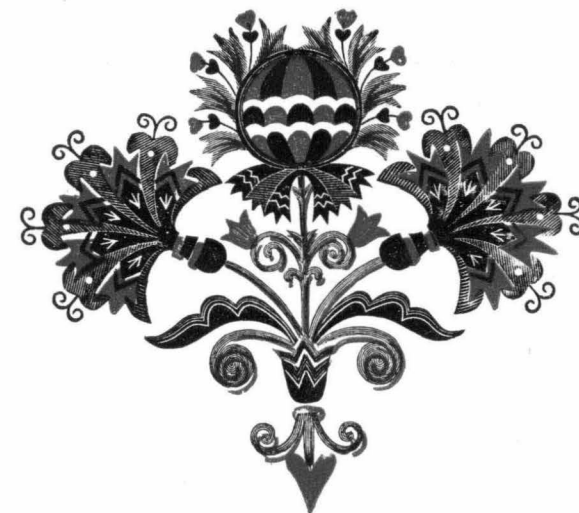
И только мученик несчастный, человек,
Уходит навсегда, бросает мир навек.
Неиссякаемы, глубоки воды рек,
И не возвратен лишь горячей крови бег.

Да, вечны воды, лес, земля, и лишь один
Мгновенен человек, их царь и господин.
Создатель прочных стен, стоящих тьму годин,
Не доживает он порой и до седин.

Лишь добродетелям могила не предел,
Тот будет вечно жить, кто справедлив и смел,
Пребудет навсегда величье добрых дел,
Бессмертье славное — счастливый их удел.

Фаркашич, дел твоих векам не расколоть.
Пусть тяжкая земля твою укрыла плоть,
Но подвигами смерть умел ты побороть,
И правою рукой вознес тебя господь.

Ты будешь награжден за твой упорный труд,
Крылами ангелы кровь ран твоих утрут.
За то, что родине служил ты верно тут,
Там, в небесах, тебе блаженством воздадут».





ИШТВАН ДЬЁНДЁШИ

(1629—1704)

Иштван Дьёндёши (Gyöngyösi István) родился в Радванце в семье небогатого помещика. Закончив учение, стал стряпчим. Состоял в услужении у различных магнатов.

Дьёндёши писал большей частью эпические поэмы. Наиболее известная из них — «Венера Мураня, беседующая с Марсом» (1664), в ней он описывает сдачу замка Мураня ее владелицей австрийским войскам (впоследствии этот сюжет был разработан и другими венгерскими поэтами, в том числе Петефи, Аранем и Томпой). Приобрела известность и его поэма «Феникс из пепла» (1693), в которой поэт воспекает Эрдейского властителя Кеменя, его борьбу с турками и другие героические деяния.

Дьёндёши стоял за мирное содружество с Австрией, воспевал в своих стихах аристократию и дворянскую жизнь, поэтому его творчество было созвучно мировоззрению дворянства.

Произведения Дьёндёши оказали влияние на развитие венгерской эпической поэзии и венгерского литературного языка.





Янош Кемень

(Отрывок из поэмы)

И вот уже зовут искусных мастеров,
Не тех, что красят ткань во множество цветов,
Не тех, что создают изделия из шелков,
А Бронтов молодых, могучих кузнецов,

Сейчас покинувших угрюмой Этны свод,
Пещеру, где Вулкан по наковальне бьет.
Явились шестеро, шагнув из тьмы вперед,
Из их косматых ртов горячий дым идет,

Блестят железные опилки на щеках,
И угольная пыль лежит на их плечах,
Ожоги давние краснеют на локтях,
Большие молоты в могучих их руках.

От копоти они как дьяволы черны,
Концы усов, бород огнем обожжены,
Их брови пламенем давно опалены,
От жара лица их суровые красны.

Но богатырская и мощь у них и стать,
Огромных гор хребты могли б они поднять,
Все, что задумают, по силам им создать,
Железу звонкому любую форму дать.

Железа фунтов сто тем кузнецам несут.
Пусть наколенники для Кемея скуют—
Два панцыря для ног. Они с размаха бьют.
О, как упорен их поспешный умный труд!

Дохнули в горн мехи дыханьем огненным,
Как будто над огнем Эуры крутят дым,
Как будто сам Вулкан бьет молотом своим,
Как будто трудятся циклопы вместе с ним.

Железо докрасна в огне накалено,
Освобождается от ржавчины оно.
Все шатким пламенем вокруг озарено,
Румяным отблеском огня напоено.

Один работает мехами, а другой
Мешает уголья огромной кочергой,
Тот брызжет в жаркий горн холодной водой,
А этот — длинный брус клещами гнет дугой.

Железный черный брус в зари окрашен цвет,—
Как будто ночи тьму вдруг озарил рассвет,—
На нем ни ржавчины, ни грязных пятен нет,
В податливых боках глубоких вмятин след.

Тяжелых молотсв стремителен полет,
Кузнец за кузнецом по очереди бьет,
Большими каплями с их тел стекает пот,
Рой искр взлетающих блестит, жужжит, поет.

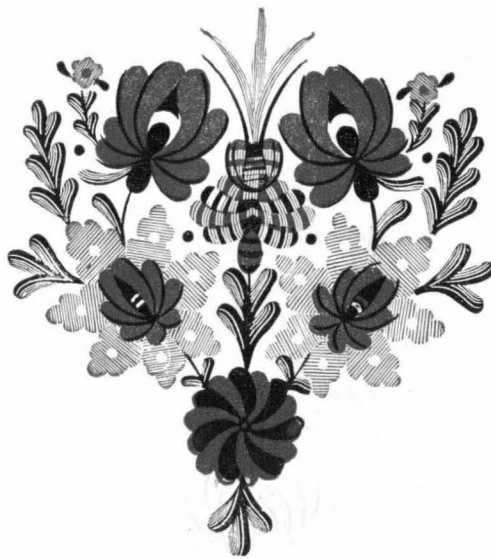
Уж солнце ясное давным-давно зашло,
А в старой кузнице попрежнему светло,
И светится она, ночным теням назло,
Как Эгны огненной бурлящее жерло.

Пучки горячих искр созвездиям сродни,
Как множество комет, они летят, взгляни,
Пронизывая тьму полуночи, они
Бесчисленнее, чем болотные огни.

У кузнецов ушло железа пять кусков.
Из наколенников один уже готов.
Мелькают молоты могучих молодцов,
Куются обручи из выгнутых брусков.

Готов уж и второй. Все кончено. И вот,
На наколенники вода, шипя, течет,
И пара белый столб до потолка встает,
А кузнецы со лбов и шей стирают пот.





ЙОЖЕФ ГВАДАНИ

(1725—1801)

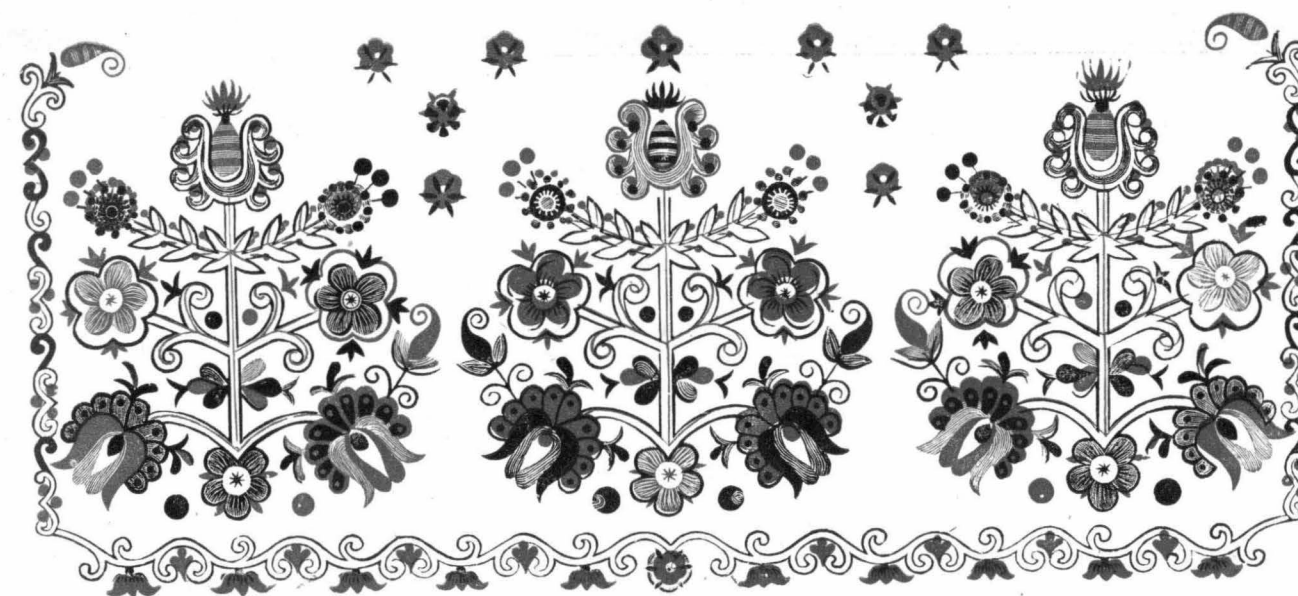
Йожеф Гвадани (Gvadányi József) родился в Рудабане. По окончании школы он поступил на военную службу, участвовал в войнах Марии Терезии, в Семилетней войне и в 1783 году вышел в отставку в чине генерала от кавалерии. Он поселился в своем имении, занялся хозяйством, изданием своих произведений и перепиской с литераторами своего времени.

Гвадани написал много стихотворений и поэм, самая известная из них — «Поездка одного деревенского нотариуса в Буду». Герой этой поэмы, деревенский нотариус Зайтай, едет верхом в Буду, чтобы посмотреть на знаменитый дворец короля Матьяша. По дороге с ним происходят разные комические происшествия. Наконец он приезжает в город. Здесь его поражает обилие немцев, а больше всего то, что сами венгерцы им во всем подражают. Зайтай — вначале комический герой — становится выразителем национального венгерского духа, борцом против засилья иностранного языка, моды, против поклонения перед всем иностранным.

После напечатания этой поэмы Гвадани стал одним из самых популярных писателей в стране. Устами нотариуса Зайтая, этого типичного провинциального дворянина, консерватор Гвадани, пусть даже в традиционной поэтической форме, выступил против онемечивания Венгрии, которое настойчиво проводил император Иосиф II. «Деревенский нотариус» появился в печати в 1790 году, как раз в то время, когда национальное сопротивление венгерского дворянства указам Иосифа II, имевшим целью онемечивание Венгрии, достигло высшей точки.

Поэма Гвадани до сих пор читается с интересом: она написана красочным языком, полна весельем и юмором, богата яркими реалистическими зарисовками из народной жизни.





*Поездка
деревенского нотариуса в Буду*
(Отрывки из поэмы)

Ну что ж, пора и в путь! Я оседлал конягу,
К седельцу привязал пузатую баклагу
Сатмарского вина. Люблю я эту влагу,
Что путнику сулит и радость, и отвагу.

Я денег взял с собой ни много и ни мало
И спрятал в кошелек, что мне жена связала,
А в сумку каравай, кусок свиного сала
И луку положил, чтоб на три дня достало.

И соли горсти две я завернул в тряпицу,
Конечно, не забыл и щетку, и скребницу:
Ведь, что ни говори, а еду я в столицу,
Дорога далека, все может пригодиться.

Обняв жену, детей, простившись с отчим кровом,
С народом, что стоял в молчании суровом,
Я успокоил их моим последним словом,
Что милостив, мол, бог, и я вернусь здоровым.

Потом подвел коня к высокому порогу,
И, гриву потрепав, поставил в стремя ногу,
Махнул рукою, сел и — рысью на дорогу.
Деревню миновал и еду понемногу.

Погладил я коня; послушный и степенный,
Он весело шагал, помощник мой бессменный.
И вот, подняв глаза, к создателю вселенной
Я обратился вслух с молитвою смиренной:

— Днесь, господи, тебя молю я не о чуде,
О милости молю, как все простые люди:
Не покидай меня, моим вожатым буди
И в странствии моем, и в многолюдной Бude!

.....
Проехав мили две, а может быть и боле,
Устроил я привал под Оршей в чистом поле.
Стреножил тут коня, и сам решил на воле
Немного отдохнуть, отведать хлеба-соли.

Я сумку отвязал, достал свое огниво,
Осколок кремешка и трут сухой на диво,
Ударив раз-другой, огня я добыл живо
И разложил костер из веток старой ивы.

Как исстари велось на берегах Дуная,
Мне вертелом была тростиночка простая.
И, сало насадив, вертел его слегка я,
Шипел горячий жир, на белый хлеб стекая.

Лежал я на траве под ивою зеленой,
Ел сало, вкусный хлеб, женою испеченный,
Прихлебывал вино и думал умиленный:
«Ну, чем я не король, хотя и без короны?!»

.....
Снаружи и внутри я видел Пешт и Буду,
И странствие свое я долго не забуду.
Какой же вышел толк? Чудес я видел груды,
Но не нашел того, что я искал повсюду.

Прошел я сотни миль, леса, степные шири,
Чтоб видеть красоту одежды, лучшей в мире,
И бархат, и багрец на герцогской порфире,
И пышные меха из ледяной Сибири.

В столице я искал всех лучших, всех избранных,
Мечтал увидеть их в богатых доломанах,
В расшитых кушаках на куртках златотканых
И в алых, как заря, сапожках кордованных.

Над шляпами у них, как первый снег белёя,
Султаны шелестят; на грудь с могучей шею
Все в бляхах золотых спадают портупей
И сабли на боку, что всех друзей вернее.

На кровных жеребцах сидят они, гарцуя,
На седлах дорогих с бахромчатою сбруей.
И кони землю бьют, как будто битву чуя...
Такими, думал я, их в городе узрю я.

Хотел я видеть то, чему уж нет возврата:
Кольчуга на груди из чистого булата,
Накинут на плечо мех тигра полосатый,
И булава в руке над головой подъята.

Так, рассказывают, встарь ходили предки наши,
Суровые в бою, веселые за чашей,
Обычай наш храня, чужое гнали взáшей,
И не было дворян отважнее и краше.

.....
Однажды на мосту стоял я, как в дозоре.
Вдруг юноша идет с достоинством во взоре.
Он почему-то был в таком чудном уборе,
В таком цветном тряпье, что просто смех и горе.

Он подошел, и я без лишних церемоний
Чуть голову склонил в почтительном поклоне.
И он — хоть наш язык давно уже в загоне —
Ответил, как мадьяр, прижав к груди ладони.

— Мой сударь, — молвил я, — быть может, и некстати
Все то, что я скажу, но я сужу по платью,
Что вы один из той, забытой богом братьи,
Что пляшут пред толпой и ходят на канате.

Две пряжки и кушак на вашем стройном стане
Нужны вам для того, чтоб, прикрепясь заране
К веревке ремешком, ходить без колебаний
Под аханье зевак хоть на святом Иштване.

И шляпа служит вам отлично подмогой:
Сорветесь, и она вам жизнь продлит немного.
А ваш костюм из лент — в нем, коль подумать строго,
Зимою не пройти от печки до порога.

Конечно, не к добру ведут сальтомортале,
Но шею вы себе сломаете едва ли:
Вы пестрый галстук свой так толсто намотали,
Как никогда у нас младенцев не свивали.

— Молчи, — воскликнул он, — вахлак неблагородный!
А знаешь ты, что я венгерский граф природный?
Мне стоит приказать, и ты, мешок негодный,
Всех родичей своих увидишь в преисподней!

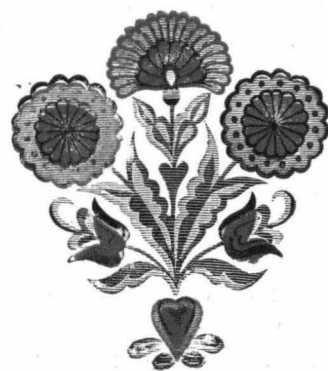
Кто думает, как ты, — невежа и неряха, —
Что ряса и клобук лишь делают монаха,
Тот света не видал, тот — порожденье праха,
И ползал по земле всю жизнь, дрожа от страха.

Чтоб турок взял тебя, холопское отродье!
Тебе того не знать ни при какой погоде,
Что мой костюм сейчас во всех столицах в моде,
И в Вене при дворе все носят в этом роде.

— Насчет монаха, граф, сказали вы неплохо,
Но тут и я скажу без всякого подвоха:
Кто под чужим столом чужую ловит кроху,
Ну, чем он не фигляр? Чем лучше скомороха?

Вы, сударь, как баран, отбившийся от стада,
Обесться белены или ослепнуть надо,
Чтоб хаять красоту старинного наряда,
Которому всегда душа венгерца рада.

Ведь эту красоту признали все народы.
А в тряпках шутовских красуются уроды
Твоей, светлейший граф, свихнувшейся породы,
Иль просто дураки, притом последней моды!



ФЕРЕНЦ КАЗИНЦИ

(1759—1831)

Ференц Казинци (Kazinczy Ferenc) — руководитель венгерской литературной жизни начала XIX века. Родился в Эршемьене в знатной дворянской семье. В 1784 году стал членом масонской ложи и поступил на государственную службу. За участие в республиканском заговоре, возглавленном Мартиновичем, Казинци был арестован и приговорен к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением. Казинци вышел на волю в 1801 году, в 1806 году поселился в имении «Сепхалом» (Красивый холм). Эта усадьба и стала своеобразным литературным центром, куда съезжались писатели со всей Венгрии и откуда Казинци вел широкую переписку с литераторами.

Состоя в переписке с большинством писателей Венгрии, он обобщал их, критиковал, исправлял произведения, которые присылались к нему на суд.

Свою поэтическую деятельность Казинци начал с переводов. Оригинальных стихотворений он написал немного. В его стихах мало непосредственности, свободного выражения чувств.

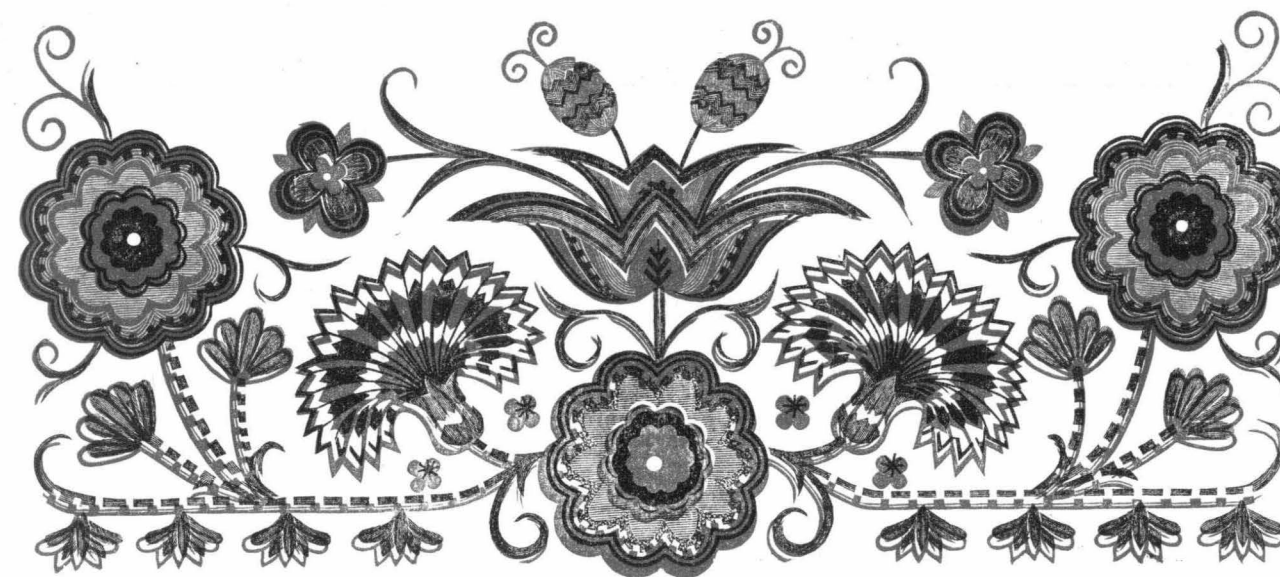
Из прозаических трудов Казинци наиболее известны его «Эрдейские письма» и «Мемуары». Эти произведения, так же как его богатая переписка, составляют самое ценное в его литературном наследии.

С именем Казинци связано и первое значительное литературное движение в Венгрии — борьба за «обновление языка и за литературное возрождение».

Борьба за венгерский язык и новую литературу явилась своеобразным откликом венгерской общественности на события французской революции и одной из форм борьбы против феодализма, за национальное объединение Венгрии.

Однако, хотя Казинци и был гуманистом, сторонником просвещения, его гуманизм носил отвлеченный, литературный характер; с первого дня после выхода из тюрьмы он отошел от народного направления в литературе, выступал против народного языка и народной песни, проповедуя как идеал «высокий стиль», отличный от обиходной речи.





Посвящение

Ручей судьбы моей струился,
Цветы росли по берегам,
И я с друзьями веселился,
Их ярким радуясь огням.
Как, отраженные струями,
Цветы дрожат в воде ручья,
Так трепетала песнь моя,
Готовая взмахнуть крылами.

Цветы!.. Из тех цветов прекрасный
Венок я боязливо плел,
Поил из глуби сердца ясной
И любовался, как он цвел.
И с упованием взирая
На воды верного ручья,
Слагал я песню, твердо зная:
К тебе ее несет струя.

Плыви, плыви, венок из песен,
В ручье времен по воле волн!
Улыбкой встретишь ты, чудесен,
У берега мой легкий челн.
О лира, пой неутомимо!
Верь, этой нежной песни звук —
Лишь скорбный стон сердечных мук,
Лишь пламень в честь моей любимой.

Поэт

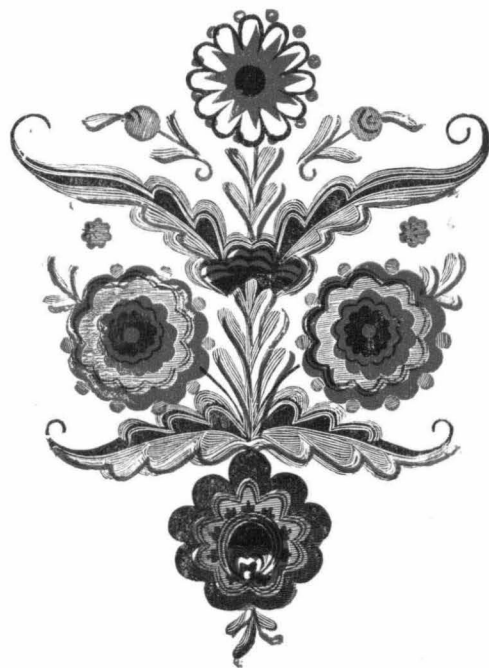
Зверь о добре и зле нам не расскажет,
Но люди говорят о злом и добром.

Поэт о злом и добром распеваает,
И чувствует он пламенно и бурно,
Совсем не так, как человек обычный,
Который даже в горе вял и скучен.

Насколько человек обычный выше
Животного, настолько ж песнопевец
Людей неодаренных благородней.

Тем, кто калечит язык

Строил Палладий, не портил, ты ж, дикое время,
Видело в нем нарушителя правил.
Много сильнее художник, чем время, — он молвит:
«Я тебе ставлю закон, а не ты мне».
Выситя гордый дворец, подтверждая, что выше
Смелый художник, чем рабский обычай.



ЯНОШ БАЧАНИ

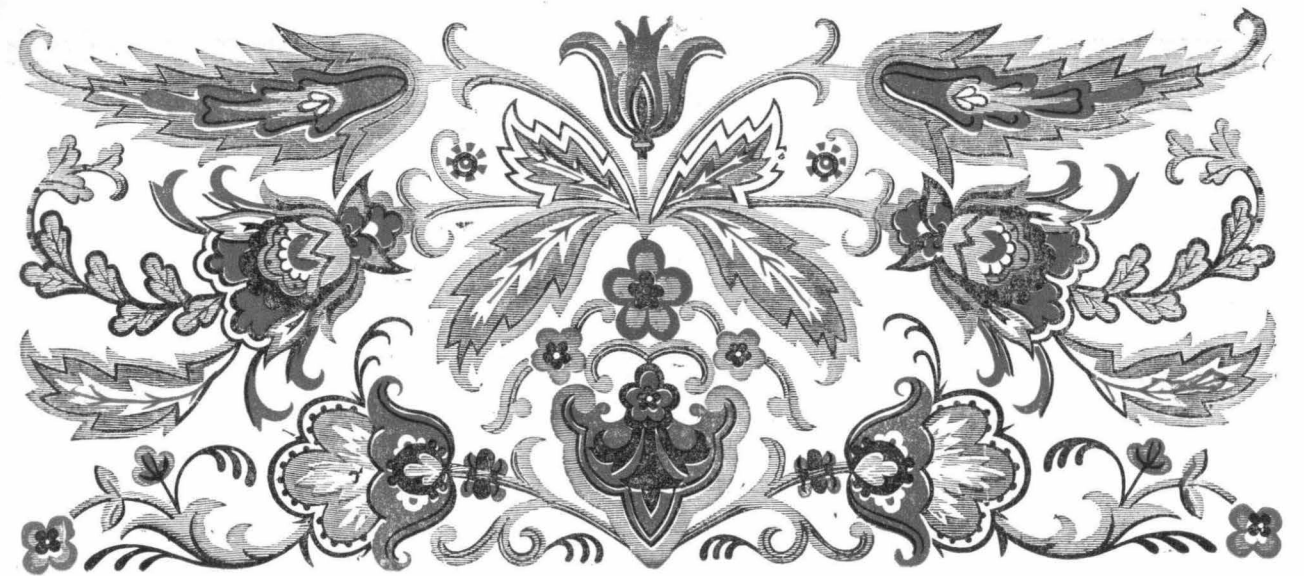
(1763—1845)

Янош Бачани (Bacsányi János) — поэт, революционный просветитель. Родился в Таполце. По окончании юридического факультета ему с большим трудом удалось устроиться на службу, которую он скоро потерял из-за своего революционного стихотворения «На перемены во Франции». Увлеченный идеями первой французской буржуазной революции, он мечтал о преобразовании Венгрии в республику. После раскрытия республиканского заговора Мартиновича Бачани был заточен в тюрьму. Освободившись из тюрьмы в 1796 году, он переселился в Вену. Впоследствии, спасаясь от преследования австрийских властей, Бачани вынужден был бежать из столицы Австрии; несколько лет жил в Париже. Когда в 1814 году Париж оказался в руках союзников, Бачани был снова заключен в тюрьму и затем выслан в Линц, где и умер.

Поэтическое творчество Бачани сложилось под влиянием идей французской буржуазной революции XVIII века. Он первый в Венгрии грозно заговорил с аристократами, назвав их палачами крепостных, призывал народы поклоняться «разуму, равенству, достоинству, свободе».

Кроме нескольких превосходных стихотворений, Бачани написал и ряд выдающихся прозаических произведений, опубликовав их в первом венгерском журнале «Магьяр музеум» (1790), основанном им вместе с Казинци. В программной статье журнала Бачани выдвинул идею необходимости создания самобытной национальной литературы, независимой от чужеземных влияний, и призывал к борьбе с правилами и канонами дворянской литературы, «которые не создают мыслителей».





На перемены во Франции

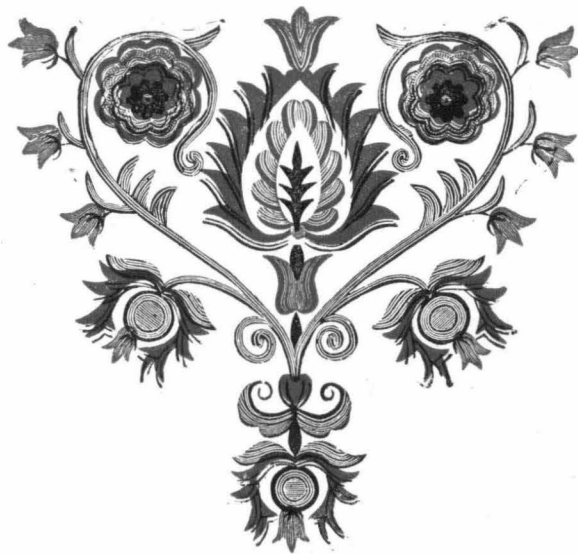
О нации, чей стон звучит кругом, как будто
В ловушках бьетесь вы и тирании путы
Не можете сорвать, и суждена вам участь
Бесславно умереть, в позорном рабстве мучась,
И вы, чью кровь давно уж требует природа,
Вы, божьей милостью мучители народа,
Чтоб знать свою судьбу, осмыслить суть событий —
Вы зоркие глаза к Парижу обратите!

1789

Провидец

Ликуй, печальный ум! Мир обновится ране,
Чем этот век придет к своей последней грани.
Пусть арфа зазвенит, пусть слушает ее
Любой, кто не забыл отечество свое,
Кто — человек еще и кто свободе предан
Под переменчивым венгерским этим небом.

О вы, на чьих сердцах всегда печали тень,
Негаданных надежд встречайте ясный день!
Он рухнул в этот день, тьмы безобразный идол,
Который столько жертв себе кровавых видел
На суеверия ужасном алтаре.
Луч правды заблестел сегодня на заре —
Восстала нация, тот поднялся народ,
Который весь наш мир от гибели спасет,
Покажет, сбросив гнет цепей многовековых,
Как он велик, народ, когда он не в оковах.
Находит человек затоптанный свой клад,
И головы тогда у идолов летят.
Народ, с тиранами расправившись жестоко,
Объявля братские раскрыл для нас широко,
И добродетели алтарь там возвели,
Чтоб все мы на поклон притти туда могли.
Пусть и для нашего объявятся народа
Честь, Разум, Равенство, Достоинство, Свобода.
Свобода! Этот клич весь шар земной потряс,
Он близок, он грядет, давно желанный час,
И троны из костей, скрепленных кровью наций,
Везде уже дрожат, готовы зашататься.
Глядят, куда бежать, коль скоро рухнет трон,
Убийцы жадные, носители корон,
Тираны! А давно ль по подлым их приказам
На гибель люди шли по сотням тысяч разом.
И целых стран разгром казался так же прост,
Как в муравейник ткнуть заостренную трость.
Ликуй, печальный ум, мир обновится ране,
Чем этот век придет к своей последней грани.



ВИТЕЗ МИХАЙ ЧОКОНАИ

(1773—1805)

Витез Михай Чоконаи (Csokonai Vitéz Mihály) — один из наиболее выдающихся венгерских поэтов-просветителей. Петефи называл себя его учеником, Эндре Ади с гордостью признавал его своим литературным предком.

Чоконаи родился в городе Дебрецене. Отец его был цирюльником, мать дочерью портного. Мальчиком он учился в дебреценской коллегии, рано проявил большие способности. Кроме обязательной латыни, он изучил немецкий, французский и итальянский языки. Его оставили преподавателем в коллегии, но вскоре он был уволен «за слишком вольное отношение к ученикам». В 1795 году он поехал в Пешт, случайно оказался свидетелем казни Мартиновича и его товарищей. Это событие произвело на него огромное впечатление.

В 1796 году, гонимый нуждой, он пустился в скитания по Венгрии. В одном городе он встретил и полюбил дочь богатого торговца, которую воспел в своих чудесных «Песнях Лилы». Родители девушки не согласились выдать свою дочь за бедняка-поэта. Тяжело пережив эту трагедию, Чоконаи снова отправился странствовать от одного провинциального магната к другому. Он писал оды, стихи на случай, стараясь угодить аристократам, чтобы добиться издания своих стихов. Но все его усилия оказались тщетными. Разочарованный и больной, вернулся он в родной Дебрецен, где жил одиноко, целиком посвятив себя поэзии. После долгих мытарств он умер от чахотки в расцвете творческих сил. Первый сборник его стихов был выпущен только в 1805 году, после смерти поэта.

Чоконаи с юности волновали проблемы просвещения, особенно вопросы культуры и создания венгерского национального языка. В годы тяжелого духовного гнета, следовавшие в Венгрии после французской буржуазной революции 1789 года и раскрытия заговора Мартиновича, Чоконаи вынужден был скрывать свое сочувствие идеям французских революционных просветителей. Только сравнительно недавно было найдено его стихотворение «Вечер», в котором он решительно выступает против социального неравенства.

Спасаясь от мрачной действительности, поэт зачастую уходил в мир грез, украшая его всеми узорами дворянской поэзии XVIII века. В этих стихах много традиционных мифологических элементов, идиллических картин природы, легких игривых настроений. Но в большинстве его стихов изысканный стиль поэзии того времени сочетается с языком народных песен, которые Чоконаи превосходно знал и любил. Он написал и несколько песен в народном духе, жанровых и пейзажных стихотворений.

Из эпических произведений Чоконаи самое удачное комическая поэма «Доротея».

Чоконаи создал несколько пьес, из которых наиболее интересны «Карньоне» и «Темпефеи». В «Темпефеи» он издевается над некультурностью венгерских бар, изображает трагическую судьбу венгерского поэта в современном ему обществе, где царит полное непонимание поэзии, торгашеское отношение к ней. Герой поэмы горестно восклицает: «Безумец тот, кто родился в Венгрии поэтом».

Чоконаи написал ряд трудов по вопросам поэзии, в частности венгерского стихосложения.



Вечер

Уходит солнца шар средь блеска и сиянья
В распахнутую дверь ущерба, увяданья;
Горячие лучи бледнеют, умирая,
Свой жар за горизонт багряный погружая,
И гаснут в вышине на золоченых тучах.
И вечер на крылах прохладных и могучих
Летит с улыбкою, летит, роняя росы,
Как сладостный бальзам, в раскрывшиеся розы.
Пичуги малые, в остывших сидя гнездах,
Печальной жалобой тревожат сонный воздух,
И плачет соловей, и плачет, и рыдает,
И жаворонка трель все выше улетает.
В нору забрался волк и дремлет, а в берлоге
Испуганный медведь ревет, рычит в тревоге.
Придите, вечера, дохнув очарованьем,
Наполните, летя, мой слух своим звучаньем,
Пусть душу скорбную ваш тихий ветер тронет,
Утешит нежностью и горечи схоронит.
Зефиры легкие, летите, вейте, вейте,
Веселье, радость, жизнь мне в душу щедро лейте!

И вот уж окружен я ветерком крылатым,
 Он дышит мне в лицо небесным ароматом,
 На радость грациям, широкий, шелестящий,
 Какие игры он устраивает в чаще,
 Как он колеблет гор далеких очертанья,
 Едва заметные сквозь лунное сиянье,
 Как, сумрак шевеля, он открывает дали
 Для грусти сладостной, для радостной печали!
 Не торопись, о ночь, с угрюмыми часами
 И радость не гони холодными крылами,
 Мне отдыха не даст безмолвие ночное,
 Ничто моей душе не принесет покоя.
 Наш мир, он для меня, признаться, слишком шумен,
 Крик чванных и скупых неистов и безумен,
 Все люди вокруг меня от злобы и испуга
 Вопят, как пьяные, галдят, давя друг друга.
 Род человеческий, безумный, бестолковый,
 Зачем ты сам себе, скажи, надел оковы?
 Земля-кормилица, она была твоею,
 А ныне лишь скупец, гордец владеет ею.
 Зачем, разгородив простор полей межами,
 Посеял ты раздор, разлад меж сыновьями?
 Везде «твое», «мое». Насколько было краше,
 Когда про все кругом могли сказать мы: «наше».
 Был век, когда земля для всех плодоносила,
 Принадлежала всем и щедро всех кормила,
 И войны хищные в безумном иступленье
 Народы не влекли на смерть, на истребленье.
 Законом бедняки тогда не презирались,
 Все были равными, все в равенстве рождались,
 И пограничный столб, и вежа межевая,
 Твердящая нам всем, что здесь земля — чужая,
 Не нарушали встарь ни дружества, ни братства,
 Людей не гнали прочь от общего богатства.
 И баре чванные, украсив дом гербами,
 Не правили еще безгласными рабами
 И не лишали их последней корки малой,
 Чтобы паштетами наестся доотвала.
 Не правили цари десятками миллионов,
 Не драли шкуру с них при помощи законов,
 Не разоряли их во имя самовластья,
 Лишая их гнезда, уюта, жизни, счастья.
 Скупец тогда еще не прятался от взора,
 Не избегал людей, чтоб деньги скрыть от вора,
 Который воровать у них же научился,
 Ибо никто на свет воришкой не родился.
 Чему дивиться тут, когда в полях зеленых
 Куда ни глянь — межа, столбы границ на склонах,
 И даже вольный лес весь окружен оградой,
 Чтоб дикий зверь, и тот был барскою усладой;

Когда заборами обнесены и реки,
 Чтоб их от бедняков отгородить навеки!
 О зарево зари, о ясное сиянье!
 Лишь ты одно пока ничье не достоянье.
 О ветер сладостный, о воздух животворный!
 Лишь ты один ничей, привольный и просторный.
 Заката музыка, греми! Твоим фанфарам
 Все сыновья земли еще внимают даром.
 Шуми, широкий лес! В зеленые чертоги
 И свинопас придет, и землекоп убогий,
 И праздник радостный, услады даровые
 Для них устроят мир и все его стихии.
 Природа милая, тебе одной я внемлю,
 Ты подарила мне и небеса и землю,
 И их помещиком я буду век за веком
 Лишь оттого, что я родился человеком.

Прощение

Что ты смотришь так сурово?
 Потерпи и примиришь.
 Да, люблю. За это слово
 На меня ты не сердись.

Кто виновен, что прекрасна,
 Что, мой друг, прелестна ты,
 Что сердца трепещут страстно,
 Видя дивные черты?

Если грех в тебя влюбиться,
 Значит, многим свойствен грех.
 Как же можешь ты сердиться,
 Что в грехе я тверже всех?

Ты найди, найди такого,
 Кто тебя бы увидал
 И признанья рокового
 В тот же миг не прошептал.

Ты сердита, что люблю я?
 Недовольна? Так и быть,
 Я тебя прощу, целую,
 Лишь позволь и впредь грешить.

Ты обиделась? Напрасно.
 Что ж, верни мне «да, люблю».
 Я приму его прекрасно
 И уж как-нибудь стерплю.

Клятва

Я клянусь тебе, о Лиля,
 Что с тех пор, как покорила
 Красота меня твоя,
 Перед девою иною,
 Пред огнем и пред стрелою

Не раскрою сердца я.
 Я клянусь тебе! Священной,
 Нерушимой, неизменной
 Клятвой связан я с тобой.
 Так ответь такой же точно

Клятвой твердой, клятвой прочной
Мне на клятву, ангел мой.
Я клянусь твоей рукою,
Ртом румяным, что с тобою

Не расстанусь ни за что.
Я клянусь: пока живу я,
На другую не взгляну я.
Или Лила, иль — никто.

Тиханьскому эхо

Эхо пробужденное Тиханя,
Вылети из темных гор!
Тот, кто столько испытал страданий,
Здесь глядит в речной простор.
Месяц над вершинами сияет,
Над концом надежд своих рыдает
Сердце бедное мое.

Те, кто не изведали печалей,
Горестей, невзгод и бед,
С радостью во взорах смотрят в дали,
Где, блестя, течет Фюред.
Но в рыданьях дни свои влачу я.
Эхо, Нимфа! Все, о чем молчу я,
Ты на струнах скал сыграй.

Горы дикие, леса на склоне!
Повторяйте без конца
Стоя мой жалобный. Вы благосклонней,
Чем холодные сердца,
Что меня порочат, проклинаят
И недобрый словом поминают
Горькую мою судьбу.

Те, кто были некогда друзьями,
Все восстали на меня,
И поносят заодно с врагами,
Гонят, оскорбляют ежечасно,
Несмотря на то, что я, несчастный,
Твердо верность им хранил.

Нет мне ни усад, ни утешенья,
Жизнь без дружбы мне горька.
Друг, услышав про мои мученья,
Лишь плечом пожмет слегка.
Скалы, вы ко мне добрей, чем люди,
Я на ваши каменные груди
Горе сердца изолью.

Даже ты, пленительная Лила,
Ты, надежда всех надежд,
Перед властью света отступила,
Перед злым судом невежд.
Как живешь ты, друг мой драгоценный?
Я теперь один во всей вселенной,
Я плыву по морю мук.

Между гор, в теснине этой темной,
Не найду ль пещеры тут,
Что дала бы мудрецу укромный,
Тихий, ласковый приют?
Тут я буду спать на голем камне,
И не помешает никогда мне
Тут ни зверь, ни человек,

Тут не будет никогда предлога
Для обид, для глухих ссор,
Буду видеть с моего порога
Выси каменистых гор,
Тут, где скалы и леса повсюду,
Как Руссо в Эрменонвилле, буду
Человек и гражданин.

Научусь тут совершенствам тайным,
Тут с природой я солью,
С разумом ее необычайным,
Душу бедную мою.
От друзей и недругов далеко,
Никому неведом, одиноко
Буду плакать до конца.

Тут умру. Крестьянин закопает
Тело хладное в лесах.
Может быть, потомок угадает,
Где лежит мой бедный прах,
Холм найдет, в тени дерев стоящий,
И моей могиле, скрытой в чаще,
Скромно почести воздаст.

К надежде

К нам ты прилетаешь
Из незнакомых стран,
Все, что обещаешь, —
Слепота, обман.
Бедный, забывая
О своей судьбе,
Как посланцу рая
Молится тебе.
Что ж румяными устами
Вновь смеешься ты?
Что томишь меня мечтами?
Лживы все мечты.
Да, тебе внимал я,
Ты меня вела,
Но, когда устал я,
Бросила, ушла.

Весь мой сад цветами
Засадил ты,
Напоив ручьями
Корни и листья,
Ты в наряд прелестный
Убрала поля,
Радостью небесной
Сердце веселил.
И мечты, подобно пчелам,
К розам понеслись
И с жужжаньем веселым
Медом напились.
Захотел я, Лила,
Сердца твоего,
И тотчас вручило
Небо мне его.

Но увял навеки,
Облетел мой сад,
И ручьи и реки
Больше не шумят,
Нет весны прекрасной,
Холодно зимой,
Блекнет ежечасно
Мир любимый мой.
Лилу мне верни хотя бы!
Будь она со мной,
Замолчал бы скорбный, слабый,
Горький голос мой.
Губ не отрывал бы
От ее лица
И не пожелал бы
Царского венца.

О надежда, снова
Не томи, маня,
Этот мир суровый
В гроб сведет меня.
Радостям не внемлю,
Слабый взор потух,
Тело хочет в землю,
В небо рвется дух.
Сад мой, убранный цветами,
Снегом замело,
Солнце с яркими лучами
Навсегда зашло.
Все, что было мило,
Было через край, —
Смех, надежда, Лила, —
С богом! Все прощай!

Любовная песнь к фляжке в жеребьячей шкуре

Я с тобою всех богаче,
Фляжка в шкуре жеребьячей!
Я тебя всю жизнь ласкаю,
На красавиц не меняю.

Созданный для поцелуя,
Ротик твой к губам прижму я
Много крепче, много туже,
Чем румяный ротик Жужи.

Грудь твоя бурлит, клокочет,
С грудью друга слиться хочет.
Шейка, выгнутая стройно,
Ожерелія достойна.

Плечи широки, здоровы,
Им не нужен ус китовый,
Как иным плечам... Не мею,
Никого назвать не смею.

Волосы! Как каждый тонок!
Пусть носил их жеребенок,
Трези в локонах крученных
Носит волосы казенных.

Вместо пения нередко
Ты кудахчешь, как наседка,
Но кудахтанье прелестней
Для моих ушей, чем песня.

В час печали горе злое
Позабуду я с тобою,
В час веселья я с тобою
Веселее стану вдвое.

Ты в морозы согреваешь,
Яд у стужи отнимаешь,
Знойным летом ты в награду
Навеваешь мне прохладу.

Если я с тобой в разлуке,
Я в тоске ломаю руки,
Если я с тобой встречаюсь,—
Веселюсь и восхищаюсь.

Я беру тебя в дорогу,
Сплю с тобой, забыв тревогу,
Выспавшись, не оставляю,
А люблю и прославляю.

Я тебе до гроба верен,
Взять тебя и в гроб намерен.
Пусть со мной положат флягу,
А к столбу прибьют бумагу:

«Выпей за меня, прохожий!
Я лежу на смертном ложе,
На груди подружку прячу —
Фляжку в шкуре жеребятней».

Сколько раз мы вместе спали,
Хоть нас в церкви не венчали.
И опять, скажу по чести,
Нынче спать мы будем вместе.

Вдруг у нас родятся дети?
Милые ребята эти
Сели б рядом не скучая,
Полные вином до края.

Если б ты женой мне стала,
Для меня бы ты рожала
Не мальчишек, не девчонок,—
Фляжек маленьких, смысленных.

А жена пусть будет флягой,
Шкуру ей наполнят влагой.
Знаю я — в ее утробу
Ведер пять вина вошло бы.

Протяну я скоро ноги,
Лягу в траурные дроги.
Сгубишь ты меня любовью
И познаешь участь вдовью.

Близок мой конец печальный!
Так устроим поминальный
Пир заране, чтоб в чужую
Пасть не лить струю хмельную.

Я берег на саван эту
Драгоценную монету,
Но кто смерти не боится,
Может в саван не рядиться.

Деньги все ушли бесследно.
Вот последний грошик медный,
Но я рад и с ним расстаться,
Чтоб с тобой поцеловаться.

Бедная Жужи на привале

Принесли приказ весною
Под печатью голубою,
Постучали заодно
К Янчи милому в окно.

Он как раз со мной расстался,
На постели разметался,
Спал и грезил обо мне,
Обнимал меня во сне.

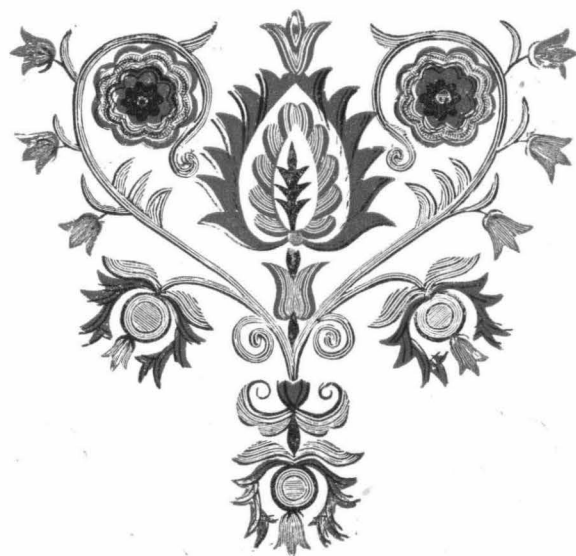
Звóнок зов трубы печальный.
Янчи в край уедет дальный
Против турок воевать.
Нам друг друга не видать!

Меж деревьями блуждая,
В лагерь я пришла, рыдая,
Неутешно слезы лью
И как горлица пою.

Облила слезами каску,
Черную дала повязку,
Десять роз ему дала,
Ноги крепко обняла.

А когда прощаться стала,
Вся душа моя рыдала.
«Бог с тобою», — он сказал
И меня поцеловал.





МИХАЙ ФАЗЕКАШ

(1766—1828)

Михай Фазекаш (Fazekas Mihály) родился в Дебрецене в состоятельной семье. Учился в Дебреценской коллегии, где занимался ботаникой, философией. Изучил несколько иностранных языков.

Шестнадцати лет поступил на военную службу и прослужил четырнадцать лет. Вместе с полком он был в Галиции, принял участие в войне с турками, побывал в Молдавии. Затем, не желая воевать с французскими революционными войсками, вышел в отставку, вернулся в свой родной город. Дебрецен был в то время одним из культурнейших городов Венгрии.

Фазекаш вошел в дебреценский круг ученых и литераторов, наиболее выдающейся фигурой которого был Чоконаи.

В 1804 году Фазекаш написал свою знаменитую поэму «Мати Лудаш», которая встретила неодобрительный отзыв со стороны руководителя тогдашнего венгерского литературного движения — Ференца Казинци. Он сказал о поэме, что «поэтических достоинств у ней много, стилистических мало, нравственных никаких». Огорченный оценкой влиятельного критика и поэта, Фазекаш решил не издавать поэму. Он занялся естественными науками и, основываясь на системе Линнея, написал первую венгерскую книгу по ботанике. Между тем поэма ходила в списках по стране и, наконец, без ведома автора была опубликована в Вене в 1815 году. Тогда Фазекаш выпустил в свет второй переработанный вариант поэмы, который с тех пор издавался много раз. Поэма приобрела известность во всей Венгрии, отдельные ее выражения стали поговорками, имя Мати Лудаша — нарицательным. В XX веке было написано несколько сценических вариантов поэмы.

Поэма «Мати Лудаш» стала большим событием в литературной жизни Венгрии. В этой поэме впервые в качестве литературного героя выступает крепостной мальчик, творящий суд и справедливость, трижды отплачивающий своему помещику за содеянное зло.

Демократизм, свободолюбие и народность ставят Михая Фазекаша в первые ряды венгерских поэтов прошлого.



Мати Лудаш

Первая часть

Некогда в одной деревне, в Нирене, иль в Эрдохате, Иль в другом известном месте, я как следует не помню, Но достаточно сказать вам: там жила-была старуха. У вдовы-старухи вырос скверный сын, лентяй ужасный, Летом он с утра до ночи бил хлопущей мух — и только, А зимой сидел у печки, грелся целыми он днями, Кочергой мешая угли. Сколько добрая старуха Ни ворчала, — все напрасно, все как об стену горохом, И ни брань, ни уговоры — ничего не помогало, Ничего не слушал Мати (Мати — так подростка звали). Так лениво жил он долго. Самому ему однажды Все до смерти надоело, дни казались слишком длинны, Двор широкий материнский стал казаться слишком тесным. Он потягивался вволю до тех пор, пока случайно Не додумался до дела, непривычного для парня. За околицу пошел он, где всегда в воскресный вечер На холме на пузах важно вокруг валялись лежебоки. Как гусак шипит ехидно на чужого человека, Точно так дразнили Мати эти толстые подростки,

Лет таких же, как и Мати. Он послушал их, послушал
И затеял с ними драку... Но отсюда же впервые,
Осмотревшись, вдруг увидел, как кругом синели горы,
Набухая в ясном небе. Он увидел с удивлением
И дома и колокольни самых дальних деревенек.
Здесь узнал, что есть на свете комитат, соседний с ними,
И что ярмарка в Дебреге, знаменитая повсюду,
Состоится в воскресенье. Тут нахлынуло желанье
Повидать страну и сразу в голове его вскипели,
Забурлили, разливаясь как ручьи, потоки мыслей.
Потерял совсем покой он, голову свою ломает,
Вдруг открылась щель в раздумьях, сквозь нее пришло решение:
У мамы было двадцать молодых гусей прекрасных,
Был гусак довольно старый, были старые гусыни,
И вдова возилась с ними с той поры, как народились,
Потому что, говорила, если их вскормить сумеет,
То продаст — на эти деньги что-нибудь к зиме подкупит.
Зубы стал точить наш Мати на гусей тех жирных, просит:
«Мне гусей доверьте этих, дайте счастье испытать мне,
Я б на ярмарку пригнал их, с барышом богатым продал,
Может, будет то началом — и купцом я стану важным, —
С пустяков начав, иные после стали богачами».
«Не на ярмарку, бездельник, в ад тебе одна дорога,
Пролентяйничал все лето, уж сидел бы лучше дома
Да усерднее работал!» — Так Матяша мать бранила.
Но того, что он задумал, что решил умом лукавым,
Ни вода, ни пламень жаркий смыть иль сжечь уже не могут.
И в конце концов старуху все-таки уговорил он.
«Ну, иди, — она сказала. — Пусть же бог тебе поможет.
Наконец займешься делом, лень твоя есть грех великий».
Мати стал совсем веселым, взял он добрую дубинку.
Из угла суму доставши, стер с нее он паутину.
Та сума была отцовской, с плеч отцовских не сходила,
Мать творог в нее вложила, сало, хлеб, немного соли,
Чесноку. А в это время отогнал гусей он старых,
Два десятка для продажи отделил сейчас в сторонку
И кнутом их выгнал длинным всех на сельскую дорогу,
Попрощался со старухой и поплелся за гусями.
А в Дебреге в это время ярмарка была. Могучий
Господин Дебреги хвастал в вотчине своей старинной:
«Даже сам король в Дебреге — не указчик господину.
Здесь закон — мое желанье; что скажу я — то и правда!»
Он имел обычай — цену назначать товарам лично.
Коль запрашивал торговец с покупателя дороже,
Он, себе товар присвоив, сам наказывал торговца.
Если той цены дешевле покупал товар кто-либо, —
А Дебреги он по вкусу, — отнимал товар немедля.
Так поддерживал он право, завоеванное силой.
И когда дебрегский барин меж зевак гулял надменно,
Двадцать он гусей красивых увидал и с ними — Мати.

Все пред барином с поклоном поскорей снимали шапки,
Только Мати не подумал даже в шапке поклониться.
«Кто гусей хозяин этих?» — барин крикнул. «Я хозяин!» —
Гордо так ответил Мати. «Эх, я вижу, негодяй ты!
Ты не знаешь, кто здесь барин? Ну, уж выучу по-свойски!
Что ж ты шапки не снимаешь? Сколько стоят эти гуси?»
Мати шапку нахлобучил, шубу на плечах поправил:
«Три марьяша стоят гуси — стоит пара, не на выбор!»
«Мне отдашь за половину?» — «И душе отца родного
Я не отдал бы дешевле, чем за малый форинт пару».
Палкой стукнул здесь Дебреги, трое слуг его здоровых
Подскочили, потащили Мати к дому господина,
Всех гусей его угнали. У ворот высоких дома
Пятьдесят дают горячих. Сняв почтительнейше шляпу,
Их отсчитывал у зада сам приказчик, а Дебреги
Хохотал, следя за поркой. Мати встал, сказал Дебреги:
«Барин мой, за плату эту я благодарю, и если
Мне господь дарует силу, буду вновь благодарить я.
Запишите на воротах, чтоб случайно не забылось:
«Трижды вас побьет за это беспощадно Мати Лудаш!»
Тут в зеленых куртках слуги вновь набросились на Мати,
Взяли за волосы так, что ноги землю потеряли,
Но пока его тащили, он еще раз крикнул громко:
«Трижды вас побьет за это беспощадно Мати Лудаш!»
За ворота брошен наземь, он опять сказал народу:
«Вот увидите, как трижды я его побью жестоко!»
Все смеялись над беднягой, в доме важного Дебреги
Хохотать над Мати стали, как хохочут над безумным.

Вторая часть

Как легко себе представить, Мати наш к родному дому
Не вернулся. Хмуро под нос бормоча, он в путь пустился,
Чтоб за дальнюю границу унести с собою адский
Яд отмщенья в буйном сердце, клокотавшем от обиды.
Чтоб своей достигнуть цели, должен был скопить он деньги,
И работать стал прилежно, где подолгу, где поденно.
Он не брезговал работой, языкам учась попутно,
В них неплохо разбирался, обошедши мест немало.
Научился, хоть поспешно, но ремёслам самым разным.
Он скопил немного денег, много хитрости лукавой.
«Чтоб Дебреги не обидеть, должен с ним я рассчитаться».
Даже имя Мати Лудаш в доме барина забыли.
Мог ввести он в заблужденье внешностью своей простецкой,
Потому-то очень смело подошел он к тем воротам,
Где ему давали плату, что порадовать не может.
Видит он, что вместо дома, закопченного, худого,
Новый дом такой построен, что дворцом назвать не стыдно.

Стены все уже готовы, нехватает только крыши,
 Но лежат уж рядом бревна неотесанные кучей.
 «Будет, будет бит Дебреги», — пробурчал тут Мати Лудаш;
 От постройки он отходит, маленький берет топорик,
 Из кармана вынимает карандаш, аршин, бумагу,
 Предстает он, как бродячий итальянский хитрый плотник.
 Ко дворцу вернувшись, ходит, как знаток архитектуры;
 Измеряет он глазами ширину, длину постройки;
 Как знаток, подходит к куче неотесанных тех бревен,
 То глядит на них нахмурясь, то глядит на них с улыбкой
 И качает головою. Подошел к нему Дебреги
 И спросил: чего он хочет? «Ничего, — ответил Мати, —
 Просто-напросто я, сударь, проходил случайно мимо,
 И не мог я не заметить изумительного дома.
 Потому что я, как мастер, вижу, кто б ее ни делал, —
 Но строителей работа сделана по-королевски.
 Только б крышу мне увидеть, но, конечно, я надеюсь,
 Что не бревнами такими хочет барин дом украсить!»
 Говорит Дебреги: «Эти я велел срубить случайно,
 Наугад!» — «Они не плохи, — Мати говорит, — не плохи,
 Но не для дворца такого. Был я в Риме, там я видел
 Превосходнейшие крыши; в них нуждается дворец ваш,
 Милостивый государь мой! Что там видел! Сам я делал
 Герпогу такие крыши, но скажу вам откровенно,
 В этих бревнах проку нету!» Он схватил аршин и начал
 Измерять: «Как жаль! Пяти лишь здесь вершков и нехватает!
 Впрочем, мне-то что, хулить я никого не собираюсь,
 Никому я беспричинно не хочу вредить в работе!»
 Сделал вид, что он уходит. «Друг мой, — говорит Дебреги, —
 У меня еще ни с кем нет никакого уговора.
 Значит, вы бывали, сударь, и в Италии? Прошу вас...
 Вы обедали? И если мне понравится работа,
 Не найдете в целом царстве вы хозяина щедрее...»
 Мати тонко улыбнулся и с улыбкой этой льстивой
 Стал хвалить он вкус Дебреги. Лишь жалел, что нет деревьев
 Лучше тех, что здесь лежали в этой куче перед ними.
 «О, — сказал Дебреги гордо. — В целом мире не найдется
 Вековых дубов могучей, чем в моем лесу прекрасном!
 Я сейчас вам покажу их. — И Дебреги тут коляску
 Запрягать велит. — Но раньше пусть обед подаст нам повар!»
 В дом идут они, и Мати говорит, что если правда
 Есть в лесу дубы такие, их отметить лучше сразу
 И срубить сейчас же. Барин управляющего кличет,
 Чтобы двести дровосеков в лес отправил он немедля.
 Вот готов обед. Наелись. И уже стоит коляска.
 И мгновенно кони-птицы прямо к лесу их примчали.
 Дровосеки наготове. Вместе с барином обходит
 Мати лес дубовый... Смотрит... Как увидит дуб хороший,
 Так велит рубить. Уж всем он дровосекам дал работу.
 «Нехватает напоследок, — он сказал, — большого дуба!»

В лес зашли они глубоко — осмотрелся, молвит Мати,
 Что как будто видит дуб он. Барин с ним заходит в чащу.
 «Этот был бы подходящим, если сажень есть в обхвате!»
 И Дебреги встал у дуба, охватить его пытаюсь.
 «Стой, попался, — крикнул Мати и веревкой, что нарочно
 Сплетена была заране, вяжет руки господину. —
 То-то, барин, я не плотник, Мати Лудаш — я! — сказал он. —
 Тот, кого вы бить велели, у кого гусей украли,
 Обещался он за это трижды плату возместить вам.
 Плата первая — сегодня...» И дубовой крепкой палкой
 Избивает он Дебреги с головы до пят нещадно.
 Мхом заткнул он рот Дебреги, — тот кричать никак не может.
 От ударов дровосеков лес дрожит, вокруг лишь скрежет
 От дубов, что друг за другом грузно падают на землю.
 А Матяш, избив Дебреги, из его кармана вынул,
 Ровно столько взял он денег, сколько стоили те гуси,
 Вытер пот с лица платком он и исчез бесследно в чаще.
 Отдыхают дровосеки, больше нечего рубить им,
 Исполинские деревья всюду свалены под корень.
 Солнце движется к закату... Человеку в ожиданье,
 Даже если он без дела, ожиданье очень скучно.
 Барин с плотником пропали. Управляющий решает,
 Что теперь уж не до шуток, он кричит, но только эхом
 Отвечает лес огромный на отчаянные крики.
 Слушал молча, но совиный только слышен голос дальний
 В тишине вечерней, сразу что за сумерками сходит.
 Все кричать тут стали вместе; этот ливень голосистый
 Пронизал лесную чащу, но в ответ — лишь рокот леса,
 Замолкавший в отдаленье. А потом вдруг тишь такая
 Наступила, что смутился управляющий и вправду
 Испугался. Всех тотчас же он на поиски направил,
 Потому что, как ни думай, а, видать, беда случилась.
 Когда ловчие в долине настигают вдруг добычу,
 Слышат там в кустах сопенье, очень схожее с сопеньем
 Той свиньи, которой рану в сердце нож нанес мясницкий,
 И свинья хрипит, сдыхая. Что такое? Вздогнул даже
 Крепостной, привыкший к страху; управляющего кличет.
 Тот приходит и трусливых вновь на поиск подбодряет,
 Вместе с ними ищет в чаще. Что ж он видит? От такого
 Сохрани, господь, ты даже и татар неверных крымских!
 Барин к дереву привязан, пасть набита мхом зеленым,
 Дорогой одежды клочья, словно рубище, повисли.
 Тут веревку обрезают, тащат мох из барской глотки,
 Управляющий дрожащий говорит подобострастно:
 «Зверь какой, какой язычник так осмелился замучить
 Дорогого господина?» Но в ответ ему Дебреги
 Стал плеватьсЯ кровью сильно, стал икать, промеж икоты
 Простонал он, что убийца — беспощадный Мати Лудаш.
 Крепостной один другого потянул тут за одежду,
 А другой толкнул легонько, потихоньку в бок соседа,

Но Дебреги умолял их, весь слезами обливаясь:
«Сыновья мои, несите поскорей, не то умру я!»
И растерянные слуги взяли на руки Дебреги,
Понесли его к коляске, а другие мох, срывая,
Под бока ему совали, кто свою подсунил куртку,
Кто накрыл его кафтаном, чтобы он не простудился.
Кони до дому добрались, тут уж бабка, мыло взявши,
Пополам с вином втирала эту смесь ему повсюду.
Слуги сна уже не знали — на покашливание сразу
Пять мужчин и десять женщин дружно вскакивали с места,
Натыкаясь друг на друга, — такова была тревога!

Третья часть

Но куда ж девался Мати? Не нашли его. Он тайно
Под покровом темной ночи перешел через границу,
И уже он начал думать о своем повторном мщенье,
Как бы барина Дебреги отлупить ему вторично.
Вспомнил, что в своих скитаньях он служил не очень долго
У врача (старик тот раньше сам был фельдшером военным
В иностранном где-то войске), Мати был слугой примерным
И решил, что врач охотно примет вновь его на службу.
Так как раз оно и вышло. Врач обрадовался гостю,
Обласкал его, и Мати вновь к нему нанялся в слуги,
Но с условием, что научит врач его всем медицинским
Пестрым именам болезней, всех хвороб, известных в мире,
Всем полезным травам диким, порошкам своим целебным,
Клизмам и кровопусканию, также и употреблению
Бритв, ланцетов, всяких прочих инструментов хирургии,
Всем припаркам, мазям, ваннам... Головой был крепок Мати!
И едва прошла неделя, как по-гречески, по-римски
Мог хвороб он самых скверных имена назвать не сбившись,
Рассказать о том, что в книгах о болезнях этих пишут,
Понимать он стал в лекарствах против этих всех болезней.
У Шкорбунциуса (имя у врача такое было)
Попросил парик он старый, саблю, дряхленькую клячу,
Плащ ободраный военный и штаны из черной кожи,
Чтобы масленицу справить небольшую у Дебреги.
Врач охотно согласился, коль дадут залог богатый.
Мати сразу, нарядившись, стал вести себя, как доктор.
Шли ему жабо с кафтаном, и парик, штаны из кожи;
И Шкорбунциус до смерти хохотал, живот поджавши,
Мати словно обезьяна передразнивал его же.
Наконец простился Мати и коня в Дебрег направил,
Где хозяин от побоев все страдал — не мог без дрожи
Вспомнить это избиение — и не знал, что снова в гости
Мати шествует согласно обещанию тройному.
Барин тщетно окружает дом усиленной охраной,
Лучник тут, гайдук, копейщик... Все равно людей нехватит

Отвратить дубинку мщенья непокладистого Мати!
Мати взял в селе соседнем провожатого до места,
А когда в Дебрег явился, по-военному просил он
У судьи, чтоб провожатый заменен был тотчас новым,
Так как дальше, сакраменто, на квартиру генерала
Он идет, который болен (можно этому поверить,
Потому что много разных войск бродило крестоносных
По земле родной в то время); и судья был вежлив с Мати,
Но сначала побежал он прямо к барину и молвил,
Что военный врач приехал... Так как немощный Дебреги
Перепробовал окрестных лекарей разнообразных, —
Пусть хоть лекарь и колесник, коновал, коровий знахарь, —
Он в своей беде готов был взять советы у любого.
И сейчас он призывает, чтобы фельдшер тот, приезжий,
Если бога он боится, пусть придет к нему хотя бы
На минутку для осмотра, а за то вознаграждение
Обещает он сверх меры и в коляске обещает
Довезти до генерала, до ворот его усадьбы.
Мати малость поломался. А потом, коней сменяя,
Повезли его к Дебреги, захвативши чуть не силой.
(Я хоть и молчу об этом, но легко представить можно,
Что умел искусно Мати изменять лицо, особо
Речь менять, настолько сильно, что ходил неузнаваем.)
Барин, в трех местах опухший (эти опухоли даже
Рассосаться не хотели, на спине расположившись),
Пребывал в постели. Видя пред собой врача-хирурга,
Он из шкуры посиневшей чуть не выскочил от счастья,
Заклинал землей и небом, чтоб помог в судьбе злосчастной.
Мати пульс его пощупал и, опасное волнение
Ощувив в крови больного, заявил, что если нынче ж
Кровь не пустят, не сготовят ванны теплой, то немедля
Боль ему падет на сердце. И хирург пожал плечами.
Стал молить его Дебреги, всех святых упоминая,
Прописать ему лекарства — все, какие бог подскажет.
Мати средним пальцем стукнул по лбу, как заправский доктор:
«Трав! — сказал. — Воды для ванны!» Травы же, перечисляя,
Сотни трав назвал лесных он, луговых и даже сорных,
Волчьи ягоды назвал он вместе с заячьей капустой,
И ушко медвежье вместе с молоком назвал собачьим
И кошачьим, и с шипами, что мышинными зовутся,
И чертовский корень вместе с корнем ангельским назвал он,
Потому что в это время травы так и назывались
По чертям, и по животным, и по ангелам небесным
(Книг о травах в это время не было еще в продаже).
Управляющий и повар, горничные и садовник,
И дворовые служанки, дровосек, гайдук и кучер,
С ними стражники толпою, батраки и повитуха —
Словом, все, кто только были во дворе, в саду и в доме,
Все галопом побежали в рощу, в поле, на лужайки.
А в котле вода кипела, и в огонь бросать подтопку

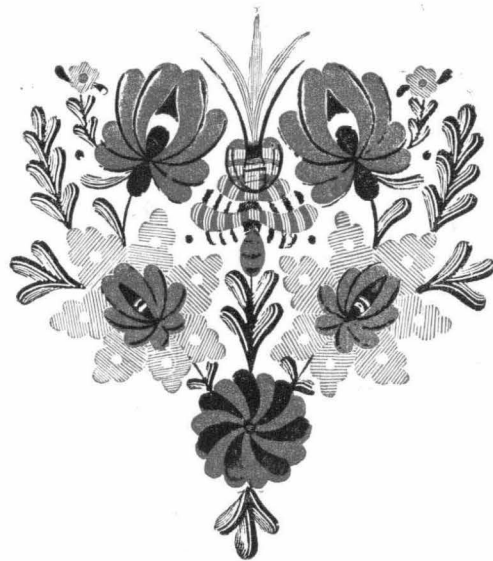
Кто-нибудь был все же должен, раз народ весь дом оставил.
И одной хромой старухе поручил огонь тот Мати,
Но ее к попу он скоро отослал, чтоб поп прилежный
С прихожанами молился о спасении больного
И о силе трав целебных. Сам же он сейчас осмотрит
Оба глаза господина. Тут платком отменно чистым
Рот ему закрыл он крепко, завязав концы узлами
На затылке. «Господин мой! — он сказал ему злорадно. —
Я не врач, а Мати Лудаш, тот, которого велели
Вы избить, гусей отняли, но к чему слова нам множить,
Хватит с вас, когда скажу я, что пришел платить вторично.
Это главное, а чтобы не терзались вы, волнуясь
Слишком долгим ожиданием, мы приступим сразу к делу,
В третий раз не опоздаю...» Так взялся он за Дебреги,
Что свирепой встряской душу чуть из барина не вышиб.
Взял потом у изголовья ключ от денег и, считая,
Он сказал: «Возьму я только цену тех гусей хороших,
Ну еще и на расходы». Попрощался, в путь пустился.
Стадо слуг, искавших травы, с грузом трав домой вернулось.
Открывает дверь служанка, видит морду господина,
Завизжала, побежала дворню всю созвать скорее.
Тот кричит: «А что случилось?» Тот кричит: «А где же доктор?»
Совещаются и спорят. «Ну, какой же это дьявол
Завязал так рот, что барин запищать и то не может.
Поскорей его развяжем». А Дебреги, полумертвый,
Уж едва дышал, все время он, дрожа, терял сознание,
Только тихо простонал он, что проклятый Мати Лудаш
Так его измучил. Тотчас на коней вскочили слуги
И погнались вслед за Мати, но уж Мати был далеко, —
Где — один господь лишь знает. Он вернулся и злорадно
Пред Шкорбунциусом хвастал кошельком своим набухшим.

Четвертая часть

Вот теперь уже Дебреги в самом деле стало плохо.
И врачей известных самых, чтоб лечить его, позвали,
По стране приказ послали, даже в дальние местечки,
Чтобы схвачен был немедля хитроумный Мати Лудаш.
Невозможно только было описать его в приказе,
Потому что каждый раз он приходил в другом обличье.
И никак не попадался этот Мати, что так резко
Обошелся с господином. И надежду потеряли,
Что больной подняться сможет. Но врачи лечили дружно,
Крепкая его натура одолела всю хворобу,
Постепенно излечился от побоев он Матьяша,
Только это имя Лудаш так глубоко в нем засело,
Что велел он уничтожить всех гусей своей округи,
От гусяного пера он сразу в обморок валился.
И копейщиков он двадцать для того держал, чтоб десять

Сутки целые у двери пребывали бы на страже,
На дворе же остальные, чтоб никто не мог пробраться
И к тому ж пускали только хорошо ему знакомых.
А когда он все ж решился посмотреть свои владенья,
Десять конных копыеносцев рядом ехали с каретой.
Это знал наш Мати так же, как и знали все другие,
Но побить давал он слово трижды этого Дебреги,
И пускай хоть кровь из носу, — но свое он слово сдержит.
Вот в Дебреге-городишке снова ярмарка открылась.
Как порядочные люди, что пешком совсем не ходят,
На коне на конском рынке появляется наш Мати.
Он увидел у подростка подходящую лошадку
И спросил ей цену. «Сударь, золотых одна лишь сотня».
«Как же может быть, дружок? — Мати молвил. — Верно, шутишь:
Я куплю коней десяток, лучших, верь, за те же деньги».
«Что вы, сударь! Велика хоть наша Венгрия родная,
Но пускай мне оба глаза тут же выколуют ножами,
Если есть хоть конь единый, что вот этого обгонит...»
«Я твою купил бы лошадь, — так сказал тут Мати, — если
Ты слова свои докажешь. Так ее никто не купит».
Отошли они в сторонку. «Посмотри, живет там барин,
Ему страшно имя Лудаш, может быть, ты это знаешь?»
Вот он здесь проедет вскоре, окруженный грозной стражей,
Десять конных копыеносцев едут около кареты,
Как они достигнут леса, подъезжай и крикни громко,
Крикни прямо господину, что явился Мати Лудаш!
И живее убирайся, потому что, если даже
Ты сто душ в себе имеешь, все равно сгребет их дьявол,
Если уж тебя догонят и зацапают, дружок.
А уйдешь, я покупаю твоего коня! В задаток,
Чтобы ты не сомневался, золотых даю я десять.
А найдешь меня у леса». Торг понравился подростку,
Он горяч был, с нетерпением поджидал теперь Дебреги.
Вдруг поднялся шум и стали разгонять народ с дороги,
Побежали все в испуге, ведь в карете сам Дебреги!
Но в подростке, словно пламя, кровь зажглась от нетерпенья.
Он едва дожидаться может, чтоб достиг Дебреги леса.
Как стрелу в полет, за ним он Раро своего пускает.
«Господа! — кричит он сходу. — Тише, тише!» Подъезжает.
«Барин, знаешь ли, — спросил он, — кто такой перед тобою?
Знай же ты, что пред тобою я явился — Мати Лудаш!»
«О, вперед! Догнать!» — тут барин завопил. И копыеносцы
Мчатся вслед, но толку мало, он от них легко уходит.
«Распрягай скорее, кучер, — говорит Дебреги, — лучше
Этот конь, чем десять кляч тех! Отвалю червонцев сотню
Тем, кто Лудаша поймает! Догоняй!» А сам в карете
Просто пляшет от волнения и с дороги глаз не сводит.
Вот сейчас поймают Мати. А наш Мати тоже смотрит,
На опушке притаившись, и, увидев, что Дебреги
Лишь один сидит в карете, подошел, за фалду дернул:

«Что вы смотрите так, барин. Не поймать того вовеки,
А к тому ж не он тот Лудаш, что по вашему приказу
Был избит, а гуси взяты, тот-то Лудаш — это я!»
Если б молния попала в то мгновение в Дебреги,
Может быть, гораздо лучше это б пережил бедняжка.
Как подкошенный, от страха выпал барин из кареты.
Лудаш бил его жестоко, но в последний раз лупил он.
В кошелек его взглянувши, за гусей лишь взял он плату
И сказал: «Теперь не бойтесь, больше я вас бить не стану!»
На коня вскочил, уехал, чтоб уже не возвращаться.
А потом, совсем нескоро, те одиннадцать вернулись,—
Кони загнанные, в мыле еле ноги волочили,—
Смотрят: скорчившись в карете, господин лежит избитый,
Еле жив. Ему сказали, что напрасно только гнались
И что Лудаша догнать им было просто невозможно!



ДАНИЭЛЬ БЕРЖЕНИ

(1776—1836)

Даниэль Бержени (*Berzsenyi Dániel*) родился в Эдьхазашете в дворянской семье. После окончания школы поселился в своем родовом имении, занимался хозяйством и писал стихи для себя до тех пор, пока они не попали в руки Казинци. Казинци одобрил стихи нового поэта. Однако вышли они только через десять лет, в 1813 году, и были восторженно встречены читательскими кругами Венгрии. В 1817 году Кёльчеи написал критическую статью о стихах Бержени. В ней, критикуя высокопарность стиля Бержени, Кёльчеи выступал против сословной замкнутости, дворянской поэзии Бержени.

Бержени — один из крупных венгерских поэтов XIX века. В начале своей литературной деятельности он разделял идеологию реакционного венгерского дворянства. Бержени писал в высоком стиле оды о венгерском прошлом, идиллии о дворянской помещичьей жизни, элегии о бренности всего земного, любовные стихи. Позднее его познакомили с идеями Просвещения, и в мировоззрении и поэзии Бержени наступил резкий перелом. Он, утверждавший прежде, что Венгрия мрачной эпохи Франца I, — «славный храм свободы», что нигде в мире крестьянство не благоденствует так, как в Венгрии, писал теперь Казинци: «У мудреца не может быть более священной задачи, чем забота о народном счастье». К этому времени относится его стихотворение «К пешитскому мадьярскому обществу», в котором он провозглашает идеи прогресса и просвещения.





Наступающая зима

Роща вянет уже, свой роняя убор,
На поникших кустах желтый зыблется лист.
Роз исчез лабиринт, средь пахучих цветов
Нежный не веет зефир.

Смолкли птиц голоса в яркой зелени чаш,
Горлиц голос умолк, и под прутьями ив
Отцветает левкой, и укрыт ручеек
Грубой опавшей листвою.

Меж аркадами гор бродит сонная тишь,
И с курчавой лозы гроздь на нас не глядит,
Громко радости песнь здесь звучала вчера,
Ныне здесь горе и смерть.

Время, ты на крылах вдруг уносишься вдаль,
Все, что тронешь крылом, ты уводишь с собой.
Все лишь призрак, лишь тень, все на свете умрет,
Все облетит, как цветок.

Тихо вянет венок у меня на челе,
И уходит весна, хоть еще не вкусил
Я нектар ее струй, не коснулся еще
Ртом я ее лепестков.

Мимо юность прошла, не вернется уже
Дней моих золотых сладостная весна,
Глаз уже не открыть, не увидеть вовек
Лолли высокую бровь.

Отрывок из письма моей подруге

Не вопрошай же, моя дорогая,
Как веселился я один, без тебя.
Здесь, в одиночестве изнемогая,
Я погибаю, тоскую, любя.

Сбор винограда веселым пожаром
Шумно кипит у подножия гор,
Я же один под орешником старым
Свой раздуваю печальный костер.

В плащ завернувшись, я долго в молчанье
Лежа гляжу на мерцанье костра,
И начинаются воспоминанья,
Ширится воображенья игра.

Жук прожужжит заунывно осенний,
И уж толпою несутся ко мне
Прошлого благословенные тени
И обступают меня в тишине.

Так я живу, темнотой окруженный.
Что же осталось мне? Двое друзей,
Ночи со мной проводящих бессонно,
Искра любви моей неразделенной,
Песня угрюмой печали моей.

К Пештскому мадьярскому обществу

Кто спорит с тем, что только славный Разум
Из скотского нас вывел состоянья
И все наши достоинства и счастье
Зависят от наличия ума!

Господь ведь это тот же самый Разум!
Все уступает мощи мудрых слов:
Мы разумом ниспровергаем горы
И океан из древних берегов

Выводим. Всем прекрасным правит Разум!
И каждого в отдельности и всех:
Людей он вдохновляет, призывая
К небесному блаженству на земле!

Так где же он, рассудок этот трезвый,
Мужей ученых благотворный ум?
На лучшее возможны ль упования,
И можно ль ждать таких времен, когда

Дух Разума объединит народы
И отрезвит их, истребив при этом
Все, что в нас есть преступного и злого!
Надеюсь,— да! Что не по силам веку,
Способны разрешить тысячелетья.
Но должен я и верить, потому что,
Друзья мои, я вижу, как бурливы
Вулканы ваших душ. Душевный жар,
Вас вдохновляющий на высший подвиг,
Спаял вас в цепь священного союза.
Предвижу я, предчувствую я это:

Рождаются на родине у нас
Дельфийских прорицательниц премудрость
И Разума великие законы;
Предвижу я: вдыхаете вы жизнь
В материю от века неживую,
И в грудь скалы, и в глыбы мертвой лавы,
И диких усмиряете зверей.
И знаю я: низвергнуться готова,—
Коль Разум молвит громовое слово,—
Громада башни лютого несчастья,
И рвутся цепи ржавые его!





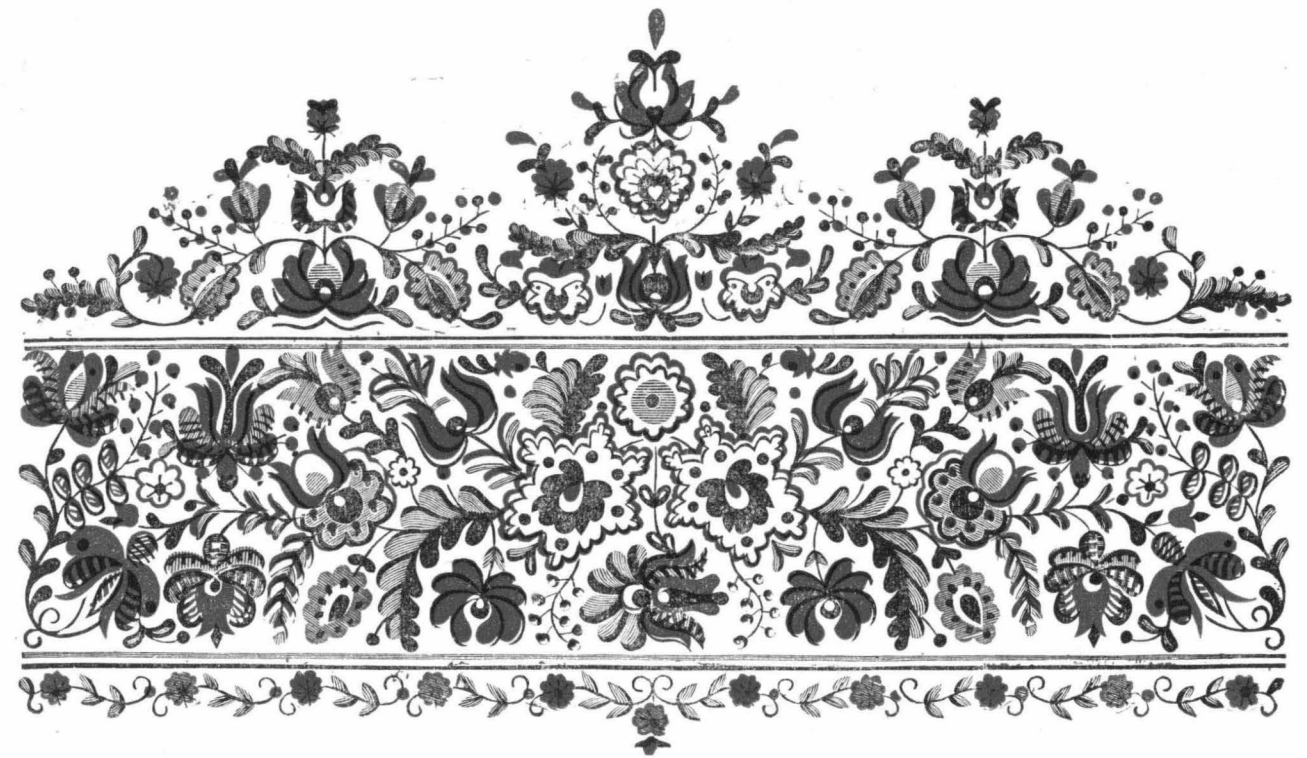
ШАНДОР КИШФАЛУДИ

(1772—1844)

Шандор Кишфалуди (Kisfaludy Sándor) родился в Шюмеге в дворянской семье. В 1793 году он был зачислен в лейб-гвардию императора и переехал в Вену. Он принял участие в походах австрийской армии и попал в плен в Провансаль. Здесь, «на полях, полных песен Петрарки», он написал свой первый цикл стихов «Горестная любовь Химфи» и послал их богатой наследнице Розе Сегеди, некогда отвергнувшей его любовь. В 1800 году Кишфалуди вернулся на родину. Девушка, тронутая его стихами, согласилась соединить с ним свою судьбу. С этой поры он жил в своем имении, занимался хозяйством, работал над вторым циклом стихов: «Счастливая любовь Химфи», в которой прославлял прелести семейной жизни. В 1809 году он участвовал в походе венгерского дворянского ополчения против Наполеона и после поражения под Дьёром, когда дворяне позорно бежали с поля боя, вернулся в свое имение, где и прожил до самой смерти.

Шандор Кишфалуди—один из наиболее характерных представителей венгерской дворянской поэзии.





Из цикла

«Горестная любовь Химфи»

27 песня

Там, где в детстве обитал я,
С холмика бежал ручей,
Сколько раз ему внимал я,
И жилось мне веселей.
Весело на дне долины
Раздавался плеск ручья,
И, как тот ручей, невинно
Протекала жизнь моя.
Утекают в море воды,
Убегают в вечность годы.
Смертный! Так, за годом год,
Все хорошее уйдет.

76 песня

Ласточки нас покидают,
И убор дерев исчез,
Песни звонкие смолкают,
Опечален старый лес,
В голом поле ветра стоны,
Шелестенье блеклых трав,
Громко каркают вороны
Посреди пустых дубрав.
О, какое время года!
Умирает вся природа,
И надежда с ней моя,
И с моей надеждой — я.

90 песня

Ясно речь твоя звенела,
Серебристая, как ключ.
Ах, и голос Филомелы
Далеко не так певуч.
Вся вселенная внимала
Трепетанью слов твоих,
Даже речка замолчала,
Даже шум вершин затих.
Смолкли в роще птичьи трели,
Все зефиры присмирели,
И сквозь слез горючих соль
Улыбнулась даже боль.

126 песня

Дни проходят, дни уходят,
Но печаль всегда со мной.
Все поток времен уводит, —
Неизменен жребий мой.
Огнедышащие горы
Отдыхают, — но не я.
Сохнут реки и озера, —
Только не слеза моя.
Лес цветет и отцветает,
Звезд полет свой путь меняет,
Я ж не жду счастливых дней, —
Вечен мир моих скорбей.

Из цикла

«Счастливая любовь Химфи»

И последняя отава
Под косою легла легко,
Тени длинные направо
Протянулись далеко.
Тихо мы по лугу бродим
И в густой траве сидим,

А порой к реке подходим,
В воду с мостика глядим.
Речка сжата берегами,
А под нами и над нами,
В нас и всюду — небеса,
В сердце — пламя и краса.



ФЕРЕНЦ КЁЛЬЧЕИ

(1790—1838)

Ференц Кёльчеи (Kölcsey Ferenc) родился в Содеметере в бедной дворянской семье. Семнадцати лет он послал одно свое стихотворение Ференцу Казинци, и тот принял в судьбе юноши горячее участие. В 1810 году Кёльчеи попал в Пешт, познакомился с друзьями Казинци и примкнул к движению «обновителей языка» в качестве поэта и критика. Недостаток средств не позволил ему жить в столице, и в 1812 году он вернулся к себе в деревню. Однако приспособиться к грубой и шумной жизни провинциального дворянства он не мог и этим навлек на себя ненависть соседей по усадьбе. Позднее он приобщился к провинциальной политической жизни и в 1832 году был избран депутатом в сейм. Благодаря своим свободолюбивым взглядам и ораторскому таланту он стал одним из вождей либерального дворянства. В 1834 году он вынужден был отказаться от депутатства, так как его избиратели потребовали от него защиты консервативных взглядов.

Лучшими образцами поэзии Кёльчеи являются его патриотические стихи. Форма его стихов классицистична, но по содержанию своей поэзии он романтик.

Кёльчеи-поэт неотделим от Кёльчеи-критика. В своих юношеских статьях Кёльчеи выступил с критикой дворянской торжественности и сословной ограниченности стихов Бержени, которые по своим формальным признакам не выходили за рамки античных образцов и старого венгерского стиха. Вместе с тем он критиковал и «крестьянскую вульгарность» поэзии Чоконаи.

Однако Кёльчеи пошел дальше своего учителя Казинци. Уже в 1817 году между ними возникли разногласия по вопросу о народной крестьянской песне. Кёльчеи отстаивал большое литературное значение народных песен и сказок. Правда, его собственные попытки писать народные песни увенчались успехом только с внешней стороны: он усвоил лишь формальные особенности народной поэзии.

Кёльчеи жил в период между двумя революциями 1789 и 1848 годов. Он принадлежал к тому типу поэтов, которые, стремясь слу-

жить своему народу, сливают в единое целое поэзию и политическую деятельность.

Кёльчеи знал, что эпоха буржуазных революций не вывела Венгрию на путь буржуазного прогресса; этим горестным сознанием и объясняется пессимизм отдельных его стихотворений. Кёльчеи знал также, что до тех пор, пока не будет уничтожено крепостное право, Венгрия не сумеет завоевать свою национальную независимость.



Гимн

(Из бурных столетий мадьярского народа)

Бог, мадьяру счастья дай
И богатства тоже!
В грозный час не покидай
Ты мадьяра, боже!
Ведь, страдая больше всех,
Ад изведав сущий,
Искупил народ свой грех
Прошлый и грядущий!

Ты довел нас до Карпат —
В лучший край на свете, —
И тебя благодарят
Бендегуза дети.
У священных вольных род
Тиссы и Дуная
Храбреца Арпада род
Вырос, процветая.

Нам Куншаг ты отдал в дар,
Колос наливая;
Ради нас ты лил нектар
На лозу Токая;
Знамя на турецкий вал
Водружал ты наше;
Крепость Вены в дрожь вгонял
Скорбный рог Матьяша.

А грешили мы — пылал
Гнев твой грозный, жгучий!
Ты, господь, на нас и гнал
Громовые тучи,
И монгольская стрела
Била нас все метче,
И туретчина легла
На мадьяра плечи!

Мать отчизна, сколько раз
Там, на поле бранном,
Песнь победная неслась
Дикого османа!
И удар детей своих
Принимать случалось;
Ты тогда для праха их
В урну превращалась!

Сабли ждали беглеца,
Где бы ни залег он,
И в отчизне дом отца
Отыскать не мог он;
Брел по лесу, по горам
В горе и в печали;
Кровь бежала по пятам,
Пламя—за плечами!

Замок был... А нынче он —
Лишь развалин груда.
Смертный вопль, и плач, и стон
Слышатся оттуда!
На гробах не расцветет
Вольность цветом розы.
Лишь из жарких глаз сирот
Брызнут рабства слезы.

Бог, мадьяра не карай!
Мы от бедствий стонем!
Руку помощи подай,
В море скорби тонем!
Ведь, страдая больше всех,
Ад изведав сущий,
Искупил народ свой грех
Прошлый и грядущий!

Лодка

В лодочке плыву я,
Волна кипит,
В небе надо мною
Журавль трубит.
О небесный странник,
Мчись над землей!
Как бы мне хотелось
Лететь с тобой!

Радостную землю
Ты там найдешь,
Где цветы прекрасны
И плод хорош.
Эх, с тобою вместе
Летел бы я
Вольные такие
Искать края!

Там, где хмурых зимних
Нет облаков,
Может быть, найдется
Надежный кров,
Чтобы беспечно
Шел день за днем,
Радужной надежды
Горя огнем!

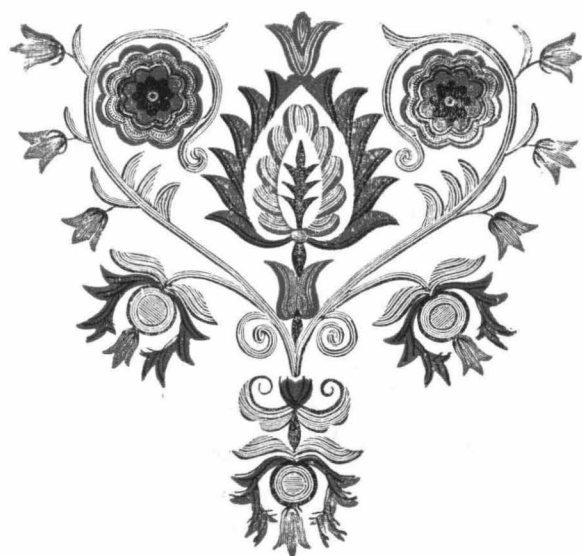
Там вечерний ветер
К листе приник
И вблизи порога
Звенит родник!
Бог с тобою, лодка!
Кто там во тьме
Трепетные руки
Простер ко мне?

Глухо

О, плакать, плакать бы и плакать,
Как никогда нигде никто;
Рыдать о счастье утонувшем,
Как не рыдал еще никто.
Там, где-то на вершинах боли,
Кто это мог бы, кто бы, кто?

Ах, эта боль,
Нет боли горше,
Мятежнее и горячей.
Что ж из груди кровавой лавой
Не льется сердце;
Что же слезы
Не выкипают из очей!





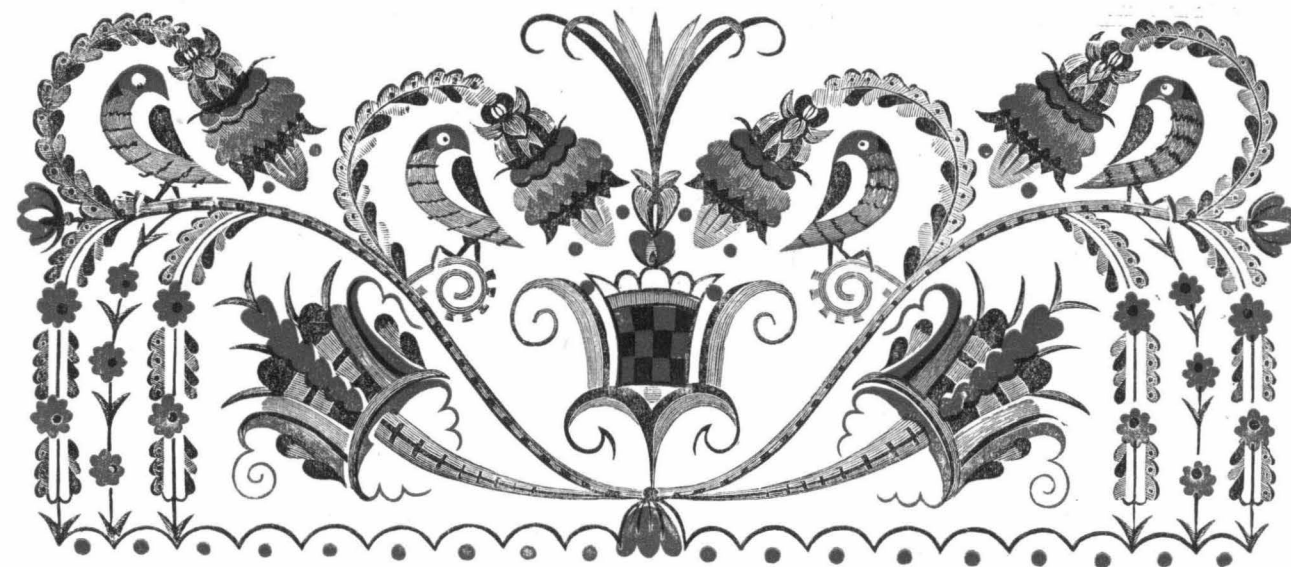
КАРОЙ КИШФАЛУДИ

(1788—1830)

Карой Кишфалуди (*Kisfaludy Károly*)— младший брат Шандора Кишфалуди. Служил в армии, участвовал в наполеоновских войнах. Выйдя в отставку, он поступил в школу живописи в Вене, но продолжать учение не мог из-за материальных затруднений. В 1819 году была поставлена его первая пьеса, которая принесла ему славу. В 1820 году он написал свою лучшую трагедию «Ирен», проникнутую патриотическим духом. В 1822 году основал альманах «Аурора», вокруг которого сгруппировались все молодые литературные силы Венгрии, признавшие своим вождем вместо Казинци Кароя Кишфалуди. С ним были связаны и такие выдающиеся венгерские поэты, как молодой Вёрёшмарти и Байза.

Кишфалуди написал много драматических произведений (наиболее интересное из них «Воевода Штибор»). Он также создал несколько комедий, в которых сочувственно изобразил крестьян и высмеивал помещиков. В этих комедиях Кишфалуди впервые был выведен на сцену и обуржуазившийся дворянин. Кроме того, Кишфалуди был автором ряда патриотических поэм и стихов, в которых нашли выражение идеи пробуждающегося национально-освободительного движения. Современному читателю наиболее близки народные песни Кишфалуди.





Желтый лист

Желтый лист, осенний лист,
Что упал ты, золотист?
«Ветвь от ветра задрожала
И меня не удержала».

Такова и жизнь моя,
И дрожу и зябну я,
Все в родном краю знакомо,
Только нет родного дома.

Отчего же ты, роса,
Покидаешь небеса?
«Солнце счастья закатилось,
И к тебе я с туч спустилась».

Не роса ты, а слеза,
Застилаешь мне глаза.
Гаснет солнца свет прекрасный,
Плачу я, мадьяр несчастный.

Соловей ты, соловей,
Что замолк ты меж ветвей?
«С милой разлучен своею,
От печали я немею».

Соловей, вот так и я!
Скоро смолкнет песнь моя.
Как мне петь, к чему стремиться,
Если не с кем поделиться?

Тот, кто любит так...

Тот, кто любит так,
Ночи не боится
И сквозь ночь, сквозь мрак
К милой он примчится.

Ничего зимой
Не цветет, не зреет,
Но придет родной
И меня согреет.

Темен неба свод,
Жутко ночью снежной.
Милый мой придет, —
Поцелую нежно.

А метель гудеть
Начинает снова.
Просит не глядеть
Милый на другого.

А зачем с другим
Я гулять бы стала
Если и с одним
Горя мне немало?

Ракошский пахарь под турецким игом

Грустно мне отец твердил:
«Предок наш здесь лучше жил».
Плугом поле я вздымаю
И над Ракошем вздыхаю.

Где стремительный Матьяш,
Справедливый витязь наш?
Был в бою он всех бесстрашней,
Бился он на этой пашне.

Храбрецы здесь много лет
Собирались на совет
И, сзываемы трубою,
Как орлы слетались к бою.

Нет их боле; ширь полей
Кормит множество людей,
Но печально я вздыхаю, —
Редко здесь мадьяр встречаю.

Кто из Буды к нам придет,
Нашей речи не поймет, —
Утекла, ушла родная
Речь из Ракошского края.

Мчится ветер на крылах,
Пыль гоня, взметая прах,
Может, эти клубы пыли
Храбрыми сердцами были.

Девочка родных полей,
Ты из Ракоша не пей,
От мадьярских слез горячих
Солон привкус вод текучих.

Ракош! Ракош! Где же ты?
Где же слава? Где мечты?
Землю плугом подымаю
И слезами засеваю.

ГЕРГЕЙ ЦУЦОР

(1800—1866)

Гергей Цуцор (Czuczor Gergely) родился в семье крестьянина. Детство провел в деревне, где и познакомился с венгерским народным творчеством: песнями, балладами, сказками. Окончив школу, он поступил в духовное училище, затем стал преподавателем комаромской гимназии. С 1835 по 1837 год он служил помощником секретаря Венгерской академии, но вследствие происков канцелярии Меттерниха, Цуцору, принадлежавшему к передовым кругам венгерских писателей, пришлось покинуть столицу. С 1845 года он редактировал Большой венгерский словарь. После поражения революции 1848—1849 годов Цуцор был арестован и заключен в тюрьму за революционное стихотворение «Тревога», напечатанное в газете «Кошут Хирлап» («Газета Кошута»).

Цуцор был видным мастером венгерской баллады и предшественником Петефи в области создания народной песни.





Деревенская девочка в Пеште

Ну и Пешт — какой красавец, боже мой!
А народ здесь — обходительный какой!
Я по городу ходила три часа,
Тут везде, куда ни глянешь, чудеса.
Выше нашей колокольни есть дома, —
Я своим глазам не верила сама.
А людей, людей-то сколько — просто страх!
Ходят в золоте, и в бархате, в шелках,
Будто все они большие господа
Или съехались на ярмарку сюда.
Но всего мне показалось чудней,
Что и баре тут не чванятся, — ей-ей!
В город яблоки пошла я продавать.
На крыльце одном уселась торговать.
Вижу, смотрит на меня прохожий люд,
Все мужчины обернутся, как пройдут,
А какой-нибудь еще и подмигнет,
Вдруг подходят трое молодых господ.

Первый молвил: «Как тебя, голубка, звать?»
 А второй мне: «Где изволишь проживать?»
 Третий молвил: «Дай мне рученьку твою».
 Испугалась я и чуть жива стою.
 Бормочу сама не знаю что в ответ,
 А до яблок, вижу, им и дела нет.
 И не спросят ведь, почем их продаю,—
 Всю корзиночку купили бы мою.
 А какой у них красивый разговор!
 Только все перезабыла я с тех пор.
 По сто раз меня спросили: «А когда
 Ты опять придешь с корзинкой и куда?»
 Ну и Пешт — какой красавец, боже мой!
 А народ здесь — обходительный какой!
 У пекарни я стояла, вдруг один
 Подошел ко мне высокий господин.
 Серебром расшиты шляпа и штаны,
 А усы блестят и будто смоль черны.
 Видно, барин был он знатный, не солдат.
 На запятках — вот такие же стоят.
 «Эй, мадьярочка, жемчужина моя! —
 Говорил он мне. — Я так люблю тебя!
 Полюби меня, пройдишь со мной часок!»
 Где ж со мною познакомиться он мог?
 «Нет», — сказала я, а он мне: «Почему?»
 «Мне мамаша не велит, вот почему!
 Наказала мне: «С чужими никогда
 Не ходи, моя дочурка, никуда».
 «Ах, голубушка, так не пойдешь со мной?» —
 Грустно молвил он и ждет, — такой смешной!
 Он ушел, а я осталась там стоять.
 Как пойдешь, коль не приказывала мать!
 Но боюсь, что рассердиться может он, —
 Как тогда? Ведь он, наверное, силен.
 Нет, уж если в Пешт когда-нибудь опять
 Мама яблоки пошлет меня продать,
 Попрошу, чтоб разрешила мне разок
 Погулять с тем господином хоть часок.
 Самых лучших яблочек ему я дам,
 Пусть не сердится и ласков будет к нам.
 Поклянусь ему послушной быть вперед,
 Не солдат он и меня ведь не убьет.

Тревога

Труба гудит, поет: вставай, мадьяр, вставай!
 Возьми свой меч и в бой за родину ступай!
 Рази, как молния, ты, вольности заря,
 В крови тиранов меч спасительный багря.

Еще великий бог мадьяров жив,
 Он всех врагов повергнет, сокрушит.
 Коль с нами бог, кто страшен нам, ответь?
 Свободны мы! Свободны будем впредь!

Не нужен нам тиран!.. Вперед, мадьяры, в бой!
 Кто встанет против нас, ответит головой.
 Кто цепи рабские для нас во тьме ковал,
 Того сейчас пронзит стремительный кинжал.

Еще великий бог мадьяров жив,
 Он всех врагов повергнет, сокрушит.
 Коль с нами бог, кто страшен нам, ответь?
 Свободны мы! Свободны будем впредь!

Ты, дольная земля, и ты, небесный свод,
 Теперь вы видите: Арпада жив народ!
 О кровь, пролитая за наш родимый край,
 Ты каплей каждою о мщении взывай!

Еще великий бог мадьяров жив,
 Он всех врагов повергнет, сокрушит.
 Коль с нами бог, кто страшен нам, ответь?
 Свободны мы! Свободны будем впредь!

Священные права мы в битвах защитим
 И сокрушим врагов оружием своим.
 Как тризны весело справлять по королям!
 Тиранов смерть — залог свободы племенам.

Еще великий бог мадьяров жив,
 Он всех врагов повергнет, сокрушит.
 Коль с нами бог, кто страшен нам, ответь?
 Свободны мы! Свободны будем впредь!

Ну что ж, разбойники, крадитесь к нам в ночи!
 Натравливают вас народа палачи.
 Но только помните — для вас могилы нет,
 Стервятникам и псам пойдете на обед.

Еще великий бог мадяров жив,
Он всех врагов повергнет, сокрушит.
Коль с нами бог, кто страшен нам, ответь?
Свободны мы! Свободны будем впредь!

Настал решающий суровой битвы час.
Миллионы молятся с усердием за нас.
Не знаю, родичи, здесь жизнь иль смерть нас ждет,
Но раболепия тиран здесь не найдет.

Еще великий бог мадяров жив,
Он всех врагов повергнет, сокрушит.
Коль с нами бог, кто страшен нам, ответь?
Свободны мы! Свободны будем впредь!

Дай руку мне пожать, соратник славный мой!
Он будет яростен, наш справедливый бой.
Мы в жертву кровь свою отчизне отдаем,
До капли мы ее за родину прольем.

Еще великий бог мадяров жив,
Он всех врагов повергнет, сокрушит.
Коль с нами бог, кто страшен нам, ответь?
Свободны мы! Свободны будем впредь!



ЙОЖЕФ БАЙЗА

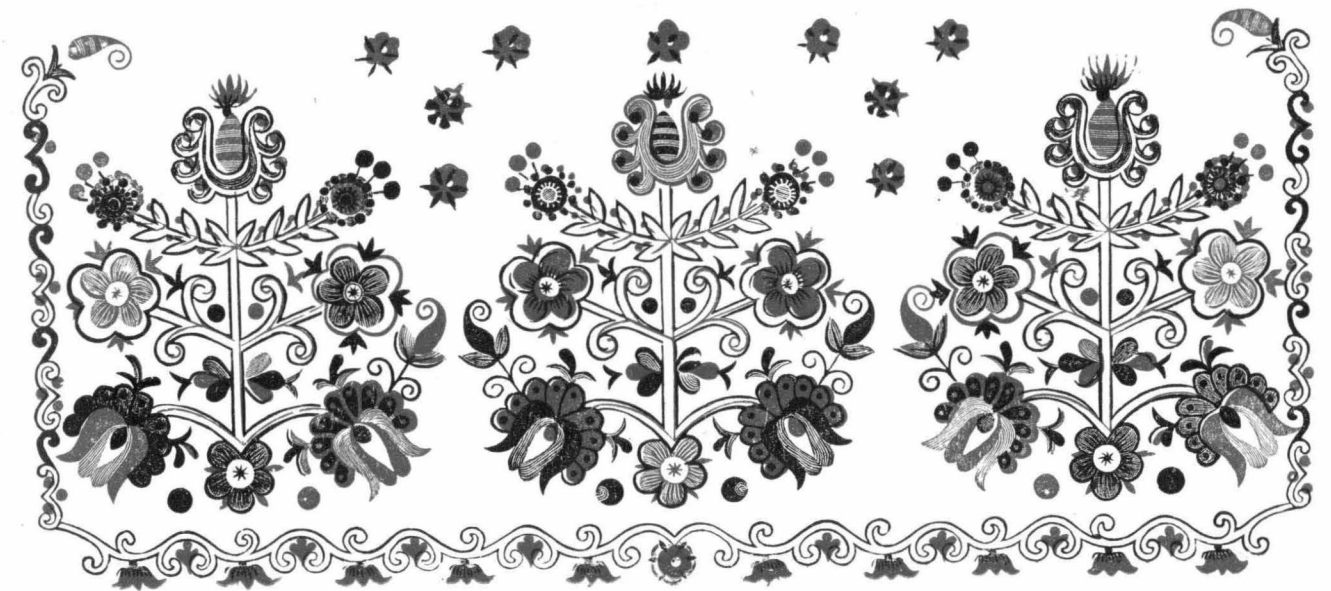
(1804—1858)

Йожеф Байза (Bajza József) родился в Сючи в дворянской семье. Образование получил в Пеште. Начиная с 1831 года он вместе со своими друзьями, поэтом Вёрёшмарти и критиком Толди, редактировал «Критическую газету» и журнал «Аурора». В 1837 году он стал редактором журнала «Атенеум». Названные журналы стремились к популяризации новой венгерской литературы, так называемой «эпохи реформ». В 1837 году Байзу избрали в Венгерскую академию, и он стал директором первого венгерского театра — «Национального театра». В 1844 году Байза приступил к написанию «Всемирной истории». Во время революции 1848—1849 годов он был горячим сторонником Кошута, редактировал газету «Кошут Хирлап». После поражения революции скрывался вместе с Вёрёшмарти. В 1851 году вернулся в Пешт, жил в очень стесненных материальных условиях. Потрясенный поражением революции и начавшейся в стране реакцией, Байза впал в тяжелый душевный недуг.

Байза писал элегии, баллады, песни. Он создал в свое время целую школу так называемой «альманашной лирики» — сентиментальной, изысканной по языку. Наиболее значительными являются его стихи, написанные после поражения революции. В них он скорбит о том, что на его родине не осуществились идеи свободы и справедливости, и вместе с тем провозглашает наступление новой революции, которая будет судить королей и воздвигнет трон истине и свободе. В этих стихах Байза поднимается до настоящего революционного пафоса.

Незабываемая заслуга Байзы перед венгерской литературой состоит и в том, что он первый обратил внимание на юного Петефи и первый напечатал его стихи в журнале «Атенеум».





Вечерняя заря

Свет золотистый,
Кротко сияя,
Спит на озерной
Зыбкой волне.

Ветер взлетает
С роз наклоненных,
Веет печально
Нам в тишине.

Лес утихает.
Голос свирели
В воздухе чистом
Тонет нежней.

В роще, расшитой
Ярко цветами,
Щелкает, свищет,
Бьет соловей.

Милая! Ныне
Я, головою
Прячась в колени,
Сладко дремлю.

Может быть, завтра
Пурпур вечерний
Тихо могилу
Тронет мою.

• Будет ли сердце
То, что сегодня
Так под вуалью
Бьется твоей,

Будет ли завтра
Плакать, страдая,
Плакать, стеноя,
Ветра нежней?

Вдох

Нет радости в былом,
Надежд в грядущем нет.
Мой край, всю кровь отдам
За твой ущербный свет.

Из-за тебя звенит
Печалью песнь моя,
Под тенью туч твоих
Скорблю и плачу я.

Законов и границ
Создатель, ты могуч,
Господь народов, стран,
Дай нам надежды луч.

В круговращенье бурь
Вошли мы навсегда,
На берег не ведет
Нас ни одна звезда.

Ты, давший нам сердца
И добрых чувств полет,
Ты, научивший нас
Любить родной народ,

Мольба

Все ты знал и видел,
Все ты ведал, бог!
Отчего же правде
В битве не помог?
Алтари и храмы
До сих пор стоят,
Иль уже крошечный
Поглотил их ад?

Всюду миллионы
Молятся тебе.
Тщетно! Равнодушен
Ты к людской мольбе.
Пламенную веру
Сам ты погасил
Тем, что дело правды
Ты не защитил.

Кто любил отчизну,
Почитал закон,
Как злодей, на плахе
Палачом казнен,
А убийца гнусный,
Святотатец, вор,
Убивать и грабить
Может до сих пор.

От небес свобода
Помощи ждала,
Но лишь тюрьмы, казни,
Цепи обрела.
Ты тысячелетия
Кровью истекал,
Но народ свой храбрый
Уничтожить дал.

Кротких ты заставил
Жить в беде, в нужде,
А клятвопреступник
В почестях везде.
Змеи преисподней
Выползли на свет,
И преграды больше
Злодеям нет.

Молнией, громами
Разрази того,
Кто в людских страданиях
Видит торжество.
Вспомни: добродетель
Надо награждать!
Дай же ты народу
Восторжествовать...

Если ж мир дорогу
Всю прошел свою
И уже стремится
Он к небытию,—
Ты ему скорее
Сгинуть помогай,
А когда он сгинет,
Новый мир создай.

Но не дай ты новым
Людям образ свой,
Не закинь им в души
Искры ни одной,
Пусть они плодятся,—
Каменные лбы,
Глупые машины,
Верные рабы.

Ты им вместо сердца
Льда кусочек дай,
К красоте и славе
Их не приучай.
Право и свобода
Будут им смешны,
Им не станут сниться
О грядущем сны.

Не взлетит их разум
К звездам в небосвод,
И в низкопоклонстве
Вся их жизнь пройдет.
И никто не станет
Плакать в тишине,—
Будут все народы
Счастливы вполне.

Пророчество

Что нам грядущее сулит?
Что так мрачна лазурь?
То души мечутся в тоске
И ждут в тревоге бурь?
То мертвых и живых на суд
Уже зовет труба,
И открывает херувим,
Шурша крылом, гроба?

Нет! То народы всей земли
Кишат, как океан,
Возмущены, оскорблены
Владыками всех стран.
Уже полмира в смертный бой
Вступает потому,
Что вновь тираны нас влекут
К старинному ярму.

Вновь революции начнут
Свой подвиг боевой,
За справедливость в бой ведя
Миллионы за собой.
Снесет спасительный мятеж
И башни и дворцы,
Потонут в собственной крови
Владыки-гордецы.

Нет справедливости нигде,
Есть только гнет ярма,
Насмешкой стала вольность вновь
И милостью тюрьма.
Все то, что нажито трудом,
Казна себе возьмет,
Веревку или цепь раба
Получит патриот.

Бесправье правом здесь зовут,
Порядком — произвол,
Существованья каждый миг
Стал мерзок и тяжел.
Но близок, близок мести день,
Я знаю, он придет
И угнетателей с пути,
Карая, он сметет.

И сам господь придет судить
Народы и царей,
И рухнут троны перед ним,
Давившие людей.
Вернет народам он права
И созовет на пир,
И песней небо и земля
Прославят вечный мир.

Свободно, вольно будет жить,
Кто прежде в рабстве жил,
И снова станет человек,
Каким он создан был.
Воздвигнет справедливость трон
Свободе, и пред ней
Склонится вся живая тварь,
Травинки всех полей.



МИХАЙ ВЁРЁШМАРТИ

(1800—1855)

Михай Вёрёшмарти (Vörösmarty Mihály) родился в Каполнашинеке в небогатой дворянской семье. Стихи начал писать с юношеских лет. Известность приобрел в 1825 году благодаря поэме о завоевании Венгрии—«Бегство Залана». Этой поэмой, рассказывающей о «славном прошлом» Венгрии, Вёрёшмарти стремился повлиять на свое «немогущее время». С 1826 года он жил в Пеште и занимался литературной деятельностью. Написал ряд поэм, стихотворений, народных песен, романтических драм, рассказов, критических и публицистических статей. В 1832 году он был избран в члены Венгерской Академии наук. Во время революции 1848 года он, как сторонник Кошута, стал депутатом Национального собрания. После поражения революции был вынужден скрываться. В 1850 году Вёрёшмарти получил амнистию.

Поражение революции Вёрёшмарти воспринял не только как национальную, но и как личную катастрофу, и умер вскоре, пораженный тяжёлой душевной болезнью.

Поэзия Вёрёшмарти, одного из крупнейших венгерских поэтов, расцвела в так называемую «эпоху реформ» (1825—1848). (См. предисловие.)

Вёрёшмарти был в венгерской литературе в свою эпоху значительнейшим выразителем пробуждающегося национального самосознания. Он сумел преодолеть сословную ограниченность первого периода своего творчества и уже в середине тридцатых годов при разрешении национальных задач обращался не к прошлому, а к вопросам социального переустройства Венгрии.

В ответ на усилившийся гнет и террор австрийских властей в Венгрии Вёрёшмарти написал в 1836 году свое знаменитое патристическое стихотворение «Призыв». В 1846 году, после восстания галицийских крестьян, Вёрёшмарти написал стихотворение «Люди», свидетельствующее о том, что поэт уже чувствовал бесплодность политики реформ и знал, что национальную независимость Венгрии можно завоевать только путем освобождения крестьянства и революционного свержения феодализма.

В произведениях, написанных после разгрома революции, Вёрёшмарти выразил скорбь и разочарование нации, обманутой в своих надеждах на свободу. В этих же стихах, полных отчаяния и трагизма, он проклинал предателей революции и пророчески говорил о новом празднике — новой революции, которая придет и к которой должны быть готовы народ и его певцы.

Вёрёшмарти был одним из создателей нового венгерского языка и поэзии. Он совместно с Байзой первый поддержал юного Петефи и был связан с ним дружбой до самой его героической гибели, несмотря на то, что в 1848 году Петефи публично выступил против Вёрёшмарти, обвиняя его в политически непоследовательном поведении в Национальном собрании.



Пустая корчма

На бугре корчма стоит,
Аист к той корчме летит.
Если б аистом я стал,
Я сюда бы не летал.

Развалилась вся стена,
Всем ветрам отворена.
Ветры машут над корчмой,
Ведьмы пляшут под стеной.

А снаружи! А внутри!
Кто там дома? Отвори!
Выйти девушка должна,
Дать мне хлеба и вина.

Вот бы хлеба пожевать,
Хлеб вином бы запивать,
Вот бы девушку обнять,
К сердцу жаркому прижать!

Никого. Пустыня. Тишь.
Что ты, аист, там сидишь?
Скучно аисту сидеть,
Тоже хочет улететь.

Серый конь, товарищ мой,
Видишь, Тисса под горой.
В Тиссе ты воды испей
И к Дунаю мчись скорей.

Ну, прощай, корчма! Мышам
Тут раздолье по ночам.
Будешь ливнем снесена,
Так как нет в тебе вина.

Черные глаза

Нежны очи голубые,
Мне хвалить их не впервые,
Но ведь черных глаз лучи
Жарче греют нас в ночи.
Черный мрак ночей бессонных —
День для пылких, для влюбленных.
Для меня и полночь — день,
Полдень — темной ночи тень.

Роза, глянь, не будь жестокой!
О левкой мой черноокий!
Взор твоих ночных очей
Крыльев ворона черней.
Очи зеркалом сверкают,
В сердце радость мне вселяют,
И счастлив я, как цветок,
Что на грудь твою прилег.

Герб Венгрии

Родина, как ты прекрасна! Сменяются горы и доли,
Пересекают тебя мощных четыре реки,
Но благодатной природы дары и мертвы и бездушны,
Воля твоих сыновей — вот в чем величье твое.

Призыв

Мадьяр, за родину свою
Неколебимо стой,
Ты здесь родился, здесь умрешь,
Она всегда с тобой.

Другой отчизны не ищи
И смертный час тут встретить —
В беде иль в счастье должен ты
Здесь жить иль умереть.

По этим нивам столько раз
Струилась кровь отцов.
Земля хранит их имена
В течение веков.

Здесь за отчизну в славный бой
Арпад войска водил,
И рабства гнусное ярмо
Здесь Хуняди разбил.

Свобода! Здесь носили твой
Окровавленный стяг
И пали лучшие из нас
За родину в боях.

Среди неотвратимых бед,
Несчастий и невзгод,
Хоть поредев, но не сломясь,
Живет здесь наш народ.

Народам мира мы кричим,
Столпившимся вокруг:
«Мы заслужили право жить
Тысячелетьем мук».

Не может быть, чтоб крови зря
Так много пролилось,
Чтоб столько преданных сердец
В тоске разорвалось.

Не может быть, чтоб сила, ум
И воля навсегда,
Не одолев проклятий груз,
Иссякли без следа.

То время, славное вовек,
Должно притти, придет,
Когда исполнится все то,
О чем молил народ.

Или прекрасно умереть
Решится в битве он,
И будет вся страна в крови
Во время похорон.

Могила Венгрии твоей
Народы окружают
И, над умершею скорбя,
Слезами оросят.

Мадьяр, за родину свою
Неколебимо стой,
Ты ею жив, и будешь ты
Укрыт ее землей.

Другой отчизны не ищи
И смертный час тут встретить —
В беде иль в счастье должен ты
Здесь жить иль умереть.

Песня Фоти

Пузырьки в вине, как жемчуг,
Вверх летят,
Ну, и правы, — жить в неволе
Не хотят.
Все, что жемчуг, рвется к небу
От земли,
А к земле лишь комья, камни
Приросли.

Яства сытные питают
Тело, но
Душу нам вселяет в тело
Лишь вино.
Брат с сестрой — вино в стакане
И душа.
Где ж та рыба, что на диво
Хороша?

А с вином любовь прославить
Я хочу.
Выпив, горечь страсти легче
Проглочу.
Эй, голубка, белокурый
Мой бутон!
Веришь? Любишь? Как три бога,
Я влюблен.

Для тебя звенит, сверкает
Мой стакан,
Сердце влагой страсти плещет,
Как фонтан.

Сердце было бы фонтана
Веселей,
Если б мог любви добиться
Я твоей.

Эй, земляк, эй, друг старинный,
Пей вино,
Пей вино, угрюм иль весел, —
Все равно.
Всех вино освобождает
От забот.
Лучшего никто на свете
Не найдет.

Лишь вскипит в стаканах пена, —
Горя нет.
Горевал мадьяр так много
Сотен лет,
Что пора ему очнуться
Навсегда.
Он сейчас воспрянет или
Никогда.

Пьет мадьяр, веселым взором
Вдаль глядит,
Ибо выпитое с толком
Не вредит.
Пьет за родину, и сразу
Ясен путь!
Только лучше б уж свершил он
Что-нибудь...

Горькая чаша

Коль женщине во власть
Ты предался душой,
Знай: суждено пропасть
Душе твоей большой.
Улыбки лгут, беду сулят
Прекрасные глаза,
Улыбки жажду утолят,
Но все сожжет слеза.
Пей! Краток жизни пир,
Не вечен даже мир.
Он лопнет, как пузырь пустой,
И все сольется с пустотой.

А если всей душой
Ты другу предан был,
Дары страны родной
И тайны с ним делил,
И вдруг ты видишь блеск клинка
И понимаешь вдруг,
Чья это скользкая рука —
Стал недругом твой друг!
Пей! Краток жизни пир,
Не вечен даже мир,
Он лопнет, как пузырь пустой,
И все сольется с пустотой.

И если скорбь и хмель
Помогут, как друзья,
Тебе увидеть цель
Пустого бытия,
То ты не медли! Подымись,
Творец великих дел,
И, не жалея сил, борись!
Тот победит, кто смел.
Знай: краток жизни пир.
Пускай не вечен мир,
Но в этом мире счастлив тот,
Кто, разрушая, создает!

Коль родине своей
Ты отдал все сполна —
И кровь ты отдал ей
И душу, а она
Тебя же низвергает в прах,
Поносит, гонит с глаз
И бьется жертвою в руках
Глупцов, дельцов, пролаз,—
Пей! Краток жизни пир,
Не вечен даже мир,
Он лопнет, как пузырь пустой,
И все сольется с пустотой!

И если даже в грудь
Всосался червь забот,
И твой безверный путь
По пустырям ведет,
И все отравлено сейчас —
И радость и мечта,
И все надежды скрылись с глаз,
Все поздно, все тщета,—
Пей! Краток жизни пир,
Не вечен даже мир,
Он лопнет, как пузырь пустой,
И все сольется с пустотой.

Песня студента словака

Когда гнетет тоска,
Когда портянки трут
И дыры там и тут,
И хлеба ни куска, —
Взглянувши на тебя,
Вмиг утешаюсь я,
О славный мир,
Державный мир!

Как счастлив я, как рад!
Какой прекрасный край,
Богатый урожай,
Цветущий виноград
И все, что есть в стране,
Принадлежит не мне...
Богатый мир,
Проклятый мир!

Иду себе пешком,
Чего ж мне не итти?! —
Приют могу найти
Я в городе любом,
Хоть — видно небесам —
Домов не строю сам...
О добрый мир,
Огромный мир!

Глазеть на чудный вид
Наскучило. Усну.
Во сне на всю страну
Я стану знаменит,
Отчизне песнь пою.
Что? Песнь бранить мою?!
О дерзкий мир,
Венгерский мир!

В барона превратясь,
Я отращу живот.
Любуйся, весь народ,
Глазей, да, чур, не сглазь!
Неужто это я
Стал жирен, как свинья?
О славный мир,
Державный мир!

Родимые края
Опустошает вихрь,
А мне-то что до них?
Забота не моя.
Не рухнут, знаю я,
Ни небо, ни земля.
О вечный мир,
Беспечный мир!

С пустым я животом,
Зато вокруг меня
Великая стряпня;
Подумаю о том,
И не бурчит живот —
И мой придет черед.
О бедный мир,
О щедрый мир!

Доволен я везде
И солнышком пригрет,
А если солнца нет,
Так рад я и звезде.
Не звезды, так луна,—
Мила мне и она...
Прекрасный мир,
Алмазный мир!

Мечта

За твою любовь
Разум свой отдам,
Помыслы свои гордые разрушу
И свою мечтам преданную душу
Уничтожу сам
За твою любовь.

За твою любовь
Стал бы лавой я,
И горел бы я пламенем зеленым,
Пламенем больным и неутоленным,
Горести тая,—
За твою любовь.

За твою любовь
Стал бы я листвою,
Стал бы ветвью я, деревом я стал бы,
Знал бы молний блеск, скорбно умирал бы
Каждою зимой
За твою любовь.

За твою любовь
Рухнувший в борьбе
Дух мой я б назад попросил у бога,
Нарядив его и проверив строго,
Отдал бы тебе
За твою любовь.

Люди

I

Молчите! Песня, больше не звучи!
Мир скажет за людей...
И, леденя, замерли в ночи
Вы, крылья ветра и дождей, —
Дождей из горьких слез людских
И ветра, что в груди затих.
Напрасно все: ум, благо, тьма и свет, —
Надежды нет!

II

Есть сказка, что в былые времена
Наш пращур согрешил —
Была за это гибель суждена
Всеми потомству. И вопил
Народ, страдать приговорен:
«Закон!» И вновь карал закон,
Плут плутовал, вторгался злой сосед...
Надежды нет!

III

Явились славные. Шаг мощных ног
Переступил закон.
Пошли дела — хозяйничал клинок,
И род людской был возбужден.
Погибли славные. И вновь —
Терзанье братьев, скорбь и кровь...
Что слава? Нищей ночью молний след!
Надежды нет!

IV

Вот длится мир. И человек сейчас
Ужасно плодит
Не для того ль, чтоб мор в урочный час
На тризне был по горло сыт?
И ввысь голодный глаз глядит,
Земля не нам принадлежит,
В ней не найдет покоя и скелет —
Надежды нет!

V

Земля богата. Урожай полей
Прекрасней, что ни год!
Так что ж несчастья злее все и злей
И рабство вечное гнетет?
Так должно быть? А коль не так —
Неужто нехватает благ,
Сил, добродетелей? Один ответ:
Надежды нет!

VI

В союз безбожный вы вступили здесь,
Злой нрав и хищный мозг,
Глупейшую вы пестуете спесь
Для взбудораживания войск,
Кто б верх ни взял — ум, зверь, бог, чорт, —
Кровь человечества течет.
Тварь боголика, оставь о счастье бред —
Надежды нет!

VII

И болью человеческих невзгод
Болеет шар земной.
Лоб человеческий проклятием цветет.
Стал ненавистен брат родной.
Учиться? Нет! Идет на новый грех!
Драконий зуб! Вот что ты за орех,
О человек, в скорлупку зла одет.
Надежды нет, надежды нет!

Дом сейма

У отчизны дома нету!
Ибо эта
Мать родная
Не щадит своих сынов.
Лишь дорога боевая —
Дом родной для храбрецов.
Нет! Хозяйка все ж плохая
Ты, отчизна дорогая.
Без расчета проливаешь
Драгоценнейшую кровь!
С громким барабанным боем —
О позор! — мы маршируем,
За хорошее, плохое
Безразлично голосуем.
Ты, отчизна, стала ныне
Госпожою и рабыней
Миллионов непокорных
Ненавистников упорных.

И с холодными сердцами
И с железными умами
Чужеземцы выплывают,
В кровь отчизны проникают.
Нация окоченела —
Боль мертвит родное тело.

Всё в разлад. И патриоту
Молвить слова неохота.
Никакого сделать дела
Плодотворно, смело, дружно,
Как бы это было нужно,
Ты, отчизна, не сумела!
У отчизны нету дома. Почему?
Подымались, время было,
Мы по слову одному,
Если родина просила!
Пышных фраз не говорила,

Не в речах была тут сила,
А в сердечности глубокой.
Вот мы и платили кровью—
Жертвой чистой и высокой!
Кончено кровопролитье!
Но теперь вы посмотрите
В мирный час, счастлива ль вновь
Родина в кругу сынов?
Нет! Не так на этот раз!
Всюду траур, всюду грязь.
Слепо родина блуждает,
Как незванный гость влетает
Людам в бедное жилье.

Имя славное ее,
Исcoverканное злобно,
Стало ругани подобно.

Имя ей: служи бесплатно,
В долг даешь — не жди обратно,
И покончи ты с собой
Ради выгоды чужой.
Как позор — отчизны имя,
Как проклятье прозвучало.
О мадыарская отчизна,
Вот какой ты ныне стала!

Гёргей

Зовется Гёргеем тот негодяй позорный,
Кто предал родину, свой долг презрев.
Так пусть всегда, везде, до гроба и за гробом,
Его преследует господин гнев.

Ста тысяч храбрых вождь, вождь пламенных героев
В победе славен и в беде велик!
А он отбросил честь, отверг он путь к величью,
Подножный корм найдя, к нему приник.

Ему вручен был меч карающий народа,
Народа сердце было вручено.
Он предал их врагу, как шалопаю побитый,—
За плату, даром ли, не все ль равно.

Умолк орудий гром, умолкли наши ружья,
Зловещая настала тишина,
Гайдук не мчится в бой, висит гусара сабля,
Не кровью, а слезой окроплена.

Пасть, не изведав битв, все сдать врагу без боя!
Переглянувшись, шлют ему во след
Его соратники суровое проклятье,—
Тому проклятью вечно смерти нет.

«Кто создал Гёргея, бог иль коварный дьявол?» —
Так спрашивают воины с тоской.
Нет, если б создал бог ничтожество такое,
Отрекся бы от бога род людской.

Пусть высохнет трава, где отдохнуть он сидет,
Пусть, ветку увидав, на ней повиснет он,
Пусть терпит голод он, пусть корчится от жажды,
Вовек людским презреньем заклеимен.

Пусть гонятся за ним повсюду беды, словно
Озлобленные псы, пусть он живет
До гроба в нищете, в терзаниях и в сраме,
А после гроба муки обретет.

Предисловие

В те дни, когда я взялся за перо,
Безоблачным казалось это небо,
И на земных высотах зеленела
Листва... И люди, точно муравьи,
Трудились — бодро подымались руки,
Был тверд расчет, надеялись сердца,
Ум пламенел, и замыслы рождались.
Мир отирал испарину со лба,
Готовясь получить вознаграждение —
Блаженство завершеного труда,
И к празднику приблизилась природа,—
Все лучшее, что было в ней, цвело!

И как от счастья, воздух трепетал,
Священное воззвание рождая,
Чтоб славным голосом творимой нови
Приветствовать вселенную. И мы
Услышали! Глубины и высоты
Откликнулись. Казалось, в этот миг
Вселенная застыла без движенья.
Но перед бурей эта тишь настала.
И разразилась буря. Как мячи,
Она отрубленные головы бросала
Под небеса кровавою рукой.
Она неслась, топча сердца людские,
Жизнь увядала от ее дыханья,
Мир разума погас. И на щеках
Небес, от этой бури потемневших,
Разрисовали молний диким светом
Великий гнев враждебные нам боги.
И завывала буря непрестанно,
И где бы, как чудовище, она
Ни проносилась в бешенстве, — повсюду

Проклятия раздробленных народов,
Как вздох, неслись из кучи черепов,
И опускала голову нужда
На обессиленные города.

И вот теперь зима, и снег, и смерть.
Земля моя как будто поседела,
Но не слегка, как человек счастливый,
А поседела сразу, как господь,
Когда, создавши мир и человека,
Создавши полубога, полузверя,
Он содрогнулся, увидав воочью
Такое кровожадное творенье,
И стал от горя дряхлым и седым!

Она придет, цирюльница-весна,
Земля-старушка паричок напаялит
И бархатное платье из цветов,
И глаз своих стекляшки разморозит,
И на лице сокрытом, в ароматах
Налжет веселье юности... Тогда
Спросите эту старую кокетку—
Что сделала с детьми она своими,
Куда девала бедных сыновей?

Старый цыган

Играй, цыган! Вина мы поднесли,
Чего ж дремать? Утешь! Развесели!
Что стоит скорбь, водой разведена?
В холодный кубок подливай вина.
Такой закон установила жизнь,
Чтоб мерзли мы, а после обожглись.
Играй! Всеу приходит скорбный срок,—
Негодной палкой станет и смычок.
Стакан и сердце наполняй вином
И не заботься ни о чем ином!

Пусть мозг дрожит под теменем твоим,
Пусть кровь вскипает в жилах у тебя,
Глаза горят, как головы комет,
И струны стонут, будто, все губя,
Несется вихрь и скачет град такой,
Который выбьет весь посев людской.

Играй! Всеу приходит скорбный срок,—
Негодной палкой станет и смычок.
Стакан и сердце наполняй вином
И не заботься ни о чем ином.

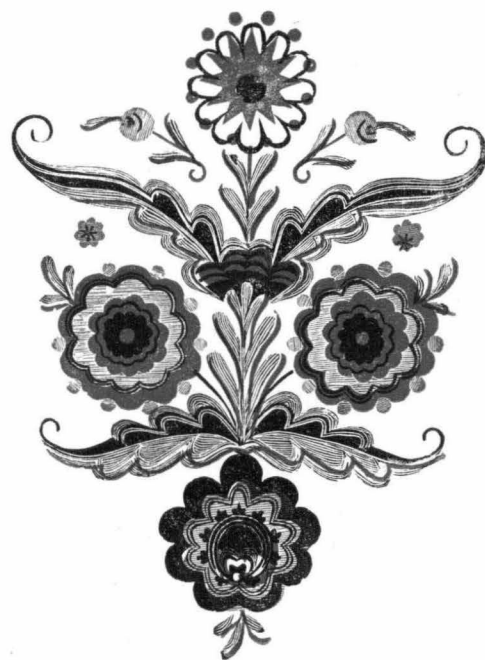
У звонкой бури песням ты учись,
Когда она бушует и ревет,
Корчует лес и топит корабли,
За глотку все живущее берет.
Повсюду бой! Трепещет в буре той
Сам гроб господе на земле святой.
Играй! Всеу приходит скорбный срок,—
Негодной палкой станет и смычок.
Стакан и сердце наполняй вином
И не заботься ни о чем ином!

Чей это слышен затаенный стон?
Кто, дико мчась, и плачет и ревет?
Что там гудит, как мельница в аду?
Там кто это стучится в небосвод?
Кто? Падший ангел? Воин, весь в крови?
Безумец? Раб надежды и любви?
Играй! Всеу приходит скорбный срок,—
Негодной палкой станет и смычок.
Стакан и сердце наполняй вином
И не заботься ни о чем ином!

И кажется: восставший средь пустынь,
Неистово горюет человек,
И палкой брата убивает брат,
Сироты плачут, слышен вопль калек,
И коршун бьет крылами, и орлы
Терзают Прометея у скалы...
Играй! Всеу приходит скорбный срок,—
Негодной палкой станет и смычок.
Стакан и сердце наполняй вином
И не заботься ни о чем ином!

Звезда слепая, скорбный шар земной
Вращается в отчаянном чаду.
От грязи, скорби и преступных дел
Отмой, потоп, несчастную звезду!
И пусть привозит к Арарату Ной
В ковчеге новом новый мир иной.
Играй! Всеу приходит скорбный срок,—
Негодной палкой станет и смычок.
Стакан и сердце наполняй вином
И не заботься ни о чем ином!

Играй! Но нет! Дай струнам ты покой.
Настанет праздник. Срок еще не скор,
Но час придет — смирится ярость бурь,
И кровью в битвах изойдет раздор.
К такой ты песне будь, цыган, готов,
Чтоб разутешить даже и богов,
Чтоб за смычок когда возьмешься ты,
Разгладились бы хмурые черты!
Играй, упившись радости вином,
И не заботься ни о чем ином!



ЯНОШ ГАРАИ

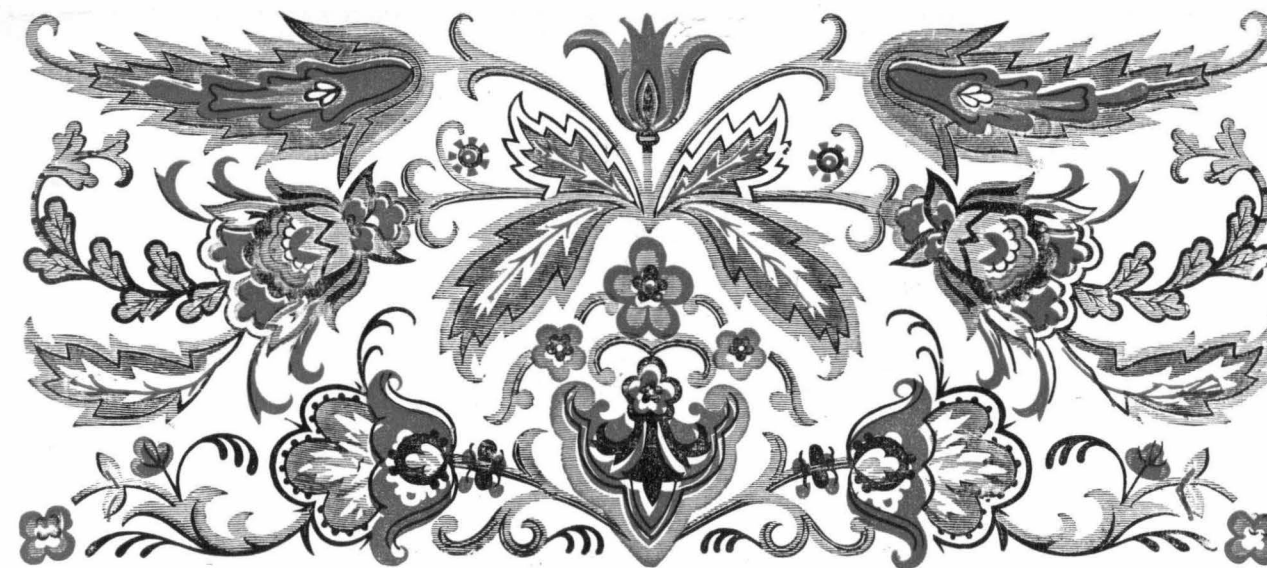
(1812—1853)

Янош Гараи (Garaу János) родился в Сексарде в дворянской семье. В Пештском университете он изучал философию и медицину, но, не закончив курса, начал сотрудничать в журналах. Начиная с 1833 года он редактирует различные журналы. В 1845 году становится директором университетской библиотеки, а в 1848 году — профессором литературы.

Гараи в свое время был чрезвычайно популярен. Он был очень плодовитым писателем — пробовал свое перо во всех жанрах, начиная от эпоса до журнальных юмористических стихов. Для современного читателя в творчестве Гараи наибольший интерес представляют его баллады на исторические темы и прежде всего два стихотворения об отставном солдате Яноше Хари, имя которого стало в Венгрии нарицательным. Яношем Хари называют с тех пор всякого бескорыстного лгуна и фантазера.

В своих политических взглядах Гараи был последователем Иштвана Сечени, представителем умеренного либерального дворянства «эпохи реформ». Эти взгляды отражены в его патриотических публицистических стихотворениях.





Отставной солдат

1. Отставной солдат и Наполеон

Раз собрались трое здесь. С отставным солдатом
Литератор хитрый сел да судья пузатый.
Парни, все столы заняв, время проводили,
Виноградное вино — сок горы — глушили,

Так с вечерни и начав, приступили рано, —
Шли по кругу вдоль столов с круглым дном стаканы.
Не Матяшу-королю здесь «ура» гремело,
А гремело в честь тебя, Янош Хари смелый.

Он, хоть воин отставной, знаменит не даром,
Деревень хоть шесть пройди — не найдешь под пару.
Все дивились и речам и делам отважным,
Что там все, — страна вся, мир весь дивился даже.

И сейчас он речь повел, штоф схватив пузатый,
Речь о жизни о своей — старого солдата.
Говорил о чудесах, не моргнувши глазом,
Все, широко рты раскрыв, слушали рассказы.

Он один флоты громил с силой урагана,
С лейтенантом со своим был за океаном.
Обложил палатку он головами галлов, —
С края света ноги вниз свешивал, бывало.

«Это что еще! — сказал. — Это уж не ново!»
Все теснятся у стола, жаждут слушать снова.
«Как так что? — судья вскричал. — Да ведь это чудо,
Пейте, кум!» — И пил он так, что тряслась посуда.

«Э, не так! — сказал ему тут студент лукавый. —
То, что нам важней всего, пропустил он, право.
Пусть расскажет, как поймать раз он постарался
Бонапарта самого, что великим звался».

«Уж великим! Похвалу сразу вы найдете, —
У французов только был он в таком почете.
Не у нас, венгерцев, нет, — он добавил с жаром, —
Не среди венгерских тех молодцов-гусаров».

Намекал он на себя, подмигнувши глазом;
Хари в жизни на коне не сидел ни разу.
Пехотинец, вспоминал он коня так часто,
Что гусаром счел себя, по-гусарски хвастал.

«Было то в каких местах — не скажу по чести,
Шел на нас Наполеон, вел он тысяч двести.
Встали мы — лишь сотня, две — тесными рядами,
Не гусары — красота — все огонь и пламя».

Страшно тут чихнул студент и взглянул на Хари,
Хари все же продолжал, будучи в ударе.
«Ангела его дери — двести тысяч, двести!
Поплатился кто, судья, ну, скажи по чести?»

«Что нам время зря терять в тщетных рассужденьях:
Капитан был не дурак — не пошел в сраженье».
«Не дурак, но куражу, кум, в нем было много,
И сразились мы, да как! — закричал он строго. —

На французов первый — я, все за мной врубилась,
Падали враги, как град, как трава, ложились.
Изрубили всех; страшась, солнце в небе встало,
Ангела его дери, — двести тыщ не стало».

Страшно здесь чихнул студент снова на героя,
Хари речь повел вперед, увлеченный боем.
«Листья ветер так не мел, как французы драли,
Мы за ними мчались так, чем дышать — не знали.

Полководец, вижу я, мчится, как в карете,
Золотые стремяна, конь, быстрее, чем ветер.
Дал я шпоры жеребцу, к лесу и снахрапа
Бонапарта самого на опушке сцапал.

Ангела его дери, — за мундир зеленый
Хвать — сознайся, что тебя звать Наполеоном?»
«Это правда, — он сказал, мне дивясь, как чуду, —
Пощади мне, витязь, жизнь, я в долгу не буду.

Все проси, венгерский парень, в этот час победный, —
Я французский император — человек не бедный».
«Ангела его дери, — обещать мне рано, —
Ты придешь, француз проклятый, прямо к капитану».

Страшно здесь чихнул студент и опять на Хари,
Но у Хари речь лилась дальше, как в угаре.
«Шли мы, шли, дошли — стоит, вижу, у пригорка
Богатейшая коляска, лошадей шестерка.

Госпожа сидит в коляске и поводит глазом,
Платье — бархат и атлас, золото, алмазы.
«Боже мой!» — она вскричала, нас увидев снизу,
Потому что то была Мария-Луиза.

«О великий государь, муж мой драгоценный,
Ты в цепях передо мной — побежденный, пленный.
Кто же ты, мой добрый витязь, доблестный в ударе?»
«Ангела его дери — я Иоаннес Хари!»

«Добрый витязь, что скажу, слушай! — и вздохнула,
И в глаза мне госпожа глубоко взглянула. —
Выше всех героев стал подвигом прекрасным,
И других с тобой равнять был бы труд напрасный.

Отпусти его, дам слово, не сошедши с места,
Что верна тебе до гроба буду, как невеста».
«Ангела его дери! Честь всего дороже —
Пусть гуляет пленник мой на свободе тоже.

Ради женщины красивой витязь настоящий
Выдержит огонь и воду, в ад пойдет кипящий.
Иоаннес Хари, витязь — имя то мадьяра,
Вы свободны, император, — вот рука гусара!»

И студент чихнул тут снова, не сдержав усмешки,
Но, презрев студента, Хари кончил речь без спешки:
«В руку каждую мне сунул часы золотые,
Тут умчали их обоих кони шестерные.

Ну, одни часы оставлю капитану, думал,
Лейтенант поздней вторые выпросил без шуму.
Так лишился я часов — нечем время мерить.
Ваша милость может мне верить и не верить».

Все здесь верили: и парни, и судья пузатый,
И писатель этот хитрый — старому солдату.
И студент лукавый молвил в винном перегаре:
«Нет у витязя другого, как наш дядя Хари!»

2. О том, как отставной солдат навестил австрийского императора

«Янош Хари, вы храбрец, витязь, полный славы,
Как же армия без вас — непонятно, право.
Нам не счесть ваших всех доблестных рассказов,
Будто семьдесят семь стран объехали сразу.

Как во Франции вы, между прочим, были,
На морском берегу в Падуе бродили.
Как могучий омар жадными клещами
Казака и с конем поднял над волнами.

Как Тироль посетив, — Штейерские кручи, —
Головою своей вы уперлись в тучи.
Чтоб волос не обжег солнца близкий пламень,
Вы легли на живот и ползли горами.

Как под Мантуей раз с небывалой славой
Вы сражались, как лев, с гидрой семиглавой.
Нет рассказам конца, раз герой в ударе,
А герой-то какой — витязь Янош Хари.

Но хоть в сто раз славней были б вы героем,
Нашей просьбы одной мы от вас не скроем.
Мы просили бы вас, чтоб в конце веселья
Хоть один ваш рассказ все-таки имели.

Как, зачем и когда вы ходили в Вену,
И как сам кесарь вас принимал отменно». —
И герой отставной, взгляд поднявши важный,
Подкрутил свои усы, кашлянул дважды.

Поглядел, где студент, тот шутник ехидный,
Что чихает всегда громко и обидно.
Но студент не хотел причинять досады,
Пил и ел, слушать стал Хари так, как надо.

И отважно начав, но неосторожно,
Хари Янош пошел врать уже безбожно:
«В Вене в гости пойти случаи бывали,
Ну, беседа, потом — ну и выпивали.

Много есть там друзей среди всякой знати;
Даже кесарь, я скажу, тоже мой приятель.
Их величество я как-то спас от смерти,
Возле Падуи, когда мы дрались, как черти.

Я иду и иду... что это болтаю?
Конь несет — пусть помру, если ложь сплетаю.
Эх, и конь, никакой не найти замены,
Я, как ветер, на нем долетел до Вены.

В Вену прибыл с зарей, только кинул глазом, —
Так уж кесаря дом угадал я сразу.
Там на крыше орел черный, двухголовый,
На обед жрет вола с кухни он дворцовой.

Я с коня тут долой, грацией похвастал;
Сивый мерин мой к плетню отведен гривастый.
Стражам руки я жму, — кто меня не знает!
Все друзья с давних пор, всякий обнимает.

Дохожу до крыльца, открываю двери,
Лишь хочу я войти — и глазам не верю.
Дверь железная вся и во двор открыта,
А за ней вторая дверь серебром покрыта.

А за ней, вижу я, на носках шагаю,
Вся из золота дверь — смело открываю.
Их величество тут — сам идет навстречу,
И такую меня он встречает речью:

«Бог послал вас, старый друг, подойдите ближе,
Как дела-то? — спросил. — Ничего, я вижу!»
«Слава богу! — я сказал. — Ничего живу я.
В старой шкуре еще, посмотреть прошу я.

Конь мой, с кем вас спасли от беды когда-то,
Он уж бродит едва, дней живет остаток». —
Кстати вспомнил я его бедную душу,
Этот добрый король говорит мне: «Слушай!

Где ж бедняга? Скорей пенсион наградный, —
Пусть в конюшню идет к лошадям парадным.
Чтоб из яслей одних с ними корм вкушал он,
Чтоб на золоте ел!» — И слугу послал он.

«А ты сам-то поел?» — он спросил с душою.
«Нет, ваше величество, спасибо большое».
«Так садись скорее! — он сказал мне снова. —
У меня от ужина есть кусок жаркого».

Из стола тот кусок вытащил поспешно,
С караваем белым предлагает: «Ешь! На!»
Тут же в дверь он закричал, прыгнув с оттоманки,
«Эй, мать, не осталось там чуточку сливянки?»

«Нет, король и муж мой, не стучи так о пол, —
Мой лакей глоточек тот последний слопал!»
«Так в трактир гвардейца шлите поживее,
Деньги там возьмите, в ящике, левее!»

Так и вышло это все, dictum factum.
И недаром бегал тот гвардеец, так-то, —
Королю недаром наливал кабатчик,
Я скажу вам точно, мерил он иначе.

И пока мы пили и добром поели,
О боях старинных разговор имели, —
Крик такой раздался, точно среди мрака
Два враждебных войска ринулись в атаку.

Королевича два, вижу, два канашки
Из-за пестрой моей уж дерутся ташки.
Закричал отец им: «Что вы там орете!
При таком-то госте волосы дерете!

Ангела его дери! Дядю Хари сзади
Не узнали — живо, дайте ручку дяде!»
И барчата подошли тут, dictum factum,
По ладони моей ударяли с тактом.

Я же сунул руку в пеструю ташку
И хотел по крейцеру подарить канашкам.
Но король сказал мне: «Дружок, не позволю, —
Незачем им деньги, всего у них вволю.

Ты в деньгах, мой витязь, нуждаешься чаще».
Выдал тут же на руки клад настоящий.
Я благодарил его за чуткую душу.
Сытого конька я вывел из конюшни.

Королевский овес не пошел впустую:
Нет и суток еще — дома уж ночую.
Кавалером лихим прибыл я из Вены,
Талеры в кармане звенят неизменно.

Ангела его дери! Талер — звон дугою.
Эх, кончаются они, как и все другое.
Но а все же мой король пусть живет подольше, —
Уж такого друга — нет! — не сыскать мне больше!»

Свободен нынче Венгрии народ

Ты, плоть от плоти, кровь от крови нашей,
Свободен нынче Венгрии народ!
Я знаю, как пьянит тебя победа.
Свобода! Пусть любой мадьяр поймет:
Свобода есть великая святыня!
Ты плакал с горя, плачь от счастья ныне.

Твое восьмивековое проклятье
Оружьем разума повергнуто навек.
Вольна теперь венгерская отчизна,
Товарищ — человеку человек.
Прав Кошут: сбиты с наших рук оковы!
Права и меч в руках народа снова!

Пахал ты, исходя кровавым потом;
Ты, голодая, сеял семена,
Но пожинал богатые колосья,
Увы, не ты в былые времена!
Теперь они твоими стали снова,
Нет барщины, нет гнета крепостного.

Отцы отечества придумали когда-то
Законы для тебя, но без тебя,
Но опекун твой превратится в брата,
И сам ты скажешь слово за себя,
И станешь всем ты заодно со всеми
Повсюду, как в деревне, так и в сейме!

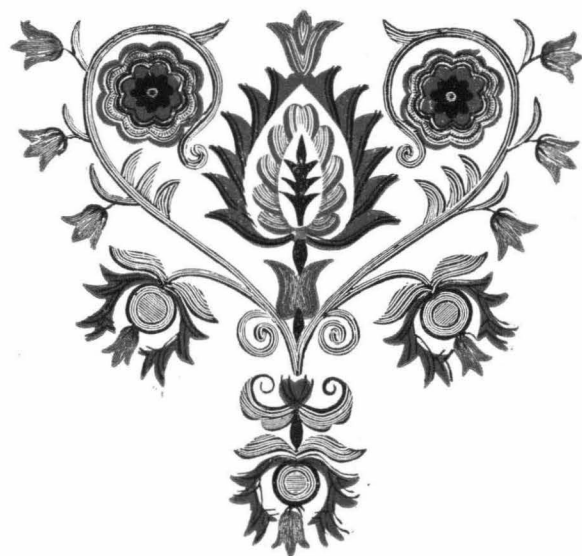
Ты прежде был к своей земле прикован,
Теперь хозяин ты земли своей:
Что добыл ты и что добудут дети,
Твоим навеки будет и детей.
Сказала Родина, что будешь жить ты вольно,
Лишь ей служить, и этого довольно!

Но ты за это, коль она попросит,
Отдашь ей кровь, отдашь своих детей.
Священна Родина и — помни это, помни! —
Она тебе принадлежит, ты — ей!
Магьяр свободный жив, одно лишь зная:
Должна цвести страна его родная!

О плоть от плоти нашей, кровь от крови,
Вставай, народ венгерский! Начата
История твоя! И ты докажешь,
Что всем венгерцам речь понятна та,
Которую от имени венгерцев
Пешт возгласил, и Пожонь носит в сердце.

И Пешт и Пожонь изрекли глаголы —
И сердце родины и голова;
А ты, народ, как третий член союза,
Благословляешь святость торжества.
Втроем, объединяя миллионы,
Провозгласите вольности законы!

А кровь нужна? Пусть вражеская льется!
И кто предатель, кто народу враг,
Тех подстрекателей междоусобиц
Не примем мы под наш священный стяг.
Мы в верности клянемся неизменной
Единству братскому и вольности священной!



ЙОЖЕФ ЭТВЁШ

(1813—1871)

Йожеф Этвёш (Eötvös József) родился в Буде. Отец его был консерватором, приверженцем австрийской династии. Воспитателем Этвёша был проводивший долгое время в заточении за распространение взглядов Мартиновича Йожеф Пружинский. Он и оказал самое большое влияние на молодого Этвёша. По окончании юридического факультета Этвёш служил нотариусом, а потом поступил в придворную канцелярию. Он стал посещать заседания сейма и познакомился с самыми выдающимися людьми Венгрии: Сечени, Кошутом, Вешшелени и Кёльчеи.

В это время он напечатал свои первые стихи и перевел «Анжисело» В. Гюго, которому предпослал восторженную статью о французском романтизме. Уже в этой статье он решительно высказался против взгляда на литературу как на самоцель. В 1836—1837 годах он совершил путешествие по Европе, а вернувшись домой, написал роман «Картезианцы». Этот роман, принесший автору огромный успех, был первым значительным проявлением романтизма в венгерской прозе.

Вскоре после этого Этвёш напечатал свои политические статьи: «Мнение об улучшении тюремных условий», «Об еврейской эмансипации», «О бедности в Ирландии». В этих статьях он выступил с открытой проповедью демократических идей.

В комедии «Да здравствует равенство!» Этвёш издевается над лжедемократами. В известном романе «Деревенский нотариус» (1845) он разоблачает произвол местных властей в Венгрии. В историческом романе о крестьянском восстании Дожи «Венгрия в 1514 году» он ратует за освобождение крестьянства.

Во время революции 1848 года Этвёш стал министром культов и просвещения первого ответственного венгерского правительства, но после сентябрьского революционного выступления плебейских масс Пешта он покинул Венгрию, не желая участвовать в революционной войне против Австрии. Вернулся он после подавления революции. В 1866 году он был избран президентом Венгерской Академии наук.

Этвёш высоко ценил русскую классическую литературу, многие произведения которой уже тогда были переведены на венгерский язык. В 1862 году Карой Берци великолепно перевел на венгерский язык «Евгения Онегина» Пушкина. Этвёш, будучи председателем литературного «Общества Кйшфалуди», попросил Кароя Берци передать свой перевод «Евгения Онегина» обществу для издания.

Поэтическое наследство Этвёша невелико, но имеет большое значение для венгерской литературы. Свое поэтическое кредо он изложил в стихотворении «Хотелось бы и мне...», высказав мысль, что поэтическое творчество должно служить борьбе за народное счастье.



Не нынче завтра...

Не нынче завтра лягу
В могилу, недвижим.
Друзья мои, не плачьте
Над холмиком моим.

Не так легко жилось мне,
Как думают друзья,
И во-время покину
Ваш мир охотно я.

Вы видели, как воды
Весенние бегут,
Свергаются в долину,
И плещут, и поют,

И блещут, и сверкают,
Шумя среди лугов,
И арки светлых радуг
Встают меж берегов.

Но летний зной наступит,
И высохнет вода,—
И на сухое русло
Взгляните вы тогда.

Какие камни, корни
Поток тащил с собой!
Сверканье было сверху,
Внутри же вечный бой.

И жизнь моя такая:
Вся в блеске, вся в огне,
Но если бы вы знали,
Что скрыто в глубине!

1841

Хотелось бы и мне...

Хотелось бы и мне легко и нежно
Прекрасную природу воспевать,
Парить меж звезд мечтою безмятежной,
Цветы благоуханные срывать.

Хотелось бы и мне любимой очи
Изобразить с изящною тоской,—
Лицо, как день, душа темнее ночи...
Кого не вдохновит портрет такой?

Хотелось бы и мне в стихах певучих
Воспеть вино, что нам взрастил Токай,
И в правильных торжественных созвучьях
Восславить наш родной мадьярский край.

Но навсегда от сладкого мечтанья
Действительность меня оторвала,
Всю боль, весь яд народного страданья
Она навек в стихи мои влила.

То, что народ претерпевает молча,
Во мне вскипает, песнями звеня,
Так не дивись, что столько горя, желчи,
Тоски и муки в песнях у меня.

Пока трусливый век позорит землю,
Я радостью ее не оскорблю;
Пока слезам я ежечасно внемлю,
Петь о смиренном счастье не люблю.

Эола арфа плачет в день ненастья,
Под хладным вихрем стонет и скорбит.
Так и певец. Он не поет про счастье
В дни оскорблений, бедствий и обид.

Когда над нами только тьма, как море,
Мы молим молнию: блесни средь тьмы.
Когда нас старое терзает горе,
Горячих слез у сердца молим мы.

О песнь моя! Будь молнией, слезою,
Поведай всем, о чем скорбит народ.
Кто веку чужд, тот пусть своей рукою
На жалкой лире струны оборвет.

1846

К озеру

Озеро, ты так спокойно!
Ты, как зеркало, светло!
А совсем недавно волны
Били в берег тяжело!

Ты на глади отражаешь
Лики звезд и солнца лик,
А, бывало, воду пенил
Буйный вихрь, суров и дик.

Лодки к берегу несутся,
Нарушая тишину,
А, бывало, сколько лодок
Увлекало ты ко дну.

Счастье озеру, что бурю
Может тишиной сменить;
Счастье сердцу, что умест
Горе жизни позабыть.

1846

Завещание

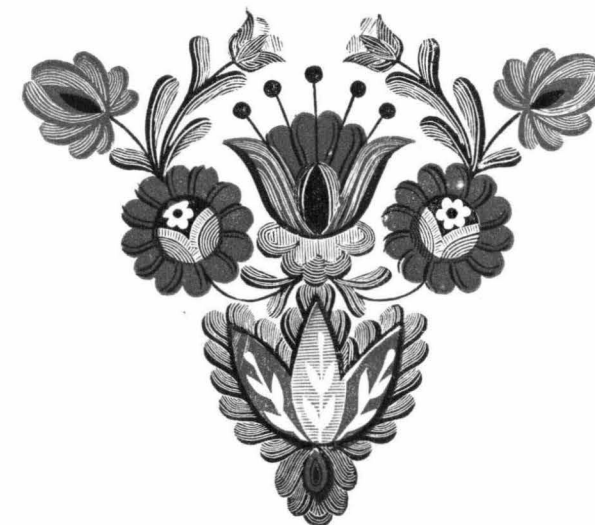
Когда я скорым шагом
Пройду свой трудный путь
И лягу, утомленный,
В могилу отдохнуть,

Мне памятник надгробный
Прошу не ставить я:
Идей моих победа —
Мой памятник, друзья.

А если на могилу
Придете вы ко мне,
Вы лучшую из песен
Пропойте в тишине.

Ту песню, от которой
Кипит страна моя.
Быть может, и во гробе
Ее услышу я.

Потом слезу пролейте.
Я песню заслужил
Тем, что слагал я песни,
Слезу — тем, что любил.





ШАНДОР ПЕТЕФИ

(1823—1849)

Шандор Петефи (Petöfi Sándor) — великий венгерский поэт и революционер, родился в городе Киш Кёрёш. Отец его был мясником, мать до замужества жила в прислугах.

До шестнадцати лет он учился, затем отец его обеднел, и мальчик стал актером, потом пошел в солдаты, прослужил полтора года, но тяжело заболел и его отпустили. Он снова поступил учиться, однако нужда заставила его бросить ученье и опять пойти на сцену.

Актерская жизнь его сложилась неудачно. В 1844 году, собрав последние силы, больной, оборванный, он решился идти пешком в Пешт с тетрадью стихов. Стихи его понравились крупнейшим поэтам того времени — Вёрёшмарти и Байзе, — и они помогли Петефи издать сборник. С тех пор слава Петефи росла. В 1848 году он был уже властителем дум и чувств демократически настроенных людей Венгрии. Он стал знаменем национально-освободительной борьбы. В 1848 году Петефи выступает как вождь радикальной революционной молодежи и до самого конца остается самым последовательным революционером-демократом среди деятелей венгерской революции 1848 года. 31 июля 1849 года Петефи героически пал на поле битвы в одном из последних сражений венгерской революционно-освободительной войны.

Петефи начал писать рано. Первое его стихотворение было напечатано в 1842 году. Первый сборник стихов вышел в 1844 году. Петефи явился основоположником революционно-демократической поэзии Венгрии. Он оставил большое литературное наследие: лирические и публицистические стихи, поэмы, пьесу, рассказы, роман и дневники.





Любовь и свобода,
Вот все, что мне надо.
Любовь ценою смерти я
Добыть готов,
За вольность я пожертвую
Тобой, любовь!

1846

Мечта

Знаешь, милый друг Петефи,
Я нисколько не боюсь,
Что тебе отдавит плечи
Счастья непосильный груз!

Подарило тебе счастье
Эту лирочку одну,
Чтоб выманивал ты песни,
Щекоча ее струну.

Если б из страны волшебной
Голос феи прозвучал:
«Ну, сынок, чего ты хочешь?
Чем бы ты владеть желал?»

Я сегодня буду щедрой...
Слышишь? Песни и мечты —
Все, что хочешь, станет явью,
Если пожелаешь ты.

Хочешь славы? Станут песни
Чашей лавровых ветвей,
Так, что и венец Петрарки
Не затмит твоих кудрей!

Ведь Петрарка и Петефи
Сделались почти родней,
Уж они сумеют лавры
Поделить между собой!

А богатство пожелаешь,
Превратим любой твой стих
В жемчуга для украшения
Шпор и пуговиц твоих!»

Что бы фее ты ответил?
Э! Причину тайных мук
И откуда дует ветер
Вижу я, Петефи, друг.

Знаю я, прелестен жемчуг,
Слава тоже хороша,
Но — признаюсь откровенно —
Не к тому лежит душа.

Если, фея, ты желаешь
Мне доподлинных удач —
Дай мне то, чем не владеют
Ни мудрец и ни богач.

Словно две звезды в созвездье,
С милой девушкою той
В бесконечность мчаться вместе —
Вот о чем горю мечтой!

Дайте прутик, на который
Я б поймал, как птицелов,
Эту птичку, это сердце,
Этой девушки любовь!

1843

Патриотическая песня

Я твой и телом и душой,
Страна родная.
Кого любить, как не тебя!
Люблю тебя я!

Моя душа — высокий храм!
Но даже душу
Тебе, отчизна, я отдам
И храм разрушу.

Пусть из руин моей груди
Летит моление:
«Дай, боже, родине моей
Благословенье!»

Не буду громко повторять
Молитвы эти, —
Что ты дороже мне всего
На белом свете.

Вслед за тобой я — тайный друг —
Иду не тенью:
Иду всегда — и в ясный день
И в черный день я!

Он меркнет, день; все гуще тень
И мгла ночная.
И по тебе растет печаль,
Страна родная.

Иду к приверженцам твоим...
Там, за бокалом,
Мы молимся, чтоб вновь заря
Твоя сверкала.

Я пью вино. Горчит оно,
Но пью до дна я, —
Мои в нем слезы о тебе,
Страна родная!

1844

На осле сидит пастух...

На осле сидит пастух,
Оземь бьют подошвы, —
Хоть большой он, но беда
Пастуха побольше.

На дуде играл в лугах,
В травах стадо плыло...
Вдруг о милой слышит весть —
Смерть пришла за милой.

На осла вскочил пастух,
К дому мчит, как ветер;
Но приехал поздно он, —
Милой нет на свете.

Что тут сделаешь? Ведь нет
Горя тяжелее!
Палкой с горя он хватил
По ослиной шее.

1844

Если девушки не любят...

Если девушки не любят,
Выпей, брат, —
И приснится, что пленяешь
Всех подряд.

Если денег нет в кармане,
Выпей, брат, —
И приснится, будто царски
Ты богат.

Если горе навалилось,
Выпей, брат, —
И, как дым, твои печали
Улетят.

Я всего лишен, зато я
Горем сыт, —
Горе горькое мне втрое
Пить велит.

1844

Чоконаи

Поп кальвинист на белом свете жил,
А с тем попом Чоконаи дружил.
Однажды, в путь пустясь из Дебрецена
И навестивши друга невзначай, —
«Дай горло промочить», — сказал смиренно
Чоконаи Витез Михай.

«Вино найдем! Как ты подумать мог,
Чтобы для друга моего глоток
Вина в моем подвале не нашелся!
Ты только пей да кружку подставляй». —
Так поп сказал, и с ним в подвал поплелся
Чоконаи Витез Михай.

«Ну, пить так пить! — воскликнул щедрый поп.
Взмахнув рукой, из бочки пробку: хлоп! —
Я кран забыл! Я стал совсем болваном! —
Вдруг он вскричал. — Ни мига не теряй!
Беги наверх!» — И побежал за краном
Чоконаи Витез Михай.

Ладонью поп отверстие зажал
И кран в большом волнении поджидал.
Но крана нет. И поп ворчал, сердился:
«Исчез! Пропал! Такого посылай!
К какому дьяволу он провалился,
Чоконаи Витез Михай?»

Ждать больше нет терпенья. Решено.
Поп бросил бочку. (Вытекло вино.)
Поднялся в дом, все осмотрел там грозно.
Нет никого. Сиди да поджидай.
Вернулся вечером, и очень поздно,
Чоконаи Витез Михай.

А дело было, скажем прямо, в том,
Что, кран ища, он обыскал весь дом,
Все перерыл с усердием неустанным,
Но не нашел. Где хочешь доставай!
Решил к соседям забежать за краном
Чоконаи Витез Михай.

А у соседей пир. Едва вошел,
Как уж его зовут, ведут за стол.
И за едой, среди щедрых возлияний,
Хватив вина хмельного через край,
Не вспомнил о попе, забыл о кране
Чоконаи Витез Михай.

1844

Моя любовь

Моя любовь — не соловьиный скит,
Где с пеньем пробуждаются от сна,
Пока земля наполовину спит,
От поцелуев солнечных красна.

Моя любовь — не тихий пруд лесной,
Где плещут отраженья лебедей
И, выгибая шеи пред луной,
Проходят вплавь, раскланиваясь с ней.

178

Моя любовь — не сладость старшинства
В укромном доме среди густых ракии,
Где безмятежность, дому голова,
По-матерински радость-дочь растит.

Моя любовь — дремучий темный лес,
Где проходивцем ревность залегла,
И безнадежность, как головорез,
С кинжалом караулит у ствола.

1844

Против королей

Известно: ребятишкам все забава...
Народы тоже ведь детьми когда-то были, —
Их тешили блестящие игрушки,
Короны, троны, мантии манили.
Возьмут глупца, ведут, ликуя, к трону.
Вот и король! На короле — корона!

Вот королевства! Вот высоты власти!
Как кружат голову они. Похоже,
Что короли и в самом деле верят,
Что правят нами милостию божьей.
Нет, заблуждаетесь! Ошиблись, господа, вы!
Вы куклами лишь были для забавы!

Мир совершеннолетним стал отныне,
Мужчине не до кукол в самом деле!
Эй, короли, долой с пурпурных кресел!
Не ждите, чтоб и головы слетели
Вслед за короной, если мы восстанем.
А вы дождетесь! Мы шутить не станем!

Так будет! Меч, что с плеч Луи Капета
Снес голову на рынке среди Парижа, —
Не первая ли молния грядущих
Великих гроз, которые я вижу
Над каждой кровлей царственного дома?
Не первый грохот этого я грома!

Земля сплошную делается чащей,
Все короли в зверьков там превратятся,
И будем мы в свирепом наслажденье,
Садя в них пули, как за дичью, гнаться
И кровью их писать в небесной сини:
«Мир — не дитя! Он зрелый муж отныне!»

1844

23*

179

В сто образов я облакаю любовь...

В сто образов я облакаю любовь,
Сто раз тебя вижу другой;
Ты — остров, и страсть оmyвает моя
Тебя сумасшедшей рекой.

Другой раз ты — сладкая, милая ты,
Как храм над молением моим;
Любовь моя тянется темным плющом
Все выше по стенам твоим.

Вдруг вижу — богатая путница ты,
И готова любовь на разбой;
И вдруг уже нищенкой просит она,
В пыль униженно став пред тобой.

Ты — Карпаты, я тучей стану на них,
Твое сердце штурмую, как гром;
Станешь — розовый куст, вокруг твоих роз
Соловьем распоюсь над кустом.

Пусть меняется так любовь моя, но
Не слабеет, — вечно живая она;
Пусть тиха иногда, тиха, как река,
Поищи — не найдешь ее дна.

1845

Если ты цветок...

Если ты цветок — я буду стеблем.
Если ты роса — цветами ввысь
Потянусь, росинками колеблем, —
Только души наши бы слились.

Если ты, души моей отрада,
Высь небес — я превращусь в звезду.
Если ж ты, мой ангел, бездна ада —
Согрешу и в бездну попаду.

1845

Война приснилась как-то ночью мне...

Война приснилась как-то ночью мне,
На ту войну мадьяр позвали;
И меч в крови носили по стране —
Как древний знак передавали.

Вставали все, увидев этот меч,
Была пусть капля крови в жилах;
Не денег звон, как плату, нам беречь, —
Бесценный цвет свободы платой был нам.

Как раз тот день был нашей свадьбы днем.
Что нашей свадьбы, девочка, короче?
За родину чтоб пасть мне под огнем,
Ушел я в полночь первой ночи.

В день свадьбы, девочка, уйти на смерть, —
Да, правда, это жребий страшный.
Но грянет бой, и я уйду, поверь,
Как я ушел во сне вчерашнем.

1845

Старый добрый трактирщик

Здесь, откуда долго ехать до предгорий,
На степном низовье, средь цветущих далей,
Провожу я дни в довольстве на просторе,
Не тужу, живу, не ведаю печалей.
Постоялый двор — мое жилье в деревне.
Утром тишина, лишь ночью шум в прихожей.
Старый добрый дед хозяйствует в харчевне, —
Будь ему во всем благословенье божье.

Здесь я даром ем и пью и прочь не еду.
Сроду не видал ухода я такого.
Никого не жду, садясь за стол к обеду,
Опоздал, войду, все ждут меня в столовой.
Жалко лишь, с женой своей трактирщик старый
Ссорится подчас, — характером не схожи.
Впрочем, как начнет, так и кончает свару, —
Будь ему во всем благословенье божье.

С ним толкуем, как он в гору шел сначала, —
То-то красота, ни горя, ни заботы!
Дом и сад плодовый, земли, капиталы,
Лошадям, волам тогда не знал он счету.
Капитал уплыл в карманы к компаньонам,
Дом унес Дунай со скарбом и одежей.
Обеднел трактирщик в возрасте преклонном, —
Будь ему во всем благословенье божье.

Век его заметно клонится к закату.
В старости мечтает каждый о покое,
А старик несчастный поглощен проклятой
Мыслью о насущном хлебе и тоскою.
Будни ль, праздник, сам он занят неустанно,
Раньше всех встает, ложится спать всех позже.
Бедствует трактирщик, жалко старикана, —
Будь ему во всем благословенье божье.

Говорю ему: «Минует злополучье,
Дни удач опять вернутся в изобилье».
«Верно, — говорит, — что скоро станет лучше.
Спору нет — ведь я одной ногой в могиле».
Весь в слезах тогда от этого удара
К старику на шею я бросаюсь с дрожью.
Это ведь отец мой тот трактирщик старый, —
Будь ему во всем благословенье божье.

1845

В альбом К. Ш.

На дряхлый дом наш мир похож —
Стропила оседают низко...
Друг, слишком гордо ты идешь.
Согнись! Тогда не будет риска!
Не смогут голову пробить
Ветшающие перекрытья...
«Готов я голову сломить,
Но, горбясь, не хочу ходить я!»

1845

Мажара с четверкой волов

Не в Пеште было то, что расскажу я,
Там не до романтического сна,
Компания уселась на мажару,
Пустилась в путь она,
Влекомая тяжелыми волами, —
Две пары в упряжи темнеющих голов.
По большаку с мажарой
Так медленно четверка шла волов.

Ночь светлая. Луна уже высоко
Шла в облаках, всех облаков бледней,
Как женщина печальная, что ищет
Могилу мужа в тишине.
И ветерок ловил полей дыханье,
Был ароматов сладостен улов.
По большаку с мажарой
Так медленно четверка шла волов.

В компанье той присутствовал и я
И был как раз соседом Эржике.
Пока другие тихо говорили
Или тихонько пели в уголке,
«Не выбрать ли и нам себе звезду?» —
Я Эржике сказал, смотря поверх голов.
По большаку с мажарой
Так медленно четверка шла волов.

«Не выбрать ли и нам себе звезду? —
Мечтательно сказал я Эржике. —
Пускай звезда к счастливым дням прошедшим
Нас приведет, когда замрем в тоске,
Если судьба подарит нам разлуку...»
Мы выбрали себе звезду без слов.
По большаку с мажарой
Так медленно четверка шла волов.

1845

Развалины корчмы

Простор чудесной степи низовой,
Из всех краев излюбленный мой!
В горах то вверх, то вниз, за пиком пик,
Я двигаюсь, как по страницам книг,
А ты мне уясняешь все сама,
Как содержание вскрытого письма,

Где сразу можно без труда прочесть,
 Что нового и важного в нем есть.
 Как жаль, что я наездами сюда,
 А не в степи безвыездно всегда,
 Один с собой, как может быть один
 Аравии бескрайней бедуин.
 Свободой веет здесь, в степной глуши,
 Свобода ж — божество моей души!
 Да и живу я только для того,
 Чтоб умереть за это божество,
 И я легко скажу «прости» годам,
 Когда всю кровь по капле ей отдам.
 Откуда мысли мрачные нашли?
 Я увидел развалины вдали.
 Развалины чего? Дворца? Двора?
 Пустой вопрос. Все прах, все мишура.
 Что замок, что харчевня — все тщета,
 Где времени опустится пята.
 Под этою ногой не устоит
 Ни зданье, ни железо, ни гранит.
 Корчма из камня. Но откуда он?
 Здесь пустошь с незапамятных времен.
 В те дни, когда наш край не знал тревог,
 До власти турок был здесь городок.
 (О Венгрия, в течение веков
 Сменилось сколько на тебе оков!)
 Османы выжгли городок дотла,
 Лишь церковь бедствие пережила.
 Но вид пожарниц стольких и могил
 Ее, как плакальщицу, подкосил.
 Карниз ее все ниже нависал,
 Покамест мук не прекратил обвал.
 Из каменных обломков алтаря
 Построили обитель корчмаря.
 Питейный дом из божья дома? Что ж,
 И храм не вреден, и кабак хорош.
 Мы — дух и плоть, так создал нас господь,
 И мы должны блюсти и дух и плоть.
 Пусть стал питейным домом божий дом,
 Угодным богу можно быть во всем.
 А чистых сердцем между пьяных рож
 Я видел больше, чем среди святош.
 Во время оно, старая корчма,
 Какая здесь царил кутерьма!
 Я строю мысленно тебя опять
 И всех гостей могу пересчитать:
 Вот странник-подмастерье взял стакан,
 Вот шайка жуликов и атаман,
 Вот с бородой, в очках, торгаш еврей,
 Вот медник серб с товаром у дверей,

А вот недоучившийся студент
 С красавицей шинкаркой в вихре лент.
 Его сознание заморожено,
 И в голову ударило вино.
 А муж? Где муж? Где старый? На копне
 Храпит, забывши обо всем во сне.
 Он спит опять, на этот раз в земле,
 И с ним все те, кто был навеселе:
 Жена красавица и грамотей,
 И полная гостиная гостей.
 Они давно истлели, и от стен,
 Ютивших их, остался только тлен.
 Боролась долго с временем корчма
 И старилась, как старятся дома.
 Как головной платок с ее волос,
 С нее однажды ветер крышу снес.
 Она пред ним готова в ноги пасть,
 Чтоб не показывал над нею власть.
 Но все перемешалось, все в былом,
 Оконный выем и дверной пролом.
 И только к небу поднята труба,
 Почти как умирающей мольба.
 Засыпан погреб, снят с колодца вал,
 Столбы и раму кто-то разобрал,
 Но цел журавль, на нем сидит орел,
 Он круч искал — и этот шест нашел.
 Он сел и мерит взглядом небосклон
 И размышляет о чреде времен.
 Пылает небо, — так любовь пылка
 У солнца к детищу солончака.
 Да вот она: глаза вперила в синь
 Фатаморгана, марево пустынь.

1845

Сумасшедший

...Что пристааете?
 Живо, вон отсюда!
 Я тороплюсь. Великий труд кончаю:
 Вью бич пылающий из солнечных лучей,
 Им размахнусь, вселенную бичуя.
 Они застонут, но захохочу я:
 Вы тешились, когда я плакал?
 Ха-ха-ха!

Жизнь такова. Мы стонем и смеемся,
 Покуда смерть не скажет: «Цыц!»
 И я умру однажды, ибо в воду
 Мне влили яду те, кто втихомолку
 Мое до капли выпили вино.
 И что же сделали мои убийцы,
 Чтоб скрыть злодейство? Кинулись, рыдая,
 На тело распростертое... Хотелось
 Вскочить и откусить им всем носы,
 Но передумал... Пусть, оставшись с носом,
 Задохнутся, вдыхая смрад мой трупный!
 Ха-ха-ха!
 И где ж меня зарыли? В африканской
 Пустыне! Это было мое счастье!
 Пришла и из могилы откопала
 Меня добросердечная гиена.
 Но даже и единственную эту
 Я благодетельницу одурачил:
 Она хотела сгрызть мне только ляжку, —
 Я вместо ляжки сердце ей подсунул
 Столь горькое, что сожрала и сдохла!
 Ха-ха-ха!
 Ну, что же! С каждым человеколюбом
 Так будет. Что такое человек?
 Есть мнение, будто люди — это корни
 Цветов, растущих где-то в небесах.
 Увы — ошибка! Человек — растение,
 Чьи корни скрыты глубоко в аду!
 Мне это откровение преподал
 Один мудрец, безумец величайший,
 В том смысле, что от голоду пропал.
 А почему не убивал, не грабил?
 Ха-ха-ха!
 И для чего смеюсь я, как безумный?
 Ведь плакать следует, а не смеяться,
 Оплакивая гнусный шар земной.
 Ведь даже бог очами туч рыдает,
 Скорбя о том, что землю сотворил.
 Но толку нет от этих слез небесных, —
 Они на землю падают затем,
 Чтоб человечество на них топталось,
 И от небесных слез осталось
 Что? Только... грязь!
 Ха-ха-ха!
 О небо! Старый отслуживший воин,
 Иди с медалью солнца на груди!
 Бреди, шагай в лохмотья туч укутан.
 Вот так солдат в отставку увольняют:
 Блестит на ветхом обмундированье
 Она — медаль за службу и увечья.

Ха-ха-ха!
 А как это понять по-человечьи,
 Коль перепелка свищет: «Пить-палать!»
 О! Это значит:
 Избегайте женщин!
 Ведь женщина всегда влечет мужчину,
 Как море реку.
 А с какою целью?
 Ну, разумеется, чтоб поглотить!
 Зверь — женщина! Красивый и опасный,
 Прекрасный и опасный зверь!
 Отрава в золотом стакане —
 Вот что такое ты, любовь!
 Любви малейшая росинка
 Убийственнее океана,
 Который превратился в яд!
 Скажите, видели вы море,
 Которое вспахала буря,
 Чтоб сеять смерти семена?
 Скажите, видели вы бурю?
 Ответьте, видели вы вихрь?
 Тот вихрь, тот смерч —
 Он добрый пахарь:
 В его руке из молний бич!
 Плоды, созрев, срываются с деревьев...
 Ты, шар земной, созрел уже! Пора!
 Пора сорваться! Впрочем, жду до завтра,
 Но если он не завтра — судный день,
 Тогда до центра я земли дорожусь
 И заложу такой заряд,
 Такого пороха туда,
 Что все взлетит под небеса!
 Ха-ха-ха!

Мечтаю о кровавых днях...

Мечтаю о кровавых днях,
 Они разрушат все на свете,
 Они на старого руинах
 Мир сотворят, что нов и светел.

Звучала бы она, звучала
 Труба борьбы, все громы множа,
 О, знака битвы, знака битвы
 Едва дожидаться сердце может.

И вскакиваю я в восторге
 На жеребца, седла не чуя,
 В ряды бойцов скачу я с жаром...
 С свирепой радостью лечу я.

И если грудь пробьют мне пули, —
 Найду, кто рану забинтует,
 Кто будет боль моих ранений
 Лечить бальзамом поцелуев.

И есть кому — в плену ли буду —
Притти в темницу, к изголовью,
И осветить ее, как светом
Звезды предутренней, — любовью.

На плахе если же умру я,
Под боевой паду ль грозой, —
Найдется, кто с груди пробитой
Кровь смоем светлой слезой.

1846

Меня тревожит лишь одно...

Меня тревожит лишь одно:
Что смерть в постели ждет и будет суждено
Мне гибнуть медленно гибелью цветка,
Того цветка, что червь сосет исподтишка.
И будет суждено мне гаснуть, трепеща,
Как в комнате пустой забытая свеча...
Нет! Смертью не такой хочу я умереть!
Даруй ты мне, господь, совсем иную смерть.
Пусть буду я, как дуб, погибнувший от молний,
Пусть буду бурями я вырван с корнем,
Утесом каменным низринусь я с высот
От грома, что потряс и твердь и небосвод!
Если сбросят народы неволи ярмо
И восстанут бороться за счастье свое,
И с горящими лицами бросятся в бой,
И на алых знаменах появится лозунг святой:
«Мировая свобода!»
И с востока на запад народы тот зов протрубят,
И тираны, услышав тот зов, задрожат, —
Пусть тогда упаду я,
Пусть там гибель найду я,
Пусть кровь молодая из сердца прольется,
Но с губ моих радостный возглас сорвется.
Пусть мои слова стальной поглотит гром,
И грохот выстрелов, и звуки труб кругом,
Но я услышу храп коня,
И пусть тогда через меня
Галопом скакуны к победе мчатся.
Моим останкам дайте здесь остаться,
Настанет день — вы соберете их!
Он настанет, тот день похорон больших.
Знамена склонятся, марш грянет, успокоив
В одной могиле братской всех героев,
Которые погибли, добывая
Тебя, священная Свобода мировая!

1846

Кутякапаро

Бог весть где шинок затерян.
С носом едет каждый,
Кто здесь утолить намерен
Голод или жажду.
Пить захочешь на ночлеге —
Проклянешь с досады
Ноя, спасшего в ковчеге
Ветку винограда.

Длинный узкий стол в трактире
Поперек каморки
Так и рухнет, растопыря
Хилые подпорки.
Вдоль стола по стенке криво
Лавка протянулась,
Но не от гостей наплыва,
А от лет согнулась.

Тут же рядом край постели;
Свежесть одеяла
Никого еще доселе
Спать не побуждала.
Как у сгорбленной торговки,
У кирпичной печи
Трещины на облицовке
И вдавились плечи.

Сам корчмарь молчит, ни звука
Не издаст годами.
Рот дан чуду, чтоб скуку
Выражать зевками.
Демер угрюм и жалок,
А жена — на славу.
Меж былых провинциалок
Почиталась павой.

Но лишенья потрепали
Бедную корчмаршу,
Хоть пяти десятков краля,
И никак не старше.
Взбиты волосы растрепы,
Словно от погони,
И лицо страшной циклопа —
Пугало воронье.

Все ворчит, что власти строги,
Что буянов стаю
И воров с большой дороги
Истребили в крае.
В золотые дни разбоя
Был барыш солидный,
А теперь житье какое?
Пятака не видно.

Так идут дела в питейной
В полусне и дреме,
Чередой одноколейной
Во дворе и в доме.
Лишь одно окно в светлице,
Да и то разбито.
Календарною страницей
Скважина прикрыта.

Я был крошкой без штанишек
В день, когда на пасхе
Ливень смыл с корчмы излишек
Извести и краски.
Но, наверное, в отплату
За ее пропажу
На простенках чертенята
Выведены сажей.

Вместо вывески над зданьем
Обруч с тонкой жердью,
Словно висельник, качаньем
Говорит о смерти.
Сам корчмарь от прежней славы
Сохранил немного:
Заспанного волкодава
Дома у порога.

Какова корчмы картина,
Такова и местность.
Лишь холмы грядой пустынной
Бороздят окрестность.
На песчаных их вершинах,
Где лишь ветры косят,
Несколько кустов бузиновых
Ягоды приносят.

Здесь колоколов далекий
Отзвук умирает,
Залетевшая сорока
В страхе улетает.
Даже солнце дышит грустью
И глядит унылей
На корчму и захоластье
Из-за тучи пыли.

В ста шагах от поворота
Статуя святого;
На плечо повесил кто-то
Ей мешок холщовый.
Это словно увещанье:
«Не мечтай о многом.
Не дождешься подаянья.
Проходи-ка с богом».

1847

Поэтам XIX века

Не для пустой забавы пой
В угоду суетному миру!
Готовься к подвигу, поэт,
Когда берешь святую лиру.
И если хочешь воспевать
Свою лишь радость и страданья,
Не оскверняй заветных струн,—
Нужны ль тогда твои созданья?

В пустыне знойной страждем мы,
Как Моисей с его народом,—
За божьим огненным столпом
Он шел по землям и по водам,
А ныне огненным столпом
Людей поэт ведет в пустыне.
Господь поэту повелел
Вести их к новой Палестине.

Ведите ж их, поэты, в бой,
Навстречу пламени и грому!
Будь проклят, кто, презрев народ,
Изменит знамени святому!
Проклятье всем, кто отстает!
Проклятье трусости и лени,
И тем, кто, бросив свой народ,
Ушел искать прохладной тени!

Пророки лживые твердят,
Что мы пришли в предел желанный,
Что здесь окончен долгий путь
И мы — в земле обетованной.
Ложь! Говорю вам: это ложь!
Не миллионы ль страдают ныне
И терпят голод, жажду, зной,
Скитаясь в огненной пустыне?

Когда любой сумеет брать
От счастья полными горстями,
Когда за стол закона все
Придут почетными гостями,
И солнце мысли, воссияв,
Над каждым домом загорится,
Мы скажем: вот он, Ханаан,
Пришла пора остановиться!

Но до прихода новых дней
Не будет нам успокоенья,
Быть может, не оплатит жизнь
Нам эти битвы и боренья,
Но смерти кроткий поцелуй
Смежит нам взор, и благосклонно
Она на ложе из цветов
Опустит нас в земное лоно.

1847

Тисса

Пал на землю сумрак пеленой,
Тихо плещет Тисса предо мной.
Резвый Тур, что к матери ребенок,
К ней стремится, говорлив и звонок.

Средь размытых берегов река
Катится, прозрачна, широка;
Не ломает солнца луч волною,
Не рассеет пеной кружевною.

И лучи на рдяной глади вод
Завели, как феи, хоровод,
И звенят невидимые хоры,
И бряцают крохотные шпоры.

И ковром по самый край земли
Золотые травы залегли,
А поля просторны и широки,
И на них снопы, что в книге строки.

Дальше, величавый и немой,
Дремлет лес, внизу окутан тьмой,
Только кроны от зари багровы,
Будто кровь струится из дубровы.

С берега склонились над водой
Ива да орешник молодой,
А в просвете рдеет сквозь верхушки
Тусклый шпиль в далекой деревушке.

Все молчало. Замерла вода,
Лишь свистела птица иногда.
Как комар вдали, не уставая,
Мельница жужжала луговая.

К берегу напротив из села
Девушка с кувшином подошла,
На меня взглянула, наклонилась,
Зачерпнула, быстро удалилась.

Я молчал, не двигаясь, во мгле,
Точно вдруг прикованный к земле,
Заглядаясь в темнеющие воды,
Опьяненный красотой природы.

О природа, с языком твоим
Наш язык могучий несравним,
Ты молчишь, но речи бессловесной
Внемлет слух, как музыке чудесной.

Я добрался к ночи в хутора,
Ужинал плодами у костра.
Ярким жаром ветви трепетали,
Долго мы с друзьями толковали.

— Но скажите, — молвил я друзьям, —
Чем же Тисса досадила вам,
Почему всегда она в ответе?
Ведь покорней нет реки на свете.

Через три или четыре дня
Поднял на заре набат меня,
Крик: «Снесло! Прорвало! Горе, горе!»
Глянув в окна, я увидел — море.

Тисса будто цепи сорвала,
Всю плотину в щепки разнесла,
Разлилась, не ведая предела,
Проглотить весь мир она хотела.

1847

Тучи

Ах, был бы я птицей летучей,
Я в тучах бы вечно летал.
А был бы художником, — тучи,
Одни только тучи писал.

Люблю их. Слежу в ожиданье
За ними и шлю им привет.
Пройдут, я скажу: «До свиданья», —
И долго смотрю им вослед.

Плывут по дороге небесной
Мои дорогие друзья,
Меня они знают, известна
Им каждая дума моя.

Нередко я видел когда-то,
Как плыли они на закат
И спали в объятьях заката,
Как дети невинные спят.

За то, что на странниц летучих
Похожи порою глаза:
В глазах у меня, как и в тучах,
И молния есть, и слеза.

1847

Скинъ, пастух, овчину...

Скинъ, пастух, овчину, леший!
Воробьев пугать повешу.
Видишь, налегке, без шубы,
Как реке-резвушке любо!

Разлилась и всею грудью
Жметя к мельничной запруде,
Потому что в эту белость
Сверху небо загляделось.

Эй, куда, куда, знакомка?
К лавочнику за тесемкой?
Вон, бери их, даровые
Ленты — версты луговые.

1847

Я видел их в гневе. Могучи,
Нависнув стеной грозовой,
Как дерзкие воины, тучи
Ветра вызывали на бой.

Я видел: забрызганный кровью,
Всплыл месяц, как мальчик больной,
И тучи сошлись к изголовью, —
Сестер перепуганных рой.

Я все повидал их обличья
И всех полюбил их давно,
Их нежность, и скорбь, и величье
Навеки мне милы равно.

За что ж я поток их суровый
Принять в свою душу готов?
За то, что всегда они новы
И стары во веки веков,

Герои в дерюге

И я бы мог стихотворенья,
Позолотив, посереббив,
Рядить в цветное оперенье
Красивых слов и звонких рифм.

Нет! Стих мой не subtilный франтик,
И вовсе не стремится он,
Душист, кудряв, в перчатках бальных,
Ища забав, вбежать в салон.

Клинки не блещут, смолкли пушки,
Сном ржавым спят сейчас они,
Но бой идет. Не штык, не пушка —
Идеи бьются в наши дни.

И я участвую в сраженьи.
Я — командир, а мой отряд —
Мои стихи: в них, что ни рифма
И что ни слово, то — солдат!

Пускай в дерюге — а герои,
Они дерутся до конца!
Ведь не мундиры, а отвага
Есть украшение бойца.

Меня переживет ли песня —
Такой вопрос не задаю,
Но знаю — иногда солдату
Бывает нужно пасть в бою.

Да будут святы эти книги!
Пусть это — кладбище идей,
Но кладбище, где спят герои,
За счастье павшие людей!

1847

Лаци Араню

Здравствуй, Лаци!
Слушай, братец,
Потолкуем пять минут.
Ну, иди, коли зовут.
Да живей, одним прыжком

На колено сядь верхом.
Ты уселся? Ну так вот,
Сказочку послушай,
Да закрой покрепче рот
И открой-ка уши.

194

В эти розовые дверцы
Сказка легкая впорхнет.
Долетит она до сердца
И в головку путь найдет.
И тебе, мой шустрый Лаци,
Расскажу я сказку вкратце.
Жил да был когда-то
Человек усатый.
Взял он новое ведро,
Светлое как серебро,
И спустил его туда,
Где во тьме блестит вода,
Где на дне колодца
Видеть звезды иногда
Людам удастся...
Вот летит ведро на дно,
Стукаясь о бревна,
А воротится оно
Медленно и ровно.
Но куда с ведром пойдет
Человек усатый —
Поливать свой огород?
Или в домик у ворот,
Где живут телята?
Нет, с дубинкой и ведром
Он выходит в поле.
Озирается кругом...
Клад он ищет, что ли?
Ходит он вперед — назад,
Вглядываясь зорко,
И находит он не клад,

А простую норку.
Вот и суслик — шустрый вор,
Что таскает зерна!
Под землей в одной из нор
Скрылся он проворно.
Но злодея от суда
Не избавит норка.
Ливнем хлынула вода
В норку из ведерка.
Терпит суслик и молчит
В погребе глубоком,
А вода течет, журчит
Грозовым потоком.
До краев полна нора.
Перед входом лужа...
Значит, суслику пора
Выходить наружу.
До костей промок зверек
У себя в подвале
И пустился наутек...
Тут его поймали!
Взяв за шиворот зверька,
Держит суслика рука.
Стой, проказник юркий!
Не уйдешь ты никуда.
В три ручья бежит вода
У тебя со шкурки.
Понесу тебя домой.
Полно вырываться!..
Этот суслик озорной —
Ты, мой милый Лаци!

1847

Аист

На свете много птиц, по-разному их славят,
По-разному хулят.
Одним — всего милей красивый голос птицы,
Другим — ее наряд.
Моя — бедна, как я, не знает звучных песен,
Не блещет красотой:
Наполовину бел, наполовину черен
Убор ее простой.

Чудесный аист мой! В семье друзей пернатых
Он многих мне милей,
Крылатое дитя моей земли прекрасной,
Мои родных степей.

25*

195

Быть может, аиста лишь оттого люблю я,
Что вырос вместе с ним,—
Он забавлял меня, еще младенца в люльке,
Курлыканьем своим.

Со мной делил он жизнь. Когда, бывало, с поля,
Подняв веселый шум,
Мальчишки вечером в деревню гнали стадо,
Мечтательно угрюм,
Я уходил грустить под камышовым стогом,
Часами наблюдать,
Как дети моего любимца просят пищи,
Как пробуют летать.

И там я размышлял, досуг мой коротая,
В сгущающейся мгле:
Зачем, бескрылые, всю жизнь обречены мы
Влачиться по земле?
Любая даль земли ногам людей доступна,
Простор любых широт,
Но не в земную даль — в небесные высоты
Мечта меня зовет.

Взлететь бы к солнцу, ввысь, и поглядеть, умчавшись
В лазурные поля,
Как в шляпе, сотканной из воздуха и света,
Красуется земля.
Когда же, все в крови, закатывалось солнце,
Тьмой ночи сражено,
Я думал: верно, всем, кто людям свет приносит,
Погибнуть суждено.

Радужной осени ждут не дождутся дети,—
Она идет, как мать,
С корзиной, полною плодов и винограда,
Питомцев угощать.
И только я врага в ней чувствовал: на что мне
Подарки сентября,
Когда мой лучший друг, мой аист улетает
За дальние моря!

Следил я, как шумят, летят, несутся стаи
Неведомо куда.
Не так ли ныне я слежу, как жизнь и юность
Уходят навсегда!
Чернели на домах покинутые гнезда,
Сквозь слезы я глядел,
И мне предчувствие, подобно ветру, мело:
Таков и твой удел!

Когда ж весною вдруг земля освобождалась
От шубы снеговой
И надевала вновь свой доломан зеленый
С цветами и травой,
О, и моя душа, ликуя, надевала
Свой праздничный наряд,
Я за околицу бежал, чтоб видеть первым,
Как аисты летят.

Но детство минуло, и юность удалая
Грозой пришла ко мне.
Вот у кого земля горела под ногами!
На диком скакуне,
Поводья опустив, любил я вольно мчаться
Один в глуши степей.
И подкатав штаны, за мною гнался ветер...
Но конь мой был быстрее.

О степь, люблю тебя! Лишь ты душе приносишь
Свободу и простор.
Среди твоих равнин ничем не скован разум,
Не ограничен взор.
Не тяготят меня безжизненные скалы,
Как неотвязный сон.
Звонящий водопад на память не приводит
Цепей унылый звон.

Иль некрасива степь? О нет, она прекрасна,
Но надо знать ее.
Она, как девушка, стыдливо под вуалью
Таит лицо свое.
Она решается, подняв вуаль, лишь другу
Открыть свои черты,
И ты в смятении внезапно видишь фею
Волшебной красоты.

Люблю я степь мою! Я всю ее объездил
На огненном коне.
В глуши, где, хоть умри, следа людей не сыщешь,
Скакать случалось мне.
Я спрыгивал с коня, над озером валялся
В густой траве степной.
И как-то раз гляжу — и вижу: что за чудо!
Мой аист предо мной.

Он прилетел ко мне; с тех пор мы полюбили
Вдвоем в степи мечтать.
Я лежа созерцал вдали фатаморгану,
Он — озерную гладь.

Так, неразлучно, с ним провел я детство, юность,
Он был мне друг и брат.
И я люблю его, хоть не поет он песен
И прост его наряд.

О милый аист мой, ты — все мое богатство,
Все, что осталось мне
От незабвенных дней, которые провел я
В каком-то сладком сне.
Пора прилета птиц! Зимой твержу, тоскуя:
«Приди, скорей приди!»
А осенью, мой друг, тебе во след шепчу я:
«Счастливого пути!»

1847

Песня собак

Воет вихорь зимний
В облачные дали,
Близнецы метелей —
Дождь со снегом валият.

Нет забот нам, — угол
В кухне есть согретый,
Господин наш добрый
Дал нам место это.

О еде забот нет, —
Ест хозяин сладко,
На столе хозяйском
Есть всегда остатки.

Плеть, — вот это правда —
Свистнет — так поплачешь!
Но хоть свистнет больно —
Кость крепка собачья.

Господин, смягчившись,
Подзовет поближе,
Господина ноги
Мы в восторге лижем!

1847

Песня волков

Воет вихорь зимний
В облачные дали,
Близнецы метелей —
Дождь со снегом валият.

Горькая пустыня, —
В ней нам век кружиться,
В ней куста нет даже,
Где бы приютиться.

198

Здесь свирепый холод,
Голод в брюхе жадный, —
Эти два тирана
Мучат беспощадно.

Есть еще и третий —
Ружья с сильным боем.
Белый снег мы кровью
Нашей красной моем.

Хоть прострелен бок наш,
Мерзнем днем голодным, —
Пусть в нужде мы вечной,
Но зато свободны!

1847

У леса — птичья трель своя...

У леса — птичья трель своя,
У сада — мурава своя,
У неба — звездочка своя,
У парня — милая своя.

И луг цветет, и чиж поет,
И девушка и небосвод
Выходят вчетвером вперед
В свой беззаботный хоровод.

Увянет цвет, звезда падет,
И птица улетит в отлет,
Но милый с милой — круглый год
И всех счастливей в свой черед.

1847

Бродяга

Если денег нет в кармане,
Нет и в брюхе ни черта!
У меня в кармане пусто, —
Вот и в брюхе пустота.

У меня в желудке пусто,
Но зато полны глаза:
Каждый миг от этой стужи
Застилает их слеза.

Я на голод не в обиде,
Хоть не ел уже два дня:
Кто-нибудь на белом свете
Пообедал за меня.

И пускай, пускай морозит!
Подгоняет холодок!
С ним короче до трактира,
А трактир еще далек.

Завтра, завтра есть я буду
(Коль достану что-нибудь),
Сладкой матери-надежды
Пососу покуда грудь.

Ну-тка, серая, гнедая,
Ну-тка, ноги, побыстрей!
Что за кони, просто прелесть:
Не корми да не жалеи!

199

Левый оттого и серый,
Правый оттого гнедой,
Что вчера, продрав штанину,
Я кусок пришил с другой.

У меня костюм был новый,
Был он крепок да хорош, —
Так, чтоб он не истрепался,
Я спустил его за грош.

А чтоб вор меня не грабил —
Эх, провел я подлеца! —
Отдал в первом же трактире
Грош мой за стакан винца.

Пусть теперь наскочит жулик,
Пусть хоть грош отыщет он, —
Я ему в награду тут же
Отсчитаю сотню крон.

Но не вор в карман мой лезет, —
Шарит ветер мокрый там.
Брось ты, ветер, эти штучки,
Право, шлепну по рукам!

Шутка шуткой, а погоду —
За разбой бы да под суд!
Ливень, холод, снег да ветер —
Одного четыре бьют!

И босой по лужам еду.
Впрочем, эдак лучше мне:
В сапогах сегодня плавать
Мокро было бы вдвойне.

Так пускай хохочет ветер
Оттого, что я промок.
Он когда-нибудь мне тоже
Попадется на зубок.

Бог пошлет мне мастерскую
С теплой печью, в два окна,
Будет в ней светло и чисто,
Будут дети и жена.

А тогда уж, если ветер
Взвояет у моих окон,
Засвищу ему я в рожу,
Чтоб со злости лопнул он.

1847

Все говорят, что я поэт...

Все говорят, что я поэт;
И я того же мнения:
Но ты, о дорогая, нет,
Не славы мои творенья.

Не мучь меня своей хвалой,
Мне совестно до боли.
Я по сравнению с тобой —
Ничтожество, не боле.

Ведь в каждой мысли у тебя,
Мелькнувшей без названья,
И в каждом вздохе, что едва
Теснит твое дыханье,

И в каждом взгляде милых глаз
С их сокровенной речью,
И в голосе, что столько раз
Летел душе навстречу,

В улыбке на твоих устах —
Пожалуй, больше вдвое
Поэзии, чем в пятистах
Стихах, рожденных мною.

1847



Осенний ветер шелестит...

Осенний ветер шелестит в деревьях,
Так тихо, тихо шепчется с листвой.
Не слышно слов, но грустные деревья
В ответ ему качают головой.
Я на диване растянусь удобно.
День гаснет. Скоро вечер. Тишина.
Склонив на грудь усталую головку,
Спокойно, тихо спит моя жена.

Рукой счастливой слышу колыханье
Ее груди. В моей руке другой —
История сражений за свободу —
Молитвенник и катехизис мой.
В душе моей гигантскою кометой
Горят его живые письма.
Склонив на грудь усталую головку,
Спокойно, тихо спит моя жена.

Народ, покорный бешенству тирана,
В сражение гонят золото и кнут.
А вольность? За одну ее улыбку
Герои в бой бестрепетно идут
И принимают, как цветы от милой,
И смерть, и раны, что дарит она.
Склонив на грудь усталую головку,
Спокойно, тихо спит моя жена.

Так много славных, о святая вольность,
Пошли на смерть для дела твоего!
И пусть победы нет, — победа будет!
Последний бой сулит нам торжество.
Ты отомстишь за раненых и мертвых,
И будет месть прекрасна и страшна!
Склонив на грудь усталую головку,
Спокойно, тихо спит моя жена.

Передо мной кровавой панорамой
Встают виденья будущих времен:
В своей крови враги свободы тонут,
От тирании мир освобожден.
Стук сердца моего подобен грому,
И молниями грудь рассечена.
Склонив на грудь усталую головку,
Спокойно, тихо спит моя жена.

1847



Зимние вечера

Куда девалось радуги сверканье,
Рой мотыльков и кашка на поляне?
Где шум ручья и щебетанье птичьё
И все сокровища весны и лета?
Все это стало памяти добычей,
Добычею могилы стало это.
Белеют пятна снега на пригорках.
Зимой земля — как нищенка в опорках.

Зимой земля, как нищенка в сермяге,
Дрожит в дырявом рубище бродяги.
Из льда и снега сметаны заплаты,
Но через них проглядывает тело.
Она стыдом и трепетом объята,
В такую рвань ее нужда одела.
Промозглым днем не хочется на волю,
Зато какое в комнате раздолье!

Блажен, кого господь хранит здоровым
И наградил семьей и теплым кровом.
В своем углу сейчас благословенье,
Среди домашних, преданных друг другу,
А если для камина есть поленья,
Волшебным замком кажется лачуга.
Слова обычно на ветер бросают,
А здесь они до сердца долетают.

Как хорошо такими вечерами,
Вы б не поверили, не знай вы сами.
На первом месте, угощая свата,
Сидят хозяин и сосед бывалый.
Во рту их трубки, рядом штоф пузатый,
Наполненный венгерским из подвала.
Но им никак не одолеть бутылки,—
Опять полна, как много бы ни пили.

Сидящих потчует хозяйка дома.
Ее обязанности ей знакомы.
Она равнодушна к доброй славе
И наполняет вновь и вновь баклагу,
Чтобы никто из здешних не был вправе
Назвать ее ленивою и скрягой.
Она все в беспокойстве, все в заботе
И все твердит: «Ну, что же вы не пьете?»

И гости пьют, радушием согреты,
А трубки догорят, берут кисеты
И мнут табак меж пальцев для набивки,
И как блуждают в доме кольца дыма,
Блуждают также мыслей их обрывки
О прежней жизни, пролетевшей мимо.
Кто большей частью все оставил сзади,
Тот любит вспать смотреть, вперед не глядя.

К столу присели юноша с девицей.
Что прошлое? Им будущее снится.
Не беспокоит их, что было прежде.
У них все впереди, а не за гранью.
Их души сблизилась в одной надежде
И смотрят вдаль сквозь чад очарованья.
Они молчат, но как красноречиво
Их взгляды обличают их порывы!

А близ камина, у его решетки,
Мал мала меньше детвора-погодки.
Они из карт игральных строят башни
И валят на пол их без сожаленья.
Что завтрашний им день, что день вчерашний?
Им важно настоящее мгновенье.
Как много в этой комнате ютится:
Что было, есть и что еще случится.

Хлеб надо завтра ставить спозаранку.
Над ситом и мукой поет служанка.
Перед окном гремит бадья в колодце,
Соседский конюх лошадь на ночь поит.
Цыганской скрипки отзвук раздается,
И контрабас на чьей-то свадьбе воет.
Весь этот шум снаружи, сбившись в кучу,
Приобретает в доме благовучье.

Снег падает безустали, и все же
Черным-черно в потемках бездорожье.
Прохожий в это время очень редок.
Вот с фонарем бредет домой гуляка
И, за угол свернувши напоследок,
Внезапно тонет под покровом мрака.
Но любопытство в комнате задето:
«Кто б это мог пройти теперь? Кто это?»

Знамя

Что строчит твоя игла там?
Ты не ставь заплат к заплатам!
Та ль забота перед нами?
Шей, жена, скорее знамя!

Что-то зреет близко где-то...
Что — господь лишь знает это,
Но оно — не за горами!
Шей, жена, скорее знамя!

Так не может долго длиться,
Что-то, видимо, случится.
Что? Пойму в бою с врагами.
Шей, жена, скорее знамя!

Вольность не дается даром, —
Чтоб владеть таким товаром,
Кровью платят, не деньгами...
Шей, жена, скорее знамя!

Любящими шей руками!
Пусть победа в это знамя
Влюбится и будет с нами...
Шей, жена, скорее знамя!

1848

Степь зимой

Степь вправду — степь теперь, и вся седа, как лунь.
Ну, и хозяйка осень: дом у ней хоть плюнь!
Все, чем весна горда
И летняя страда,
Мотовка на ветер бросает без стыда.
Зимою — мерзость запустенья, холода.

Не звякают вдали бубенчики отар.
На дудке перестал наигрывать овчар.
Не слышно птичьих стай,
Увеселявших край.
Совсем умолк на кочках перепел-дергач,
И больше не пиликает сверчок-скрипач.

Замерзшим морем смотрит пустоши печаль.
Усталой птицей солнце низко тянет вдаль.
Лучей холодных пук
Стал стар и близорук, —
Нагнуться надо, чтоб увидеть что-нибудь.
Напрасный труд. Кругом одно унынье, жуть.

Пуста сторожка и дощаник рыбака.
Скотина вся в хлевах, на хуторах тоска,
Пред пойлом у корыт,
По стойлам рев стоит,
Артачатся бычки, упрутся и не пьют.
В закутах духота, им хочется на пруд.

Батрак снимает с балки листовой табак
И на порог кладет и режет, взяв тесак.
За трубною в сапог
Полез, набил, разжег,
Сопит, попыхивает и косится вбок:
Не опустел ли в стойле кормовой лоток.

Шинкарь с шинкаркой спят, стоит их мерный храп.
Хоть выкинь вон ключи, замкнув подвал и шкаф.
На шест у их ворот
Никто не завернет.
Зимой сюда ничья не сунется нога.
Метели замели пути. Снега. Снега.

Порывы ветра в поле рыщут вверх и вниз.
Вот вихря клуб рванулся к небу и повис,
Другой размел сугроб,
Рассыпав целый сноп
Снежинок, блещущих, как искры из кремня.
А третий взвыл и бьется с первыми двумя.

Но вот пурга без сил и уползла в углы.
Из разостлавшейся кругом вечерней мглы
Всплывает тень с кнутом
Разбойника верхом.
Пофыркивая, конь несет его домой.
За ними следом волк, над ними ворон злой.

Как изгнанный король с границы смотрит вспять
На родину, пред тем как на чужбину стать,
Так солнца диск, садясь,
Глядит в последний раз
На землю, и, пока насмотрится беглец,
С его главы кровавый катится венец.

1848

Национальная песня

Встань, мадьяр! Зовет отчизна!
Выбирай, пока не поздно, —
Примириться с рабской долей
Или быть на вольной воле?

Богом венгров поклоняемся
Навсегда
Никогда не быть рабами,
Никогда!

Мы живем на белом свете
Перед дедами в ответе!
Вольным предкам нет покою
Здесь, под рабскою землею.
Богом венгров покланемся
Навсегда
Никогда не быть рабами,
Никогда!

Низок, мерзок и ничтожен
Тот, кому сейчас дороже
Будет жизнь его дрянная,
Чем страна его родная!
Богом венгров покланемся
Навсегда
Никогда не быть рабами,
Никогда!

Блещет цепь, но вдвое краше
Засверкает сабля наша.
Так зачем носить оковы?
Пусть клинки сверкают снова!

Богом венгров покланемся
Навсегда
Никогда не быть рабами,
Никогда!

Имя венгра величаво
И достойно древней славы.
Покланемся перед боем,
Что позор столетий смоем!
Богом венгров покланемся
Навсегда
Никогда не быть рабами,
Никогда!

Где умрем, там холм всхолмится.
Внуки будут там молиться,
Имена наши помянут,
И они святыми станут.
Богом венгров покланемся
Навсегда
Никогда не быть рабами,
Никогда!

(1848)

Восстало море

Море поднялось, восстав —
Народов пучина,
Землю и небо страша,
Берег валами круша, —
Рукой исполина.

Знаете танец такой?
Музыки трели?
Так изучай, кто не знал,
Можешь узнать этот шквал, —
Народа веселье.

В небе уроком черти,
Вечным, великим:
Хоть наверху корабли,
Волны внизу протекли, —
Все ж море — владыка!

1848

Королям

Редкостный подарок — откровенность —
Вам я, короли, преподношу!
Как хотите: хоть благодарите,
Хоть казните — выслушать прошу!
Пусть еще он цел, ваш замок Мункач, —
Не страшат подвалы и петля!
...Что бы там лъстецы ни толковали, —
Нет *возлюбленного* короля!

Ха! Любовь! Цветок прекрасный этот
Выван вами с корнем, короли,
Брошен под колеса колымаги,
На которой сами вы везли
Вами же нарушенные клятвы,
Всяческие блага нам суля...
...Что бы там лъстецы ни толковали, —
Нет *возлюбленного* короля!

Вас сейчас народы только терпят...
Только терпят! Неизбежным злом
Люди вас считают. Вас не любят!
Трепещите! Всё у вас в былом.
А в грядущем — ждите приговора,
Что готовит высший судия.
...Что бы там лъстецы ни толковали, —
Нет *возлюбленного* короля!

Я бы мог поднять на вас народы —
Вся земля восстала бы сейчас,
Чтоб с великой яростью Самсона
Миллионы ринулись на вас!
Я б ударил в колокол смертельный,
Вы бы дрогнули, ему внемля...
...Что бы там лъстецы ни толковали, —
Нет *возлюбленного* короля!

Не бунтую! Что мне тратить силы,
Потрясая ветви тех деревьев,
На которых все плоды созрели, —
Нет, — уже загнили, перезрели!
Те плоды с ветвей сорвутся сами.
Будет так! Да примет их земля!
...Что бы там лъстецы ни толковали, —
Нет *возлюбленного* короля!

1848

Жена и клинок

Светят в небе звезды,
Дремлют в гнездах птицы,
На мои колени
Милая садится.
Нежная росинка
На ветвях у дуба,
Как тебя в объятьях
Мне баюкать люблю!

Что же не целуешь,
Если взял в объятья?
Я не скуп на это —
Буду целовать я!
Слышишь... даже слово
Не договорилось, —
В нашем поцелуе
Слово растворилось.

Вот какая радость!
Вот какая прелесть!
Жемчугами счастья
Мы с тобой оделись!
Но зачем так мрачен
На стене висящий
Мой палаш венгерский,
Мой клинок блестящий?

Боевой товарищ!
Что ж ты в самом деле?
Или мучит ревность?
Страсти одолели?
Если это ревность,
То мужчинам смелым
Стыдно заниматься
Глухим бабьим делом!

Не ревнуй, не бойся,
А, дружка со мною,
Подружись, товарищ,
И с моей женою!
Ты ее высокой
Прелестью душевной
Будешь очарован,
О палаш мой гневный!

А с врагом сразиться
Родина прикажет, —
Кто тогда на пояс
Мне тебя привяжет?
Не жена ли скажет,
Расставаясь с нами:
«Будьте боевыми
Верными друзьями!»

1848

Ты задрожал, о сброд презренный...

Ты задрожал, о сброд презренный,
Ты был не в силах скрыть испуг,
Услышав, что из нежной лиры
Исторг я первый смелый звук.
Но этот ветер — лишь предвестник
Грозы, грохочущей вдали,
С которой песнь моя, как птица,
Взметнется к небу от земли.

Грозящий вихрь еще далеко,
Лишь с дерева два-три листка
Да с губ моих погромче слово
Срывает он, дохнув слегка.

Куда ж вы спрячетесь от бури,
Когда поднимет рев она,
И вывернет дубы с корнями,
И взроет сердце мне до дна,

И громом полюсы вселенной
С их вековой оси сорвет,
И в битву ринутся стихии,
Ниспровергая небосвод,
И по залитым кровью струнам,
Последний возвещая бой,
Я в исступлении ударю
Окровавленную рукой!

1848

На родине

Здесь я родился, я в своем краю,
Вернулся в степь Альфельдскую свою,
Где все места следами старины
И нянинными песнями полны.
В одной припев был, помнится, такой:
«Жук, майский жук, пострел — проказник мой».

Ушел ребенком я из этих мест
И взрослым совершаю новый въезд.
Как странно... двадцать лет прошло с тех пор.
Да, время, время мчит во весь опор,
Наполненное счастьем и тоской!..
«Жук, майский жук, пострел — проказник мой».

Где вы, друзья тех детских лет, сейчас?
Хоть одного б увидеть мне из вас!
Уверьте, что попрежнему я мал.
Пусть я забуду, что мужчиной стал,
Что четверть века за моей спиной.
«Жук, майский жук, пострел — проказник мой».

Как птичка прыгает с сука на сук,
Бессвязно мысли носятся вокруг,
Ловя воспоминанья на лету,
Как пчелы мед на липовом цвету.
Ах, здесь воспоминаний целый рой!
«Жук, майский жук, пострел — проказник мой».

Я мальчик вновь и на лошадку — скак,
Скачу, трубя в осиновый рожок.
Но хочет пить конек мой боевой.
Я тросточку веду на водопой.
Напился конь. Пора, бетьяр, домой.
«Жук, майский жук, пострел — проказник мой».

Вот колокол вечерний зазвучал.
И всадник утомлен, и конь устал.
Я дома засыпаю в тот же миг
И долго-долго слышу в снах своих
Припев любимой песенки одной:
«Жук, майский жук, пострел — проказник мой».

1848

Малая Кумания

Снова отлучался
В Малую Куманию к домашним.
Где ни очутись, повсюду неотступно
Тянет к милым пашням.
Исходил равнину,
Вкруг которой, точно дочку обнимая,
Встретились родительские руки
Тиссы и Дуная.

По приезде в город
День и ночь в столице, средь ее содома,
Мысленно брожу по брошенным низовьям
У родного дома.
Чуть зажмурю веки,
С живостью встают в душе, как пред глазами,
Чудные места, одно другого краше,
В бесподобной раме.

Середина лета.
Солнце на подъеме и пыхтит, бедняжка.
Огненным дождем струится знойный полдень
На степную кашку.
Всюду степь без края.
Всюду степь, и я уйти не в состоянии
От небесной сини и от синей степи
В месте их слиянья.

Прохожу лугами.
Вон воли средь пастбищ развалились в спячке.
В этот жар собой не властвует скотина.
Не до жирной жвачки.
Волопас поодаль,
Вытянувшись, спит на кожухе пастушьем,
Обленились псы и на мою особу
Смотрят с равнодушьем.

Вон ручей в ложбине
Медленно сочится по зеленой балке.
Гладь его мертва и только оживает
Под крылом рыбалки.
Дно отлично видно.
Мелюзги в песке, пиявки сколько всякой!
Пауки водой, как посуху, шныряют,
Ноги раскорякой.

Цапля копошится
В темных камышах, и аиста супруга,
Сунув клюв в ручей, глотает жадно что-то
С крайнею натугой.

Подвернув ходулю,
Гордо замирает, на другую вздыбась,
А в приречных травах стаями без счету
Горько кличет чибис.

Вон следы колодца.
Обвалился, сгнил он и порос осокой,
Но торчит стояк, и цело коромысло
С жердью одинокой.
К мареву ль степному
Приковала взоры эта жердь на страже?
Мало ли она жарами навидалась
Марев и миражей?

А вдали и вправду
Наваждение зноя — в жаровой завесе
Постоялый двор приподняло на воздух,
Держит в поднебесье.
Но луга все реже,
Все безводней край, и степь назад отходит.
Вихрь холмит пески и их поочередно
Сносит и возводит.

После долгих странствий
Вновь пойдут маячить хуторян хибарки.
Пахнет свежим сеном, каркают вороны,
Скалятся овчарки.
Дальше небосклона
Белокурым морем разлилась пшеница,
Кланяется, никнет, головой мотает,
Зреет, колосится.

Васильки средь нивы.
Полыхает мак, и на меже у воза,
Как звезда в крови, щетинится шиповник
Раненою розой.
Наступает вечер.
Облака пушатся в легкой позолоте.
Чудо — облака! Вы стайей детских сказок
Надо мной плывете.

Захолустный город.
Церковь с колокольной в стародавнем стиле,
А пройдя сады, за выселками — мельниц
Маховые крылья.
Чем приворожили
Мельницы меня к своим кругам гигантским?
В ярмарку так встарь ходили акробаты
Колесом цыганским.

К нации

Бей в набат! Я сам схвачу веревку!
Бей, чтоб все колокола звучали!
Я дрожу от гнева, не от страха,
В сердце буря гнева и печали.

Я печален оттого, что тучи
Гибелью грозят моей отчизне.
Я разгневан тем, что мы заснули,
И не слышим, и не видим жизни.

Нация проснулась, посмотрела,
Отчего кругом шумят народы,
Повернулась набок и заснула,
И забыла, что уходят годы.

Родина, наказанная богом,
Пробудись для доблести и чести!
Создана ты славной и великой,
А плетешься на последнем месте.

Встань, отчизна! Все вернуть ты можешь,
Только не робей в бою неравном!
«Победить иль умереть, сражаясь!» —
Начерти на нашем стяге славном.

Заспалась ты, Венгрия, и кто мы —
Явь иль сон, — сама ты позабыла.
Встань! И пусть увидят все народы,
Что жива былая наша сила.

Иль не лучше пасть от вражьей пули,
Чем влачить бесцельно жизнь такую!
Отвергаю только смерть в позоре,
Но с восторгом встречу я другую.

В бой! Умрем героями, венгерцы,
Если жить никто из нас не может!
Пусть умрем, но так, чтоб нас оплакал
Даже тот, кто сам нас уничтожит!

Будем так сражаться, чтоб дивился
Миклош Зрини, воин знаменитый, —
Так сражаться, будто для отчизны
Каждый стал единственной защитой!

Венгрия, тогда мы не погибнем,
Обретем навеки жизнь и славу,
Воплотим заветные мечтанья,
Обратимся в мощную державу!

Нация, отечество, народ мой,
Дружно, быстро приготовься к бою,
На врага, как молния, низринься,
И падет он мертвый пред тобою.

Где наш враг? — ты спросишь. — Между нами!
Справа, слева — он повсюду, братья!
Самый беспощадный и опасный
Тот, кто заключает нас в объятья.

Брат, спокойно предающий брата, —
Вот она, гнуснейшая порода!
Сто других один такой испортит,
Словно капля дегтя — бочку меда!

Только смерть — достойный приговор им,
Только смерть! Иного будет мало!
Хоть бы сотню тысяч их казнили,
Хоть бы кровь по улицам хлестала!

Внешний враг, поверьте, там не страшен,
Где подохла внутренняя стая.
Лира, прочь! Бегу на колокольню!
Грянь, набат, к восстанью призывая!

1848

1848

О звезда сорок восьмого года!
Ты, рассветная звезда народов!
Ночь, гонима утренней зарей,
Убегает с небосвода,
А за нею,
Пламенея,
День встает, и хмур и бешен,
Чтоб румянец, с гневом смешав,
Озарил бы после ночи
Человеческие очи!

Смерть тиранам! стыдно быть нам в рабстве!
Время праведному гневу!
Не с молитвой, а с кровавой жертвой
Обратимся нынче к небу!
Мы лежали,
Вы с пожами
К нам подкрались, но напрасно!
Жизнь народа не погасла.
У народа крови много,
Вопль его дойдет до бога!

Море в удивлении великом:
Твердь земная, что с тобою?
Почему вздымаешься валами
Величайшего прибою?
Бури ярость,
Будто парус,
Вихрем в клочья разорвало,
И, безумен, у штурвала
Кормчий, будто гибнет тут он,
Рваным пурпуром опутан.

Нынче мир — сплошное поле битвы,
Все с оружием, все — солдаты!
Что топчу я? Порванные цепи!
Ха! Корона сломанная чья-то!
Эй, в огонь их!
Нет! Не тронь их!
Надо лишь на этой дряни
Начертать ее название,
Чтобы знали наши дети,
Чем служили вещи эти.

Славный час! свершилось по писанью:
Воедино стадо львы и овцы!
Бог у нас один теперь — свобода!
Иноверцам умереть придется.
Пали старые
Святыни.
На руинах и в пустыне
Новый храм воздвигнем ныне.
Свод его — небес громада!
Солнце в нем, а не лампада!

1848

Осень вновь...

Осень вновь, опять чаруя,
Красит мне мое житье.
Не пойму, за что люблю я,
Но люблю, люблю ее.

Утоплю глаза в просторах.
С косогора среди травы
Сяду слушать тихий шорох
Опадающей листвы.

Солнце на землю с улыбкой
Смотрит, с кротостью светя,
Словно мать, качая зыбку,
На уснувшее дитя.

У земли на самом деле
Сонный, а не мертвый вид.
Нет, она в своей постели
Не кончается, а спит.

Если целоваться станем,
Так коснись губами губ,
Чтоб не разбудить касаньем
Дремлющих древесных куп.

1848

Венгерец вновь венгерцем стал!

Венгерец вновь венгерцем стал!
Он сам собою стал отныне, —
Не будет больше он слугой
При иноземном господине.

Венгерец вновь венгерцем стал!
Ярма он не потерпит снова.
Звения, осеннюю листвою
На землю сыплются оковы.

Венгерец вновь венгерцем стал!
Сверкают палаши и шпаги,
Лучится солнце на клинках,
В очах горит огонь отваги.

Снявши платье дорогое,
Положила на кровать,
Чтобы было под рукою,
Как придется надевать.

Спи, красавица природа,
Спи до первых дней весны.
Пусть тебе до их прихода
Снятся сладостные сны.

Кончиками пальцев трону
Лиру тихую свою.
Легкий звук скользнет к затону,
Призывая к забвению.

Сядь, дружок, со мной в прохладе.
До тех пор молчи, пока
Смолкнет звук над водной гладью,
Словно шопот ветерка.

Венгерец вновь венгерцем стал!
И пламенеют наши лица
Огнем развернутых знамен,
Зовущих в битву устремиться!

Венгерец вновь венгерцем стал!
Одно у всех венгерцев сердце,
И это сердце бьется так,
Что в ужасе враги венгерца.

Венгерец вновь венгерцем стал,
Героем стал на поле брани,
И мир, великий мир, готов
Зреть чудеса в венгерском стане.

Венгерец вновь венгерцем стал
И вечно будет сам собою,
Или в кошмарный, славный час
Умрем мы все на поле боя!

На виселицу королей!

Нет больше Ламберга — кинжал покончил с ним.
Латура вздернули. Теперь черед другим.
Все это хорошо, прекрасно — спору нет!
Народ заговорил — и вот залог побед.
Но мало двух голов! Смелей, друзья, смелей!
На виселицу королей!

Косарь скосил траву — но завтра вновь она
В полях расстелется, свежа и зелена.
Садовник обрубил деревья — через год
Их ветви новые дают и цвет и плод.
Когда корчует лес, не оставляй корней.
На виселицу королей!

Когда же, наконец, о глупая земля,
Возненавидишь ты и свергнешь короля?
О, неужели я в народ мой не волью
Неисчерпаемую ненависть мою?
Клокочет, как прибой, она в груди моей.
На виселицу королей!

Природа яд взяла, чтоб кровь его создать,
Преступной подлостью его вскормила мать,
В позоре он зачат, и жизнь его — позор,
Чернеет воздух там, куда он кинет взор,
Гниет земля, как труп, вокруг его костей.
На виселицу королей!

Война свирепствует во всех концах страны,
Пылают города, деревни сожжены,
От воплей в воздухе немолчный гул стоит,
Довольна жатвой смерть, один король не сыт —
Виновник столько бед, убийств и грабежей.
На виселицу королей!

Напрасно льешь ты кровь, о мой народ-герой!
Корону с головы и голову долой!
Не то чудовище поднимется опять, —
Тогда придется все сначала начинать.
Покуда время есть, о жертвах пожалей.
На виселицу королей!

Всем — наша дружба, всем — прощенье и привет,
Одним лишь королям вовек прощенья нет!
И если некому повесить их — добро!
Я саблю отложу, оставлю я перо,
Сам стану палачом, — но только бы скорей!
На виселицу королей!

1848

В конце года

Старый год, итак, уходишь?
Порожнем уходишь? Стой!
Под землею — мрак могильный.
Надо бы туда светильню.
Песнь мою возьми с собой.

Вновь, испытанная лира,
Службу я тебе задам.
Ты со мной с поры ребячьей.
Что же нам сказать в придачу
К прежде сказанным словам?

Если славилась ты звуком,
Оправдайся пред молвой.
Заслужи бывшее мнение
И торжественность мгновенья
Звука важностью удвой.

Ну, а вдруг последний вечер
Это на твоём веку?
Может быть, потрогав струны,
В угол я тебя засуну
И назад не извлеку?

Я в солдаты записался
И на попрание большому
Распрошусь с тобой покуда
И стихов писать не буду,
Или только палашом.

Ну, так разбушуйся, лира!
Выйди вся из берегов.
Пусть струна с струною сцепит
Смех и стон, и плач и лепет,
Спутай жизнь и смерти зов.

Будь как буря, пред которой
Дубы с корнем — кувыркком,
Или расчеши полоску
Еле слышным, как расческа,
Бороздящим ветерком.

Будь как зеркало, и в лицах
Жизнь мою восстанови,
С первым возрастом начальным
На глубоком дне зеркальном
И бездонностью любви.

Душу вывори, лира.
Вспомни солнца мотовство
И обеими руками
Сей слабеющее пламя
В час захода своего.

До последних замираний
Звуков сдерживай раскат,
И в горах времен, пожалуй,
Твой аккорд, как гул обвала,
В будущности повторяет.

1848

Тиха Европа

Тиха Европа, вновь тиха, бои
Всех революций отгремели.
Презренье ей! Она затихла, и
Свободу взять народы не сумели.

И одного оставили, бежав,
Венгерца, — трусы, все ослабли,
На всех руках уж цепи дребезжат,
В руке венгерца только блещет сабля.

Так что же нам — впадать в отчаяния мрак?
Печалиться, что вышло так с другими?
О родина, пускай все это так, —
Уверенность как раз твой дух подымет.

Пускай подымет наш венгерский дух
То, что мы свет единственный для прочих,
Когда все спят — наш светоч не потух,
Горит во тьме непроходимой ночи.

Когда бы свет наш не светил с земли
Здесь, в бесконечной ночи без просвета,
На небе, там, подумать бы могли,
Что вымерла печальная планета.

Свобода! Ты взгляни, на нас взгляни,
Узнай, что твой народ выносит, —
Те слез пролить не смеют в эти дни,
А мы тебе всю в жертву кровь приносим.

Иль нужно еще больше, чтоб твое
Нам заслужить не зря благословенье?
Когда вокруг предательство встает,
Мы лишь одни тебе верны в служенье!

1849

Я говорю, что победит мадьяр...

Я говорю, что победит мадьяр;
Назло земле и небу наш удар.

Лишь потому не шли к победе мы,
Что были розны души и умы.

Сейчас едины все, мадьяр, поверь!
Когда ж победа, если не теперь?

Все как один, чтоб жизнь в бою сложить,
И потому, народ, ты будешь жить.

И будет жизнь всех краше и светлей,
На зависть всем живущим на земле.

Я смело встал среди войны огня
И знаю, пуля не пронзит меня.

Судьба меня от смерти сохранит
И знает, я не должен быть убит.

Затем, что в день, когда враги умрут,
Я должен быть поднявшим песен труд,

Чтобы воспеть свободу до конца
И память о священных мертвецах,

Чьей кровью ты, отчизна, крещена.
Рожденья песней прозвучит она.

До этого дожить я должен дня,
Чтоб нас могла свобода осенять,

Чтоб смыть годов проклятых темных грязь,
От радости и плача и смеясь,

Чтоб звук разбитых навсегда цепей
Звучал молитвой родины моей.

Нет, должен я дожить до дня того, —
Мой меч и лира бились за него!

1848

Вновь жаворонок надо мной...

Вновь жаворонок надо мной.
Чуть от него я не отвык.
Пой, вестник дней весенних, пой,
Ликуй, что так простор велик.

О господи, как этот звук
Мне после шума битвы мил!
Он кровь мне с обгаренных рук
Своею чистотою смыл.

Пой, милый, не жалея рулад.
Ты мне напомнил в их пылу,
Что я не только ведь солдат,
Но твой собрат по ремеслу.

Твой щебет оглашает синь
Во славу музыки и любви.
Во имя этих двух богинь
Безумствуй и в лазурь зови.

Воспоминанье и мечта,
Проснувшись, прерывают сон
И, как два розовых куста,
Цветут во мне под твой трезвон.

К возлюбленной лететь мечтой,
Наверно — счастья предел,
И этой счастья полнотой
Я всех бы наделить хотел.

Могу сказать, как на духу:
Создав ее, признался бог,
Что рай небес не наверху,
А здесь внизу, у наших ног.

Пой, жаворонок. Ты — призыв,
Чтоб вышли из земли цветы.
Пой, вешний вестник, пробудив
Души дремавшие пласты.

1849

Явилась смерть...

Явилась смерть, чтоб нас смести бесследно
С лица земли. Повальный этот мор
Из сатанинской гнилой утробы
Злодей корольдохнул на нас в упор.
Смертельный вихрь летит со страшной силой
Как будто в день последнего суда,
И гнемся мы, как лес во время бури,
Но живы! Не сломить нас никогда!

Венгерец жив! Стоит еще отчизна.
Заговорили сабель голоса.
И отзвук их летит по всей Европе.
Венгерец, сотворил ты чудеса!
Кто прежде знал, что где-то на Дунае
Живешь ты, унижаясь и скорбя?
А вот теперь первейшие из наций
Взирают с изумленьем на тебя!

Кто из венгерцев не считал проклятьем
Того, что был венгерцем он рожден!
Кто из венгерцев нынче не гордится,
Что божьей милостью венгерец он!
Венца из самых драгоценных лавров,
О Венгрия, заслуживаешь ты,
Где я найду, священная отчизна,
Твоей главы достойные цветы!

Однако не закончена работа,
Которую должна ты завершить.
Не до конца мы рассекли тот узел,
Который ты решила разрубить,
И в день, когда его ты перерубишь,
Страна моя, окрепшею рукой,
Уже не мне венчать тебя придется, —
Венчать тебя придет весь род людской.

Вперед же, нация! Остановиться
Ты разве можешь здесь, на полпути!
Да, тяжок путь! Но ты идешь к вершинам.
Легко бывает только вниз идти.
Вперед, вперед, венгерский знаменосец,
Пойдет Европа следом за тобой!
Страна моя, ты нынче вождь народов!
О, вдохновись великою судьбой!

1849

Ужаснейшие времена!

Ужаснейшие времена!
Кошмарами полна страна...
Быть может, был
Приказ небес,
Чтоб это все случилось,
Чтоб отовсюду кровь лилась?
О, так и есть! Ведь против нас
Полмира ополчилось!

Лицом к лицу стоим с войной.
Но разве горе в ней одной?
Война — войной,
А за спиной
Ужасный призрак мора!
Сплеча господь отчизну бьет,
Двумя руками гибель жнет
Все на ее просторах!

Погибнем все? А может стать,
Кто выживет, чтоб написать
Рассказ
Про самый черный час
На белом свете?
Вот только бы хватило слов,
Чтоб был рассказ его толков
Про злодеянья эти!

А если хватит слов, так все ж
Ему ответят: «Это ложь!
Нет! Это бред,
Чтоб столько бед
Наваливалось разом!»
И выслушав рассказ такой,
Подумают, махнув рукой,
Что помутился разум!

1849

Волшебный сон

(Поэма)

Я лодочник на бешеной реке.
Взлетает вверх и вниз моя лодчонка,
Как колыбель, которую в тоске
Качает нянька в злобе на ребенка.
Ты — нянька злющая моя, судьба!
Ты лодку без конца мою качаешь,
Ты бурей у причального столба
В неистовстве страстей меня встречаешь.

А я устал. Где берег? Далеко?
Быть может, ближе до водоворота?
Отраден дом, но я б уснул легко
И в омуте с такою же охотой.
Ни берега, ни бездны. Даль небес,
Да волны в лодку хлещут. Неужели
Нельзя ни в омут, ни на волнорез,
Ни умереть, ни твердо стать у цели?

Чей это голос? Что за дивный звук
Вплетается в привычный гул течения?
Чей дух, отбыв весь круг гееннских мук,
Уходит к небу, получив прощенье?

Ах, это лебедь тянет надо мной
И запекает гимн перед кончиной.
Воспоминанье, задержись, стой,
Как замиранье песни лебединой!

Я вышел из ребячества тогда
И был в счастливом возрасте подростка.
О, как напоминают те года
Рассвета заалевшую полоску!
В младенческой душе еще темно,
Но проблеск чувств уже ее румянит,
Как утром все давно озарено
Задолго до того, как солнце встанет.

Я веровал, что все мои мечты
Способны сбыться, и сбылись мечтанья.
Но я мечтал о малом, без тщеты,
Мечтал о друге, верном до скончанья.
Мой друг был верен; в возрасте таком
Еще не портит нас своекорыстие.
Еще не выедены червяком
В саду души ее цветы и листья.

Мой друг был верен. С ним я осушал
Бокал своей восторженности ранней,
И в эмпиреях, как орел, витал,
Оглядывая сверху мирозданье.
Я всем владел, на что бросал свой взор,
Все, все принадлежало мне по праву:
И богача узорчатый ковер,
И звездная корона громкой славы.

Я в будущее веровал тепло
И думал, что оно уже настало.
Вдруг существо мое переросло
Тот мир, который сердце обнимало.
В действительности мир ли измельчал,
Душа ль моя взаправду углубилась,
Но в ней образовался вдруг провал,
Разверзлась пропасть, трещина открылась.

Она росла, и я уж не парил,
Душою преждевременно увянув.
Я захандрил и без надежд и сил
О будущем не строил больше планов.
Меня уж не манило ничего,
Постылыми мне стали все приманки,
Как потускнеет неба волшебство,
Когда протрутся звезды до изнанки.

На всех я дулся, был на друга зол,
И в тягость стал себе, как посторонний.
И от мирского шума я ушел
Куда глаза глядят, как от погони.
Стоянку сделав далеко в лесу,
Я долго прожил на своем привале.
Как описать прогалины красу
И тех существ, что тут кругом летали!

То были вереницы чудных фей.
Они всплывали где-то по соседству
Со дна опустошенности моей
И чем-то мне напоминали детство.
Я их просил помедлить хоть на миг,
Схватить пытаюсь хоть одну из стаи
И удержать в объятиях своих,
Но феи улетали, исчезая.

Они не возвращались никогда
И, словно воздух, были невесомы,
Но в сердце оставалась борозда:
Тоска и жалость, легкая истома.
И чем бесследней было и полней
Исчезновение бледных тех видений,
Тем краше мне казался мир теней,
Тем слаще наше странное общенье.

Я таял и насмешки возбуждал
Во всех своей хандрою беспричинной,
Лишь друг мой с грустью головой качал
И не смеялся над моей кручиной.
«Да что с тобой?» — он спрашивал, а я
И сам не знал причины отчужденья.
Я жаждал ведь, и не было питья,
Которое дало бы утоление.

Оскомину набил мне белый свет,
Земная красота мне надоела.
«Туда, туда, — твердил я, — в круг планет.
Где скрывшихся сестер моих пределы!»
Дыша с семьей их воздухом одним,
Залью я жажды той огонь священный,
А если скроются они как дым,
Вдогонку я пушусь по всей вселенной.

Весна была, и радуги цветов,
Протягиваясь по земле поляны,
Печалились, почувствовав без слов,
Что, кажется, я скоро в вечность кану.

Я мимо них взошел на косогор
И загляделся в купол бирюзовый.
Я в синеву небес глядел в упор,
Во внутрь лазури, за ее покровы.

Прекраснейшее в мире существо
Стояло в глубине. Мне видно было,
Что шепчут губы счастья моего,
И как рукой она меня манила.
«Сейчас», — шепнул я, став на край крутой
Внизу зиявшей бездны стосаженной.
Вдруг кто-то взял меня за локоть мой.
Я на спину упал без чувств мгновенно.

Очнувшись, вижу: то же существо,
Что с неба улыбалось за минуту,
Внезапно ни с того и ни с сего
Стоит со мною рядом почему-то.
«С земли до неба, значит, только шаг? —
Я сделал вывод. — Если так недавно
Я был внизу и вот — на небесах,
И предо мною ангел этот явный».

Так думал я, но про себя, не вслух,
Боясь, что если разожму я губы,
То небо тотчас разлетится впух
От одного лишь звука речи грубой.
Из страха потерять ее, с тоской
Взял девушку я за руку, с опаской
Обвивши стан ее своей рукой,
Как пламенем объятой опояской.

Я ею любовался без конца.
Как не ослеп, как сохранил я зренье
При свете лучезарного лица,
Так сильно было глаз ее горенье.
Они переливались, как сапфир,
И брови черной радугой сгибались,
И как нисходит ночь в полдневный мир,
По белой шее кудри рассыпались.

Отмалчивался я и вдруг понес
О рае, небе, ангелах. Но скоро
Прочел в глазах у слушавшей вопрос.
Ей были чужды эти разговоры.
«Постой, — она сказала, — здесь не рай,
Мы на земле, я девушка земная.
Ты в пропасть бы свалился невзначай,
Когда б я не спасла тебя у края».

«Мы на земле! — вскричал я. — Решено.
И объяснений от меня не требуй.
Что небо, что земля, мне все равно,
А там, где ты со мной, конечно — небо.
Но ближе сядь, позволь тебя обнять,
Чтоб все в тебе ответом мне дышало,
Ты собственность моя, ты — благодать,
Тебя давно мечта мне предсказала».

Мы сели на вершине крутизны,
Беседуя. Она спросила, кто я.
«Я вздохом был до нынешней весны, —
Ответил я, — и жизнью стал с тобою.
Целуясь, я умру, но не горюй:
Ты воскресишь меня своею властью,
Вернув мне мой смертельный поцелуй.
Я вздохом был и стал улыбкой счастья».

Мы обнялись и замерли вдвоем.
Я упросил об этом без усилий.
Зачем в тот день мы бронзовым литьем,
Как статуи, с тобою не застыли?
Прошли б века, не разлучая нас.
Восторг был несравним, неописуем!
Как будто небо душу в первый раз
В меня вдохнуло этим поцелуем.

«Смотри, — шепнула, оторвав уста,
Мне девушка. — Какие перемены!
Другое небо и земля не та.
Что поцелуй наш сделал со вселенной!
Синее даль. Не так несносен зной,
Свежей в тени, и солнца свет лучистей,
Нас обвеваает ветер неземной,
Нарядней розы, зеленее листья».

«О да! — я согласился. — Ты права.
Не знаю, мы ль глядим проникновенней,
Иль жизнь неузнаваемо нова,
Но будем благодарны перемене».
Так средь простора вольного, одни,
Друг друга прерывая то и дело
За розовой гирляндой болтовни
Мы не заметили, как солнце село.

Темнело. Солнце, тучи золотя,
Садилось за лиловые предгорья.
Вставал туман и подползал, пыхтя,
Лугами, как по высохшему морю.

В лучах зари утес горел огнем,
Подобно трону под багряной тканью.
Счастливые, стояли мы на нем
Четой венчанной в час коронованья.

Легко простились мы, два мотылька,
Не сомневаясь, что за тьмой унылой
Нам новый день готов наверняка,
Как верят в воскресенье за могилой.
Мы не давали клятв, идя ко сну,
Но поутру оказывались рядом.
Так прожили мы целую весну
Уста в уста, грудь с грудью, взгляд со взглядом.

Так прожили мы лето. Каждый день
Был нам цветком на олимпийском пире,
И каждый час обозначал ступень
К блаженству, еле мыслимому в мире.
Увы, цветы все эти отцвели.
Будить воспоминанья нет причины.
Развейся, сон волшебный, стигнь вдали,
Как замиранье песни лебединой!

В дни осени поднялся ураган,
Тиранил рощи, оголял деревья,
Гнал листья ворохами вдоль полей,
Ногами их растапывая в гневе.
Вот так и наше счастье растоптал
Тот ветер, как последний из злодеев,
И нас обоих порознь разметал,
В разлуке розы наших щек развеяв.

Расстались мы. Я должен был уйти.
В осенний вечер, сумрачный и строгий,
Я, девочке моей сказав прости,
Взглянул еще раз на нее с дороги.
Я побежал, не видя сам, куда,
Лицо и грудь изранив в кровь о тернья,
Как падает изгнанница-звезда,
Отвергнутая небом в час вечерний.

Давно сошли царапины с лица,
Срослись порезы памяти упрямой,
На теле ни единого рубца,
И даже в сердце не осталось шрама.
Но тем-то мне, быть может, и больней,
Что первая любовь, блаженство рая,
Волшебный сон тех незабвенных дней —
Тебя я постепенно забываю!

Судья

(Незавершенная поэма)

Вступительное слово

О безотрадный век! Ты мир наполнил плачем!
Блаженство лишь слепым, и трижды горе зрячим.
Нет, горе им стократ, ведь их сподобит бог
Узреть, как судный день к нам ступит на порог.

Все стало кверху дном, и солнца свет затмился,
Воспрянул духом злой, а честный обленился.
Добро бы разжирел, — так нет, худой, как трость,
Лишь кожа да скелет и кость стучит о кость.

Немало я ночей провел в суровом бденье
И жег без жалости лампаду размышленья.
Все думал: отчего перевернулся мир
И нас терзает злой, а добрый слаб и сир?

Однажды за полночь свалился я устало.
Хмельную брагу сна душа моя глотала, —
Вдруг страшный призрак мне предстал неожиданно тут.
Он, видимо, пришел творить последний суд.

Но был он не из тех, что в саване унылом,
Пугая малышей, блуждают по могилам:
Везде его зовут фригийским колпаком,
И родина его — Париж, — не божий дом.

Пурпурный тот колпак, наверно, черти шили:
Он внешностью своей схож с рогом изобилья,
Но льется из него не благодать, а зло,
Что много добрых душ уже с ума свело.

«Прогресс» теперь девиз на сатанинском флаге.
Страшнее мора он, острее острой шпаги.
«Вступительным словам» уж больше места нет,
На «предисловиях» помешан ныне свет.

Но что для нас язык, литература, книги!
Игрушки для одних, а для других вериги.
Важней, пожалуй, то, что возмутитель-бес,
Везде сующий нос, в политику залез.

Извольте, вот пример попраiania святыни:
Ведь судьи, даже те уверовали ныне
В безбожных болтунов, которые вопят:
«Мы обновим страну на прогрессивный лад!»

Да что и говорить, средь судей есть персоны,
Которым наплевать на старые законы;
Такие, что с своих отцовских париков
Отряхивают пыль священную веков.

О беспросветный век! О времена безверья!
Но слава небесам за то по крайней мере,
Что между судьями еще такие есть,
В кого лукавый бес не ухитрился влезть.

Вы, славные мужи! Вас ждет награда в небе!
Кого ж из вас воспеть? Пожалуй, брошу жребий,
И тот, чье имя я из шляпы извлеку,
На веки вечные войдет в мою строку.

Вот Сент-Деметери, вот Фельше-Киш Калнаи,
Вот Тамаш Федьвереш... Удача-то какая!
Ну, чем он не герой? Его душевный склад
Вполне отвечает поре твоей, Арпад.

§ I

В народе говорят: «Лиха беда начало».
Премудрость эта мне сейчас лишь ясной стала:
Казалось бы, давно мне начинать пора,
А я все увлечен жеванием пера.

Придумал наконец! Я выведу героя...
Как сразу не пришло мне в голову такое?
Я выведу его... Но попрошу господ
Чуть шляпы приподнять. Ну, а теперь вперед!

С чего бы нам начать? Возьмем черту такую...
Но хорошо, что я пишу, а не рисую:
Ведь Тамаш Федьвереш так бесподобно толст,
Что тяжести его не выдержал бы холст.

И у него та часть достойней уваженья,
В которой заключен процесс пищеваренья.
Вы гору Геллерта видали? Ну, так вот —
Она вместится вся в тот царственный живот.

Не зря он окружен восторгом и почетом!
Боюсь я одного: а вдруг да опадет он.
Нет, упаси, господь, ведь сразу вместе с ним
Авторитет судьи растает, словно дым.

Представьте Тамаша пред ратушей старинной,
Когда он за столом ораторствует чинно.
Но прежде, чем начать, с мучительным трудом
Он сервирует стол огромным животом.

И все-таки сложен судья наш превосходно,
Ведь голова его отчасти с брюхом сходна:
Объем у них один, а разница лишь та,
Что голова круглей и более пуста.

Мозг тоже подчинен закону, не капризу:
Ведь тяжесть, говорят, всегда стремится книзу.
Отсюда мнение нередко слышу я,
Что мыслит *глубоко* почтеннейший судья.

Он так хорош лицом, хоть нос немного куций!
Он носом долго рыл канаву конституций.
Не будем же хулить сей благородный нос,
Который ради нас так много перенес.

Скажите, на кого судья походит с виду?
Толкуют разное и все ему в обиду:
Одни — что буйвол он, другие — что тюлень,
А я вам говорю: все это дребедень!

Защитник истины, взыскательный и строгий,
Я изучил насквозь десяток зоологий
И, наконец, решил, что мой герой на вид
Не буйвол, не тюлень, а настоящий кит.

И все ж он сын земли, ревнивый, непреклонный,
Он телом и душой прилип к земному лону.
И если он хоть раз взовьется к небесам,
То лишь благодаря завитым вверх усам.

И вот портрет готов. Он, правда, не безгрешен
(В чем прямо признаюсь), но я одним утешен,
Что если где-нибудь не дотянул мой стих,
Читатель мой и сам дополнит нужный штрих.

Вы с внешней стороны судью теперь узнали,
Осталось лишь нутро, что, кажется, едва ли
Не самый тяжкий труд: дыханием одним
При всем усердии не справиться мне с ним.

Да будет совесть мне свидетелем суровым,
Чтоб я не погрешил ни помыслом, ни словом.
Ведь я не фарисей и врать я не горазд,
Я правде послужу, а бог мне силы даст.

§ II

Бетьяры до сих пор у нас не извелися,
Но самый злой бетяр — родная наша Тисса.
Весною не дает ни охнуть, ни вздохнуть:
Куда ей хочется, туда и держит путь.

Хоть русло милях в двух от Фельше Киш Калнаи,
Но если Тиссе вдруг приходит мысль шальная,
Деревню бедную она обнимет так,
Что вылезут глаза и затрещит костяк.

Терпи, о родина! Ты терпишь не за то ли,
Что речку глупую не обучала в школе?
А впрочем, одного я просто не учел,
Что для детей твоих едва ль хватает школ.

Боюсь, страна моя, что, грамотные в меру,
И сыновья твои последуют примеру
Строптивницы реки: набросятся гурьбой
И вмиг, без лишних слов, расправятся с тобой.

Итак, недалеко от речки беспокойной —
Деревня Кално, где живет судья достойный.
О Кално говорят: деревня — хоть куда!
Порядка только нет — вот главная беда!

И впрямь, дома стоят — ни ряда и ни лада,
Точь-в-точь как на лугу пасущееся стадо:
Один глядит на юг, другой — наоборот,
А третий так стоит, что чорт не разберет.

Лачуги бедняков — коровы и телята,
Меж ними, как волы, те, что живут богато...
Вернее, их дома. Прошу меня простить,
Я, право, никого не думал оскорбить.

А сколько тут господ! Не сбиться бы со счета.
Вот Латоци живут, их дом у поворота,
Вот старый Гёдёрди, а дальше Бадалло...
Короче говоря, изрядное число.

Дом нашего судьи в другом конце деревни,
Меж домиком попа и церковушкой древней.
На лбу его клеймо: «...в шестьсот седьмом году»,
А надо б дописать: «Сто лет ремонта жду».

Напрасно ждет старик! Ну, кто проявит рвенье,
Когда хозяин сам противник обновления?!
От рук своих врагов он лучше примет смерть,
Чем в доме обновит стропило или жердь.

«О стены древние, пусть руки святотатца
Во веки вечные не смеют вас касаться! —
Так молвит Федьвереш, когда лукавый дух
Пытается смущать его судейский слух. —

Пусть пол шатается, пусть крыша горько плачет, —
Все это пустяки и ничего не значит.
Я верю одному, что если этот свод
На деда не упал, — на внука не падет».

Пред нами здание (вместилище святыни),
Почти квадратное с крылечком посередине.
Здесь, пообедавши и в кресле развалясь,
Сам господин судья храпит в полдневный час.

На башенке крыльца — часы чуть выше ската,
И на три стороны глядят три циферблата.
С востока только лишь их стрелок не видать...
История проста, могу вам рассказать.

Судья и Латоци, да будет вам известно,
Извечные враги, которым вместе тесно.
Чтоб насолить врагу, притом от всей души,
Для нашего судьи все средства хороши.

А так как Латоци живут неподалеку
И дом их обращен лицом своим к востоку,
То назло, чтоб часы им не были видны,
Герой наш стрелки снял с восточной стороны.

Направо дом для слуг, сарай огромный слева.
Тут яблоня стоит — несчастнейшее древо:
Появится на ней пять яблок невзначай,
И все удивлены: «Прекрасный урожай!»

Ты входишь в дом судьи с волнением и страхом,
Тебя вдруг обдаёт тысячелетним прахом,
Как будто ты попал не в дом, а к чорту в пасть:
Все стонет, все трещит, готовится упасть.

Из старой мебели древней всего, пожалуй,
Старуха, что зовут все барышней Борбалой.
Но есть тут и алмаз — взгляни и сам суди:
Пирожка резвая, дочь нашего судьи.

В столовую войдешь, и с ветхих стен сурово
Сто витязей глядят, один страшной другого.
То предки Тамаша, герои напоказ,
Хоть, правда, турки их гоняли столько раз.

Теперь, читатель мой, когда нам все знакомо
Снаружи и внутри описанного дома,
Мне кажется, пора уж перейти к тому,
Что делается в сем таинственном дому.

§ III

Вот наступил рассвет, пропел спросонья кочет...
Посмотрим, кто сейчас с постели первым вскочит?
Борбала! Кто ж другой? Она в хозяйстве ось,
И в доме без нее все шло бы вкривь и вкось.

От века, думаю, такого не случалось,
Чтоб наша барышня замешкалась хоть малость.
Едва багровый нос покажет свой заря,
Она уж тут как тут — в кладовке, и не зря.

Пусть злые языки безбожно сеют слухи,
Что палинки бутыль там скрыта у старухи,
Что именно она Борбалу и влекла,
А вовсе не ее домашние дела.

Молва и есть молва! Ни слова правды нет в ней.
И слушать не хочу весь этот вздор и сплетни!
Пусть божий гром сразит, как злейшего врага,
Того, которому честь дам не дорога!

Итак, едва заря покажет нос свой алый,
В кладовке уж цветет, как маков цвет, Борбала.
То в кухню овощи, то к чаю свежий мед
И горничной леща ех tempore дает.

И поделом тебе, не лезь куда попало!
Смотреть на чернослив тебе, как видно, мало.
Нет, ты еще должна пробить в корзине брешь, —
Так вот тебе, возьми и на здоровье съешь!

Хозяина все нет, он спит еще в кровати,
Да так, что всем слышать в соседнем комитате.
Мальчишки слышат храп, протяжный и густой,
И думают: «Труба!.. Солдаты на постой!»

Вот вздрогнул он, и храп сорвался на фальцете,
Как будто бы судью тугой хлестнули плетью,
И брови, словно два медведя разъярясь,
Друг к другу ринулись, и драка началась.

И волосы его свирепым дикобразом
Зашевелились вдруг и выпрямились разом,
Густая сеть морщин расправилась на лбу,
А губы стали дуть в незримую трубу.

Судья открыл глаза, в кровати сел натужась,
В расширенных зрачках застыли гнев и ужас.
Он дико завопил: «Кошмар, какой кошмар!
Меня трясет озноб, меня бросает в жар!

Я должен был писать! Неслыханное дело!
Во мне вся кровь кипит и злости нет предела!
Пускай того в аду проглотит сатана,
Кто на несчастье нам придумал письмена!

А впрочем, чепуха! Я зря забил тревогу.
Ведь это был лишь сон. Прошло — и слава богу». —
Сон? Бедный человек! Скажи, чему ты рад?
Сбываются и сны, старухи говорят.

Тут вспомнилось ему... И, милостивый боже!
Он весь позеленел, мороз прошел по коже,
В глазах его блеснул зловеющий огонек,
В гортани высохло, а чуб мгновенно взмок.

Знать, неспроста ему приснилась писанина:
Он вспомнил своего возлюбленного сына,
Ему, свершителю благих его надежд,
Он должен написать в далекий город Пешт.

Он встал, в одежду влез (в халате домотканном
Он был, как контрабас в футляре деревянном),
Позавтракал слегка — два фунта мяса съел...
Чтоб Тамаш натошак да за работу сел!

Затем, кляня всердцах и молодежь и моды,
Взял свежее перо, чернильницу с комода,
Взглянул в нее на свет — все высохло до дна,
И, тяжело вздохнув, налил туда вина.

Он понял, что теперь уж не избежать боя,
И сел писать... Но здесь мы нашего героя
Оставим одного. Конечно, не навек:
Мучительно смотреть, как страждет человек!

Пусть пишет старый дуб, мы ж отдохнем немножко.
Но где же ветвь его, красавица Пирожка?
Лукаво-нежный взор, тугой девичий стан,
Живой румянец щек, что краше всех румян?

Идите вслед за мной по узкой тропке сада.
В беседке старенькой искать плутовку надо.
Там в гуще старых лип, едва забрезжит свет,
Ей солнце каждый день шлет первый свой привет.

Ну, разве я не прав? Вот на скамье, в беседке,
Сидит себе одна, как соловей на ветке.
Но почему она чуждается подруг,
И чуть качнется лист, в глазах ее испуг?

Извольте, я скажу. Внимайте и дрожите!
Ведь я вручаю вам великой тайны нити:
Совсем еще дитя, в глазах такая синь,
А с чортом водится... Уйди, проклятый, сгинь!

Да, с чортом знается! Ну, не ужасно ль это?!
Отец ей запрещал, но что ей до запрета!
Она находит путь, чтоб обойти отца...
Сидит за книгами, читает без конца!

В беседке, на заре и даже на закате,
И в прозе и в стихах твердит она заклятья.
Смотрите, сколько книг лежит вокруг нее,
Как жадно пьет она бесовское питье!

Читает, а глаза горят и пышут жаром,
Как окна здания, объятые пожаром.
Нечистый дух совсем ей не дает житья.
Очнись, мне жаль тебя, несчастное дитя!

Но, чу! какой-то шум за садом, у причала,
Вот громче и ясней телега застучала,
Уж слышен свист кнута и ржание коня...
Вскочила девушка и стала у плетня.

Она оторвалась от сладостных мечтаний,
Скорей, скорей узнать ей хочется заране,
Кого там бог несет: знакомый иль чужак?
Знакомый, может быть? А вдруг да это так!

Какой знакомый?! Брат! брат едет по дороге!
И сердце екнуло от счастья и тревоги.
— Ах, Даже, это ты! — калитку отперла,
Схватила за руку и в сад его ввела.

Присели на скамье, минуту-две молчали:
— Ну, как живешь, сестра? Как прежде? Без печали?
Румяна, хороша, как в тот далекий час,
Когда твой бедный брат решил покинуть вас.

— Да, все попрежнему: покой, как на погосте,
И каждый день ко мне приходит скука в гости.
Но ведьма старая боится книг моих
Не меньше, чем отец, и бегаёт от них.

Я, правда, хоронюсь вот здесь, в зеленой чаще,
Но ты же знаешь сам, что плод запретный слаще.
И я, счастливая, живу в стране чудес,
Как будто надо мной раскрылся свод небес.

Как будто белый свет стал радостней и краше,
И я забыла грусть убогой жизни нашей.
Но если в мир чудес ворота заперты,
Я шлю туда свои крылатые мечты.

Вот так я и живу. А ты, мой милый Даже?
Скажи, твоя любовь и горести все те же?
Сорока твой приезд не предвещала, брат.
Что ж привело тебя в наш тихий старый сад?

— Что привело меня? Да то же, что угнало,—
Ответил юноша печально и устало.—
Любовь — мой поводырь, жестокий пестун мой!
Она придет, уйдет, но день и ночь со мной.

Я к мужеству зывал и остывал мгновенно,
Я рвался из ее губительного плена.
Но стоило слезе в ее глазах блеснуть,
И я ослабевал и падал ей на грудь.

Я больше не борюсь, хоть горько покориться,
Но пусть меня ведет любви моей десница
К скале решимости... не к жалкому концу...
Вот грустный мой рассказ. Теперь пойдем к отцу.

§ IV

И сын вошел и стал покорно у порога.
Отец тем временем, призвав на помощь бога,
Как вол, что не привык еще носить ярмо,
Мотая головой, заканчивал письмо.

— Ах, висельник! Злодей! Ползучая ехидна!
Убить меня совсем задумал ты, как видно,—
Приветствовал сынка родитель дорогой,
В порыве нежности о пол стука ногой.

Но сын от радости не разразился ревом,
Растроганный до слез таким любезным словом.
Он только вымолвил, слегка пожав плечом:
— Спасибо, батюшка, за ласковый прием!

— Спасибо за прием?! Вот это очень мило!—
Загрохотал судья и расплескал чернила.—
Не мог же чорт тебя пораньше принести
На несколько часов иль задержать в пути!

Писал тебе письмо — проклятая работа!
Пока я мучился, с меня сошло три пота.
А что мне пользы в нем, когда ты сам уж тут?
Из-за тебя пропал такой огромный труд.

Признаться, если б мне не жалко было денег,
Прогнал бы я тебя обратно в Пешт, мошенник.
Читал бы ты письмо, в мечтах своих паря,
И я б утешен был, что мучился не зря!

Пишу: вернись домой, я все тебе прощаю,
Мол, нации служить пора тебе, лентяю,
Уж скоро выборы, и если ты не прост,
Сей сад тебе родит весьма доходный пост.

Но Даже отвечал: — Нет, из такого сада
Ни яблок, ни цветов, признаться, мне не надо,
А что до нации, то без меня, заметь,
Доныне обошлась и обойдется впредь.

Ведь если грех не брать общественное бремя,
Когда призванье есть и сам ты призван всеми,
То во сто крат грешней, вняв суетным речам,
Нести его, когда оно не по плечам.

Отец, я слишком слаб, чтоб выступать открыто.
Найдутся молодцы, лишь было бы корыто,
А мне мои мечты, мой безмятежный кров
Дороже должностей и барабанных слов.

— С кем говоришь, болван?! — вскричал судья свирепо.—
Слова мои — закон, и подчиняйся слепо!
Скажи, пожалуйста, с каких же это пор
Ты начал отвечать отцу наперекор?!

Я так хочу — и все! Попробуй отступиться,
Из этого окна ты вылетишь, как птица.
В округе я судья, а в доме я король,
И если я сказал, то выполнять изволь!

Хоть в сыне кровь текла медлительно и вяло,
Но речь отца ему глубоко в грудь запала,
Любви сыновней нить затрепетала там,
Готовая вот-вот порваться пополам.

Но он, сдержав себя, как подобает сыну,
Смирненно отвечал отцу и властелину:
— Отец мой, я готов, когда пожелаешь ты,
Вступить на торжище житейской суеты.

Слова его, как песнь, судье проникли в уши,
И на лице его затеплилось радушие.
Но если бы отец мог в душу влезть сынку,
Он голову ему свернул бы как щенку.

Колто и Пешт, 1847





МИХАЙ ТОМПА

(1817—1868)

Михай Томпа (Тотра Mihály) родился в Римасомбате в семье бедного ремесленника. Детство провел в очень тяжелых условиях, с трудом закончил школу. Во время освободительной войны 1848—1849 годов служил священником в армии. После поражения революции был заключен в тюрьму за стихотворение «К аисту». Освободившись из тюрьмы, вернулся в деревню, где и прожил последние годы жизни. До революции 1848 года писал, главным образом, «Народные сказания». В них он разрабатывал темы народных сказок и сюжеты исторических сказаний. Во время революции написал ряд революционных стихотворений. После революции создал целый сборник аллегорических, дидактических стихотворных сказок о цветах. Наиболее значительны аллегорические стихи и элегии Томпа, написанные им после поражения революции («К аисту», «Птица говорит птенцам»). В них он выразил скорбь и отчаяние народа, его ненависть к иноземным угнетателям, закабалившим родную страну.





Мое жилище

С тех пор как лира зазвучала,
Каких стихов не пел поэт?
Тот одноглазую прославил,
Тот лопуху сложил сонет.
А я тебя, мой домик славный,
В стихах бессмертных воспою.
О, хоть бы рифмами заделать
Мне крышу ветхую твою!

В году... а впрочем, кто мне скажет,
В каком построен ты году?
Но настилать полы в то время,
Я знаю, было не в ходу.
Свозили в дом обычной грязи,
Утаптывали эту грязь,
А там и стой, пока не рухнешь,
От скуки смертной развалишься!

Девиз мой — кротость и смирение,
Таким я должен быть, как поп,
И мне всегда напоминает
Об этом собственный мой лоб:
Едва нисходит мир мне в душу,
И, воспарив в обитель муз,
Я выпрямлюсь — тотчас мне по лбу
Как треснет потолочный брус!

Но там хороший ли, плохой ли,
А все же я поэт, певец
(Два-три стишка едва состряпав,
Так говорит любой юнец),
А для чела поэта нужен
Венок зеленый как-никак,
Вот почему я под кроватью
Зеленый вырастил сорняк.

Каких чудес тут не бывает,
Когда заходит ветер в дом!
Танцует стол, и пляшет печка,
И стулья вертятся волчком.
Но всех чудес чудней окошко,
Когда в него заглянет гусь.
Влети он в дом — и вместе с домом
Я тут в Помпею превращусь.

Итак, жилище, ты воспето!
Тебя отстроить? Экий вздор:
Ведь ты бессмертным стало в песне!
Однако парочка подпор
Была б не лишней. Песня песней,
А все ж, вот так ты постоишь
И вдруг рассыплешься и рухнешь,
И я погибну, словномышь.

Зимой

Когда с реки оцепенелой
Весна сорвет оковы льда,
И, солнцу радуясь и ветру,
На волю вырвется вода
И устремится в буйном беге,
Разлившись морем по лугам,
И вдруг охватит всех смятенье,
Хотя и жизнь и возрожденье
Разлив приносит берегам?

А дождь-наглец! Он даже ночью
Заходит, не стучась, ко мне
(Я сплю — таков уж мой обычай —
Не на боку, а на спине).
И тут как по носу мне шлепнет,
Как стукнет каплей ледяной!
Клянусь, он целится нарочно,
Глумится, подлый, надо мной.

Тогда я свечку зажигаю,
Верней, зажечь ее хочу,
Но только шнур могу нащупать,
Как видно, слопали свечу.
Ведь я здесь вовсе не хозяин,
Я здесь на должности слуги.
Хозяева — жуки да мыши,
Сверчки, мокрицы, пауки.

Но где христианин заблудший,
Где нечестивый грешник тот,
Который роскошь и удобства
Такому счастью предпочтет?
Нет, я с судьбой моей не в ссоре,
Я даже благо вижу в ней:
Когда б я сусликом родился,
Нора была б еще тесней.

Когда под знойным солнцем в поле
На сенокос пойдет народ,
И под косой трава густая
Рядами ровными падет,
И, бодрой силой наливаясь,
На радость сел и деревень,
Готовый к новой жатве, спелый,
Поникнет колос пожелтелый?
Когда настанет этот день?

Праздник

Сегодня стон мы затаим,
Сегодня боль мы в сердце спрячем.
Великий праздник наступил,
Не омрачай веселья плачем.

Не плачь о горестях любви,
Не плачь о тех, что спят в могилах,
И на кладбище не ходи
Мечтать среди гробниц унылых.

Что стоит горе двух сердец
Во тьме страдания людского!
Смотри, под солнцем и слеза
Блеснуть улыбкою готова.

Прогоним грусть! А на уста —
Всю радость, все веселье жизни!
Свободе радость посвятим,
Веселье посвятим отчизне!

А тем, кто занят лишь собой,
Кто ищет мелочной отрады,
Позор, проклятье и позор!
Ничтожества, вам нет пощады!

Мы сняли траур, мы зовем
На светлый праздник жизни новой.
Навеки распрощался Ной
С одеждой темной и суровой.

И в ликованье торжества,
Не изменив, не отставая,
Два друга следуют за мной:
Вино — и песня огневая.

Свобода, песня и вино,
Мои друзья везде и всюду, —
Я ваш до гроба, и пускай
Я с вами вечно молод буду!

Мир кипит

Весь мир кипит, кипит, как море,
Когда его штурмует шквал.
Гребец напрасно с бурей бьется,
Напрасно ищет он причал.
Водовороты волн голодных
Грозят бедой со всех сторон.
И мир кипит, кипит, как море,
Взволнован, грозен, потрясен.

А мы в стихии этой зыбкой
Плывем — дороги нет назад!
На весла налегают руки,
Вперился вдаль отважный взгляд.
Мы долго берега держались,
Нам страшен был далекий путь.
Теперь плыви, наш парус, в море!
Или доплыть, или потонуть!

Мы думали, наука, разум
Совет благой нам подадут,
Но те, глядишь, то дернут вправо,
То влево робко подтолкнут.
Так что ж — огонь в ночи зажечь нам,
Иль ждать, пока рассвет придет?
У мудрецов ответа ищем,
Они ж воды набрали в рот.

До той поры, покуда мудрость
Не сможет указать пути,
Инстинкт и чувства наши будут
Нас огненным столпом вести.
И пусть им не достичь вершины,
И не высок у них полет,
Но, в сердце высекая пламя,
Они ведут, ведут вперед.

И если жертвы все напрасны,
И если кровь напрасно льем,
Пушай расскажут победитель
И побежденный обо всем, —
И будет тот рассказ как надпись,
Как речь над камнем гробовым:
Они боролись за свободу,
Во веки честь и слава им!

К аисту

Растаял снег, повеяло весной.
Ты вновь хлопчешь, аист, надо мной.
Ты обновляешь дом свой для птенцов,
Пушистым детям ты готовишь кров.

Назад, назад! О, верь, все это лжет —
И солнца свет, и плеск оживших вод.
Назад, назад! В отверженной стране
Замерзла жизнь, и места нет весне!

На луг пойдешь ты — он могилой стал.
На озеро — в нем крови плещет вал.
На башню сесть захочешь? Но и тут
Зубцы, как уголь раскаленный, жгут.

И смело мы идем, и смерть нам,
Как жизнь, близка и не страшна.
Мы знаем, молния опасна,
Но озаряет путь она.
Навстречу нам — волна и ветер,
Лицо и руки холод жжет.
Прекрасен и велик — для жизни
На смерть решившийся народ!

И если гавани достигнем
Хоть на обломках корабля, —
Свой раскроет нам объятья
Обетованная земля,
До сей поры для нас — чужая,
Зато теперь... Не скажем вслух,
Но от одной лишь этой мысли
Уже захватывает дух.

Оставь мой дом и старое жилье, —
Но где гнездо построишь ты свое,
Куда бы стон с земли не долетал,
Где в небе молний ты бы не видал?

Назад, назад! Лети на теплый юг!
Счастливей нас ты, мой хороший друг:
Тебе судьбой две родины даны,
У нас одна — и той мы лишены.

Лети, лети! И встретив там, вдали,
Изгнанников своей родной земли,
Скажи, что в пропасть нация идет,
Как в поле сноп, рассыпался народ.

Один в тюрьме, другой похоронен,
А третий жив, но лучше б умер он.
Четвертый бродит, кинув отчий дом,
Чтоб новый дом найти в краю чужом.

Бесплодную невеста хочет стать,
Над мертвым сыном не рыдает мать,
И только старцу радостно порой
Лишь потому, что смерть не за горой.

Не тем, скажи им, страшен наш позор,
Что, как деревья, рубит нас топор,
Но тем, что черви павший дуб сверлят,
Что брата оговаривает брат,

Сыны — отцов, отцы — своих детей...
Но нет, пред этим лучше онемей,
Чтобы не проклял рода своего,
Кто издали оплакивал его!

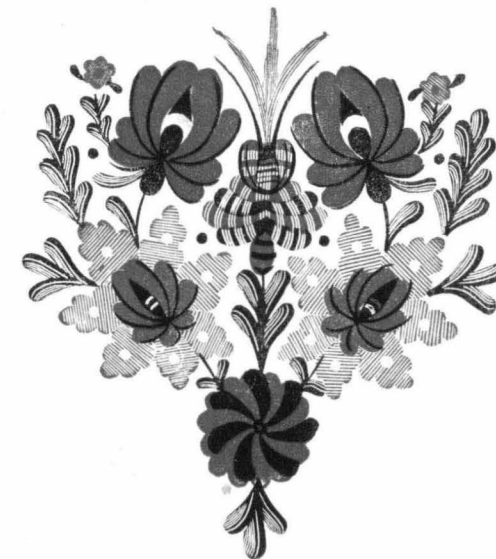
Птица говорит своим птенцам

Что вы, дети, скучны да унылы,
Собрались на дереве сухом?
Или песни звонкие не милы,
Что, бывало, хором мы поем?
Если дни веселья миновали
И не время песням старины,
Пойте песню горя и печали,
Запевайте песнь, мои сыны!

Был великий вихрь, — леса погнуло,
Листьев нет и негде распевать.
Грустно вам? На юг вас потянуло?
Неужели бросите вы мать?
Ведь в других краях и речь другая, —
Ваши песни разве там нужны?
Хоть пустыней стань страна родная, —
Запевайте песнь, мои сыны!

Вспоминайте песни, что когда-то
Веселили вольный наш народ,
Пойте, как прекрасно и богато
В будущем отчизна расцветет.
Пойте песнь — и эта роща вскоре
Запестреет красками весны.
Чтобы скрасить нынешнее горе,
Запевайте песнь, мои сыны!

Вот гнездо, где вас я возрастила,
Согревала под своим крылом.
Пусть теперь окрепла ваша сила,
Возвращайтесь отдыхать в свой дом.
Если буря вас лишила крова,
Подражать вы людям не должны,
Не бегите из гнезда родного,
Запевайте песнь, мои сыны!





ЯНОШ АРАНЬ

(1817—1882)

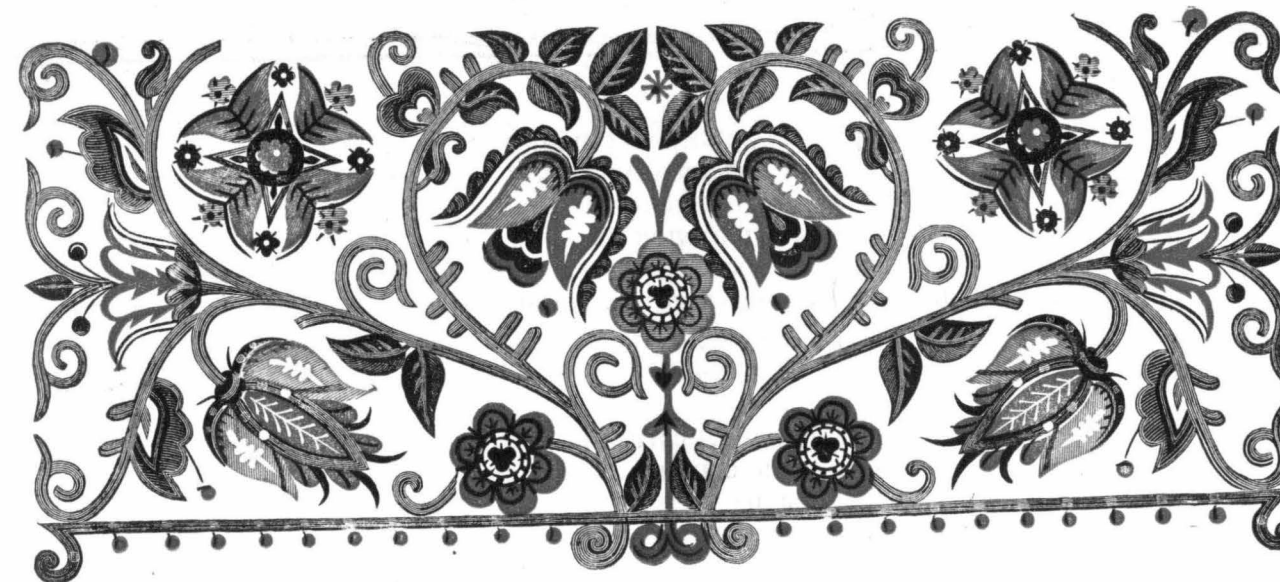
Янош Арань (Arany János) родился в Надьсалонте в семье крестьянина. Детство его прошло в нужде. По окончании школы он вступил в странствующую актерскую труппу. Разочаровавшись вскоре в актерской жизни, вернулся на родину и стал помощником учителя, а затем помощником нотариуса. Первое его литературное выступление относится к 1845 году, когда он успешно участвовал в конкурсе и получил премию за сатирическую поэму «Утерянная конституция»; в 1847 году получил премию за первую часть поэмы «Голди». Эту поэму горячо принял Шандор Петефи; он откликнулся на нее восторженным стихотворением, и с этого началась дружба двух больших венгерских поэтов, которая длилась, ничем не омрачаемая, до самой гибели Петефи.

В годы революции Арань был одним из редакторов газеты «Друг народа»; после революции в 1851 году получил должность преподавателя гимназии, в 1858 году был избран в члены Академии наук и в 1865 году стал ее ученым секретарем. Арань умер в 1882 году еще в полном расцвете духовных сил.

Янош Арань — один из крупнейших венгерских поэтов. Большая часть его поэтических произведений написана в эпическом жанре. Наиболее значительное его произведение в народном духе — трилогия «Голди» (1845—1879), в которой он воспевает венгерского народного героя Миклоша Голди. После революции Арань написал поэму «Цыгане из Надиды»; в ней к отзвукам прошедшей революции примешиваются мотивы разочарования. В поэме «Смерть Буды» Арань разрабатывает сказание о гуннах; поэма «Ишток-дурачок» представляет собой попытку создать первый венгерский роман в стихах. Арань написал много баллад, полных мрачного драматизма; наиболее выдающаяся из них — баллада «Уэльские барды», в которой он во время реакции, наступившей после революции, выдвигает идеи национального освобождения и выступает против монархического произвола. В ряде элегий Арань воспел героев, павших за дело революции, и прежде всего Шандора Петефи, гибель которого он воспринял как свою личную трагедию.

Крупнейший стилист, Янош Арань разрабатывал основы венгерского стихосложения и, кроме того, оставил ряд превосходных переводов Шекспира, Аристофана и др. Он был вместе с тем и одним из первых переводчиков Гоголя на венгерский язык. Шуточное стихотворение «Соловей» написано под явным влиянием великого русского писателя.

В последних стихах Араня уже появляется капиталистический город во всей его противоречивости и жестокости («Открытие моста»).



Толди

(Отрывок из поэмы)

Первая песня

С чудовищною балкою в деснице
Показывал дорогу он к столице.

Илоивай

Горит на солнце тощая отава.
Куда ни глянь, налево и направо,
Кузнечики среди сухих стеблей
Пасутся, истомленные, на ней.
Работники в тени большого стога
Храпят, как будто дел у них немного.
Эх, а пока бездельники храпят,
Возы вокруг порожние стоят!

Журавль с шестом, склонившись у колодца,
Глядит в него, покуда не напьется,
Из недр земли, и тощ, и сухопар,
Он кровь сосет, как великан-комар.
Жуют волю, от жажды сатанея,
Но оводы их жалят все сильнее,
А лени у парней неprovорот —
Никто воды в колоду не нальет.

Пока храпят работники вповалку,
Хозяин поля брошенную балку
Взвалил на богатырское плечо,
Хоть безбород и молод он еще.
Взвалил, остановился, замечтался,
Как будто в путь далекий он собрался, —
На перекрестке двух больших дорог,
Как столб он придорожный, одинок.

Зачем ты, парень, встал на самом зное?
Сегодня в тень стремится все живое.
Дворовый пес развесил свой язык,
Ловить мышей в жару он не привык.
Быть может, вихрь привел тебя в волненье,
Который закружился в отдаленье?
Столбом огромным мчится он вперед,
Пустое поле пылью обдает.

О нет, не вихрь привлек тебя летучий,
Который пыль вздымает серой тучей!
Там, на дороге, выстроившись в ряд,
Блестя оружием, движется отряд,
Идет отряд, оружием сверкая,
И бедный Толди, глубоко вздыхая,
Тоскливым взглядом смотрит на него,
И нет предела горести его.

«Прекрасные венгерские дружины!
Могу ль на вас смотреть я без кручины?
Быть может, вы спешите в лютый бой,
Чтоб лавры вплесть в венок жемчужный свой!
Когда татар вы бьете и османов,
Могильный сон их ждет среди курганов.
О, если б мог сражаться с вами я,
Мои неустрашимые друзья!»

Так Миклош Толди размышлял в печали,
И душу глубоко ему вспахали
Тоска и скорбь. Ведь и его отец
Средь витязей отважный был боец.
И братец Дьёрдь при королевском сыне
Рос во дворце и стал вельможей ныне.
Покуда Миклош спину в поле гнул,
Тот во дворце и в ус себе не дул.

Но вот отряд уже проходит рядом.
Наместник Лацфи перед всем отрядом
На вороном несется жеребце.
Какая спесь у Лацфи на лице!

За ним гарцуют юноши толпою,
Конь, как огонь, султан над головою,
У многих седла золотом горят,
Так, что глаза у Миклоша болят.

— Эй ты, мужлан! Где в Буду здесь дорога? —
Надменный Лацфи спрашивает строго.
И ошарашен Толди, и молчит,
И только сердце бешено стучит,
«Итак, мужлан я! — сердце повторяет. —
А кто же всей округой управляет?
Неужто Дьёрдь, мой вероломный брат?
Он во дворце лизать тарелки рад!

И, не вступая с Лацфи в перепалку,
Рукою он поворачивает балку,
И, проклиная брата, удалец,
Как трость, ее хватает за конец.
И так стоит он на дороге тряской,
С своей огромной замерев указкой, —
Чудовищная балка в пятерне
Протянута с плечами наравне.

Глядит наместник — что это за чудо?
Что за силач? Явился он откуда?
— Вот это парень! — Лацфи говорит. —
А ну, друзья, кто это повторит?
Найдется ли среди вас хотя единый,
Кто руку с этой вытянет дубиной? —
Стыд и позор: как ни шумит отряд,
Тягаться с парнем люди не хотят.

И кто же вступит в этот спор неравный
С грозой небес, стихией своенравной?
Кто вступит в бой с божественным огнем,
С его живым сверкающим клинком?
Знать, жизнь тому до смерти надоела,
Кто впутаться захочет в это дело!
Куда угодно, лучше к чорту в пасть,
Лишь только б в эти руки не попасть!

И движется конница густая,
О Толди по дороге рассуждая,
И каждый всадник на него глядит
И ласковое слово говорит.
Один дивится: — Ты отличный воин!
Такой, как ты, носить клинок достоин!
— Как жаль, — вздыхает сумрачно другой, —
Что твой отец крестьянин был простой!

Войска прошли, и средь полей пустынных
Развеял ветер звон мечей старинных,
И, покидая сонные поля,
Шагает Миклош так, что вся земля
Дрожит вокруг. Бредет он по бурьянам,
Пыхтит он разобиженным кабаном,
Трещит в руках огромное бревно —
Всей пятернею стиснуто оно.

Вторая песня

Когда же Дьёрдь из Буди возвратился,
Над Миклошем нередко он глумился.

Илошваи

Покуда гнев терзает несчастливца,
Большое дело в Надьфалу творится:
Клубами дым над трубами плывет,
Журавль поклоны у колодца бьет.
Бараны блеют, стонут поросята, —
Сегодня жизнь у них тяжеловата,
Снуют кухарки около сеней,
Не повернуться в кухне от людей.

Вон судомойка льет рукой проворной
Ушат воды в котел шестиведерный,
Другая птицу тычет в кипяток,
Сдирая перья с головы до ног.
Чтоб не вспотел баран в своем тулупе,
Тулуп с него снимают с кожей вкупе,
И чтобы заяц был не слишком худ,
Его шпигуют салом там и тут.

Вон на огне какая-то бабенка
Повертывает тушу поросенка,
И, чтоб его зажарить нагишом,
Щетину щиплет и скребет ножом.
Вон открывают винную баклагу,
Из бурдюка в кувшины цедают брагу,
И свежий хлеб, полотнищем покрыт,
Лежит на днище буковых корыт.

Но что же у вдовы могло случиться?
Неужто душу отдала вдовица?
Иль надоела вдовья ей кровать,
И замуж собралась она опять?
Жива-здорова Лёринца супруга,
И нового она не ищет друга, —
Не в честь вдовы сегодня пир горой:
Приехал Дьёрдь, сынок ее родной.

Дьёрдь — важный барин, и добра немало
Ему судьба счастливая послала.
В его отряде множество вояк,
Лихих коней, охотничьих собак.
Как саранча, на бедных домочадцев
С ним налетело сорок тунеядцев, —
Полдома на пирах они сожрут,
Полдома по карманам разнесут.

Дьёрдь матушку приветствует сурово,
Хоть от нее не видел он худого.
— А где ж другой? — нахмурясь, он спросил.
Так он родного братца окрестил!
— Он с батраками косит, наше чадо.
Позвать его? — Но крикнул Дьёрдь: — Не надо!
В родное сердце, выкормыш вельмож,
Вонзил он слово, острое, как нож!

Не надо! Но, негаданный-нежданный,
Явился Миклош, гневом обуянный.
Кипит в нем сердце, как котел в огне,
Душа его истерзана вдвойне.
Но, увидав перед собою братца,
Он не позволил бешенству прорваться
И ненависть на время потушил.
Где только мог найти он столько сил!

Едва сошлись они, родные братья,
Хотел он Дьёрдя заключить в объятия,
Но оттолкнул его надменный брат,
Не захотел поднять навстречу взгляд.
Заплакала несчастная вдовица —
Знать, каменное сердце у спесивца!
Стоит она, рыдая перед ним,
Но Дьёрдь ее бранит, неумолим:

— Избаловала, мать, щенка ручного,
Пригрела лежебоку молодого!
Купай его хоть в крынке с молоком,
Дурак вовеки будет дураком.
Сейчас на поле жаркая работа,
Да не о том у глупого забота, —
Пронюхал о пирушке этот плут,
И вот он перед нами — тут как тут.

Зачем ты плачешь, дурня прикрывая?
Какой нам прок от этого лентяя?
В хозяйстве он отрезанный ломоть,
Хоть не обидел силушкой господь.

Вот нагуляет жиру он немножко,
Возьми его да выставь за окошко! —
Пусть видят все, каков он, дармоед! —
Но Миклош простонал ему в ответ:

— Змеиное в твоих упреках жало!
Хоть правды не заметно в них нimalo,
Но подоплека каждому ясна, —
Господь воздаст обидчику сполна.
Ты оттого зовешь меня лентяем,
Что из одной тарелки мы хлебаем.
Когда б господь тебе прибавил сил,
Меня б ты в ложке супа утопил.

Что ж, под ногами путаться не дело,
Наш мир велик, дорогам нет предела, —
Чтоб вечно не ходить на поводу,
Сегодня же из дома я уйду.
К согласью, вижу, нет иного средства!
Отдай лишь часть отцовского наследства —
Коня, ружье, червонцев кошелек,
И пусть тебе судьбою будет бог! —

— Наследства? — крикнул Дьёрдь и что есть духу
Влепил меньшому брату оплеуху. —
Вот все твоё наследство, негодяй!
Возьми его и больше не пеняй! —
И вспыхнул Миклош, и готовый к бою,
Как булава, кулак над головою.
Дьёрдь отскочил испуганно назад.
Сейчас братоубийцей станет брат!

И лег бы Дьёрдь в бесславную гробницу,
Забыл бы Дьёрдь веселую столицу,
Простился бы он с жизнью навсегда,
Не встал бы он до страшного суда!
Но только поднял свой кулак детина,
Метнулась мать, прикрыв собою сына, —
Прикрыла Дьёрдя, встала на пути,
Чтоб от убийства Миклоша спасти.

И опустил он руку поневоле,
Глаза потупил в нестерпимой боли,
Неистовое пламя превозмог
И выбежал, как пьяный, за порог.
И на дворе, припоминая ссору,
Он подошел к высокому забору
И, проклиная свой горячий нрав,
Упал на жернов, громко зарыдав.

Третья песня

Немало Миклош вытерпел от брата,
Когда убил его слугу-солдата.

Илошваи

Но мало горя сытым дармоедам!
Давно пора покончить им с обедом.
Ватага пьяниц, налакавшись властью,
Привычною забавой занялась.
Бушует кровь, вино играет в теле.
Рассыпались по лугу пустомели,
Копье в мишень несется за копьём,
Как жеребцы, гогочут все кругом.

Умяв жаркого столько, сколько влезло,
Дьёрдь для себя велел поставить кресло
И, сидя под навесом, как барон,
С гостями вместе развлекался он.
И вдруг заметил Дьёрдь, что в отдаленье,
Уткнув лицо в поджатые колени,
Тоскует Миклош, бледен и угрюм.
И злая мысль пришла ему на ум.

К соратникам своим пустоголовым
С таким хозяин обратился словом:
— Эй, братцы! Горе к аисту пришло, —
Сидит и нос упрятал под крыло.
Неужто сдохла под забором птица?
Нехудо бы нам в этом убедиться.
Давайте потрясем над ним забор,
Не полетит ли аист на простор?

И как собачья радуется свора,
Заметив зайца в темной чаще бора, —
Так радуется сборище гостей
Забаве неожиданной своей.
Взлетели копыя, доски затрещали,
Но Миклош, преисполненный печали,
Не шелохнется, скорбный и немой,
Хоть копыя и свистят над головой.

Не отвечает он на шутки брата,
Хотя могла б ужасной быть расплата.
С презрением он смотрит, недвижим,
Как гости издеваются над ним.
Он смял бы их, как кустик земляники,
Он — как Самсон из прадедовской книги,
Что, не стерпев от филистимлян зла,
Побил их войско челюстью осла.

Потупившись, он глаз не поднимает,
Как будто шутки злых не понимает,
Он даже бровью не повел с тех пор,
Когда над ним затрясся весь забор.
Но вот копые плечо ему задело,
И кровь его мгновенно закипела.
Схватив огромный жернов, что есть сил
В бездельников он мигом запустил.

Несется страшный жернов над толпою,—
Кого, упав, сравнивает он с землею?
Беги, беги, несчастный Миклош, прочь!
Убийце будет некому помочь.
Ты озвереешь, дом покинув брата,
Как тот кабан, отбившийся от стада,
Который волю дал своим клыкам,
За что и был из стада изгнан сам.

И там, где тяжкий камень опустился,
Какой-то витязь с жизнью распростился:
Как в маслобойне, тело расплозлось,
Кровавым маслом в землю пролилось.
Земля струю кровавую слизнула,
Смертельной пленкой очи затянула...
Стоят в смятенье люди вокруг него,
Но мертвый уж не видит ничего.

Взъярился Дьёрдь: слуга его убитый
Поистине был витязь именитый.
Но даже в гневе радуется он:
Теперь убийцу не простит закон.
Теперь, прибегнув к действиям законным,
Судьей он будет брату непреклонным.
И оглашает строгий он приказ,
Чтобы убийца схвачен был тотчас.

Четвертая песня

Старуха мать по Миклошу скучает
И потихоньку пищу посылает.

Илошваи

Как тот олень, застигнутый стрелою,
Который мчится лесом к водопою,
Чтобы вблизи целебного ключа
Набраться сил, травой себя леча, —
Хотя родник уже иссяк холодный
И нет травы поблизости пригодной,
Хотя, как иглы, колются шипы
И не найти потерянной тропы, —

Так мчался Миклош, мчался как попало,
Лихое горе парня оседлало,
Как жеребец, застигнутый огнем,
Металось сердце бешеное в нем.
Напрасно ищет он уединенья,
Скитальцу нет нигде успокоенья...
Увидев ключ, подходит он к воде,
Но для ночлега места нет нигде.

Как дикий волк, гонимый пастухами,
Он в тростниках бредет над берегами,
И каждый стебель говорит ему,
Что он уже не дорог никому.
Ему постелью ворох стал осоки,
Подушкой — кочка; небосвод высокий,
Построив свой полуночный шатер,
Над бедным Толди крылья распростер.

И мотыльком порхая над поляной,
Явился сон в одежде златотканной,
Но на глаза вспорхнуть, увы, не смел,
Пока восток вдали не заалел.
Он комаров боялся и колючек,
Зверей страшился в зарослях дремучих,
Но злое горе Толди моего
Его пугало более всего.

Когда ж рассвет забрезжил понемногу,
Умолк комар и зверь ушел в берлогу, —
Над изголовьем мотылек вспорхнул,
Крылами очи Миклошу сомкнул.
Нацеловал на губы мед чудесный,
Которым мак снабдил его окрестный,
И так была чудесна та пыльца,
Что слюнки потекли у беглеца.

Но голод позавидовал покою,
И разбудил он юношу с зарею,
И, застонав от нестерпимых мук,
Несчастный Миклош выскочил на луг.
Облазил все трущобы и закутки,
Где жили чайки, чибисы и утки,
Ограбил птичек, гнезда разорил
И яйцами свой голод утолил.

Благословив судьбу за угощенье,
Задумался он, полный огорченья,
Как дальше быть? Куда теперь идти?
Ужель ему закрыты все пути?

О если бы не матушка родная,
Давно б ушел из этого он края, —
Но надобно подать старушке весть,
Иначе горя ей не перенести.

Три дня подряд он в зарослях ютился.
Вдруг перед ним тростник зашевелился.
Коль это волк — не дрогнет Миклош мой:
Загрызть его лишь братец мог родной.
Нет, то не волк явился к водопою —
То старый Бенце шел лесной тропею.
Наверное, слугу послала мать,
Чтобы в трущобах сына отыскать.

— Какое счастье! — вскрикнул он ликуя. —
Уж третий день везде тебя ищу я!
Все заросли обшарил, все пути,
Уж и не думал, что смогу найти.
Как ты, сынок, не помер с голодухи?
Как зверь тебя не слопал? С полкраюхи
Принес я хлеба, да бараний бок,
Да эту фляжку. Подкрепись, сынок!

И, вытирая слезы кулаками,
Старик слуга дрожащими руками
Открыл свою просторную суму
И свертки развернул по одному.
И опустился старый на колени,
И разостлал суму без промедленья,
Домашние припасы разложил
И парой яблоч дело завершил.

Складной свой нож достал он из кармана
И подал Толди. Славный кус барана
Отрезал Миклош, хлеба взял кусок
И на еду с усердием налег.
И старый Бенце, глаз не отрывая,
Следил за ним, от счастья замирая,
И челюстями двигал, умилен,
Как будто ел не юноша, а он.

Чтоб угодить голодному бедняге,
Старик, кряхтя, свернул головку фляге,
И фляга, взвизгнув, на его ладонь
Плеснула свой малиновый огонь.
Потом, хлебнув во здравье господина,
Он фляжку Толди подал благочинно,
И, соблюдая сельский свой закон,
Концом рубахи вытер губы он.

Вино развеселило старикашку.
Едва друзья распробовали фляжку,
Повел он речь о дальней старине,
О старом Толди и его родне,
Как он служил у деда пастушонком,
Как Миклоша он знал еще ребенком...
Он до скончанья б века говорил,
Но Миклош старика остановил.

— Ой, ради бога, брось ты эти речи!
Теперь от них нисколько мне не легче.
За чистой кукурузы у огня
Ты ими часто баловал меня.
О подвигах отца припоминая,
Мы полночь сидели у сарая,
И до рассвета я потом не раз
Лежал в кровати, не смыкая глаз.

Но, милый мой, что было — миновало.
Судьба меня, как видишь, доконала, —
Я совершил убийство, я злодей,
Как знать, дождусь ли правды от людей!
Но все же крепко верой я святою,
Что смилуется бог над сиротою,
И, кровью смыв невольную вину,
Себе я имя доброе верну.

Подумай, разве стоило родиться,
Чтобы лягушкой в дебрях мне ютиться?
Простым я разве создан батраком,
Чтоб спину гнуть и вечером, и днем?
Иная мне предчувствуется доля, —
Лишь в сумерках уйдут крестьяне с поля,
Отправляюсь я скитаться по стране,
И вы не ждите вести обо мне.

Взгрустнулось Бенце от такого слова —
Жаль старику скитальца молодого,
И, ковыряя старый свой сапог,
Он долго слова вымолвить не мог.
Потом сказал, исполненный смиренья,
Что за совет он просит извиненья,
Но все же плохо сделает беглец,
Коль не вернется к дому наконец.

— В беде, — сказал он, — сохраняй рассудок!
Уедет в Буду через двое суток
Твой братец Дьёрдь, и все пойдет на лад,
Опять ты будешь счастлив и богат.

Ужели нашу бросишь ты округу,
Которая верна тебе, как другу?
Ужели Бимбо с Ломбаром, волов
Оставить ты, сыночек мой, готов?

Неужто бросишь ты свои проказы?
Кто ж с мельницы домой притащит сразу
Два-три мешка? Кто с жерновом в руке
Теперь парней потешит, весь в муке?
Ох, не ходи, сынок, по белу свету,
Не покидай, сынок, деревню эту,
Не заставляй свою седую мать
О бесприютном сыне горевать!

Так он молил хозяина с тоскою,
Но тот молчал, качая головою;
Когда же речь о матери зашла,
Опять душа его изнемогла.
И юноша молчал, блуждая взглядом
По тростнику, который с ними рядом
Качался, и невольная слеза
Вдруг навернулась на его глаза.

Как будто пот рукою вытирая,
Смахнул он гостью наземь и, вздыхая,
Слуге промолвил: — Добрый Бенце мой,
Иди теперь ты к матушке домой.
Скажи ты ей, что ныне скрыта мглою
Звезда моя; что свидеться со мною
Ей долго не придется и вестей
О бедном сыне ждать не нужно ей.

Скажи ты ей, что с этого мгновенья
Родное покидаю я селенье,
Когда же срок условный пролетит,
Весь обо мне народ заговорит.
Заговорит такое, добрый Бенце,
Что удивятся старцы и младенцы,
И сердцу материнскому опять
От радости придется трепетать.

И старый Бенце, выслушав беднягу,
Свой вытер нож и сунул в сумку флягу,
И уложил холстины лоскуток,
В котором сала он принес кусок.
Потом он сумку на плечо повесил,
С хозяином простился и, невесел,
Пустился в путь. И чаща тростника
Сомкнулась за спиной у старика.

Пятая песня

Скрывался Миклош у ручья в осоке.
Илошваги

Ложась в камыш, вечернее светило
Свой алый плащ на небе позабыло,
Но ночь влетела, силы собрала
И черным крепом мир заволокла.
Заволокла все небо и гвоздями
Миллионы звезд прибила над полями,
И диск луны серебряным венцом
Зажгла над одиноким беглецом.

И Миклош Толди в дальний путь собрался...
И чем он глубже в чашу погружался,
Тем все сильнее влекло его домой,
Под кров родимый, к матушке родной.
Зачем ему оглядываться доле?
Живой души не видно в целом поле.
Но все-таки оглядывался он,
Печалью и заботой угнетен.

И так он шел поспешными шагами.
Вдруг кочка провалилась под ногами,
И два волчонка, жалобно скуля,
Зашевелились в яме, где земля
Осыпалась над ними. Знать, волчица
Решила в этом месте поселиться.
И наклонился Миклош, и волчат
Погладил, словно маленьких щенят.

Эх, не склоняйся, Миклош, над норой!
Камыш, треща, качнулся за спиною,
И мать-волчица, выскочив на луг,
На человека налетела вдруг.
Отпрянул Миклош, но волчица злая
Простерла лапы, на дыбы вставая,
И с головою Толди наравне
Ее клыки блеснули при луне.

Увидев пред собою зубы волчьи,
Ударил Миклош зверя что есть мочи,
И словно бык, могуч и разъярен,
Пинком ноги швырнул волчицу он.
Далеко в чашу рухнула зверюга.
От шума содрогнулась вся округа,
Когда, ломая стебли камыша,
Она упала в поле, чуть дыша.

Но словно бес вселился в зверя злого!
Перевернулась хищница и снова,
Неукротимой ярости полна,
Набросилась на Миклоша она.
Схватив плечо соперника когтями,
Колено сжала задними ногами,
Открыла пасть кровавую свою, —
Опять беглец у смерти на краю!

Но это все еще б не страшно было,
Когда б самец не показался с тыла.
Что можно сделать против двух зверей,
Будь бедный Миклош во сто раз сильней!
Напрасный страх! Дано герою свойство:
Чем больше бед, тем больше в нем геройства.
Он совладеет с тысячами бед,
Не попадет он волку на обед.

Руками он волчице стиснул горло
Так, что дыханье у зверюги сперло,
И задохнулась хищница, урча,
И выпустила когти из плеча.
Прикончив зверя, Толди повернулся
И на самца волчицей замахнулся,
И до тех пор волчицей волка бил,
Покуда сам не выбился из сил.

Стоит на поле Миклош, отдыхая.
И тишина вокруг опять глухая.
Не слышно даже маленьких волчат:
Они, в земле затоптаны, молчат.
Не дышит волк, подохла и волчица.
Вокруг луны холодный свет лучится, —
Уже давно она над головой
Сковородой сверкает золотой.

Девятая песня

Напрягся бык, веревка затрещала...
Печенки Миклош получил немало.

Илошван

Весь залит Пешт блестящим лунным светом,
Белеют трубы в лунном свете этом,
И дранковые кровли, все в пыли,
Торчат, спускаясь чуть не до земли.

Чтоб был чердак просторнее и выше,
Тогда крутые выводили крыши.
Теперь дома во много этажей, —
Старинный Пешт не знал таких затей.

Скитаньями своими удрученный,
Сел на скамейку Миклош утомленный.
Вокруг него сновали господа,
Смотреть на них не стоило труда.
К чему глазеть на пышные кареты,
Когда в кармане нету ни монеты?
Четыре дня по милости судьбы
Он жил в лесу и ел одни грибы.

Вдруг поднялось на улице волнение.
Что там стряслось — пожар иль наводнение?
Нет, не огонь там, Миклош, не вода,
Совсем другая близится беда.
Огромный бык с кровавыми глазами,
Как бешеный, несется меж домами!
Как видно, с бойни, где кололи скот,
Он выскочил случайно из ворот.

Как обуздать опасного смутьяна?
Вон мясники, не размотав аркана,
Попрытались и из своих закут
Собак истощным голосом зовут.
И шесть могучих псов остервенело
Из подворотни мигом налетело.
В одно мгновение перерезав путь,
Они быку набросились на грудь.

Когда один из них вцепился в ухо,
Бык заревел отчаянно и глухо,
Тряхнул башкой и псов на весь квартал,
Как детские игрушки, раскидал.
Визжа и воя, псов летела свора
И шлепалась на землю у забора, —
Науськивают парни их опять,
А бедным псам и на ноги не встать!

Не разбирая сослена дороги,
Помчаясь дальше исполин двурогий.
Обрушилась на улицу беда,
Бежит народ, спасаясь кто куда.
Шум. Женский визг. Мужчины завопили:
— Хватай его! Зачем не окружили? —
А сунься-ка, попробуй! Каждый здесь
Готов от страха в щелочку залезть.

Когда толпа отхлынула густая,
Поднялся Толди, зверя ожидая.
Кричат ему: — Ты спятил, дуралей!
Не видишь, кто несется на людей?
Как не видать чудовище такое! —
Но буркнул Толди: — Мелете пустое! —
Не обратив внимания на крик,
Направился к быку он напрямик.

И бык взревел, и длинными рогами
Ударил в землю так, что над домами
Взметнулась пыль. Так, кончив обмолот,
Мякину мечет вилами народ.
И вдруг навстречу парень этот гордый
Как гаркнет вдруг над самой бычьей мордой!
И вмиг ошеломленного врага
Он ухватил руками за рога.

И вот на бойне бык к столбу прикручен,
Рога к ногам привязаны могучим,
Зеваки понемногу разошлись,
Работники в постели улеглись.
Прилег и Миклош около порога,
Чтоб отдохнуть с дороги хоть немного, —
Подушкой был чурбан ему простой,
Лучи луны — прохладной простыней.

Но мясники, прервав его дремоту,
Ему печенку дали за работу.
— Иди ты, парень, к дьяволу! У нас
Нет для тебя постели прозапас.
«Так вот оно, мое вознаграждение, —
Подумал Миклош, — плата за спасенье
Десятков жизней!» Взял подачку он
И выбросил собакам, оскорблен.

Пошел он прочь в досаде и печали,
И многие вослед ему шептали:
— Вот тот, который справился с быком! —
Но запирался на ночь каждый дом,
Ключи в замочных скважинах пропели,
Захлопываясь, ставни заскрипели,
И снова в бесприютной тишине
Остался он с собой наедине.

Эх, вот так бы и всегда нам...

Ясны дни весны цветущей,
Травы в поле выше, гуще.
Почему в них столько силы?
Наша кровь их оросила!
Гой-ра, гой-ра!

Эх, вот так бы и всегда нам
Мчать вперед на поле бранном.
Расцветают в поле травы —
То цветы военной славы.
Гой-ра, гой-ра!

И пускай! И что ж худого?
Ведь взойдет не для другого,
А для нас победа эта —
На крови в расцвете лета.
Гой-ра, гой-ра!

(1849)

Соловей

Венгры верили когда-то:
— Суд рассудит —
Ясно будет;
У судьи — ума палата,
Он решит — и дело свято...
В те года, за Тиссой где-то,
Жили-были два соседа:
Пал и Петер. Жили рядом:
Дом за домом, сад за садом.
Пал и Петер — в святцах тоже
Оба рядом поместились.
И лишь там они, быть может,
Меж собою не бранились.
А у наших Петер — Пала
Шум и гам, лишь солнце встало —
Брань такая, — уши вянут.
А как сумерки настанут —
Начиналось все сначала...

Если печь затопит Пал,
Из трубы дымком потянет,
Петер скажет: «Так и знал!»
И чихать от дыма станет.

Если ж к Палу в сад, случится,
Куры Петера зайдут,
Пал, как бешеный, стучится
В дом к соседу: «Эй вы, тут!» —
Словно хочет — сам не свой —
Стенку вышибить ногой.
Так и жили Пал и Петер, —
Крики, гвалт, угрозы, ругань.
Даже жены их и дети
Потарапались друг с другом,
Словно псы, что целый день
С двух сторон грызут плетень.

Это, впрочем, лишь началом
Было в их вражде жестокой...
Украшал усадьбу Пала
Куст орешника высокий.
Рос он, рос, и ветка скоро —
И с плодами, и с листвою —
Очутилась за забором —
Над соседскою землею.
(Петер видел, только все же
Не обрезал потому,

Что с нее орехи тоже,
Тоже падали к нему.)
И случилось, в воскресенье
Появился соловей,
Чтоб на ветке той весенней
Петь о радости своей.
Солнцу, что в росе сверкало,
Рощам, травам и ручью,
Ветерку, чем грудь дышала,
Он воздал хвалу свою.
Он воспел прозрачный воздух,
Он любовь свою воспел
И ореховый отросток,
На котором он сидел.
Так он пел на ветке скромной
Песню сердца своего,
Словно этот мир огромный
Создан был лишь для него.
С изумленьем, с восхищеньем
Пал прислушивался к пенью
И гордился песней той:
«Как красиво —
Просто диво! —
Соловейка свищет мой». —
«Ваш?! Пустые разговоры!
Ваша только тень его». —
Слышит Пал из-за забора
От соседа своего.
«Чей же? — Пал кричит и злится. —
Чей он? — Ветка ведь моя». —
«Ветка ваша. Только птица
Мне свистела, у меня.
Значит, здесь резон прямой:
Птичий свист — не ваш, а мой!..»

Началось опять такое,
Что уж ругань — пустяки:
В ход пошли лопаты, колья
И, конечно, кулаки.
Бился Петер, дрался Пал —
Прав своих не уступал.
Нос в крови, в грязи рубашка
И синяк промеж бровей...
Вот что сделала ты, пташка —
Неразумный соловей!
Отвечая на расспросы,
С синяком, с разбитым носом,
Пал стоял перед судьей:
«Свист был мой и только мой!
И ни свиста, ни полсвиста

Я ему не уступлю!
Я пожалуйсь министру,
Я отправлюсь к королю!»
Чтоб слова весомей стали,
Чтоб скорей нащлись концы,
Пал выкладывает талер
Правосудью на весы.
Увидал судья премудрый —
Отвести не может глаз.
И в карман его нагрудный
Талер сам вскочил тотчас.

Петер тоже к правосудью
Шел — решительный и злой:
«Видит бог и знают люди —
Свист был мой и только мой!
И таких законов нету,
Чтоб глумиться надо мною!...»
Талер новенький при этом
Он кладет перед судьей. —
Не пойду я, ваша милость,
На уступки разной дряни!..»
И монета очутилась
У судьи в другом кармане.

Суд настал. Все ждут решения,
Всякий хочет знать скорей —
Для кого же в воскресенье
Пел на ветке соловей?
Нетерпенье нарастает,
Но судья молчит пока —
То ли сам еще не знает,
То ль лишился языка.
Все законы,
Все каноны
Пораскрыли адвокаты,
Все параграфы прочли,
Но о свисте о проклятом
Указаний не нашли.
И, разгневанный, суровый,
Встал судья, заговорил.
И такое — слово в слово —
Он решение объявил:
«Говоришь, тебе свистала?
(Он взглянул при том на Пала.)
Говоришь, что свист был твой?
(Ткнул он в Петера рукой.)
Нет! Свистала эта птица
Ни тебе и ни ему!

Мне свистала эта птица,
Мне свистала одному!
(И по правому карману
Хлопнул правою рукою,

И по левому карману
Хлопнул левою рукою.)
Мне свистала, а не вам!..
Суд окончен. По домам!»

* * *

Хорошо, что в наши годы
Нет к судам такой охоты.
Все живут теперь спокойно
И ведут себя достойно.
Не дерутся, как обычно,
Ни родные, ни соседи:

Все решается отлично
В мирной дружеской беседе.
Люди сделались, как люди, —
Ни дубин, ни зуботычин...
Даже вывелись и судьи
По делам о свисте птичьем.

1854

Уэльские барды

Король английский Эдуард
Мчит на гнедом коне.
— Вот мой Уэльс! Он чем богат —
Узнать угодно мне!

Здесь много ль гор, лесов, озер,
Богата ли земля?
И щедро ль кровь бунтовщиков
Удобрела поля?

И так ли счастлив нынче здесь
Мне богом данный люд,
Как этот вот рогатый скот,
Что пастухи пасут?

Не сомневайся, о король!
В короне не найдешь
Алмаза краше, чем Уэльс, —
Так этот край хорош!

А этот богом данный люд
Так счастлив, так он рад,
Что немые, как могилы, тут
Все хижинки стоят.

И по владениям немые,
При мертвой тишине,
Король английский Эдуард
Мчит на гнедом коне.

Монтгомери звать замок тот...
Гостей созвать веля,
Его хозяин нынче ждет
На ужин короля.

Дичь, рыбу, много всяких блюд
На ужин подают,
Все, что прельстит глаза и рот,
Найдется нынче тут.

Все для гостей припасено,
Что Альбион родит,
И драгоценное вино,
Что за морем кипит.

Что ж, господа, за короля
Никто не поднял тост?
О псы уэльские! Видать,
Вы не поджали хвост!

Я вижу рыбу, вижу дичь
И вас, о бунтари!
В любом из вас сидит сейчас
По дьяволу внутри!

Так не «да здравствует король»?
Не мил вам Эдуард?
Где тот, кто здравицу споет?
Сюда, уэльский бард!

И друг на друга не глядят
Все гости, побледнев,
Их лица исказил не страх,
Но величайший гнев.

Что отвечать? Кому начать?
Молчат... И наконец,
Как белый голубь, поднялся
Седой старик-певец.

«Спою я о тебе, король! —
Бард старый говорит. —
Струна гудит. Так сталь звенит,
Так раненый хрипит.

Так раненый хрипит... В крови
Здесь солнечный закат.
Летит на кровь ночная дичь,
Кто в этом виноват?

И много тысяч мертвых тел
Здесь как снопы лежат,
И нищи те, кто уцелел, —
Ты в этом виноват!»

«Прочь! На костер иди, старик! —
Воскликнул Эдуард. —
Я песню нежную хочу!..»
...И входит новый бард.

«Вечерний нежный ветерок
С залива Мильфорд мчит,
Печальный голос дев и вдов
В том ветерке звучит...

Не хочет мать рабов рожать...»
Знак подал Эдуард —
И старца у костра догнать
Успел сей юный бард.

Но тут, не прошен и не ждан,
Вдруг третий бард вошел.
По струнам ударяет он,
Такой звучит глагол:

«Товарищ честно пал в бою!
Послушай, Эдуард,
Споет вот так, как я пою,
Любой уэльский бард.

Но через рокот бубенцов,
Сквозь визг рожков и флейт
Пятьсот певцов, презревших смерть,
Гремели песню жертв!

Погиб певец, но песнь живет!
Так знай же, Эдуард,
Проклятие тебе споет
Любой уэльский бард!»

«Посмотрим! — закричал король
И страшный дал приказ: —
Коль здесь таков певец любой,
Всех на костер тотчас!

Вас нужно, господа певцы,
Всех сжечь до одного!»
Такой в Монтгомери конец
Имело торжество.

Король английский Эдуард
Мчит на гнедом коне.
Вокруг него горит земля,
И небеса в огне.

Пятьсот певцов пошли в огонь,
Но ни единый бард
Того не спел, чего хотел
Услышать Эдуард.

«А что здесь, в Лондоне, поют?
Ха! Петь пришло на ум!
Лорд майор, я повешу вас,
Коль будет ночью шум!»

Немая тишь. Шум крыльев глух,
Кто зашумит — в петлю!
И вот все затаили дух:
«Не спится королю!»

«Нет! Музыки давайте мне,
Флейт, барабанов! Ах,
Певцов уэльских голоса
Звучат в моих ушах».

ЯНОШ ВАЙДА

(1827—1897)

Янош Вайда (Vajda János) родился в Пеште. Детство провел в Ваальском лесу, где служил лесничим его отец. По окончании школы вступил актером в странствующую труппу, потом стал сотрудничать в различных журналах. В 1848 году принял активное участие в революционном движении молодежи, вождем которой был Шандор Петефи. В освободительной войне 1849 года Вайда участвовал в качестве гонимца. После сдачи революционными войсками оружия у Вилагоша он в наказание за участие в освободительной войне был отдан в солдаты в австрийскую армию. Вернувшись через год домой, Вайда целиком посвятил себя литературной деятельности. Но ни господствующие классы Венгрии, ни их представители в литературе не желали должным образом оценить его таланта.

Страстный республиканец, автор пламенных революционных стихов, Вайда глубоко переживал поражение революции 1848 года. В личной жизни он тоже был несчастлив: родители его трагически погибли, братья и сестры оказались обреченными на крайнюю нужду, любимая им девушка стала возлюбленной магната. О нем самом распространяли клеветнический слух, будто он получает субсидию от австрийского правительства, хотя Вайда был одним из немногих писателей, которые и после соглашения с Австрией не примирились с создавшимся полукOLONиальным положением Венгрии.

Все эти обстоятельства порождали пессимистические мотивы в творчестве Вайды.

Не в силах сопротивляться тягостной социальной атмосфере, нависшей над Венгрией после поражения революции 1848 года, Вайда перешел от революционных публицистических стихов, полных социальной значимости, к субъективной лирике, к пессимистическим размышлениям о проблемах бытия, человека и космоса, любви и смерти.

Вайда оставил обширное литературное наследство; кроме лирических стихов, он написал ряд поэм, рассказов, критических статей и мемуары о революции 1848 года.

*





Что нового?

Что на родине, скажи мне?
Людам знаменье дано:
Мы увидели комету,
Позабывшую давно.
Возвращается Свобода,
Светоч пламенных сердец.
Луч ее прошел Европу,
И у нас — его конец.

О прекрасное светило!
Смотрят в небо стар и мал.
Ведь иной ее не помнит,
А иной и не видал.
Сколько лет не появлялась!
На прощанье, говорят,
Нашим прадедам блеснула
Триста лет тому назад.

Каждый луч ее — надежда,
Счастье в мир приходит с ней.
Человек, ее увидев,
Дышит легче и вольней.
Но светить подолгу людям
Не дают ей никогда.
И у нас она гостила,
Но исчезла без следа.

А причина в том, что солнце
С нею в ссоре уж давно:
Не выносит звезд-соперниц,
Их преследует оно.
Но уж эта так могуча,
Что и солнце бьет подчас,
А когда осилит солнце,
Так вовек не бросит нас.

И тогда все звезды неба,
Что сияют нам в ночи,
Будут щедро и свободно
Нам дарить свои лучи.

Примут равенство и вольность
И земля и небосвод.
Будем все готовы, братья,
Час великой битвы бьет!

Франция

О ты, страна заката! Как ты быстро
Пережила свой блеск и торжество!
С глубокой грустью мир предвидит гибель
Недавнего кумира своего.
Ты славу больше вольности любила,
И вот — бесславны все твои дела.
Тебя богиня грозная свободы
За преступленья смерти обрекла.

Взгляни на нас: надменна и тщеславна,
Не замечала ты моей страны.
Но твой орел едва дерзает ныне
В цветущий дол спускаться с вышины.
Взгляни на нас: одни мы за свободу
Сражаемся! Гляди же и красней!
Пушай умрем, зато достойной смертью,
Не смертью унижительной твоей.

О шутовские войны свободы,
О лицедей вольности святой!
Боренья человечества святы
Вы сделали забавою пустой.
Так смейтесь над собой! Одну лишь внешность,
Лишь моду легковесную любя,
Не смейте хвастать доблестью пред миром
И называть республикой себя!

Ты власть и славу ищешь, но забыла,
Великолепный празднуя позор,
Что лишь свобода — это власть и слава,
Не в этом ли твой смертный приговор!
Свободной будешь ты, но в наказание —
Свободною бесславно, и народ,
Доселе незаметный и безвестный,
Тебе свободу прежнюю вернет.

О мой народ! Надейся и сражайся!
О Венгрия! Я слезы лить готов:
Когда в твое грядущее гляжу я —
Не нахожу от изумленья слов.
Ты, Франция! Тебе предназначалось
Грядущее, — оплачем твой удел!
А ты, народ мой, если ты страдаешь,
О том забудь — так бог твой повелел.

Республика идет

О народ многострадальный,
Подними ты очи ввысь,
И за этот день пред богом,
Благодарный, преклонись.
Крикни так, чтоб криком сбросить
Короля и всех господ.
Пусть земля и небо слышат,
Что республика идет.

Мир колеблется от грома,
В гнезда прячутся орлы,
И скрипят у кедров ветви,
И шатаются стволы.
Сам господь глаголет с неба,
Он с землею речь ведет.
Мир, ты слышишь божье слово?
То республика идет.

День, предсказанный пророком,
Вот он, вот он, наконец!
Грех царил тысячелетью,
Мы сорвем с него венец.
Ваш Судья — народ восставший —
Вековой низвергнул гнет.
Трепещи, тиран, на троне,
То республика идет!

Братья, слышите над миром
Гнева божьего трубу?
Возвещая день возмездья,
Мертвых будит он в гробу.

Зло, царившее веками,
Неизбежной кары ждет.
Произвол, бледней и гибни,
То республика идет!

Венценосные тираны,
Язва мира, все долой!
На земле для вас не место
И не место под землей!
Ни в палаты, ни в могилы
Не пускать венчанный сброд!
Преступленье, прочь с дороги,
То республика идет!

Вон! Ступайте в ад крошечный,
Вам давно туда пора!
Пусть расплавит все короны
Пламень адского костра!
Тот костер — народа память,
Ибо проклинал вас народ.
Угнетенье, прочь с дороги,
То республика идет!

Мой народ многострадальный,
Руки к господу воздешь,
И ему хвалы восторга
Вознеси за этот день.
Крикни так, чтоб услышали
Все народы всех широт
И сказали: Слава! Слава!
То республика идет!

Комета

Летит комета по небу, блистая,
Полнеба хвост прорезал огневой.
Ей не вернуться: это та, «большая»,
Чей путь — в неизмеримость по прямой.

Сквозь табор звездный, к западу с востока,
Перегоняя в беге Млечный путь,
Несчастлива вечно, вечно одинока,
Не хочет и не может отдохнуть!

Одним звезда неверная милее,
Другие томной молятся луне,
Но я взываю к скорбной Ниобее,
Что, развеваясь, мчится в вышине.

Звезда печали, ты мой горький жребий!
Кисть из лучей! Что чертит пламень твой?
Где б ни был я в неизмеримом небе,
Я всюду — одинокий и чужой.

Края моего детства

Еще хоть раз, хоть на мгновенье,
Когда б я вас увидеть мог,
Запечатлеть в душе виденье
И прошептать: храни вас бог!

Я с вами счастлив был когда-то,
Холмы, долины, скромный дом.
Для сердца все вовеки свято
И все чудесно в мире том.

И перелески те густые,
И речка — верно ли, что в ней
Играют рыбки золотые,
И дно — из золотых камней?..

И верно ль — есть молва такая, —
Текут в ней молоко и мед,
А луг над ней, не увядая,
Зеленым бархатом цветет?

И правда ль — там и ныне феи
В сени таинственной царят,
Там блещет радуга сильнее
И льет на землю аромат?

Там все как в детстве, все как дома:
Село и стежки, лес вокруг,
Там все любимо и знакомо,
И каждый встречный — брат и друг, —

И дом наш, и забор дощатый,
И плющ кудрявый на стене,
И старый Лебедь — пес лохматый.
Он, знаю, кинется ко мне,

Зальется долгим, звонким лаем,
Положит лапы на плечо,
Прильнет ко мне — и зарыдаем
Безмолвно, страстно, горячо:

Старик — от радости свиданья,
А я — над участью своей,
Над тем, что в горестях скитанья
Утратил рай минувших дней.

Да, всё — тшета! Печаль и слезы,
Зачем они? Уж я не тот.
Не возвратит весна мне грезы
И сердце к жизни не вернет.

Хотя, как встарь, в полдневном зное
Прозрачен неба океан,
Но душу, зеркало живое,
Тяжелый затянул туман.

До ямы — шаг. В ней тьма глухая.
Зачем же дальный твой обход?
Скользни последний раз вдоль края,
И смерть мученья оборвет.

Нет, нет, напрасно! Не поможет
Весна тому, что отцвело,
И песня фей звучать не может
Над гробом. О, как тяжело!

Где славы, молодости годы?
Где жизни полдень? Минул он.
Темнеют мрачно неба своды,
Пророчит злое ветра стон.

Колокола рыдают. С воем
Рванулся ветер в круговорот.
Летят вороны черным роем,
И крылья хлопают: смерть! смерть!

Осеннее

Хмурым, серым небо стало,
Все мертво, что расцветало,
Больше солнце не смеется.
Тихо в роще опустелой,
Ропщет лист осиротелый:
Видно, скоро уходить придется.

Подхожу к деревьям голым,
В шуме веток невеселом
Уловить хочу хоть слово.
Сяду — и сижу без цели,
Как сиделка у постели
Безнадежно слабого больного.

Пульс неугомонный леса,
Загрустил ручей-повеса.
Звонких струй смолкает пенье.
Скоро, стужей неизбежной
Облаченный в саван снежный,
Мертвый, он впадет в оцепененье.

Я гляжу в него, гадая:
Что же люди, жизнь земная?
Что душа — ужели тленна?
Или в этом мире вечном,
Беспредельном, бесконечном
Умирает все, и жизнь — мгновенна?

Воздух чуть зашевелился.
Вот листок сухой свалился.
Что же вновь мой ум тревожит?
Этот лист, добыча тленья, —
Не ответ ли на сомненья?
Как постичь загадку? Иль, быть может,

Это знак, что мир, природа —
Лишь игральных карт колода?
Их собрал, тасует кто-то,
Раздает — и все стремится
Умереть и вновь родиться,
Все блюдет закон круговорота.

Затмение солнца

Страшный суд, как видно, начался,
Тайный ужас у земли в глазах.
Как лицо идущего на казнь,
Побледнело солнце в небесах.

Скрепы на лазурном чердаке
Распатались, видимо, вконец.
Так и ждешь, расколется земля,
Как великий предсказал мудрец.

Видимо, немислимым делам
Совершиться наступил черед.
Землянику нежных губ твоих
Неужели рот мой не сорвет?

Ведь предвестья, может быть, не лгут,
О, приди, любимая, приди!
Не замечу, что погибнет мир,
Если я прильну к твоей груди.

Уже редуют в небе тучи...

Уже редуют в небе тучи,
Вот-вот свое возьмет апрель,
И солнце выглянет, и с кровель
Закаплет звонкая капель.

Вернется ласточка-резвушка,
По крыше аист застучит,
И сердце леса вновь забьется,
Он весь засвищет, зажурчит.

И знак подаст певцам крылатым
Их капельмейстер — соловей.
Начнется брачный пир природы,
И грянет хор со всех ветвей.

А дрозд, певцов перебивая,
Твердить начнет: «Вперед, вперед!»
Спешите жить и наслаждаться,
Ведь снова лето к нам идет.

Цветы запахнут, будут люди
Любить, любить и грезить вновь.
Все мотыльки, жуки и мухи,
Весь мир провозгласит любовь.

Один, изгнанником печальным,
Смертельной обречен тоске,
Бродить я буду, бесприютный,
От игр и песен вдалеке.

На озере в камышах

Вверху лазурь без дна, без края,
Река сверкает голубая,
Мой легкий челн едва качая.

Он тенью зыбкой вдаль стремится,
И жаждет вся душа раскрыться,
Невыразимый сон ей снится.

Бор задремал в истоме лени.
Двустволку уперев в колени,
Качаюсь я в самозабвенье.

Завороженный красотой,
Внимаю тайн созвучных строю.
Он и во мне и предо мною.

Два солнца вижу, ослепленный:
Вверху — за тучкой озаренной,
Внизу — в лазури волн бездонной.

Земли коснулся свод небесный,
Как уст любовницы прелестной.
День несказанный, день чудесный!

Плыву, иль облако несется,
Иль над рекой лишь ветер вьется,
В лицо мне дышит и смеется?

Блуждают мысли, утопая
В пространстве, где ни дна, ни края...
Куда плывешь ты, жизнь земная?

Ужель и красота вселенной,
И смерть, и счастье жизни брэнной —
Обман, виденье, сон мгновенный?

Камыш возникнет силуэтом,
Растает вновь, облитый светом...
Так все в неверном мире этом!

Но вот в зенит вошло светило,
Роскошный бег остановило
И, лучезарное, застыло.

И все — в немом оцепененье.
Иль это с прошлым на мгновенье
Слилось грядущего стремленье?

Мир спит в изнеможенье полным.
Душа, качаясь вместе с челном,
Все шепчет, шепчет зыбким волнам:

Двадцать лет спустя

Как на Монблане вечный снег,
Не тающий и в летний зной,
Я охладел, застыл навек,
И страсти не владеют мной.

Миллионы звезд вокруг меня
Свершают огненный свой путь,
Зовут, сверкая и дразня,
Но не оттаивает грудь.

Лишь иногда в ночи моей
На зов сердечный, в полусне
Блеснет на зыби прошлых дней
Твой лебединый образ мне.

И сердце вновь горит огнем,
Как на Монблане снег зимой,
Когда, рассеяв ночь кругом,
Восходит солнце над землей.

Смятение

Снаружи ветер буйно в окна рвется,
Деревья хлещет, — стон, и свист, и вой.
А здесь, в простенке, мерно раздается
Тысячелетий однозвучный бой.
Налево шаг, направо шаг — и дале
Отсчитывает стрелка бег минут.
Круг завершен, удары отзвучали,
И вновь часы, где кончили, начнут.

Снаружи ночь, и стоны ветра тяжки,
И так назойлив стук дождя в стекло!
Несутся тучи в небе, как барашки,
Когда овчарка гонит их в село.
Столпились, разбежались, — то виденья
Моей души. Себя в них узнаю.
А маятник стучит, летят мгновенья, —
Откроет ли он тайну мне свою?

Порхают листья. Жизнь и увяданье.
Настанет смерть, и будет вновь расцвет.
И в этом бесконечность мирозданья,
И двух былинки сходных в мире нет.
Иль мы одни конечны во вселенной?
Часы бегут, но ни на шаг вперед.
И движет время стрелку жизни брэнной,
Само ж вовеки с места не сойдет.

То меркнет лес, то синих молний сполох
Над ним блеснет — и сорван тьмы покров.
Скрежещет ветер в дебрях сучьев голых,
И стон его подобен крику сов.
Здесь на земле одно лишь то нетленно,
Бессмертно то, что не жило вовек.
А все живое хрупко и мгновенно —
Цветок, трава, и лист, и человек.

Снаружи ветер буйно в окна рвется,
Деревья хлещет, — стон, и свист, и вой.
А здесь, в простенке, мерно раздается
Тысячелетий однозвучный бой.
Налево шаг, направо шаг — и дале
Отсчитывает стрелка бег минут.
Круг завершен, удары отзвучали,
И вновь часы, где кончили, начнут.

Только раз тебя обнять...

Только раз тебя обнять,
Только раз поцеловать,
Чтобы вечно обнимать,
Чтобы вечно целовать!

Много ль стоит эта жизнь,
Эта смена кратких дней?
Ты мне вечность подари,
Ибо счастье только в ней.

Милая, любовь моя,
Жизнь мгновению равна.
Вся надежда лишь на смерть,
Ибо вечность ей дана.

Обними меня, целуй!
Смерть в тебе — вот жизнь моя.
Обнимать и целовать
Вечно, вечно буду я.

В Ваальском лесу

В чаще темной, молчаливой,
Где кленник зарос крапивой,
Где на дне глухой долины
Тени гор густы и длинны,

Там построить домик скромный,
Там найти приют укромный, —
Жить бы, радуясь покою,
Жизнью мирною, простою.

Позабыть под свежей кущей
Мир тревожный, мир гнетущий,
Заполнять досуг любимым,
От души неотделимым.

Днем весенним, днем душистым
Размышлять на холме мшистом
О грядущем, о минувшем,
Плыть за облаком мелькнувшим.

Гаснуть тихо и незримо,
Пропуская годы мимо,
И упасть, как плод созревший,
С древа жизни пожелтевшей.

Чтоб в могиле неизвестной
Спать — и видеть сон чудесный,
Все забыв земное, злое
В дреме, в отдыхе, в покое.





ЙОЖЕФ ЛЕВАИ

(1825—1918)

Йожеф Леваи (Lévaу József) родился в Шайосентпетере в бедной дворянской семье. Изучал право в университете, в 1852 году стал учителем. В 1865 году принял должность главного нотариуса Боршода. Умер в глубокой старости, но писал до последних дней своей жизни.

Леваи оставил большое поэтическое наследство; переводил на венгерский язык Бернса, Шекспира, Мольера.





Революция

Попробуй удержи рукою
Мятущийся крылатый вихрь,
Морскому прикажи прибою,
Чтоб он улегся и затих,
Попробуй возрази народу,
Который, ощутив свободу,
Кричит, восторга не тая:
К оружию! Революция!

Оружием мы не богаты,
У многих нет его в руках!
Навстречу нам идут солдаты
С угрозой смерти на штыках.
Вставай, народ! Булыжным градом
По королевским бей отрядам!
Как гром, несется песнь твоя:
Сегодня Революция!

Идешь ты в ярости великой
Бороться за свое добро,
Которое твои владыки
Укрыли от тебя хитро!
Твоим владея виноградом,
Тебе вручают чашу с ядом.
Разбей ту чашу! В ней — змея!
Довольно! Революция!

Смотрите: грозовую тучей
Угрюмый движется народ!
Там нет начальства. Но могучий
Те толпы юноша ведет.
Взывает он: «Разружьте, люди,
Дворец, в котором — злые судьи.
Бог проклял их и вы, и я.
Сметет их Революция!

Они в своих законах пишут,
Порядок должен быть каков
Для бедняков, что еле дышат
Под ржавой тяжестью оков.
Довольно тешиться злодеям!
Законы их мы в прах развеем,
По ветру пустим их, друзья!
На то и Революция!»

На площади самим восстаньем
Костер огромный разожжен,
Там люди с диким ликованием
Сжигают королевский трон.
Его сиянье нас не грело,
Ломайте, рушьте, жгите смело!
Не надо этого гнилья!
Свобода, Революция!

Ничто таким не остается,
Каким бывало в старину!
Народа сердце буйно бьется,
Народ не хочет быть в плену.
И в потрясенных залах тронных
На опрокинутых колоннах
Призыв небесный вижу я,
Читаю: Революция!

Сбор винограда

Весело мне нынче,
Будто бы я снова
В маленькой усадьбе
У отца родного.
Вот куда бы вечно
Сердце возвращалось,
Чтоб тоски и скорби
Вовсе не осталось
И прошла усталость.

На горе под грушей,
За столом накрытым,
Вся родня уселась —
Каждый будет сыт там,
Угощенья много,
Есть чем подкрепиться.
Вижу, вся прислуга
Ходит, веселится,
Радостные лица!

Губы у сестренки
Виноградом стали,
К пальчикам их сладким
Зернышки пристали.
А одна сердита.

Почему обида?
Отчего досада?
— Я сыта! Не надо
Больше винограда!

Вот отец родимый
Принимает флягу
И, свернув ей шею,
Вспенивает влагу,
Возглашает тост он:
— На будущий год нам
Дай, боже, того же,
Да только с приростом! —
И — стакан опростан.

Тут пастух подкрался,
Бац — из самопала!
Завизжали бабы:
— Ах, перепугало!
А отец доволен:
— Эй! Кого я вижу!
Выпей, милый друже!
Ну-ка, подойди же
К нам сюда поближе!

— Что же! Выпить чарку
Можно по дороге.
Нынче вся гора нам
Платит так налоги.
Пьет пастух, уходит.
Ишь, на окаянном
Шляпа сбилась набок,
Брюхо — винным жбаном:
Быть каналье пьяным!

Люди, пообедав,
Разойдутся скоро,
Вновь веселым песням
Будут вторить горы.
Вновь займутся люди
Виноградным сбором,
И конца не будет
Развеселым хорам,
Шуткам, разговорам.

Только вот печальна
Мать моя родная.
Обо мне, наверно,
Плачет, вспоминая.
Все, что есть получше,
Мне предназначает.
Дай ей бог здоровья,
Хоть и не скучает,
И не вспоминает!

Микеш

Гудению ветра, морскому прибою
Один я внимаю с поникшей головою.
Один на чужбине
Остался я ныне —
Один, одинокий.
И только мне чудится в бурю порою —
Тень Ракоци снова встает предо мною
Над бездной глубокой.

Осенние листья шуршат, опадая,
И прежние гнезда свои покидая,
Из Турции птицы
Летят вереницей
В далекие страны.
И я улетел бы — изгнанник забытый,
Да путь мне отрезан, дороги закрыты
К отчизне желанной.

Звезда моя светит, горит над Загоном,
Где горы стоят в белоснежных коронах,
Где в пышном цветенье
Под солнцем весенним
Долины и скаты.

Там Эрдей — земля моя, край мой родимый,
Там юность моя по дорогам бродила,
Там жил я когда-то.

Туда б я помчался — к родимому дому,
Где каждая травка мне с детства знакома,
Но в рабство ты отдан
На долгие годы,
Мой край благодатный!
Я больше вовеки не встречусь с тобою,
Я здесь остаюсь со своею судьбою,
Судьбою превратной.

Тяжка моя боль и безмерна утрата!
Пускай под окном не стоит соглядатай,
Доносов не пишет,
Что злобою дышат,—
Пускай я — на воле.
И все ж я — как дуб, одинокий, забытый,
Изломанный вихрем, грозой разбитый,
Как дуб среди поля.

Гудению ветра, морскому прибою
Один я внимаю с поникшей главою.
Один на чужбине
Остался я ныне,
И нет уже силы.
И только мне чудится в бурю порою —
Дух Ракоци снова встает предо мною,
Встает из могилы.

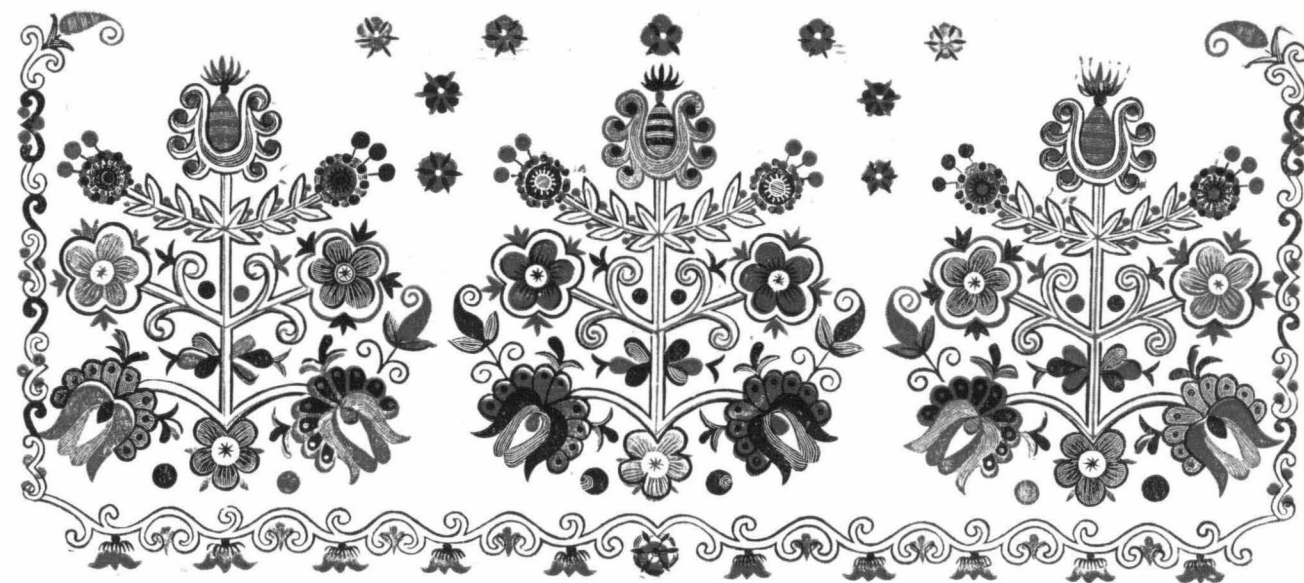


КАЛЬМАН ТАЛИ

(1839—1909)

Кальман Тали (Thaly Kálmán) — поэт, ученый, исследователь венгерской истории времен антиавстрийского восстания Ракоци, или, как называют его в Венгрии, восстания куруцев. С 1867 до 1875 года он был редактором журнала Венгерского исторического общества, в котором опубликовал большое количество до той поры неизвестных материалов, относящихся к восстанию куруцев. Тали собрал песни и баллады этой героической эпохи. Впоследствии достоверность части стихов куруцев, опубликованных Тали, подверглась сомнению, и даже было доказано, что некоторые песни и баллады написаны самим Тали. Другие же были им обработаны, при этом он тщательно придерживался стиля оригиналов или просто воссоздавал отдельные утраченные строки и строфы произведений народной поэзии. В 1861 году Тали выпустил сборник своих стихов «Заря Свободы», который был конфискован властями. Перу Кальмана Тали принадлежат переводы стихов Лермонтова: «Выхожу один я на дорогу» и «Тамара». Тали как поэт и собиратель народного творчества сыграл большую роль в венгерской литературе.





Где Гарам сливается...

Где Гарам сливается с водами Дуная,
Станом стали куруцы — без конца и края.

Станом стали куруцы. И в шатре просторном
Отдыхает Ракоци на ковре узорном;

На ковре персидском, на меху тигровом,
А у входа стража замерла сурово.

Звуки барабана слышатся глухие,
На коней садятся куруцы лихие.

Разместился лагерь на лугу широком,
А шатер для Ракоци — на холме высоком;

На холме высоком, на крутом кургане,
Что вчера насыпан дружными руками, —

Куруцы задумали, куруцы решили:
В пригоршнях и в шапках землю приносили,

Чтоб с того кургана, глядя зорким взглядом,
Мог увидеть Ракоци сразу все отряды;

Чтобы знамя Ракоци реяло высоко,
Чтоб оно приметно было издалека.

И курган, как в сказке, вырос на равнине,
И шатер белеет на его вершине.

Вышел в поле Ракоци — на простор зеленый,
Указал на замок саблей закаленной:

— Замок Эстергома! Вот он перед нами.
Знамя императора над его стенами.

Но куда трижды солнце нас пригреет,
Будет наше знамя там, на башне, реять!

Загremите ж, пушки! Бейте, не смолкая!
Пусть дрожат и стонут берега Дуная!

Эх, и били ж пушки! — смерч огня и грома.
Эх, и задрожали ж башни Эстергома!

Пушки бьют — и немцам некуда податься.
Замок Эстергома, не пора ли сдаться?!

Но враги не думают открывать ворота, —
По-немецки, чванно, спрашивают: «Кто там?..»

К ночи пушки смолкли — отдых после боя.
Но не спится Ракоци, нет ему покоя.

Снова он готовит свой удар могучий:
Фёдора и Рёваи — два полка гайдучьих,

И полки другие, полные отваги —
Лёция и Эссе, Яноша Чайги.

И однажды в полночь пушки загremели,
Куруцы на замок тучей налетели.

От гранат, от взрывов вся земля светилась, —
Ох, голов немало с плеч тогда скатилось!

Наступило утро, солнце выплывает,
В замок Эстергома Ракоци въезжает.

Высекая искры, конь вперед несется,
И на башне замка стяг венгерский вьется.

Изо всех орудий грянул залп победы,
И сложилась песня за победой следом.

Кто сложил? — Сложили эту песнь венгерцы
От великой радости, от души, от сердца.

ДЬЮЛА РЕВИЦКИ

(1855—1889)

Дьюла Ревизки (Reviczky Gyula) родился в Виткоце. По окончании школы был гувернером в провинции, затем журналистом. Вся его жизнь проходила в непрерывной борьбе за существование. Вследствие постоянной нужды заболел туберкулезом и умер в расцвете своего таланта.

После австро-венгерского соглашения 1867 года Венгрия, хотя и медленно, но стала переходить к капитализму. В этот переходный период создавался венгерский пролетариат, но ни по численности, ни по уровню своего политического развития он не мог в это время стать решающим фактором в социальной жизни Венгрии. И Ревизки, не сумев понять роль пролетариата в развитии прогрессивной Венгрии, устремлял свои взоры не вперед, а к прошлому, к революции 1848 года. Вместе с тем Ревизки уже явственно ощущал античеловечность капитализма, в его стихах слышится голос протеста против «мира торгашей», против «сатаны во фраке», против тупой власти чистогана, против буржуазного шовинизма — те антикапиталистические мотивы, которые с особенной силой зазвучали впоследствии в поэзии Ади.

Кроме стихов, Ревизки написал два романа — один из них автобиографический.

Ревизки относился с большой любовью к русской литературе; он напечатал в 1887 году статью о «Войне и мире» Л. Н. Толстого и написал два стихотворения, посвященные памяти его любимого писателя И. С. Тургенева.





Петефи жив

(В связи с ложной вестью о том, что
Петефи жив и работает в плену на свинцо-
вых рудниках.)

Петефи жив, но вовсе не таков,
Каким его представила молва,
Что будто где-то в недрах рудников
Трясется старческая голова.
Нет! И сейчас он — юноша почти:
Ему не больше двадцати шести!

Петефи жив, но не среди рабов,
Поверьте: не влачить ему оков!
Нет! С боевою песней на устах
Он мчится в бой, врагам внушая страх,
И гул перекрывает боевой
Священный гимн Свободе мировой!

Петефи жив! Его душа не спит,
И сердце прежним пламенем горит.
Я знаю — никогда не будет стар
И не умрет мой сладостный мадьяр!
Пусть троны рухнут все до одного,
Но тщетно рыть могилу для него!

1877

Пятнадцатое марта

Прекрасный март! Сорвав с весны оковы,
Летишь ты к нам без зова каждый год.
Но ты не тот! Тот не приходит снова.
Ты только именем похож на тот.
Иссякла вера. Сердце спит без света.
Без мысли время спит, оледенев.
Поэт душой в былом. И песнь поэта
Горит, как молния. В ней только гнев.

Приспособление — вот он, лозунг века!
Ты службу ценишь выше, чем мечты.
За кость продать готов ты человека.
Пусть все в беде, зато в удаче ты.
Никто за правду стать не хочет честно,
В смертельный бой никто не вступит вновь,
Свобода Венгрии — цветок словесный
Да храбрецами пролитая кровь.

Нет, то не мартовский, животворящий
Привольный вихрь, свободы бурный шквал,
Народ заснувший разбудить летящий,
Чтоб цепи рабства он с себя сорвал.
От марта славного сорок восьмого
Порыв бессильный нам остался в дар
Да там вдали, у моря голубого,
Великий и прославленный мадьяр.

О родина! Затем ли ты могиле
Геройских обрекала сыновей,
Чтоб кровь твою из жил горячих пили
Отряды жадных и поганых вшей?
Затем ли, кровью жертвуя, к победе
Стремилась ты, вступая с рабством в бой,
Чтоб рвал на части все твое наследье
Двуличных лизоблюдов хищный рой?

Нет ни достоинства, ни вдохновенья
У наших дней. В минувшее уйдем
В мечтах своих. И богу вознесем,
Коль есть у венгров бог, свои моленья, —
Пусть нам подарит он чудесный меч,
Волшебный меч, чтобы одним ударом
Тех жалких жирных лодырей отсечь,
Которые так долго ели даром.

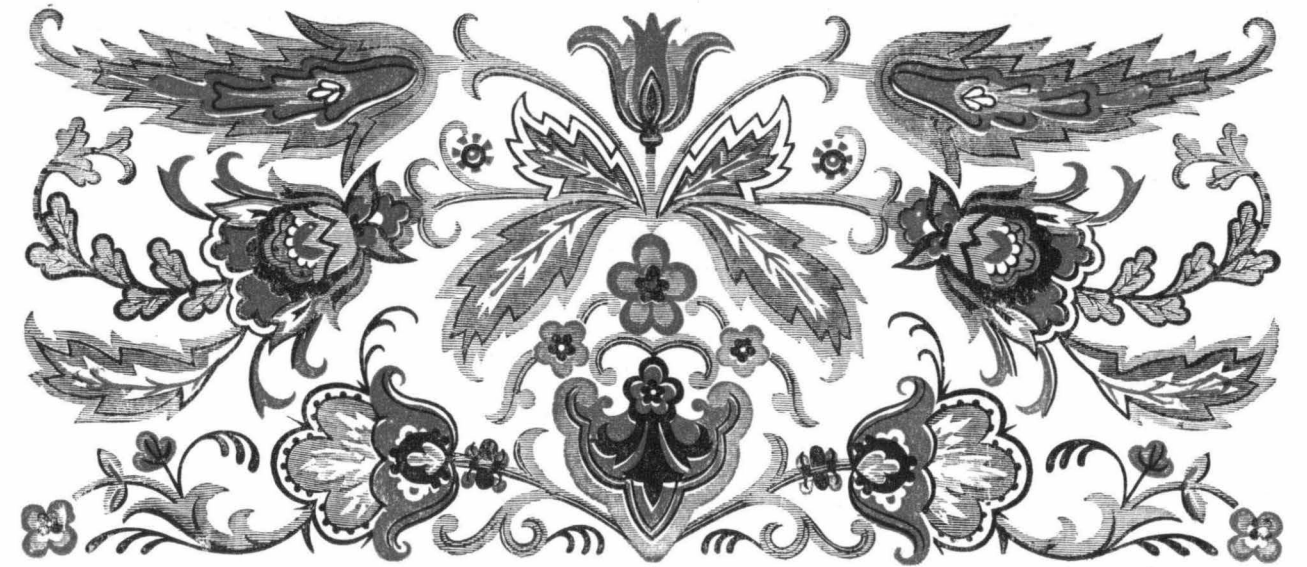


ЙОЖЕФ КИШ

(1843—1921)

Йожеф Киш (Kiss József) родился в Мезёчате в семье кабатчика. После окончания четырех классов гимназии стал учителем. В 1890 году основал журнал «Хет» («Неделя»), вокруг которого группировались мелкобуржуазные писатели, внесшие в литературу новую тему, тему капиталистического города. В области создания венгерской баллады Киш стремился продолжать традиции Яноша Араня. Большая часть произведений Киша носит на себе отпечаток мелкобуржуазной ограниченности. Только в нескольких стихотворениях, написанных под влиянием русской революции 1905 года, постарался он подняться до понимания социальной революции («Огни», «Князь Потемкин»). Эти стихи и составляют самое ценное в литературном наследии Йожефа Киша.





Огни

Знаком ли вам трескучий, жаркий, зыбкий
Огонь в печи, углей горячих блеск,
Открытых лиц веселые улыбки,
Нежданных шуток звонкий переплеск?
Потрескиванью хвороста внимая,
Подслушал я однажды песни ритм...
Где тот огонь, пылавший, завывая?
Он для меня погас. Для вас горит?

Где девочка в передничке цветистом,
Что дула в печку, полную углей?
Где юноша с тоской во взоре чистом,
Что помогал с таким усердьем ей?
Мы с ней вдвоем бросали сучья в пламя,
И, капли на коре заметив вдруг,
Гадали мы, охвачены мечтами,
О чем рыдает старый мокрый сук?

Песок шуршащий рассыпает время.
К чему тревожить то, что он занес?
Огнями новыми, уже не теми
Душе моей с тех пор гореть пришлось.
Я пламенел — о глупость! — жаждой славы,
За истиной я гнался — о тщета!
Пока я пил спеша страстей отраву,
Виски седали, старилась мечта.

Я не колосья собирал на ниве,
Мой урожай — горсть вянущих цветов,
Любил мечты, в мечтах был всех счастливей
И прожил жизнь в туманном мире снов.
Зола огней погасших погребает
Огонь душевный, приближая ночь,
Она мечты, боюсь, перепугает,
Они вспорхнут и унесутся прочь.

Мне зябко... Что ж, угля в огонь! Пусть чаще
И громче фыркает он, словно кот,
Нечаянно вспугнувший птицу в чаще
И мчащийся за ней вперед, вперед.
Вот, наконец, огонь! Не то, что раньше!
Из недр земли он вышел, он рожден
Кипящей лавой — славной великаншей;
Отцом восстаний, знаю, будет он.

Гудит, бушует, буйствует, стучится,
Ворча и воя, мчится в дымоход,
Как будто демон рвется из темницы,
Шатает стены, двери с петель рвет.
О гневный бог! Что будет со вселенной,
Коль уголь каменный в глубинах гор
Прозреет, вспыхнет вдруг и дерзновенно
Из темных недр рванется на простор?.

Коль рухнет все, что гнило и трухляво?
Коль миллионы выползут из нор
И уничтожат идол тот кровавый,
Что нас терзал и мучил с давних пор?
Уже я вижу, как они шагают,
Как с новой марсельезой громовой,
Бросая факел, крыши поджигают, —
Бежит по крышам пламень золотой.

Пока в душе живет воображение,
Меня влекут небесные огни,
Когда-нибудь, покинув сфер кружение,
К моей могиле спустятся они...

Так я сижу, окутанный мечтами,
У времени пощады не прошу,
Дремлю один и гаснущее пламя
В почти остывшей печке ворошу.

«Князь Потемкин»

Хали хе! Хали хо! Средь косматых зыбей
«Князь Потемкин» летит, урагана грозней.
Хали хе! Хали хо! И глядят через ночи
Злой метелице в очи
Сотни славных парней,
Урагана грозней.

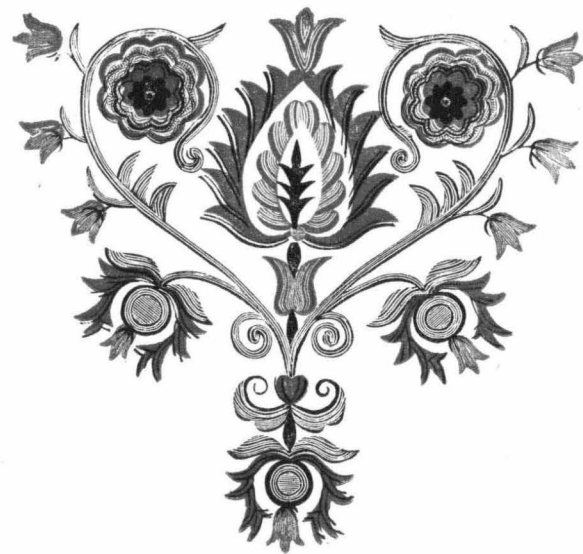
Багровеют знамена над ним, как пожар,
Груз: свободная мысль — запрещенный товар.
Хали хо! И как люльку качают восстанье
Обреченных заранее
Много сотен парней,
Урагана грозней.

«Князь Потемкин» плывет над пучиной морской
Через бурю, сквозь вихрь — с поврежденной кормой.
Хали хе! Хали хо! А над ним, как сиянье,
Реют стяги восстанья,
Алой зорьки ясней,
Урагана грозней.

А когда приближается он к берегам,
Кровь ленивая вновь разгорается там.
Хали хе! Хали хо! И на голос свободы
Отвечают народы
И встают из цепей,
Урагана грозней.

О, привет тебе, бурь покоритель, привет!
Позови, если нужен тебе твой поэт.
Хали хе! Хали хо! Подготовленный к бою,
Поплыву за тобою.
Так зови же скорей
Ты, что бури грозней.

Да, с парнями твоими я рядом пойду.
Мы как розы, что выросли вместе в саду.
Хали хе! Хали хо! Этот светоч свободы
Вместе мы бережем от лихой непогоды.
Так плыви средь морей,
Урагана грозней.



ЭНДРЕ АДИ

(1877—1919)

Эндре Ади (Adu Endre)— крупнейший венгерский поэт XX века, сыгравший большую роль в идейной подготовке венгерской буржуазно-демократической революции 1918 года. Родился в деревне Эрминдсенте в обедневшей дворянской семье. По окончании школы сотрудничал в газетах, в 1899 году выпустил первый сборник стихов. В 1904 году он уехал в Париж, где и впоследствии бывал много раз. Париж представлялся ему городом великих революционных традиций. Однако Ади ждало глубокое разочарование в «просвещенном Западе». В своих «Парижских письмах» поэт беспощадно разоблачает жизнь буржуазного Запада и его культуру, бичует французских и немецких социал-демократов. Стихи Ади, впитавшие лучшие традиции венгерской демократической поэзии, произвели подлинный переворот в венгерской литературе.

Ади выразил в своих лучших творениях национально-освободительные стремления венгерского народа, революционные стремления рабочего класса и крестьянства. Однако трагическая противоречивость венгерской действительности начала XX века наложила свой отпечаток на его поэзию; Ади недостаточно был слит с жизнью народа, поэтому не мог быть уже таким цельным поэтом, каким был Петефи; в силу этого некоторые его лирические стихи окрашены настроениями пессимизма. В своих революционных, гражданских стихах Ади явился непосредственным продолжателем лучших демократических традиций венгерской поэзии.

Ади оставил обширное литературное наследство: десять сборников стихов, публицистические статьи и прозаические произведения.





Поэт Хортобади

Он паренек из рода кунов.
Огромными глазами глядя
На мир мучительных соблазнов,
Он гнал стада по знаменитой
Венгерской степи Хортобади.

Ему окутывали душу
Разнообразные миражи,
А вырастал цветок из сердца —
Набрасывался скот двуногий
И пожирал его тотчас же.

Юнец, мечтал о чудесах он;
О женщине, вине и смерти
Он размышлял, бродя по травам.
Певцом бы стал он вдохновенным
В другом, ином краю на свете.

Но, видя рублища пастушьи
И это шествие коровье,
Он схоронить старался песню
И дальше брел по Хортобади,
Свистя кнутом и сквернословя!

1906

Души на аркане

На огненного жеребенка —
Мне на душу аркан упал.
Напрасно я ее, напрасно
Подхлестывал и понукал.

И если на лугу венгерском
Конь в пене бьется, все круша, —
Обрежьте путы. Знайте: это —
Венгерца скорбная душа.

1906

Осень прокралась в Париж

Осень в Париж на бульвар Сен-Мишель
Тихо прокралась вчера и со мною
Встретилась там, под густою листвою,
Тихой от зноя.

Шел я на Сену тогда, и в душе
Вспыхнули вдруг хворостиночки песни —
Дымные пурпурные огоньки,
Смерти предвестье.

Осень настигла. И вздрогнул бульвар.
Осени губы мне что-то шепнули.
Пестрые листики-шутники
С веток спорхнули.

...Лето очнулось. И в этот же миг
Осень, смеясь, из Парижа бежала.
Все это понял лишь я, да листва
Чуть задрожала.

1907

Павушка на крышу...

Павушка на крышу ратуши садится,
Значит — бедный парень выйдет из темницы.

Павы нежны, важны, перья ярче солнца,
Вестью возвещайте: новое начнется!

304

Новое начнется, новый бой настанет,
Новый взор веселый в небеса заглянет.

Новый ветер хлынет в древний лес венгерский,
Вновь чудес венгерских ждет наш разум дерзкий.

Или мы безумны и вконец пропали —
Или станет явью все, о чем мечтали!

Пламень новых горнов, святость веры новой,
Неужели снова канете в ничто вы?

Или новый пламень ратушу разрушит,
Или вновь под камень лягут наши души,

Или наш рассудок снова все рассудит,
Или все, как было, так оно и будет.

Павушка на крышу ратуши садится,
Значит — бедный парень выйдет из темницы!

1907

Всегда опаздываем всюду...

Всегда опаздываем всюду...
Наверное, из дальней дали
Бредем, усталые, в печали.
Всегда опаздываем всюду.

Мы даже не умрем спокойно.
Душа, когда уж смерть близка нам,
Вдруг вспыхнет пламенем багряным...
Мы даже не умрем спокойно.

Всегда опаздываем всюду...
Все запоздало: ожидания,
Успех, спокойствие, страданье...
Всегда опаздываем всюду.

1907

Дочерью была когда-то

Тяжкие здесь ночи длятся...
Я спешу тебе признаться,
Хоть в последний раз признаться...
Как мне знать — смогу ли завтра
Знать про то, что знаю нынче?
Я спешу тебе признаться.

Так на свете не бывало.
Это больше, чем влюбленность.
Это больше, чем безумье.
Назови это как хочешь, —
Хочешь ты или не хочешь,
Это больше, чем влюбленность.

Как мне знать, что будет завтра?
В муках, может быть, не вспомню,
Скорбен, может быть, не вспомню:
Ты была всего превыше,
Я свидетельствую это,
В муках, если я не вспомню.

Ты была в тысячелетях
Дочерью моей когда-то,
Верной дочерью когда-то...
Дочерью или женою?
Так едины мы с тобою:
Дочерью была когда-то.

1907

Дай мне твои глаза...

Дай мне твои глаза,
Чтоб мог я в них зарыться
Стареющим лицом и юный отразиться.

Дай мне твои глаза,
Наполни синим взором,
Щадить и украшать умеешь ты которым!

Дай мне твои глаза,
Казнят и ненавидят
И все-таки они меня красивым видят.

Дай мне твои глаза,
Ведь в них себя люблю я!
Отдай твои глаза, я к ним тебя ревную!

1907

Я не могу идти к тебе

А что оно, хорошее там лето?
А здесь оно для всяких подлецов,
И мне не жить.

Тебе не хочется, чтоб так случилось это?
Ведь ты мое безумие святое,
И мне не жить.

306

Петь песни! Люди могут уходить,
Существовать, молиться могут где-то,
И мне не жить.

Вы, руки белые,
Вы не обнимете, тоскуя,
И мне не жить.

Все, что ни делаю: стремленья, поцелуй —
Все у меня печально и неловко,
И мне не жить!

1907

Зов святого июня

Уста стареют, в них — прохлада,
А надо мной пылает лето.
И вот к устам припала Леда.
Святой июнь! Дай мне пощады!

Дай солнечное желанье,
Придай устам моим усталым
Ребячливость, и земляничность,
И девичье очарованье.

Осенние, соприкоснутся
С моим дыханьем очи Леды,
И в душах снова вспыхнет лето,
И радости на час вернутся.

Нарциссов белую поляну
Я впеловал бы в сердце Леды,
И, словно Зевс, устав от странствий,
Я лег бы там, когда устану!

1907

От Эра до Океана

Эр — сонный, 'странный, медленный поток —
Сочится сквозь камыш, осоку и болотца,
Но через Самош, Красну, Тиссу и Дунай
До моря пена эрская несется.

Пусть небо скифское обрушится на голову мою,
Пусть сто проклятий в кровь мою вольются через рану,
Пусть тысячи кротов воздвигнут сеть плотин, —
Я все-таки достигну Океана!

Хочу достигнуть! В том и волшебство,
Что кто-то, скорбною отвагой обуянный,
От Эра путь свой начал для того,
Чтоб слиться со святым величьем Океана!

1907

39*

307

Песнь венгерского якобинца

Сочится кровь из наших пальцев,
Когда коснемся мы тебя.
С тобой мертвы мы или живы,
О Венгрия, страна моя?

Глаза болят у нас и души.
Дождемся ль, наконец, времен,
Чтоб Вавилон рабов-народов
Был для свободы пробужден!

Пора желаньям нашим спящим
Стать волей твердой, словно сталь,
Печаль славян, румын и венгров —
Всегда единая печаль.

Ведь родственны в тысячелетях
Позор и горести людей.
Пора бы встретиться, ликуя,
На гребнях баррикад идей!

Один и Олта и Дуная
Глухой и мертвый разговор.
И горе тем в стране Арпада,
Кто не насильник и не вор.

Когда же мы объединимся,
Чтоб величавый дать ответ?
Мы, угнетенные народы,
Воспрянем снова или нет?

Доколь мерзавцам быть у власти,
А нам, как трусам, их терпеть?
Доколь, народ венгерский, в клетке
Тебе скворцом скакать и петь?

О Венгрия, край скорбных нищих.
Нет веры в нем, нет хлеба в нем.
Но ты, Грядущее, за нами,
Когда решимся и дерзнем!

1908

Зимняя Венгрия

Мчится поезд по земле родной,
Где в снегах застыли хутора.
Спят они сегодня, как вчера,
Под покровом темноты ночной.

Вся равнина горестно молчит,
Только зимний ветер-снеговой
Сновиденья навевает ей,
Только он один над ней шумит.

Что ей снится? Может быть, уже
Нет и снов? Вот еду я домой, —
Я все тот же — деревенский, свой,
Но снега и у меня в душе.

И сдается мне среди снегов —
Может, мы мертвы, погребены,
И для нас остались только сны —
Для меня и этих хуторов?

1908

Витез Михай Чоконаи

И в час, когда стелился сумрак
И ник лампадки тусклый свет,
Молился странно старый Витез,
Михай Чоконаи, поэт.

— О боже, если существуешь,
Дай руку мне, чтоб вознеслась
К тебе душа моя больная
И скрылся я с мадьярских глаз!

Хочу теперь увидеть с неба
Родные чудные края.
Пусть то виденье будет смутным,
Но ведь и сам венгерец я!

Хочу увидеть я кого-то,
Кто даже в гибели красив,
Кто был доподлинным венгерцем
И клял свой род, пока был жив!

Хочу я в будущих столетях
Услышать, как поют меня
Мои печальные потомки,
Такие храбрецы, как я.

...И в час, когда рассвет разлился,
Когда погас лампы свет,
В виденьях странных умер Витез,
Михай Чоконаи, поэт.

1908

Твое великое тепло

Тебя из сердца моего
Хотели вытеснить картины,
И статуй мраморных толпа
Хотела взять твое тепло,
Которое неповторимо.

Тебя целуя, гибну я
И вновь рождаюсь в поцелуе.
Пусть женщины-сирокко мчат —
Меня их знойный сладкий чад
Не изнурит. Его гоню я!

Живые, как и мертвецы,
Все это пусть промчится мимо.
Никто не может дать его —
Твое великое тепло,
Которое неповторимо!

1908

На пиришестве Дьёрдя Дожи

Шебе, что там урчит твое брюхо?
Лижут кровь нашу псы, а в небе
Ворон каркает над головою.
Умер вождь наш, дружище Шебе!

Был он праведней этих аббатов,
Всех восьмидесяти вместе взятых;
Восседал он на огненном троне,
Как господь в небесных палатах.

Издевались над ним убийцы,
Но спокойным и гордым был он;
За спиной его жался епископ
Со святой водой и кадилом.

Шебе, друг! Мы однажды наелись
Мертвечины — вороньей пищи,
Злыми воронами мы были,
Жрали с голода, Шебе, дружище!

Эх, утроба! Эх, песье брюхо —
В ней и жизнь, и проклятье, и ярость —
Все в утробе. Там и могила,
Там и будущее мадьяра!

Будет пост после злого пира.
Новый вождь будет, новый Дожа.
Жгуч был пламень! Не морщись, дружище.
Он спасет и нас с тобой тоже!

1908

На графском гумне

В летнюю ночь на гумне у графа
Досок раздался треск.
Скирд городище пламенем яростным
Вскинулось до небес.

С чем он сравнится, — что ему солнце!
Это рассвет ночной?
Скачет, мчится по лугу сметенному
Жита трепетный зной.

Нищий батрак тяжело проснулся,
Тявкнул пес, открыл глаз.
Вся окрестность в бреду содрогается...
...Граф пирует сейчас.

Завывает обугленный колос,
Корчится он, дразня:
«Пахарь венгерский, брюхо урчащее,
Что тебе до меня!

Что ты скорбишь за горящее жито?
Не для тебя оно!
Граф не заплачет — останутся графу
Девушки, деньги, вино.

Снова зима на тебе истреплет
Эти клочья тряпья.
Она сурова — земля венгерская,
Графская, не твоя».

...И все же, утром на пепелище,
Там, где лег уголек к угольку,
Целая армия нищих
Плачет на графском току.

Не свое оплакивают — чужое, —
Где-то пирует граф!
Но чувствуют смутно: их хлеб, их несчастье,
Их эта скорбная явь.

1908

Звезда звезд

Вовеки не померкнешь ты, Красная звезда!
Давно ушли Венера, и Солнце, и Луна,
И на восточном небе царишь лишь ты одна.

Так никогда не блещет падучая звезда —
Небесных недр причуда, лилова, зелена,
Бледна и синевата, но только не красна.

О, падай, падай, падай, падучая звезда;
Твоим паденьям скорбным — я знаю — счета нет!
Лишь под звездой Красной рождается рассвет!

Владыч, сияя в небе, ты, Красная звезда!
С тех пор как смотрим в небо, ты, Красная звезда,
Была надеждой нашей и будешь ей всегда!

1908

Внук Дьёрдя Дожи

Я Дьёрдя Дожи внук, я дворянин в лаптях,
Скорбящий за народ... Эй, господа, эй, баре,
Вам не пора ль с народом-косарем
Поговорить? Ведь летний зной в разгаре!

В разгаре сенокос, в лугах сверканье кос,
Но это не для ваших дряблых рук...
А если весь народ — потомство Дьёрдя Дожи —
В великой ярости на вас нахлынет вдруг?

Куда бежать вы броситесь из замка —
Разбойничьего вашего гнезда,
Когда придет народ и с громом все ворота
Захлопнет перед вами, господа?

1908

Крестьянское лето

Тащится барская осень моя,
В пеструю ветошь одета.
Следом прекрасный крестьянин идет —
Лето, дородное Лето.

Счастливы те, кто родились во дни
Лета, крестьянского лета,
Лета любимцы, счастливыцы они,
Люди могучие это!

Счастлив, кто может все снова начать,
Счастлив, кто весел и властен,
Счастлив он сеять, и счастлив он жать,
Это — крестьянское счастье!

Силу и мир своим детям дарит
Лето крестьянское это.
Барскую шляпу сниму перед ним:
— Здравствуй, крестьянское лето!

Лето и косит, и песни поет,
Некогда нежиться лету.
Мощное лето уверенно жнет,
Радостным зноем согрето.

Осени барской болезненный сын —
Вот кто я! Передо мною
Стужа. А лето мое позади.
А умереть мне — весною!

Лето. Наступит оно на меня,
Скажет, вздыхая не тяжко:
— Это ведь тоже родной мой сынок,
Жить торопился, бедняжка!

1908

Весенние вихри

Мчатся весенние вихри,
Сыплют в глаза мне цветами,
Счастливы эти деревья,
Ветви игривые эти.
Как хорошо им на свете!

Будущую весною
Здесь, над землею родною,
Будут цвести они снова.
Я только здесь уж не буду —
С корнем я вырван отсюда!

В этом весеннем вихре
Встал я гигантским вопросом.
Как далеко меня бросят
Ветры, цветочные ливни,
Гордое отрицанье
Скорбного существования?!

1908

Мой грех

Я лишь дарил, дарил, дарил,
И тех, кто брали, брали, брали,
Подарками я разъярил.

Я только жил, и, что ни час,
Я пел все лучше, все сильнее.
Я грешен тем, что пел для вас!

Лишь в том мой грех, как я пойму,
Что был не хуже вас, а лучше!
Но не стремился я к тому.

Таков удел в моей стране
Всего, что ново и красиво...
К чему родиться было мне!

1908

Я останусь молодым

Ты, старость с вилами, в хлеву
Дай грубым кормом мне питаться!
Я вновь в деревне. Горе мне
И слава мне, что я живу,
Умея юношей остаться!

Вот посох мой. В цветах он весь.
Я странник молодой и дерзкий,
Не мне стареть в моем краю!
Лишь я навеки молод здесь,
На данной мне земле венгерской.

Могу вернуться в города,
Могу владычить в дальней дали.
В венгерской гордости своей
Я бодрствовал здесь, когда
Все остальные крепко спали.

Пусть дразнит женщина! Лукав,
Пускай хитрец начнет смеяться —
Я, беден, слаб и одинок,
В объятья сельские упав,
Сумею юношей остаться!

Огромна молодость моя!
Смерть для нее — и то рожденье!
Родятся стариками здесь,
Здесь старость в моде. Только я
Стареть имею запрещенье!

1908

Корабль в тумане

Башни Татр в тумане дальнем,
Башни замков все в тумане,
Там и здесь, чуть-чуть, чуть видный
Свет вдруг вспыхивает малый —
Парус полон трепетанья.

Мы плывем, летим, летим мы
Лишь вперед неукротимо,
Венгрия — страна тумана,
Лишь в тумане день грядущий,
Лишь туман несется мимо.

То в венгерском нашем море
Сквозь туман, угрозы, горе
Сотни волн летят навстречу,
Что же будет нынче с нами
На безлюдном том просторе?

Но должны же мы причалить,
Волны нас не зря качали,
Ведь когда-нибудь покажем,
Всеми пушками мы скажем,
Что огнем зарю встречали!

1909

Друг Тамаша Эссе

Сын мой отдан немцам,
Дочь моя — попам:
Спит во имя бога
С ними по ночам.

Коль уж так случилось,
Все пошло на слом, —
В Мункач, друг мой Эссе,
К Ракоци пойдем!

Вся земля — у графа,
В гроб легла жена...
Хватит мне! Дорога
У меня одна:

Сына взяли немцы,
Шлюхой стала дочь...
Нет, терпеть такое
Сделалось невмочь.

Надо мной смеется
В Вене вражья спесь,
В Вараде позорят
Жизнь мою и честь.

Хватит нам прелатов,
Да господ кормить!
Хватит чашу горя
Беспрерывно пить!

Не пора ли, друже,
Нам в родном краю
Задушить, прикончить,
Раздавить змею?!

1909

Старый слуга

Постучались в сердце мне:
В двери эти красные
Входят посетители,
Юркие, проворные.

А слуга состарился,
В пояс низко кланяется,
Говорит: «Давным-давно
Дома нет хозяина.

Был он добрый господин,
Грустно он покинул дом,
И остался я один,
И назад его не жду».

1909

Безумная, смертельная ночь

На север смотрит мое окно,
Мое дрожащее одно окно,
И море воет предо мной,
Я сердце слушаю, влеком волной, —
Двух музык ночных безумье.

Мимоз струится сладкий аромат,
Цветов благословенный аромат,
Бросает мне, приносит ветер мне,
Весь мир — благословенный аромат,
Все запахи, сводящие с ума.

А горы искрятся, горят вдали,
Снега их червонно кровавы вдали,
Ночь, море пенится в зеленой мгле,
Безумнее ночи еще не цвели,
Бела моя комната. Иду, иду!

Луна наелась, может быть, огня,
Огонь пожрав, она полна огня.
И эта кляча дряхлая летит
Сквозь облаков горящие пути,
Как нынче мир пылает для меня.

Иду, иду и вижу: это — Смерть,
Я знаю, знаю, предо мною — Смерть!
Я одеваюсь, открываю дверь,
Путь преградив, она стоит теперь —
О ночь безумья, гробовая ночь!

1909

Смерть поэта Катулла

Когда Катулл на смертном ложе
Не мог уж вымолвить ни слова,
Внимала Лесбия другому,
Что о любви шептал ей снова.

Когда Катулла песни смолкли
И он хрипел в предсмертном жаре,
Полгорода увлек уж песней
Явившийся внезапно парень.

Когда цветами засыпали
Катулла высохшее тело,
Кругом в садах сухие ветки
Краса несчетных роз одела.

Когда поэта друг вернейший
Охрип от плача — все решилось:
Жена патриция-соседа
Ребенком чудным разрешилась.

Когда же Лесбия рыдала,
Не страшно слушать было людям,
Одежду так рвала, чтоб виден
Был блеск прекрасной, белой груди.

1909

В безумии сердцебиения...

В безумии сердцебиения
Все мелется, дробится, рушится,
И вдруг — идет успокоение.

И думаешь: ушел давно бы я,
Ведь ничего не будет нового!
И вдруг — мечта примчалась новая!

Немало жизнь дала. Испытано
Хмельное, горькое и странное,
Но что-то и еще таит она.

1909

Морские каракули

Весна. Под зябнущими пальмами
Письмо читаю. Ветер злой
Его строчит пером заостренным
На бумажонке голубой.

Беснуются, и ерепенятся,
И пенятся в воде морской
Миллионы букв, мне разъясняющих,
Что я такое, кто такой.

Охвачен некой скорбной гордостью,
Нежданной верою объят,
Морские дерзкие каракули
Перечитал я все подряд.

Так и желать мне больше нечего?
Мне это просят передать,
Волнуя, и трепля, и комкая,
Бумажную морскую гладь?

Вот мой ответ: живу я все-таки
Уж как могу, без сил, больной.
Но над судьбой, землей и водами
Вся власть останется за мной!

1909

Смерть радуги

Таких великолепных радуг
Еще на небе не бывало,
Объял он глубину вселенной,
Священный этот, широченный,
Могучий обруч. Все сияло

Уже устали любоваться
Крестьяне, птицы, скот домашний,
Стыдились и глаза и руки,
Что разомлели там, на поле,
Под этой радугой пустяшной.

Подмигивая с небосклона,
Дразнилось солнце, хоронилось,
Смеялось, что от чуда красок
В полях удобренных и трезвых
Вся живность переполошилась.

А радуга все хорошела...
Теряя резкость очертанья,
Ждала, в поля глядела слезно,
И выпили сестренки-тучки
Ее последнее сиянье.

Скончалось солнце, улыбаясь,
Вздохнул весь мир: ведь слишком тесным
Был небосвод над потным полем,
Чтоб место дать таким прекрасным
Святым комедиям небесным!

1909

Като на мессе

Роскошной рождественской ночью
Швырнула в снежную вату,
Швырнула в снежную гибель
Младенца поповская Като.

Служанка юная Като,
Шатаясь и ног не чуя,
Пошла на веселую мессу,
Полночную мессу, святую.

Поп крепкий, хозяин Като,
Он с паствой цел и молился:
«Да славится воля господня,
Что этот младенец родился,

Младенец там в Вифлееме...»
Взвыла Като под хор крылатый:
Младенец тот вифлеемский
В слезах смотрел вниз на Като.

1909

Сладко дремлет нищета

Эльдорадо пьяных радостей,
Тише, злачные места!
Т-сс! Не буйствуйте. Ведь в Уйпеште
На лохмотьях парня бедного
Задремала нищета.

Скорбный, фабрикой изглоданный,
Чахлым телом шевеля,
Весь в поту студеном, инистом,
Спит он сном святым и праведным,
Величавей короля.

318

Чистая приснилась женщина,
Чистая постель ее,
Деньги, пища, обеспеченность,
Чье-то теплое участие
И достоинство свое.

Будто нету кровохарканья,
Стало легче спину гнуть,
Значит, лет хотя бы на десять
Явку в царствие небесное
Можно будет оттянуть.

Эй, столица! На мгновение
Задержи бокал у рта.
Слушайте: там, где-то в Уйпеште,
Перед грозным пробуждением
Сладко дремлет нищета!

1909

Сын пролетария

Отец мой день-деньской в работе,
Когда же отдых, наконец?
Нет лучше в мире человека,
Чем мой отец.

Сам ходит он в пальто потертом,
А мне обновку приберег.
О лучшем будущем никто бы
Так рассказать не мог.

Отец у богачей на службе;
У них он, бедный, как в плену.
Но нам по вечерам приносит
Лишь радость он одну.

Отец мой гордый, благородный,
Он — раб тяжелого труда,
Но он себя не унижает
Перед богатством никогда.

Отец мой скорбный, подневольный.
Когда б не дорожил он мной,
То он покончил бы, пожалуй,
Со всей комедией земной.

Отец мой, если захотел бы,
Исчезли графы и князья.
Товарищи мои росли бы
Не робкими, как я.

Отец мой страшен для богатых.
Одно словечко он скажи,
Ух, задрожали б их палаты,
Их мраморные этажи.

Отец сильнее всех, быть может,
Он труженик, и он борец.
Король — и тот не так всемогущ,
Как мой отец.

1909

Старики

Десятерых породила,
Десятерых воспитала,
Вот и в могилу ложиться
Время старухе настало.

Муж во дворе, на скамейке,
Кашляет тяжело, натужно;
Хрипло звучит его голос,
Зимно на улице, вьюжно.

319

Двое их, старых, и скорбно
Смотрят они друг на друга.
Словно судьба, перед ними —
Жалкая эта лачуга.

Радости ждали, да только
Нет ее, видимо, нету.
Силы иссякли. А дети
Бродят по белому свету.

Думает старый о прошлом —
Голод, нужда, разоренье...
Ради чего ж он потратил
Силы, упорство, терпенье?

Думает старый о прошлом,
Свадьбу свою вспоминая.
Тлеет лампадка. Старуха
Смотрит, уже неживая.

1909

Деревня в страхе

Даже гуляки притихли,
Реже поют молодые.
Слушая молча рассказы,
Старцы вздыхают седые.

В страхе деревня. Повсюду
Ждет соглядатай постылый. —
Тише! В великом молчанье
Зимнее поле застыло.

Но по-весеннему ветер
По-над снегами играет.
Может быть, завтра же, завтра
Все зашумит, засверкает!

1909

На осеннем знойном холме цветов

Взволнован знойный холм цветов
Полдненным ливнем солнечным,
Осенний лепет лепестков
Я слушаю и слушаю.

Веселые пунцовые,
Сверкающие белые,
Ехидные лиловые
Кричат, болтают, шепчутся.

И мальвы, в едкой зелени,
Столь философски синие,
Нет-нет и бросят в цель они
Стрелу насмешки пламенной.

И лишь один молчит цветок —
То хризантема желтая.
Ее медлительный кивок
Великой полон гордостью.

Владычицею роковой
Стоит среди цветов она
С отяжеленной головой,
Прекрасная и скорбная.

1909

Дай им, боже

Дай любви и счастья, боже,
Женщинам, мужчинам этим,
Подари их долголетьем,
Да и денег дай им тоже.
Ясно небо голубое.

Я искал житейских тягот,
Ждал — они на плечи лягут;
Не дождался... Все проходит,
Человек легко уходит...
Ясно небо голубое.

Замыслами и мечтами
Поделиться бы я с вами.
Стар я стал, мои богатства
Мне уже не пригодятся.
Ясно небо голубое.

Ведь бывает так, бывает,
Нас любовь переполняет,
А бывает и другое —
Скорбь и горе, скорбь и горе...
Ясно небо голубое.

Денег, славы дай им, боже,
Женщинам, мужчинам этим,
Подари их долголетьем,
Веру, волю дай им тоже...
Ясно небо голубое!

1909

Телега в ночи

Как изранена луна,
Как пустынна ночь, беззвучна;
Как тоска моя докучна,
Как изранена луна!

Всё в кусках, что было целым,
Все огни лишь в искрах колких,
И любви все в осколках,
Всё в кусках, что было целым,

На телеге скверной мчусь,
Стоны ль вслед за ней в погоне,
Тишь ли слышу, шум ли гонит;
На телеге скверной мчусь!

1909

Не верну тебе...

Верну я все, что можно
Вернуть из дней былых,
Но не верну тебе я
Глаз твоих.

На меня пусть смотрят,
На озеро, на тебя,
На все, на что еще можно
Смотреть любя.

Верну я все, что можно
Вернуть из дней былых,
Но не верну тебе я
Глаз твоих!

1910

Бегство в покой

Тише и тише в ночи,
Севера песня, звучи,
Песня бродяжья, звучи,
Мчитесь, смерчи.
Лето в начале.
В тихой печали
Из дальней дали
Я прихожу,
И доброй ночи
Вам не скажу

И в тишиной
Наполненный зной
Сердце и ноги я погружу.
Слишком спешили в путь,
Следует им отдохнуть.
Тише и тише в ночи,
Севера песня, звучи,
Песня бродяжья, звучи,
Мчитесь, смерчи.

1910

Чем хуже жизнь

Вы друг за другом удалились,
Скорбя, что я еще не умер,
Еще петух не крикнул, — скрылись
Мои апостолы Петры,
И все ж существовать я силюсь.

Себе во вред, а жив я все же.
В мои виски стучат надежды,
Мозг кровью гордости тревожа.
Я жив, о славе позабыв,
И жизнь, чем хуже, тем дороже!

Хочу хоть так существовать я,
Хоть как-нибудь, а жить хочу я;
Забытый, но хочу дышать я.
И как ты ни сияешь, Смерть,
Я не хочу в твои объятья!

Другие, пережив такое,
И чрево матери и небо
Готовы проклянуть с тоскою, —
А я тебе, о жизнь моя,
Всегда провозглашал «Эвое!»

1910

Судно, которое продается

Продается судно!
Расшаталась мачта, перегнили снасти,
Словом — сколько хочешь всякого несчастья.

Продается судно!
Починить нетрудно — корпус все же прочен —
Хозяин измучен, — надоело очень!

Продается судно!
Было это судно доброе, как видно;
Снова выйти в море на таком не стыдно!

Продается судно!
Сотни раз то судно море штурмовало,
В тысяче вселенных судно побывало!

Продается судно!
Кто грехов прекрасных хочет безрассудно,
Тот, замороженный, и взойдет на судно!

Продается судно!
Видно, в путь отважный хочет оно снова,
Нового желает рулевого!

Продается судно!
Это судно годно в чудный путь до ада.
Продается судно хоть дороговато, а купить бы надо!

1910

Мать и дочь

«Ты, мама, плачешь потихоньку,
Чтоб слез своих не выдавать.
Наверно, что-нибудь случилось
С отцом моим опять?»

Хворает? Или же, понурый,
Он там, где стачечников сбор.
А мы? Что с нами будет, мама,
И до каких же это пор?»

«Нет, доченька, терпеть не долго,
Пой, дорогая, не грусти.
Твое, быть может, близко счастье,
Оно уже в пути.

Да, тяжко нам сейчас живется, —
Побой, нищета, хула.
За то и борется отец твой,
Чтоб жизнь иной была».

1912

Урок истории для мальчиков

Баре, вторгшиеся к нам,
Были имениты родом.
В школе учат, что они
Были благом для народа.

А на деле, как лозу,
Гнул к земле, терзал от века,
Издевался крепостник
Над рабочим человеком.

Венгрия богата. Но
Миллион рабов голодных
Прозябал, чтоб накормить
Сотню трутней благородных.

Для тирана-богача
Поле золотом одето.
А для бедных кандалы,
Мрак железный без просвета.

Но горят уже сердца,
Хоть бледны ребячьи лица.
Будь что будет, — все равно
Венгрия преобразится.

Мы готовим для господ
Час возмездья и расплаты,
Становитесь же в ряды,
Наши бледные ребята.

Воздух, щеки нам румянь,
Даль, раскройся полной чашей.
Прочь с дороги, господа!
Не темните солнце наше.

Ну, а мы, друзья мои,
За учебу — классы настужь,
За веселье! День настал
Завоеванного счастья.

1912

Песня перед жатвой

Это гнев палящий искрится под пеплом,
Руки, угрожая, сжаты в кулаки;
Будут беспощадны яростные клики,
Пламенного праздника дни недалеки!

Всколыхнулось поле, изготавясь к жатве,
Ненависть застыла в глотке... у кого?
Распрямились косы, рвутся на покосы,
Красное, свободное будет торжество!

Я венгерской лени вижу шевеленье.
Лопни, напрягаясь, глупая струна!
Всяческие спеси табуняются вместе...
Уползай, почтенная тишина.

Торжеством венгерцев будет эта жатва.
Все пожнем: пшеницу, головы и кровь,
Ширится святое единенье гневных,
Будешь жить! Не бойся! Косы приготовь!

1913

Последними смеяться будем

— Тсс! Тише, тише! Быть войне!
Не надо смут! — они нам говорят.
И я боюсь, что на волне морской
Застынет героический фрегат,
Который мог армады потопить.

324

Так пусть они несут войну,
Пусть на убой они нас волокут,
Но все равно, — хотя и пропадем,
Мы ничего не потеряем тут,
Как альбатрос помчится наш фрегат!

Мы властвуем! Пусть парус наших душ
Порой опущен; пусть порой замрет,
Как будто без движенья, наш фрегат,
Но все-таки любой расчет господ
Внезапно опрокидываем мы!

Так пусть они грозят войной.
К иной войне давно готовы мы.
Для нас ваятель чудо отольет, —
Об этом мыслят гордые умы.
Последними смеяться будем мы!

1913

Несемся в революцию

Жандармы-псы на нашу шею
В последний раз сейчас насели.
Все решено! Ликует сила,
Она сегодня в каждом теле.
Эх, дружно вспахан, обработан
Он, полный рабством, кровью, потом,
Простор венгерский, бедный, скорбный...
Не медлите с переворотом!

Здесь, чтоб весна не наступила,
Бросали смерть во время сева;
И все же нынче на Дунае
Всего буйнее всходы гнева.
У нас на гибельном рассвете
Сильней, чем где-нибудь на свете —
Как узник рвущийся к свободе —
Провидцы жизни, всходы эти!

Куда ни взглянешь — видишь взрыва
Божественное состоянье.
Кто жив, тот мечется в тревоге,
А умирают — в ликование.
Горим мы грешным, древним жаром;
И всюду над порядком старым
Мы видим: новое восстало,
И ореол его — пожары.

325

Все сбудется! Судьбу любите
И поджигателя любите —
Безумца гестского, который
Дрянъ, как мадьяр и как правитель.
И он — знак времени! Над кучей
Господской Гуннии вонючей
Он встал и, чтоб ее обуглить,
Струит в нее состав горючий.

Вонь Вены, спесь аристократов,
И униженье, и жандармы...
Смирить нас? Нет такого бога!
Жар в жилах превратим в пожар мы.
Кой-кто еще не узнаваем,
Друг друга мы в лицо не знаем
И путаем. Но пламень мщенья
И очищенья раздуваем!

Еще течет вечерний рокот
И свежие рассветы веют
Там, на проспектах Будапешта...
А в сельских недрах гнев зреет.
Земля осядет при ударе;
Услышим все, что не слыхали, —
Мадьяров лютое проклятье
И в летнем зное и в пожаре!

Вот он идет в пустыню нашу,
Святой посланец бога, дьявол!
У Революции на ложе,
Геройском, брачном и кровавом,
Мы были девственны... Очнемся!
Проснулась кровь. Кипит огнем все!
Молчание. Никто не дрогнет.
Мы в Революцию несемся!

1913

Весна кровавых панорам

И вновь весна, и письмена, и снова
Летит домой душа моя, крылата.
Но не было еще безвременья такого,
И не бывала так она побита,
И не томился мир в такой печали,
И так не гасли искры в крепе ночи!
...Красуйтесь, письмена мои и песни!

Хочу, чтоб вы веселье излучали
На молодых товарищей! Возвысить
Для них сердца обязаны мы нынче,
Когда приносит солнечная почта
Весть о весне. Пусть старый мир бесится,
А все ж весне не бросим мы молиться.
Любовь наша безудержна, бескрайна,
И мы для нашей маленькой отчизны,
Для родины, что стонет от кошмаров, —
Единственно действительная радость.
Болят сердца, но ясны наши лица!

Снаружи пропасть пасть свою разъяла,
Внутри страны — кошмары мглы старинной.
Есть тьма причин, чтоб трусость мертвой пала.
Смерть жрет листву запущенного сада,
И барчуки в нем разоряют гнезда;
Поп продает Христа, пока не поздно,
Весна полна кладбищенского смрада.
Но если даже час настанет судный,
То все равно стоять мы будем твердо,
Как будто мы уверены в победе.
И устоим и отразим удары!
Ведь всех героев древности отважней
Вы, молодые, буйные мадьяры!

Друзья! Как хорошо, какая радость
Сопротивляться адскому напору
Всех преисподних, потому что надо
Отвоевать свободу и порядок
Для нашей доброй маленькой отчизны,
Когда кругом, кровотока, несутся
Миры, века, народы-великаны,
Колеблются предания и троны.
Как хорошо осуществить мечтанья
Своей печальной маленькой отчизны,
Когда под пламенным шатром небесным
Кровавые мы видим панорамы.
И миру будто вовсе нету дела,
Что в грязных стойлах Гуннии творится...
О юные друзья, в такое время
Душой весны тревога овладела.
Та крепкая весенняя тревога
Священной всех тревог и потрясений!

История растопчет нас, быть может,
Но здесь, внутри, в костер мы побросаем
Старье и гниль — пусть пламень их карежит,
Пусть уничтожит! Пусть все будет пусто!
Нам все равно — здесь хуже быть не может,

Земля то все-таки не неподвижна!
А если так — наступим, юный ближний,
На эту глыбу, на венгерский камень
И поклянемся, юный мой товарищ:
Мы всё, что есть, заменим новым, лучшим,
А не удастся, так погибнем сами!

1913

Голос ужаса

Взвыл мой пес, паровозы скорбно скулят...
Ночи порядок таков у нас.
От размноженья зверей и солдат
Эта ночная взволнованность,
Ибо войска умножаются,
Ибо зверье размножается.

В ветхом лесу заохали
Мертвые воспоминания,
Ожило вновь и летит из земли
Мерзкое их верещание,
Ибо полунощный лес не пуст,
Ибо у ужаса тысяча уст.

О, ночи, звери, псы, поезда,
Наша судьба, и войска, и жизнь...
Честными были мы все, пока
Здесь воедино не собрались.
Но кто-то стегнул вселенную,
Жестоко стегнул вселенную.

И все отдельное вместе слилось,
И все-таки разрывается,—
Звери, солдаты, пес, паровоз...
Но мрак в лесах сохраняется,
Великий страх сохраняется,
Все призраки сохраняются.

1915

Проклятье нынешнего пророка

...И ниспровержен столь глубоко,
Что всех униженных я ниже,
Ощупываю сердце, нервы...
Где ж он, безумный жар пророка,
К тебе взывающий, о боже?
Проклятья, вижу, мертвы тоже!

Так в адскую впеклись мы серу,
Что нет уже бичей для гнева
И силы для крещения в веру.
И никогда еще бывшее
Не истребляли Азраилы
С такою ненавистью злою!

Мы даже о своих утратах
Утратили воспоминанья.
Полны оледенением смерти
Дела — остывшие мечтанья,
Мечты — остывшие деянья.
И пали ниже мы, чем черти.

О люди, отпрыски господни,
Вас ныне зверь стыдится дикий!
На зайцев сделались похожи
Пророки — робкие зайки.
Лют ад, где «Нет!» звучит все строже,
Но этого и дай нам, боже!

1915

Иду я к ждущим

Передо мной встают бывшие лета,
Когда, гонимый, на груди Парижа
Лицо я прятал, и дал я клятву,
Что не увижу
Земли родимой под игом вражьем!

Я думал так и думал по-иному.
Рождалась вера и впадала в старость,
И мне казалось: ни добродетель,
Ни гнев, ни ярость
Ту кровь не смоят и новой кровью!

О гордые парижские скитанья!
Мою вы молодость оберегали.
И вот я дождался, вот я дождался,
И дни настали,—
Друзья восстали, хотят и смеют!

Взошел посев наш старый новым летом,
Но помню я о знойном изобилье
Тех лет парижских, о баррикадах благословенных,
Что защитили
И сохранили для новой битвы.

Жги, солнце, бейся дикий летний ливень!
В расцвете — вера;
И крест железный с могилы старой
В меч превратил я.
Иду я к ждущим на бивуаке!

1915

Свадьбу здесь лишь раз играли...

(Памяти Дьёрдя Дожи)

Свадьбу здесь лишь раз играли,
Настоящую играли;
Женихом страны родимой
Дожа Дьёрдь провозглашен был,
И весны героической дали
Всюду радостью горели.

Только раз земля вулканом
Здесь была; огнем вулканным
Гнев тогда и месть, как лава,
Устремились к грозной цели.
В судном вихре великаном
Дожа встал — не цезаришки.

Только раз народ здесь верил,
От степей до Рима верил,
Выйдя в честный бой кровавый,
Нападая, истребляя,
Что он судит полной мерой,
Цепи рвет, в огонь бросает.

Только раз судьба была к нам,
Даже в гибели добра к нам,
Мы тогда сказали миру,
Что сейчас сказать бы надо,
Что ж теперь сказать, однако,
Стал вулкан — вулканом мертвым!

В юных сердцах

В юных сердцах и всегда вперед!
Хитрые старцы и злые глупцы,
Все вы на жизнь мою вышли в поход.
Знайте: у ней миллионы корней!

Быть властелином святых мятежей,
Вер и надежды способен лишь тот,
Кто, обливаясь кровью своей,
По-настоящему жил и любил.

Только раз здесь революция,
В полной силе революция,
Справедливо все решала;
Дожа вел в бои такие,
Когда все героически бьются,
Отвергая соглашения.

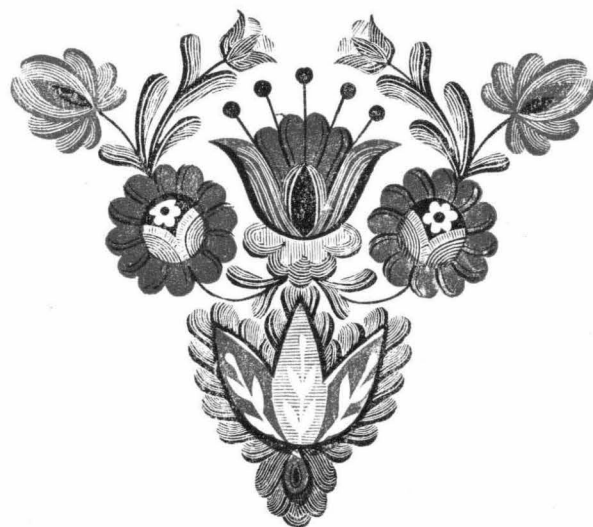
Только раз была надежда,
Вся в крови, в огне надежда,
Должен вновь притти к нам Дожа,
И придет он — Дожа Дьёрдь...
Ой, боюсь, умру я прежде,
Вы, друзья, наверно, тоже.

1915

Да, буду жить я и покорять
Именем горестной жизни большой.
Бранью и грязью меня не пронять, —
Я под защитой юных сердец!

Вечная мне суждена весна,
Не нападайте на жизнь мою,
Словно святая гробница она;
Цвету живому не будет конца.

1918



ДЬЮЛА ЮХАС

(1883—1937)

Дьюла Юхас (Juhász Gyula) родился в Сегеде. По окончании университета стал учителем средней школы, затем, начиная с 1917 года, целиком посвятил себя литературной деятельности.

Первый сборник его стихов вышел в 1907 году. Кроме стихов узко личного, чисто лирического плана, Юхас создал ряд произведений, в которых отразилась социальная борьба венгерского народа против своих и чужеземных угнетателей.





Песня деревенского колокола

Я треснул. Звучность потерял мой звон,
Я был сюда из храма привезен,
Давным-давно
Я, бедный колокол, здесь водружен.

Сын у крестьян рождается — я звоню,
Я с хриплым звоном нищих хороню,
Гилинг-галанг!
От заморозков севы я храню.

Туман кругом, печален мир зимой,
Пронзителен мой похоронный вой,
Бимбам, бимбам!
И бесконечность неба надо мной.

Я дальним внемлю здесь колоколам:
Гилинг-галанг! гилинг-галанг! бимбам!
Они меня
Оплакивают. К гордым голосам,
Прислушиваясь, плачу я и сам.

Песня

Закат уж ускользает
Из-под ветвей дерев,
Звучит на скрипке лета
Уж осени напев.

Из-под ветвей выходит
К нам осень наконец,
Танцует, сотрясая
Багровый свой венец.

Как облака на гору,
Садятся мне на плечи
Явившиеся в пляске
И осень и вечер,
И осень и вечер.

Рабочие на мосту

Вдоль Келенфельда по мосту гремучий
Курьерский поезд наш в рассвет летит.
Дым стелется за ним, подобный туче.
А на мосту рабочие. Их вид

Угрюм. И каждый, вдруг на миг летучий
Прервав свой труд, в окно мое глядит,
И никнет молоток в руке могучей.
Внезапно солнца возникает щит

Над горизонтом, рдяный. Поцелуй
Шлет он их бронзовым рукам, ликуя.
Какой густой на лбы ложится свет!

А поезд дальше прямо, в солнце мчится.
Столб искр веселых из трубы струится.
И я машу в окно платком. Привет!

Майский праздник

Вновь первомайский праздник запретили:
Без праздника пройдет веселый май.
Знамена, скройтесь, песни, не гремите!
В безмолвии, надежда, расцветай.

И май настал. Липовыми цветами
Встречала солнце пышная сирень,
Бурьян, и тот разросся на свободе,
Расцвел, чтоб встретить первый майский день.

Воспрянул тополь, словно стяг победы,
И жаворонок пел, и песнь его
Восторженно над миром возглашала
Пленительное мая торжество.

В пурпурной буре угасало солнце,
Свершались свадьбы на земле, в воде.
Покуда мир стоит, еще такого
Не видывали праздника нигде.

Новое признание

Всю ту любовь, которая пылала
Как светлый рай, как страшный ад во мне,
Которая мне душу обжигала,
Влекла меня к сверкающей весне,
Всю ту любовь — тебе, мой брат рабочий,
Тебе, народ-страдалец, я отдам,
Ты — яркий мой маяк, во мраке ночи
Поднявшийся из глуби к небесам.
Тебя с любовью вечной, беспокойной,
Неиссякаемой, как лето, знойной
Целует песнь моя, к тебе летя.
Ты — мой отец и ты — мое дитя!

Всю ненависть, которая пылала
Во мне гордыней дикою досель,
Которая, как едкий яд, вливала
В меня желанье смерти — жуткий хмель,
Всю ненависть я вам отдам, решившим
Сдержать привольный времени разбег,
В своем тупом довольстве позабывшим,
Что жизнь свята, священен человек,
Который пестует, трудясь немало,
Грядущее, как океан кораллы,
Который рвется из норы на свет
И уж стоит в преддверии побед!



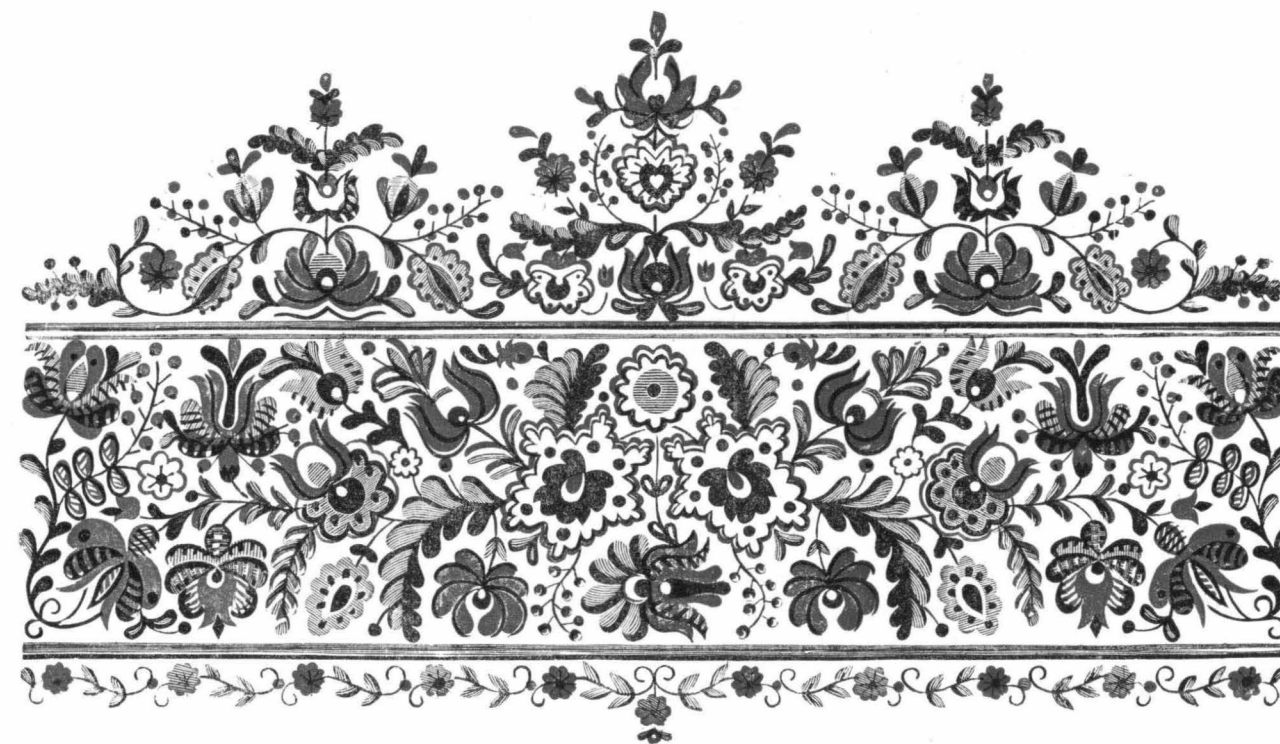
АРНАД ТОТ

(1886—1928)

Арнад Тот (Tóth Arpád) родился в Араде в семье скульптора. После окончания средней школы изучал философию в Будапештском университете, затем стал журналистом и писателем. С 1908 года был сотрудником журнала «Ньюгат» и представителем модернистского течения венгерской буржуазной литературы. Первый сборник его стихов вышел в 1913 году под названием «Серенада на рассвете». Затем он издал еще три сборника стихотворений и напечатал много переводов.

После Великой Октябрьской социалистической революции и произошедшей под ее влиянием венгерской пролетарской революции 1919 года Арнад Тот, называвший себя в эту пору «отпрыском крепостного крестьянина», написал несколько стихотворений, в которых заговорил о предметах, кровно интересовавших венгерский народ («Новый бог», «Март»). После падения венгерской советской республики он вернулся к субъективистской поэзии.





Серенада на рассвете

Сереет в грязных улицах. Светает.
А вдалеке, где мягко все и чисто,
Рассвет рукою импрессиониста
Лист рисовальный к небу прикрепляет.
Вот синеву малюет он, мечтая,
Вот оловом он намечает тучу
И подымает лунный лик на кручу,—
Блестящий, словно кнопка золотая.

И темнота — подрысник ночи жадной —
Сползает медленно с дерев, покуда
Вся роща — восхитительное чудо —
Не обнажится в тишине прохладной.
И со всего, что происходит в небе,
Она очей своих не сводит ясных
И ждет, чтоб солнце, старый сладострастник,
Вонзило в косы ей горячий гребень.

Но в городе едва-едва средь грязи
Шевелится рассвет печальный, хилый.
Все лепестки уж обронил унылый
Фонарь — цветок, взлелеянный на газе.
Лишь здесь и там, болезненно и странно,
Под тяжестью гнетущей тьмы сгибаясь,
Как факелы зеленые качаясь,
Стволы дерев маячат окаянно.

Ты спишь ли, Аннушка? Я спозаранку
Перед зарей брожу по переулкам,
На скрипке мне поет утешно, гулко
Моя фантазия, моя цыганка.
Поет улыбкой губ твоих, прохладой,
Поет сияньем утреннего неба...
О, под окном твоим открытым мне бы
Остановиться с грустной серенадой!

Я сердце, плачущее так тоскливо,
Все отдал бы певучей этой скрипке,
Пусть принесет тебе мой пламень зыбкий, —
Моих желаний пламень сиротливый,
Чтоб в сне девичьем сладко и безбольно
Заплакала бы ты и, замирая,
Нечаянно, сама того не зная,
Всю жизнь мою оплакала б невольню.

Осенний вопрос

Ты не любил ли гулять по равнине пустынной
В час, когда первой звездой пронзен небосвод
И благовонное сено телега по жнивью везет,
Запахом напоминая о смерти безвинной?

Было ли больно тебе наблюдать за осиною,
Как она старой седой головою трясет,
И сознавать, что, как сено, еще один год
Этот сентябрь увезет, прошагав над равниной?

И, утомившись, на камень садился ли ты,
Жизни давно миновавшей читая листы,
Чтобы, очнувшись, о смерти подумать, о муке,

И ощущал ли внезапно, как холод ночной,
Ветер ночной, словно пес незнакомый, чужой,
Тычется в ноги и лижет печальные руки?

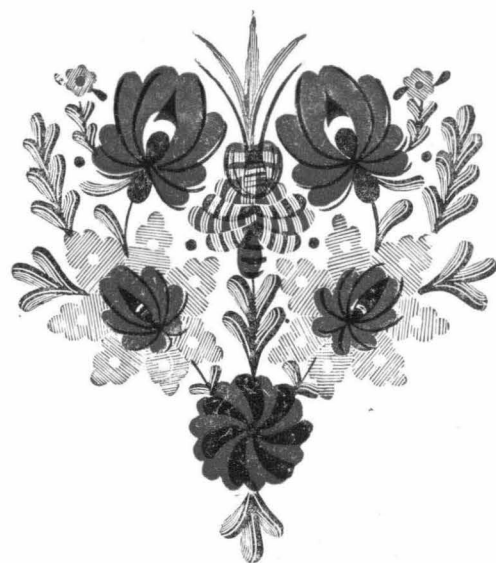
Март

Нет, в марте у меня спокойно сердце бьется:
Сквозь палых листьев слой фиалка к нам прорвется
И в городе моем, кружась над площадями,
Вновь зацветет любовь весенними цветами.

О дивный месяц! Снег неся одной рукою,
Нежнейших почек шелк ласкает он другою.
Из-под домашнего невольного ареста
Выходим в марте мы. Свободе честь и место!

Петефи месяц! Стань, как в памятные годы,
Родоначальником пленительной свободы,
Свободы слова стань отцом, чтоб у венгерца
Не никла голова и не сжималось сердце.





ОСКАР ГЕЛЛЕРТ

Оскар Геллерт (Gellért Oszkár) родился в 1882 году. Выдающийся поэт поколения Ади. Начал печататься в 1902 году. В 1918 году принял участие в венгерской буржуазно-демократической революции. В 1919 году после поражения пролетарской революции был заточен в тюрьму. По выходе из тюрьмы стал одним из редакторов журнала «Ньюгат». Начиная с 1934 по 1945 год, до самого освобождения Венгрии, Геллерт постоянно подвергался гонениям со стороны властей и был лишен возможности печататься. «Я писал только для ящика письменного стола, — сообщает Геллерт в своей автобиографии. — Это были большей частью пессимистические произведения, а я после освобождения решительно стал оптимистом».

Геллерт выпустил двенадцать сборников стихотворений. Произведения его, написанные до 1945 года, относятся к левой буржуазной поэзии. После освобождения Венгрии поэт активно участвует в создании демократической литературы страны, и, как он сам написал в одном из стихотворений, посвящает все свои творения венгерскому народу, строящему свою новую отчизну.





1848 год

Тысяча восемьсот сорок восьмой:
В Европе — Маркс, и в Венгрии — Петефи.
А вы тогда в горячке золотой
К чему стремились алчно в «новом свете»?
Мы за свободу бились всё упорнее,
Вы золото искали в Калифорнии.

Мы в бой с тиранами бесстрашно шли
В столицах окровавленной Европы, —
А вы за океаном там, вдали,
К наживе лишь прокладывали тропы;
Распределяли меж собою янки
На прииски заявки и деланки!

Услышав революции призыв,
Восстали европейские народы.
Нас всех объединил один порыв,
Мы устремились за звездой свободы.
А вы, в избытке золото добыв,
Следили за какой звездой в те годы?

Погнались вы за радужным миражем,
И золотой телец стал богом вашим,
Пред идолом склонились вы, но вместо
Всех ваших деклараций нам тогда
Сверкнула путеводная звезда
Коммунистического Манифеста!

Шестьдесят шесть

Вот шестьдесят шестое лето,
Как я живу. За время это
Два раза, разорен войной,
В крови купался шар земной.

Два раза он в крови купался.
Не знаю, как я жив остался,—
Но не погиб, но не зачах,
И две шестерки на плечах.

Я видел: Кошута в могиле
Торжественно похоронили.
Тогда мне было шесть и шесть.
Я знаю: видеть это — честь.

Пока я плыл, и греб, и правил,
Я столько за собой оставил!
Когда мне было шестью шесть,
Учил нас Ленин. Это честь!

Шесть лет назад, болея раком,
Земля была покрыта мраком.
Уж я не думал повидать
Ее здоровой: долго ждать.

Но повидал. Я плыл, я правил,
Я столько за собой оставил!
Я внука на руках держу
И все еще слежу, гляжу.

Вот шестьдесят шестое лето.
Кого благодарить за это?
Крылатый конь мой, мой Пегас,
Проржал, счастливый, и угас.

Три вершины

К вершине ты пришла:
То был сорок девятый год,
Трон обесславленный, Петефи, Кошут, —
Надеждой мира стал родной народ!

То было взлетом!
Не прошло ста лет,
Как низко пала ты, страна родная,
Как пала ты в трясину горьких бед!

Как низко пала ты!
Закона быть не может
Позорней, нежели тот изменный закон,
Которым был лишен отчизны Кошут!

Страна пришла к вершине
Весною, в девятнадцатом году,
Путь Западу мадьяры осветили,
Взметнув восстанья алую звезду!

О, посланный Москвой
Привет, — он драгоценен,
В нем предостережение и порыв,
Его прислал нам Ленин!

Да, ты не сирота!
Народ взошел на новую вершину,
Друзей узнал он! Но потом упал
В бездонную трясину.

Десятилетия прошли,
Ушло бывшее поколенье,
И на плечи твои за тот мятежный год
Налогов новых возложили бремя.

Падений больше нет!
Ты взыскана судьбою,
Все, что утрачено тобой за целый век,
Отсужено с лихвою!

К вершине ты пришла,
Со знаменем священным алым,
В весенний час для всех людей земли,
И с пенем «Интернационала».





БЕЛА БАЛАЖ

(1884—1949)

Бела Балаж (Balázs Béla) родился в Сегеде; отец его был профессором философии. Сам он окончил литературный и философский факультеты. В литературе выступил в 1907 году как поэт-символист, выпустил ряд сборников стихотворений, несколько пьес.

В 1919 году он примкнул к революционному рабочему движению, участвовал в венгерской пролетарской революции. После падения пролетарской диктатуры в Венгрии уехал в эмиграцию в Вену, а в 1927 году в Берлин, где писал киносценарии, пьесы, романы, сказки. В 1931 году он приехал в Москву, работал в области кино, напечатал несколько повестей, пьес, много стихотворений. В 1945 году вернулся на родину, принимал активное участие в литературной жизни освобожденной Венгрии.

В молодости Балаж был модернистом, поэтом-символистом, далеким от народа. Сблизившись с рабочим движением, Балаж обращается к реализму, и творчество его постепенно все более проникается идеями коммунизма. В целом ряде своих произведений Балаж выразил свою любовь к Советскому Союзу.





*Рождественская песнь
эмигранта в 1939 году*

Оглянись, моя подруга,
Позади осталась вьюга,
Нам пути обратно нету,
Мы из мрака вышли к свету.

На венгерской на равнине
Зимний ветер дует ныне,
Наш очаг давно потушен,
След засыпан, дом разрушен.

Нас не одолела вьюга, —
Кров найдя в сердцах друг друга,
Мы несем с собой любовно
Весь очаг наш бездомовный.

Греет нас огонь бродячий,
Бесприютный, но горячий,
Отражается во взоре
Огоньков таких же море.

В каждом сердце пламя, пламя,
Табор наш горит кострами,
Путь народу озаряет
И свободу предвещает.

Ветры в Венгрии свистели,
Мы ушли, осиротели,
Лишь в пути — все дальше, мимо —
Мы нашли свой дом родимый.

Да, уйдя из дома, — к дому
Возвратимся мы родному,
Да, мы с родиной простились,
Но в пути не заблудились.

Всю мы жизнь свою боролись,
От друзей не откололись,
Веру в правду сохранили
И любви не изменили.

Жизни мы жалеть не станем,
В вечность мы не даром канем,
Ибо сердце в каждом смело
Вместе с миром пламенело.

На серебряную свадьбу

На плечо ко мне склони ты
Голову седую,
Дай-ка я в твоих морщинах
Слезы поцелую.

Не печали в сердце стонут —
В нем цветет отрада,
Четверть века дружбы, счастья —
Вот любви награда.

Двадцать пять годков гонимы,
Но верны идее,
Двадцать пять годков, а любим
С каждым днем сильнее.

Революция была нам
Свадьбой, а изгнанье
Было «месяцем медовым» —
Каково названье!

Нас поддерживал в сраженьях
Нашей дружбы пламень;
В каждой битве взор твой светлый
Я искал глазами.

Потерпи еще немного,
Знай, что не напрасно
Ты несла в печальном сердце
Этот пламень ясный.

Этот пламень негасимый
В песню превращу я,
Подыму его как факел,
Путь им освещу я.

Знаю я: в последней битве,
Истекая кровью,
Вместе мы падём, товарищ,
И сверкнем сквозь дым пожара
Нашею любовью.

Я верен свету твоему, звезда

Целую я, коленопреклоненный,
Твое забрызганное кровью знамя,
Итти за ним клянусь до самой смерти.

Я тоже сын твой, о народ России,
Народ, кем Ленин был взращен и Сталин,
Я тоже русского народа сын.

К тебе пришел я из страны далекой,
Но здесь родился снова. И все мысли
В моем мозгу, все чувства в сердце были

Твоей душой навеяны. Я мыслю
Благодаря тебе. И весь я твой.
Твой сын, с тобою ныне я прощаюсь.

Теперь, когда на празднике твоём
Тебе спасенные тобой народы
Миллионами сердец поют хвалу

И, как подсолнечники перед солнцем,
Пред знаменем склоняются твоим
Знамена всех пяти материков,

Когда на смену необъятной битве,
На смену мукам, подвигам, страданиям
Твоей победы радость воссияла

И в обновляющих лучах весны
На удобренных кровью светлых нивах
Неслыханное началось цветенье,

Когда с тобой, народ победоносный,
Живется так спокойно и почетно, —
Тебя, увя, покинуть должен я.

Твой сад расцвел, обширен и прекрасен,
В грядущее он простирает ветви,
А мне опять пускаться в трудный путь,

Туда, где мрак еще, туда, где холод,
Где небольшой измученный народ
Еще блуждает в поисках дороги.

Он предан был, он продан господами,
Он вовлечен был ими в преступления,
Но он еще способен обновиться.

Живет он там, где протекает Тисса,
Где матерью я был рожден на свет,
Рожден на свет, но мало видел света.

Оттуда, света жаждущий скиталец,
К тебе нашел дорогу я, о солнце,
Но тяжело мне, что братья спят во мраке.

Хотя я сыном стал твоим и мыслить
Ты выучил меня, но песни петь
Я научился там, в своей отчизне.

Так отпусти ты сына своего,
Чтоб я, неся твой свет, твое сиянье,
Во мраке братьям озарил бы путь.

Я только для того и существую,
Чтобы твоими озарить лучами
Дорогу братьям сумрачным своим.

Вот почему с тобой расстаться должен,
Вот почему на празднике твоём
С тобою я обязан попрощаться.

Тебя благословляю за приют,
Колена преклоняю и целую
Твое забрызганное кровью знамя.

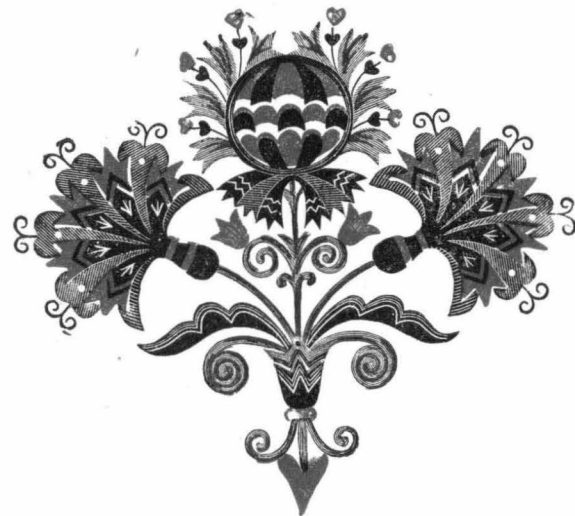
К портрету Сталина

Еще никто досель не подымал
Подобных тяжестей. На плечи ты
Мост человечества спокойно взял,
Путь к свету проложив из темноты.

Никто так много в сердце не вбирал
Людского горя, слез людских, мечты,
И ни к кому так страстно не взывал
Несчастный из оков, из нищеты.

Еще никто среди таких забот
Не проводил все ночи напролет,
Всегда ты бодрствуешь, всегда идешь;

Никто еще досель плодам труда
Так не был рад, как будешь ты, когда
Вселенную ты в коммунизм введешь.



ШАРОЛТА ЛАНИ

Шаролта Лани (Lányi Sarolta) родилась в 1891 году. Начала литературную деятельность перед первой мировой войной. Выпустила несколько сборников стихотворений: «Подарок», «Уходящий», «Мои дни» и др. После поражения венгерской пролетарской диктатуры эмигрировала в Советский Союз и вернулась в Венгрию в 1946 году.

Раннее творчество Лани проникнуто настроением грусти и скорби. О своих произведениях зрелого возраста поэтесса писала в своей автобиографии: «Мои произведения зрелых лет гордо носят печать того жизненного опыта, того морального и духовного богатства, к которым я была приобщена в годы, проведенные мною в Советском Союзе». Эти произведения Лани проникнуты революционностью, любовью к Советскому Союзу. Сборник избранных стихов Лани — «Неисчислимые годы» вышел в Венгрии в 1947 году.

Шаролта Лани очень много сделала для популяризации в Венгрии произведений русской классической и советской литературы. Она первая перевела на венгерский язык «Двенадцать» Блока. Известны ее переводы стихов Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Маяковского, Твардовского, Исаковского, Суркова и других. Такие значительные произведения советской прозы, как «Тихий Дон» Шолохова, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Педагогическая поэма» Макаренки, «Буря» Эренбурга, также переведены Шаролтой Лани, ведущей большую работу по углублению культурных связей между народно-демократической Венгрией и Советским Союзом.





Мечта о фиалке

Как отрадно под сосной,
Под березой молодой,
Над стремительной водой
Пить в молчанье летний зной.

Все прекрасней жизни лёт,
Все синее небосвод,
Хоть идет за годом год,
Нам и старость радость шлет.

Посмотри, вода светла,
Детвора в воде гола.
Как их песня весела!
Как прекрасны их тела!

Будь ты молод, будь ты стар,
Всем приносит солнца жар
Свой прелестный щедрый дар —
Ослепительный загар.

Нет, не зря твердит мечта,
Что исчезнет нищета,
Что открыты ворота
В край, где жизнь светла, чиста,

В край, где даже хлеб сытней,
В край, где молоко жирней,
В край, где дичь в лесах вкусней,
В край, где зори все ясней,

Где возлюбленный верней,
Воздух ласковей, нежней,
Где у бедных матерей
Не уносит смерть детей.

Дети крепнут и растут,
Любят книги, любят труд,
Смело в жизнь они войдут,
Счастье и любовь найдут.

...Самолет летит вдали,
Сеет семя, чтоб в пыли
По лицу родной земли
Нам фиалки расцвели.

Так мечтал поэт: пройдет,
Может, месяц, может, год,—
Буда лесом порастет,
Вся в фиалках зацветет.

А мечты здесь никогда
Не проходят без следа,
И фиалки, как вода,
Плещут к нам, в страну труда.

1936

На Новый год

Годы, годы, медленные годы
Унесли тебя за лес, за воды!
Унесли, но близким ты остался,
Словно ты со мной не разлучался.

Не порвутся связи между нами,
Связаны мы тайнами и снами,
И подушка на твоей кровати
Ждет тебя домой, в свои объятья...

Где б ты ни был, ты с родным народом.
...Медленно уходит год за годом...
Двадцать, тридцать... нас не испугают,—
Общие созвездья нам сияют.

Видя звезды, мы идем к отчизне,
Верные ей, как в начале жизни,
В нас горит, горит огонь священный,
Вечный, негасимый, сокровенный.

1945

Весна победы

Надежда наша, как трава
Под снежной пеленою.
Мы знали, что она жива
И только спит зимою.

И вот снега с полей сошли,
Проснулся луг зеленый,
И травы всходят из земли,
Героями спасенной.

358

* * *

Пишу, пишу,— спиной к окошку сидя,—
Но почек лопнувших дыханье слышу я,
Я слышу пенье птиц, и знаю я, не видя,
Что хорошеет вся вселенная моя.

Живу, живу,— не к жизни ли спиною? —
Но чувствую, минувшим занята,
Как веселы сердца, не знавшие покоя,
Как оживают радость и мечта.

Сердца испытанные! Хладнокровно
Вы муки вынесли и горькую печаль.
В борьбе, в труде, в беде сверкаете вы словно
Военная медаль.

Как мне тебя благодарить, не знаю,
Советская страна, приют любимый мой.
Из рук твоих свою отчизну получаю
И оживаю я,
И мчится песнь моя
На крыльях радостной мечты — домой!

1945

Зеркало

Перед зеркалом я косу
Поседевшую сплетаю,
И в стекле я узнаю
Мать далекую мою.

Так я с матерью встречаюсь
И в изгнание, и в разлуке.
Что ж, пока живая я,
Не исчезнет мать моя.

1945

Мать зовет

Спросила ты, жива ль еще та липа,
Под листьями которой ты росла.
Она жива, но не благоухает,
Хоть дважды с той поры уже цвела.

Она, немая без благоуханья,
Шлет вызов небу гордой головой.
Взорвавшись рядом, обломала бомба
Две лучших ветви прошлой зимой.

А может быть, и не она немая,
А я глуха,— невняты мне слова.
Ты к старой липе юное сердечко
Неси, пока она еще жива.

359

* * *

Не просто нежность и не просто ласка,
Когда я «Жизнь моя!» тебя зову.
«Сокровище», «Цветок» — слова пустые,
А ведь тобою я и впрямь живу.

Ты жизнь моя! Я это сердцем знаю!
Ты жизнь моя! Лишенная корней,
Я лишь в тебе одной черпаю веру,
Чтоб сок добыть для всех моих ветвей.

Ты продолжение мое, зеленый
Побег, украсивший мой старый ствол...
Чтоб этого письма не прочитали,
Его на ключ я запираю в стол.

* * *

Любовь моя живет, горит во мне,
Рожденная в сердечной тишине.
Нет слов, чтоб тяжесть вынести ее,
Хоть так ее воздушно бытие.

Нет больше в нашем мире чувств таких,
Величественных, скромных и простых,
Так помогающих идти и жить
И так боящихся себя открыть.

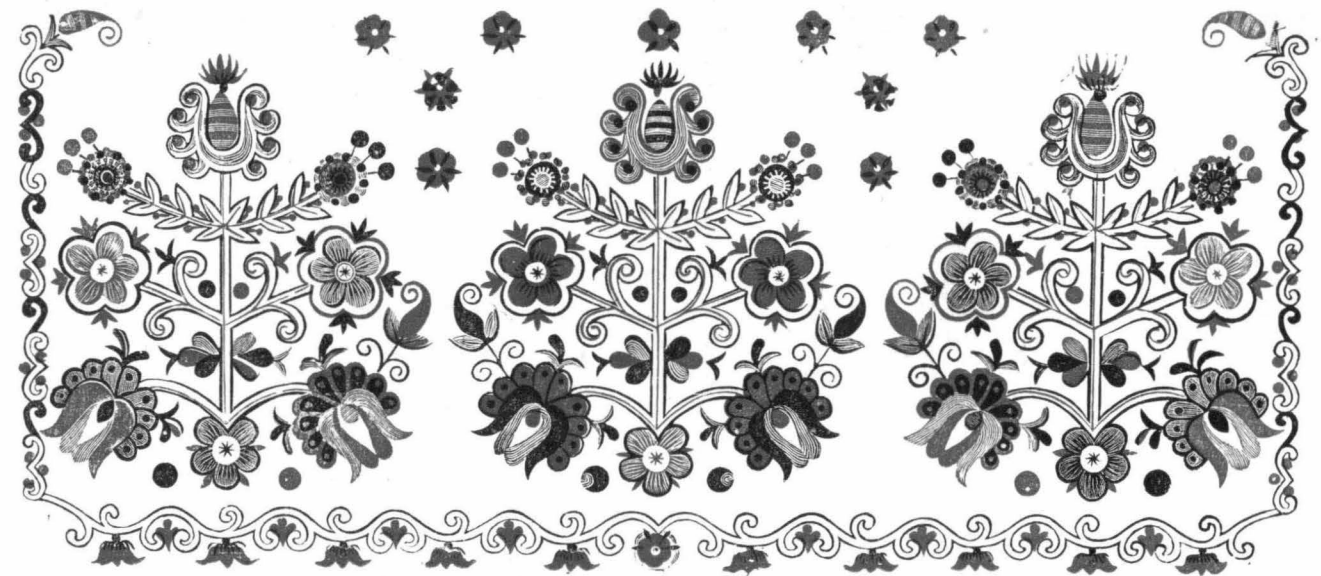
1943



АНДОР ГАБОР

Андор Габор (Gábor Andor) родился в 1884 году в комитате Шомодь, школу закончил в Будапеште, писать начал шестнадцати лет. В ранний период своей литературной деятельности Андор Габор написал ряд статей, пьес, романов, в которых высмеивал буржуазию. Габор участвовал в венгерской буржуазно-демократической революции 1918 года, затем в венгерской пролетарской революции 1919 года. После поражения революции был арестован. В 1920 году эмигрировал. С 1933 года жил в СССР и в 1945 году вернулся в Венгрию. Произведения Габора, написанные им после революции 1919 года, проникнуты идеями коммунизма. Он первый из венгерских поэтов поднял голос против белого террора Хорти («Орговань», «Господа офицеры»). Возвратившись на родину, Габор своими публицистическими статьями и стихами включился в борьбу за создание новой Венгрии. Габор переводит стихи советских поэтов: Маяковского, Твардовского, Джамбула, Стальского и др.





Орговань

Вот лес... Лишь только ветер пробежит,
Об ужасах шепча, — весь этот лес дрожит.
Царапнешь если ты кору его стволов —
Слезами красными идет оттуда кровь.
И не роса блестит среди кустов,
А только кровь и кровь, и снова — кровь.
Вот лес, чьи ветви сломлены в борьбе.
Вот лес, который страшен сам себе
И сам себе он стонет: «Не увянь!»
Вот Орговань.

Правитель Хорти, здесь в твоём саду
И наяву и будто бы в бреду
В отчаянную ночь бушует суховей
И сотни призраков танцуют меж ветвей!
В петлях трехцветных тут они висят,
И пляска смерти сотрясает сад.
Тот кечкеметский дьявольский чардаш
Ты, Хорти, выдумал, правитель наш,
Не для язычников, для добрых христиан...
Вот Орговань!

Как много, Хорти, ты людей убил!
Земля их вытесняет из могил,
И тысячи замученных спешат
К убийце в Кечкемет явиться на парад.
Мужчины, женщины — (и женщин ты казнил!) —
В дырявых торбах тел выносят из могил
Кровавый лом костей и пляшут танец твой,
О Хорти, там, в лесу с опавшею листвою.
И слышен хор в лесу, ревущий, как орган:
О, Орговань!

«Ты, козлоногий, дикий, злой урод.
Ты спишь? Дремота все-таки берет?»
Тебя еще кровать не выбросила прочь?
Проснись! Еще глядишь глазами в эту ночь?
Кого-то обнимать ты тянешься рукой?» —
Так спрашивают те, кто ослеплен тобой,
Взывают сотни рук, что вырваны тобой.
В кровавом озере кипит еще прибой.
О, Орговань!

Над морем крови — замок-великан,
В нем для злодея Хорти трон готов,
Но уж кипит под этим троном кровь,
Смотри, чтоб тот поток с земли тебя не смыл.
Садовник смерти, фабрикант могил,
Коронованья не дождешься все ж!
Ты отдыха на троне не найдешь!
Мечтать о фимиаме перестань!
О, Орговань!

Знай, сударь: на венгерской стороне
Еще стоят леса, леса в крови, в огне!
К тебе миллион ветвей простер венгерский лес,
И нет спасения от алчущих деревьев.
Не только мы, но шумный мир ветвей,
Деревья жаждут тяжести твоей.
Когда ты на сучке, злодей, заплывешь сам,
Тогда легко вздохнется и лесам...
Но сколько жизней взял себе ты в дань?
О, Орговань!

Песня взрослым детям

Друзья! Весна так хороша!
В траве купается душа,
Как жеребенок удалой!
Да, превосходно жить весной!

Весною воздух так бурлит!
Так жаворонка песнь звенит!
Цветы так белы, так легки,
И небеса так высоки!

Высоко мысль моя взнеслась,
И к сердцу не прилипнет грязь.
Я всех люблю, я всех люблю,
Лишь хмурой злобы не терплю.

Ты скучен, старый богатей!
Нет, право, лучше быть бедней.
Ты равнодушен и хитер,
Не для тебя весны простор.

Не лги природе о любви.
Смотри, дыши, живи, живи!
Свое торгашество оставь
И взор в весенний блеск направь.

Ты видишь, я разут, раздет,
И у меня ни денег нет,
Ни родственников, ни детей
На всей родной земле моей.

Нет у меня небесных благ,
Нет и земных, — я нищ и наг,
Нет ни во сне, ни наяву,
И все ж я весело живу.

Мне тридцать шесть. Года, года!
Но поцелуй есть всегда.
Мне негде голову склонить,
И все же весело мне жить.

Мне тридцать шесть. Года, года!
Да, был бездомен я всегда,
Зато остался юн, пригож,
На солнце юное похож.

Ступай за мной, ступай со мной
В ночную тень, в полдневный зной.
Я жизнь люблю! Моим путем
Мы вместе к радости придем.

Что, простовата песнь моя?
О жизни песнь слагаю я,
А жизнь совсем проста. Она
Тебе лишь кажется сложна.

Так думал я двадцатой, той,
Для нас священной, весной,
Когда в Берлине кровь текла,
Чтоб к нам весна, весна пришла!





ЖЕННИ ВАРНАИ

Женни Варнаи (Várnai Zseni) родилась в 1891 году в Надьважоне в рабочей семье. Участница социал-демократического рабочего движения. Внимание читателей привлекла к себе стихотворением «Материнство», в котором впервые в венгерской поэзии прозвучал голос страдающей пролетарской матери. Варнаи приобрела известность антимилитаристическим стихотворением «Моему сыну солдату». Это стихотворение, напечатанное в 1913 году, было конфисковано властями, но в 1918 году в листовках распространялось в Венгрии. В 1917 году Варнаи приветствовала февральскую революцию в России стихотворением «Жизнь! Свобода!» Целый ряд стихотворений Варнаи посвятила венгерским революциям 1918 и 1919 годов. Во время господства фашизма в Венгрии она принимала активное участие в движении сопротивления и подвергалась гонениям со стороны властей. Ее стихотворение «Восстань, мадьяр!» было отпечатано на гектографе и распространялось участниками движения сопротивления во время оккупации Венгрии немецкими фашистами. Варнаи — автор ряда сборников стихов и рассказов.





Моему сыну солдату

Прими, мой сын, от матери родной
Слезам сердца политое слово.
Ты слышишь гул? Измученный народ
На смертный бой готов подняться снова.
И если против братьев и друзей
Тебя пошлет кровавый властелин,
Не забывай о матери своей:
Я буду с ними — не стреляй, мой сын!

Кругом весна, под небом голубым
Земля грустит, как горькая вдовица.
Но пахарь нивой не пройдет своей
И на ветру не зашумит пшеница.
С ружьем в руках и с пламенем в груди
Он станет в строй воинственных дружин
За вольный труд на радостной земле.
Я буду с ними — не стреляй, мой сын!

Давно ли я без отдыха и сна
Тебя, мой сын, качала в колыбели!
Идут года, в глазах все меньше слез,
И старческие руки ослабели.
Дрожит перо, но в неизбежный час,
Когда мадьяры встанут, как один,
Не дрогнут руки матери твоей.
Я буду с ними — не стреляй, мой сын!

Нахмурился бескрайний океан.
Но грянет буря — грозный и свирепый,
Он вырвется из древних берегов,
И все темницы разлетятся в щепы.
И суд свершится, справедливый суд!
И если ты не раб, а гражданин,
Внемли призыву тысяч матерей:
Я буду с ними — не стреляй, мой сын!

Жизнь! Свобода!

Сейчас наш пылающий взор прикован к Петрограду!
Сейчас крылатые вести нам посылает Москва!
Мы ловим с немим изумленьем слова,
и сердце не в силах вместить глаголы святые,
что ныне горят, не сгорая, на небе России:
Жизнь! Свобода!

Сейчас к русской земле, туда, где восходит солнце,
свои открывают сердца народы всех стран:
из крови и пепла, как феникс, восстал великан,
разбуженный страшной войною,
и новый гимн взмывает горячей волною:
Жизнь! Свобода!

В снегу стоят города и села под белой вьюгой,
но вот взошла заря, и солнце приветствуют дети,
и тюрьмы растворились на рассвете,
и русская мать не рождает больше рабов,
и слышится музыка слов:
Жизнь! Свобода!

По странам Европы, залитым алой кровью,
бросая мятежный призыв и огненный смерч поднимая,
весна — революции мать проносится, как хмельная.
Кто знает, куда упадет зерно весеннего сева?

Быть может, небо само разверзлось от гнева!
Летит Свобода!

Стоят чудовища пушки и смотрят в упор друг на друга;
Вокруг на сотни миль земля — сплошная могила...
Но кто потушит огонь, вырвавшийся из горнила?!
Какая сила в мире ему преградит дорогу?!
Он счастье несет одним, другим — страх и тревогу.
Летит Свобода!

Россия — ее колыбель, Россия дала ее миру,
над новой свободной Москвой новые звезды сияют,
и русские матери больше рабов не рожают,
и плеть уже больше не хлещет русский народ.
Привет тебе, светлый, великий восход!
Жизнь! Свобода!

Восстань, мадьяр!

О бедный венгр, тебе вонзали в спину
Из-за угла кинжала лезвие,
Тебя рабом швыряли в ноги к немцу,
Чтоб имя опозорил он твое.
Тебя вели с веревкою на шее,
И кровь твоя лилась на эшафот!
Восстань, мадьяр! Париж знамена поднял,
И слышен клич: «К оружию, патриот!»

Поэт, бряцая на продажной лире,
Тебе о жертве, о смиренье пел,
Тебя изменники убить пытались,
Отравленным пером, — и ты терпел.
Терпел, когда невинных убивали
Твоей рукою, именем твоим.
Восстань, мадьяр! Париж в огне восстанья,
И застилает солнце черный дым.

Убийца каждый звал себя мадьяром,
Рядился венгром каждый живодер.
Он заливал чужие страны кровью,
А ты безмолвно нес его позор.
Но зреет революция Петефи,
И новый Март встает уж над землей!
Народ венгерский в муках возродится,
И возродится край прекрасный мой.

«Товарищ, в бой!» — поет Париж восставший.
Мадьяр, ты слышишь гневные слова?
От сердца к сердцу, словно вихрь пожара,
Они летят предвестьем торжества.
Париж зовет, и на скрижалях сердца
Слова пылают, как святой завет:
Восстань, мадьяр, и завоюй свободу,
И воссияет в мире солнца свет!

Возьми свое изорванное знамя,
Оно тебя на подвиг поведет.
Среди народов на войне последней
Последним ты не будешь, мой народ.
Твоя звезда зажглась на небосклоне,
Она тебя зовет издали:
«Восстань, мадьяр, возьми оружие смело,
И пусть не дрогнет в жалости рука!»



ЭМИЛЬ МАДАРАС

Эмиль Мадарас (Madarász Emil) родился в 1884 году. Начал печататься в 1904 году. Первый сборник его стихов «Город» вышел в 1906 году в издательстве Венгерской социал-демократической партии. Мадарас участвовал в Венгерской пролетарской революции 1919 года. После ее поражения эмигрировал в Вену, затем приехал в Советский Союз. В 1946 году вернулся на родину. В начале своей литературной деятельности Мадарас писал стихи о тяжелой жизни венгерской городской бедноты. После падения венгерской пролетарской диктатуры его поэзия приобретает ярко выраженный революционный характер. В своих стихах и рассказах он пишет о венгерском революционном рабочем движении, бичует Венгрию Хорти, воспекает Советский Союз.

В последние годы Мадарас ведет большую работу по пропаганде советской литературы в Венгрии. Он перевел на венгерский язык несколько романов и много стихов советских писателей и поэтов («Разгром» и «Молодую гвардию» Фадеева, «Железный поток» Серафимовича, «Повесть о настоящем человеке» Полевого, «Пулковский меридиан» Веры Инбер и др.). Его перу принадлежит ряд статей о советской литературе.

Стихи и рассказы Мадараса переводились на русский язык и много раз издавались в Советском Союзе.





Чепель

Тонкая сеть
Металлических кружев.
Солнце над радиомачтами кружит.
Плавятся мачты
В горячей тоске.
Дети под ними
Играют в песке.

Мальчик оборван,
Девочка тоже.
Лица их худы —
Кости да кожа...
Плачется ветер
В сплетениях петель.
Горячим песком умывается Чепель.

Дети играют:
«Алло! Алло!
Это Ленин? Здесь Чепель!
Алло, Алло!...»
О, Чепель!
Звучать тебе словом советским

Позволено ныне лишь
В лепете детском
Иль, вспоминая
О красном привете,
Плакаться ветром
В сплетениях петель.

Было время —
Чепель встревожил эфир:
Вздрогнул от искры
Испуганный мир,
К уху приставив
Дрожащую лапу,
Слушал Советской Венгрии рапорт...

А ныне —
Пустыня.
И мачты стальные
Смотрят в небо, глухонемые.
Чепель закован в тяжкие цепи.
Где же та искра?
Где же тот Чепель?

1919

В Шегешвар

Телега сельская. Унылых пара кляч.
По сторонам пыль меловая вьется,
И на соломе бледный человек,
Полусолдат, полустудент, трясется.
У Шегешвара там отец и храбрый Бем,
С ним тысячи гусар с ума сошли от жару;
«Нно, Шаркань, Виллам!» — лошади рысцой
Телегу катят к Шегешвару.

На нем с иголки майорский доломан,
Стан юноши сжал пояс адъютантский,
Рубашка Гамлета, распахнут воротник,
На хмурый лоб пал клочок кудрей цыганских.
И лист бумаги тихо шелестит,
Как бисер почерк. Рифма ищет пару.
«Нно, Шаркань, Виллам!» — лошади рысцой
Телегу катят к Шегешвару.

В рубашке Гамлета, вы, господин майор!
Бумага шелестит, душа в мечтах витает,
К далеким облакам вы устремили взор...
Летят слова сквозь пыль, и песня нарастает.
Какая песня? Горем налита
И молнии подобная удару...
«Нно, Шаркань, Виллам!» — лошади рысцой
Телегу катят к Шегешвару.

В полете песня. То она гремит,
То плачет, то хрипяще мести просит,
Никто, как он, народ так не любил,
Слез солоней, чем он, никто земле не бросил.
Проигран бой! За летом славы вновь
Зима рабов несет за рабство кару...
«Нно, Шаркань, Виллам!» — лошади рысцой
Телегу катят к Шегешвару.

Проигран бой! Европа вновь тиха,
И снова гнет и рабство без предела,
И свищет кнут, немецкий режет кнут
Народа мысль и связанное тело.
Предатели на части знамя рвут,
Кус пожирнее чтоб схватить недаром...
«Нно, Шаркань, Виллам!» — лошади рысцой
Телегу катят к Шегешвару.

Вновь целые народы, племена,
Как звери, прячутся без пищи и без крова,
И, крови жаждавший, в разлившейся крови
Сапог немецкий марширует снова.
Молчит Европа. В смертной тишине
Миры живые гибнут в темных чарах...
«Нно, Шаркань, Виллам!» — лошади рысцой
Телегу катят к Шегешвару.

В обломках родины тебе, Паскевич-князь,
Обломком сабли нынче салютую,
Нет, не тебе — твоим полкам рабов,
Что завтра правду грозную почуют.
И будут жечь, как Лермонтовский стих,
Как Пушкинский огонь, в бездонной ночи ярой.
«Нно, Шаркань, Виллам!» — лошади рысцой
Телегу катят к Шегешвару.

Настанет день, румын, и серб, и венгр
Найдут друг друга в полдень новой славы,
Престол царей своей рукой сожгут
Восставшие в Москве золотоголовой.
Над Волгой, Тиссой, Рейном свет зари
Взойдет свободы мировой пожаром...
«Нно, Шаркань, Виллам!» — лошади рысцой
Телегу катят к Шегешвару.

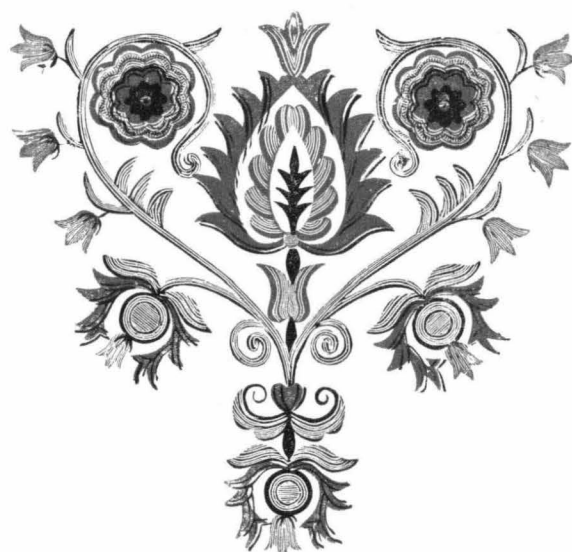
Дорогой раскаленной кружит пыль,
Повсюду вихрь той серой пыли вязкой,
Идет навстречу вымотанный в дым
С охрипшим горном полк гусарский.
Пыль на дороге, пыль в траве и пыль
Летит с холмов, покрытых пыльной хмарой...
«Нно, Шаркань, Виллам!» — лошади рысцой
Телегу катят к Шегешвару.

— Кого везешь, отец? — кричит в пыли гусар.
— Везем Петефи! — говорит возница.
И пыльный полк остановился вмиг,
В кольце телега, каждый к ней стремится.
И тот, кто мог достать его рукой,
Тот руку жал как только мог приветней...
«Нно, Шаркань, Виллам!» — так вот в Шегешвар
Петефи ехал с песнею последней.

Кремль

Темнеют кедры и цветы горят,
И, в августовских сумерках дремля,
О чем-то сосны тихо говорят...
Ребенок подошел к стенам Кремля.

— Живет здесь Сталин! — тихо шепчет он...
Рядами к небу башни поднялись...
И нежно гладит детская ладонь
Огромный Кремль, вздымающийся ввысь.



АЛАДАР КОМЬЯТ

(1891—1936)

Аладар Комьят (Komját Aladár) родился в Кошице в семье служащего. Первые стихи он написал семнадцати лет. Мрачное настроение этих стихов сам поэт объяснял впоследствии тем, что его угнетало убожество окружающей его венгерской действительности. В 1910 году он вступил в социал-демократическую партию, и чем ближе он подходил к рабочему движению, тем яснее и оптимистичней становилась его поэзия. В 1912 году он напечатал в газете свое стихотворение о Дьёрдьё Доже; этот номер газеты был конфискован. Во время первой мировой войны Комьят примкнул к левым социал-демократам. В 1918 году основал литературно-политический журнал «Интернационал», в котором призывал к борьбе за коммунизм. Комьят был в числе основателей коммунистической партии Венгрии. После падения венгерской пролетарской диктатуры жил в эмиграции, сперва в Италии, затем в Вене и Берлине. Будучи все время на партийной работе, он печатался почти во всех венгерских коммунистических газетах и журналах, выходивших в Париже, Канаде, Чехословакии, Америке и Советском Союзе.

Комьят несколько раз приезжал в Советский Союз; в 1930 году участвовал в Международном конгрессе писателей в Харькове. Последнее стихотворение Комьята «Марш интернациональных бригад» пользовалось большой популярностью в дни боев за свободу Испании.

Борьба коммунистов, их героизм, проблемы революции — вот что составляло идейную основу поэзии Комьята.





Венгерская деревня

Покосов нет. Где кукуруза? Рожь?
Замажешь печь и мамалыгу жрешь.
От этого ты даже не умрешь.

Земля тоща, родит не каждый год,
Скотина одичалая ревет
И с голода чертополох жует.

Амбар у графа?— Да, ты был бы сыт.
У графа шлюха?— Нежная на вид.
Хозяин толст?— От жира он трещит.

Деревню заволакивает гнев,
Поденщики идут, рассвирепев,
И парни с гневом обнимают дев.

Все взбешены, волнуются, гудят,
Как острый нож сверкает каждый взгляд,
Бушует кровь, кулак сурово сжат.

Луна. Болото. Хворост под ногами.
Треск. Шорох. Треск опять.
Кто там?— Крестьяне.— Много ли их? — Пять.
Во мраке видят зоркими глазами
И алое несут за пазухами знамя.

Парижский вечер

Над заревом заката — звездный свод.
Внизу же, на земле, в снопах сиянья—
Гербы, гниенье, трупы, тьмы зиянье,—
Всё щеголи да шлюхи: чернь господ.

А улицы как локти. Давит гнет
Нужды крошечной. К зданию от зданья
Лохмотья на веревке. Там страданье,
Там тяжким сном усталый спит народ.

С цветком на шапке пьяный новобранец
Шатается. Ведет свой вялый танец
Огонь, солдата осеняя тлен.

А зал Буйе — весь буря. Плещет, стонет.
Слова как гром. То говорит Кашен:
«Мы тех убьем, кто на войну нас гонит!»

Марш интернациональных бригад

Перед Мадридом дружно на страже
Наши бригады в огне стоят.
Нет, нас не сломишь силою вражьей,
Нет, не страшны нам танки и ад!

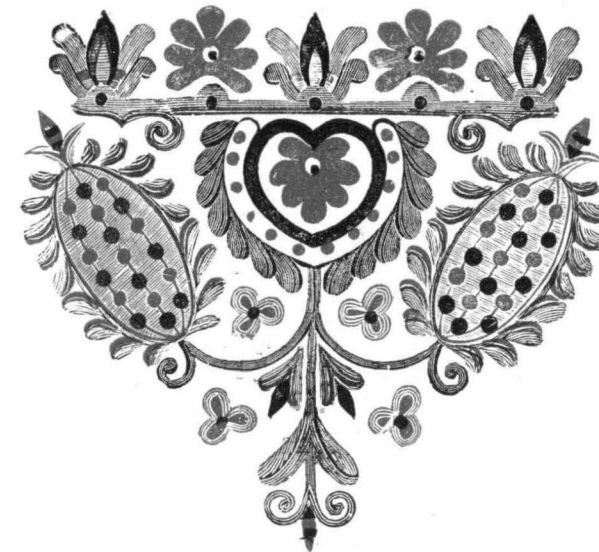
Все сокрушительней, все победней
Освободительный наш поход.
Братья, вперед! К победе последней!
Многоязыкий отряд, вперед!

Мы однолюбь, хоть многоязыки.
Всякий, кто любит свободу, вставай!
Наших проклятий грозные клики
Буря несет из края в край.

Все сокрушительней, все победней
Освободительный наш поход.
Братья, вперед! К победе последней!
Многоязыкий отряд, вперед!

Перед Мадридом дружно на страже
Несокрушимой стоим стеной,
Перед Мадридом мертвые даже
Рвутся, проснувшись, в яростный бой!

Все сокрушительней, все победней
Освободительный наш поход.
Братья, вперед! К победе последней!
Многоязыкий отряд, вперед!





АНАТОЛЬ ГИДАШ

Анатоль Гидаш (Hidas Antal) родился в 1899 году в деревне Гёдёллэ. Отец его был сапожником, мать до замужества жила в прислугах. В школе учился в Будапеште. Наряду с учением с одиннадцати лет стал работать по найму.

Гидаш начал печататься в 1919 году. Первый его сборник стихов «В стране контрреволюции» вышел в 1925 году в Вене. С 1925 года Гидаш живет в Советском Союзе. Здесь он выпустил ряд книг на русском и венгерском языках: сборники стихов «Венгрия ликует», «Колонии кричат», «Москва — Родина», антифашистский памфлет «План графа Курта фон Эйхена», роман «Господин Фицек», книгу о Шандоре Петефи и др. Переводит на венгерский язык стихи русских и украинских поэтов: Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Шевченко, Маяковского, Твардовского, Исаковского и др.

Гидаш вошел в венгерскую поэзию вскоре после поражения венгерской пролетарской революции 1919 года. В его произведениях, проникнутых идеями пролетарского интернационализма, нашли отражение революционная борьба трудящихся его родины, жизнь городской бедноты и венгерского крестьянства.





Севастополь

По городу этому,
В зелень одетому,
Где ластятся волны к граниту нагретому,
Как будто бы море беседует с сушею...
Хожу я и слушаю,
Слушаю,
Слушаю.

Как жадно я слушаю!
Ночь. Время позднее.
Девический шопот над бухтой я слушаю
И топот шагов. Моряки краснотелые
Куда-то идут, хохоча в благодушие
Глубоким, морским, колокольчатым хохотом,
Как будто бы море беседует с сушею,
Как юноша с девушкой...

По городу этому,
В граниты одетому,
Иду и иду я,
И музыка в сердце звучит неустанная.
Такая отрадная...

Пой, пой, Севастополь!
Внимать не устану я!
И зреет мечта моя —
Гроздь виноградная!

И вдруг
У меня замирает дыхание,
Как будто лечу в черноморском тумане я,
И будто бы в море куда-то я падаю,
Где порт распростерт величавой громадою,
И будто из моря зову я:
Приди!

И бронзовым стало открытое море,
И душные тучи над рейдом встают...
Нет! Это во мне начинается буря!
Любимая! Где ты? Зачем ты не тут?

Вдруг
Вспомнилась Волга,
Где пламя рассвета
Вставало над сладкой речною волной.
О золото зерен. Ушедшее лето.
Я так же взывал. Позабыть ли мне это?
Я знал:
Дорогая, ты будешь со мной!

Я помню
Надеждинска жаркие домны,
Я помню, как плавилась эта руда, —
Мы были и молоды, и неумны!
Таковыми останемся мы навсегда!
Ты видишь — повсюду растут города,
Гремят поезда...

О, приди же сюда!

Гроном прибоя
Полон залив:
— Быть ей с тобою!
Будешь счастлив!
Буду!
Я знаю!
Ждать не устану я!
Музыка в сердце звучит неустанная.
Снова воскресла ты, песня отрадная.
Зреет мечта моя — гроздь виноградная!

1931

Стонет Дунай

В декабре 1944 года, когда победоносная Советская Армия уже подходила к окраинам города Будапешта, фашисты убили моих престарелых родителей.

Русскому поэту

*Как малая скрипка — язык моей родины дальней.
Поэма моя — как челнок из сверкающих слез.
На виолончели твоей подхватил ты напев мой печальный,
И в русские звуки облек, и, рыдая, над миром вознес.
И скрипка моя опустилась на руку венгерца.
И внемлет тебе твой великий и гордый народ.
Поэт наш оркестр, и вволнованно слушает сердце
Согласную песню печали, борьбы и забот.*

1. Кружатся волны

Уж сорок семь исполнилось мне лет.

В тот день, когда мое младенческое тело
Впервые вскрикнуло, в слезах увидев свет, —
Как трепетно она дышала мне в ответ,
Как пристально в глаза мои смотрела!
И вот — в слезах лицо мое опять:
В далекой Венгрии мою убили мать.

Я пол-Европы обошел,
Гнилые я дубы рубил без колебанья,
Я по камням шагал, жестоким, как судьба,
Порой казалось мне — сбылись мои мечтанья,
И счастьем своему не видел я конца.
...Но бросили в Дунай убитого отца,
И тщетная гнетет меня забота,
Чтоб не кружила голову его
В душе моей волна водоворота.
На дно, на дно уходит мать моя,
В глазах ее
Последний образ —
Я.

Вот почему — хорош иль нехорош, —
Но стих мой, обнаженный поневоле,
В живое сердце входит, словно нож,
Чтоб вскрикнуло оно от ярости и боли.
И покривился, как осенний клен,
Поэт, истерзанный в печалих и невзгодах,
И слез своих не прячет больше он...
И, обнимая дерево народов,
Опустошенное за долгую борьбу,
Весь в ярости, трубит в свою трубу.

2. В сумерках Будапешта

...А дни все темней и короче,
Земля словно в саван одета,
И мало уж падает в очи
Сквозь рамы оконные света.

Принижена жизнью убогой,
Печальная речь обнищала:
— Хлеба! Одежды! Не трогай!
И завтра все то же, сначала.

Ноябрь еще долго продлится,
И сумерки будут все ране.
Шатается мир и клубится
В дрожащем и влажном тумане.

Ложится на землю и воды
Рудничная пыль оседая.
И в ужасе смотрят народы,
Грядущих судеб ожидая.

3. Последнее письмо к дочери

«Что написать тебе, дочка моя дорогая?
Чем тебя может утешить твоя одинокая мать?
Годы, как зайцы, стрелой из-под ног выбегая,
Мчатся вперед. О, как тяжело нам в мире опять!

Только что холод прошел — нынче снова зима наступила.
Несколько летних часов — и опять непогода да снег.
Только б до мира дожить. Холодна эта жизнь, как могила.
Только о мире одном, замерзая, скорбит человек.

Мира все нет. Посмотри, как в смертельной тоске упадают
Ветви. Но дерево, рухнув, не будет дровами к зиме.
Видишь — в дубину оно превратилось, и в дверь мою бьет,
и замок, грохоча, вырывает.

Горе нам, дочка!»
О, как мне найти утешенье в забрызганном кровью письме?

4. Бойня

И плача, я хватаю за рога
Мои бодающиеся воспоминанья,
Я волоку на бойню их, пока
Не разорвалось сердце от страданья.

И за ударом падает удар,
И предо мною, вскакивая с ревом,
Они хрипят в беспмятстве, и пар
Их застигает облаком багровым.

И вот на крючьях подняты вдали,
Они висят, качаясь еле-еле,
И морды их волочатся в пыли,
И слезы на глазах застекленели.

И буря поднимается во мне,
И от рыданий вздрагивают веки,
И плачу я, истерзанный вдвойне,
Навеки окровавленный, навеки...

5. Говорит мать

Путь наш окончен, и незачем плакать о нас.
Солнце уходит из глаз, наступает последний мой час.
В землю легли миллионы убитых людей.
Как-нибудь лягу и я между ними с любовью моей.

Время, пространство и смерть испытал до конца,
Сына найдет еще мать и сотрет ему слезы с лица.
За руки взявшись, замкнут они жизни звено,
Вечность в дунайские воды их примет на самое дно.

Если же в мире наступят счастливые дни,
Снова из мертвого ила поднимутся к миру они.
Звездным сияньем людей обольют из-под век,
И человеком воистину станет тогда человек.

6. Песня моего отца

Уйфехерто — край мой милый,
Надудвар.
Над моей сырой могилой
Хлещут волны, вьется пар.

Ходит ветер по Дунаю
Надо мной,
И плыву я, и ныряю,
И вздымаюсь над волной.

Шил чужие башмаки я
С малых лет,
Но валюсь на дно реки я,
Окровавлен и раздет.

Как от жизни я унылой
Изнемог!
Стал крестом мне над могилой
Мой разбитый молоток.

Вот жена моя седая
В глубине.
Я припал бы к ней, рыдая,
Да рукой не двинуть мне.

Волны бьются, волны стонут,
Давят грудь,
Жизнь людскую тянут в омут —
Ни подняться, ни вздохнуть.

Уж полмира износило
Сапоги.
Где ты, мастер, полный силы?
Починить их помоги!

О, как я благословляю
Твой приход!
Весь босой идет к Дунаю
Изнуренный мой народ.

Нет уж сил у нас с женою,
Милый друг!
Уносимые волною,
Слезы катятся вокруг.

И плывем мы в сумрак дальный
Все быстрее...
И да примет нас печальный
Безглагольный мрак морей!

7. Стонет Дунай

Мчится февраль,
Золотистую пену сдувая.
Стонет Дунай,
И, вздымаясь с глубокого дна,
Мертвый песок
Обнимает рука неживая,
Пена играет на пальцах,
Холодная плещет волна.

Руки ли бьются,
Иль стонет дунайская пена?
«Венгрия, Венгрия,
Смою тебя я навек,
Если ты вновь,
Потрясая оружием надменно,
Будешь позорить
Все то, чем велик человек!

С давних времен
По моим берегам плодородным
Венгры, румыны, славяне
Цветут, как живые сады.
Кто это сделал,
Чтоб кладбищем стал я холодным?
Медленным кладбищем
Вечно текучей воды?

Светят костры.
Догорают вечерние зори.
Сети рыбацьи
Живым налились серебром.

Люди Дуная,
Когда ж вы забудете горе,
Дружно пируя
На празднике светлом моем?»

Ропот воды
Замирает у ног постепенно.
Солнечный луч
Разрывает на миг облака.
Пальцами матери
Движет холодная пена.
Стонет Дунай,
В молчаливые бьет берега.

8. Говорит сын

О, посмотри на меня через горе и муку,
Мать моя бедная! Как ты теперь далеко!
Больно тебе? Протяни мне холодную руку.

Мысли мои переломаны, словно игрушки.
Каждое утро, едва я беру молоко,—
Пламя встает, выбиваясь из глиняной кружки.

Горло, сжимаясь, глоток возвращает обратно.
Хлеб сиротливо лежит на холодном столе.
Мать моя бедная! Горе мое необъятно.

Ненависть, ненависть! Я опрокинут тобою.
Нет мне покоя в довольстве, в семье и в тепле,
В пище, в работе — ни в чем не найти мне покоя.

Нет мне покоя: убийцы идут по земле.

9. Черные руки

Черные руки вздымают мосты,
Мертвые люди вздымают персты.
Мать моя, руку вздымаешь и ты.

Черною тенью скользят облака.
С визгом и воплем несется река.
Давит ее человечья тоска.

Нет ей покоя от мертвых гостей,
Русло от боли сжимается в ней.
Волны колеблются, льда холодней.

Вихри вздымаются издалека,
В ужасе гонят они облака.
Полная слез, негодует река.

10. Раздумье

Буря прошла,
Отгремела гроза улета.
Всхлипнув от слез,
Засыпает в кровати дитя;
Падая наземь,
Струится вода дождевая;
Тихо лепечут
Последние капли дождя.

Мать моя смотрит
Сквозь окна души моей снова.
В сердце мне льется
Сияние светлых очей.
Плачет душа,
Но отчаянья нет уж бывшего.
Только слеза моя
Все горячее...

11. Отвернутся травы

Кадры из тысячи фильмов бегут,
Голову кружат, дышать не дают.
Как ни болят мои очи, сегодня я вряд ли усну.
Стонет Дунай, увлекая меня в глубину.

Есть ли на свете забвенье? Навряд!
Пусть же виденья все ярче горят!
Какая на руки, катятся слезы мои.
Как ненавижу я жалкие слезы мои!

Глупый, зачем ты смежаешь глаза?
Спящего разве минует гроза?
Травы — и те от тебя отвернутся в бою,
Если за мать не отмстишь ты сегодня свою.

12. Отмщенья!

Зачем же люди плачут по домам,
Не выходя на улицу, не собираясь
На площадях, открытых всем ветрам?
Зачем они, от боли содрогаясь,
Прижав к глазам измученным платок,
Рыдают немощно? Из этих слез соленых
Такой бы ринулся по городу поток
Бушующий; от этих горьких стонов
Такой бы смерч пронесся по жилью
И грозное перо такие б обвиненья
Вписало в книгу, Венгрия, твою,—
Что даже мертвые во всем твоём краю
Восстали б, требуя отмщенья!

13. Только мы

Там, где родился, — отчизна твоя дорогая,
Где говорить научился — там родина... Как же назвать
Эту страну, где рожден я, где вырос, играя,
Где растерзали
Мою беззащитную мать?

Вывать ли мне мой язык изо рта иль смиренно
В сердце своем упокоить могильные эти холмы?
О, расступись, мое небо! Исчезни, дунайская пена!
Звезды над нашей страной
Зажжем только мы. Только мы.

14. Эпилог

О нет, не умру я, покуда,
Очнувшись от боли опасной,
Душа, как великое чудо,
Наш мир не полюбит прекрасный.

Покуда великое слово,
В полотнище рея багровом,
Наш мир не окутает снова
Счастливым весенним покровом.

Покуда скала Эвереста
Не скажет с вершин Гималаев:
«Нет в мире прекраснее места,
Чем наша земля молодая!»

Покуда на старых могилах
Не встречу я с новой речью
И в тысяче образов милых
Погибшую мать я не встречу.

И если б в видения эти
Не верил доныне я страстно,—
Напрасно я жил бы на свете,
Напрасно, напрасно, напрасно.

1946

Венгерская весна

Здравствуй, март!
Дай мне руку!
Весенний свет
Мне навстречу сегодня летит,
Будто снова мне двадцать лет,
Как тогда накануне битв.

По весеннему городу снова иду.
Узнаю эти улицы, зданья,
И спешат, окликая меня на ходу,
Молодые воспоминанья.

Вот одно улыбнулось мне рта уголком,
А в глазах у другого — страданье.
Вижу: взводами, ротами, целым полком
Маршируют воспоминанья.

Вот он снова встает, девятнадцатый год.
Революция! Помню я, знаю,
С ней тогда обручился венгерский народ—
Гордый сын голубого Дуная.

И колышутся травы, и ветер поет,
Вместе с травами гору вздымая,
А в долине шумит Будапешт. Никогда
Мы такого не видели Мая.

Вот с окраины движется Чепельский полк,
На просторы проспекта он вышел,
И трепещет от шага проспект Андраши,
И, ликуя, тот трепет я слышу.

«Вольфнер», «Ганс» и «Вулкан», «Оружейный завод»,
«Электрическая компания»...
Сквозь сто тридцать рассветов вливается в Май
Огневое вино созиданья.

Вот идут батраки, беспокойный народ, —
Бекеш, Шомодь... Оттуда вы, братья!
Не забуду я, как принимал Будапешт
Эти братские рукопожатья.

Дальше! Битва. Предательство. Рушится все...
Но ведь было все это! Ведь было!
И не вырвет из сердца героическую боль
Никакая враждебная сила!

* * *

Мост Фердинандский грохотал
В предутреннем тумане.
Под своды моста я пришел
На тайное прощанье.

Мать не заплакала. Я знал
Ее обыкновенье —
Ничем, ничем не выдавать
Ни горя, ни волненья.

«Уходишь. Видно, навсегда...
Навеки... Чую сердцем.
Зачем?» — «Чтоб лучше было жить
Нам, беднякам-венгерцам!»

Так я хотел ответить ей,
Но нет, не говорилось,
И только со щеки моей
Слезинка покатилась.

С моей щеки к ее руке
Ушла слезинка эта
И спряталась в ее платке,
В тяжелых складках где-то.

Меня благословила мать.
...По мосту поезд неся,
Не уставали грохотать
Чугунные колеса.

* * *

«Вот и осталась к зиме я
Голой лозой виноградной.
Листья мои облетели,
Гонит их вихрь беспощадный.

Но у лозы виноградной
Листья появятся снова...
Где ж ты, оторванный листик!
Сына верните родного!

Плачу. Но разве слезами
Могут ладони напиться!
Руки от глаз отнимаю.
Сын! Ты хотел возвратиться!..»

* * *

На мосту Фердинандском флаги...
Но не видишь ты флаги эти!
Застрелили тебя фашисты
Там, на мосту, на рассвете.

Слышала, ясно слыхала
Ты через гром канонады
Радостный гимн Свободы —
Звуки «Интернационала».

Выбежала, не утерпела,
Сына встретить хотела,
Тускло стволы сверкнули,
Пули вонзились в тело.

Слыша «ура» за рекою,
Ты ослабевшей рукою,
Хрипом предсмертного слова
Благословила нас снова.

* * *

Ночь. Дунай безмолвен,
Вздрагивает, стыдится,
Видит: с ножом окровавленным
Крадется убийца.

Смывает он кровь, смывает.
Ночь. Нет звезд. Только тени.
И капли крови как будто очи,
Обвиняя, глядят из ночи,
Горят на волнах, на пене.

* * *

О Венгрия! Кто охранит
Судьбу грядущих поколений?!
И эхо мощное гремит:
«Ленин!»

Кто нам всегда помочь готов,
Чтоб жили мы и процветали?!
И эхо загремело вновь:
«Сталин!»

О Венгрия! Как добрый друг,
Кто спас всех нас? Ты помнишь
это?!

И эхо вновь гремит вокруг:
«Страна Советов!»

* * *

Весна! И лето впереди!
Живу ведь не последний день я...
Мать,
В сердце у меня найди
Успокоенье!

Весна — куда ни погляди!
Я схороню твоё волненье.
Мать,
В сердце у меня найди
Успокоенье!

Весна. И все-таки в груди
Тревожное сердцебиенье.
Мать,
В сердце у меня найди
Успокоенье!

Но нет! Когда весь род людской
Найдет весну освобожденья,
Мать,
Лишь тогда и мы с тобой
Найдем себе успокоенье!

* * *

Если заботы и горе у Пешта,
Ульяновск и Гори для Пешта — надежда,
Тула протянет могучую руку
Чепелю — доброму старому другу.

На голоса голубого Дуная
Волга откликнется, будто родная,
И Будапешт пламенеющим оком
Смотрит в московское зеркало окон.

В степь Хортобадь, по примеру Кубани,
С плугом артельным выходят крестьяне.
Радостно им, за плугами идущим,
Счастье великое ждет их в грядущем.

* * *

Петефи лишь мечтал об этом,
Предвидел Ади: близок час!
О Венгрия мечты прекрасной,
Въявь расцветаешь ты сейчас!

За это Ади сердце отдал,
Погиб Петефи на войне,
Чтоб наконец-то стали венгры
Свободными в своей стране.

Там, над излучиною Тиссы,
Встал Красной гвардии отряд...
Народы, затаив дыханье,
Опять на Венгрию глядят.

И слава тем, кто в битве пали,
Чтоб жизни продолжался рост.
О Венгрия, «страна печали»,
Теперь сияй, чтоб в дальней дали,
Повсюду люди увидали
Твой свет, избегающий до звезд!

* * *

Праздник, праздник! Зори красные
Вновь над Венгрией горят,
«Утро, утро», — говорят.
И выходят на рассвете,
Молодые и прекрасные,
Матери в цветущий сад,
И повсюду дети, дети.

1949





АТТИЛА ЙОЖЕФ

(1905—1937)

Аттила Йозеф (József Attila) — выдающийся венгерский революционный поэт, родился на окраине Будапешта, в бедной семье. Детство и юность его были годами тяжелых лишений и нищеты. Йозеф побывал в Вене, в Париже, учился в Сегедском университете, включился в революционное рабочее движение. Первые стихи его относятся к началу двадцатых годов (сборник « Попрошайка красоты »), позднее он выпустил сборники стихов: « Не я кричу », « У меня нет ни отца, ни матери », « Ночь окраины », « Медвежий танец » и последний сборник « Очень больно ».

Высшего развития творчество Аттилы Йозефа достигло в начале 30-х годов, когда он примкнул к венгерскому коммунистическому движению; в этот период написаны его наиболее сильные, социально-значимые стихи: « Ночь окраины », « Баллада о капиталистическом барыше », « Пшеница », « Рабочие », « Что готовит судьба человеку » и др. В этих стихах Йозеф с большой силой рисует античеловечность, антинародность венгерского буржуазного общества времен Хорти, призывает к его уничтожению и с лирической задушевностью описывает жизнь венгерских бедняков, передает чувства трудовых людей, замученных властью капитала. Эти стихи Йозефа пользовались популярностью среди венгерских рабочих. Но в литературных кругах Венгрии он не нашел признания, и, живя в постоянной нужде, в гнетущей атмосфере реакции, а главное, не будучи достаточно глубоко связан с революционным народным движением, Йозеф подчас впадал в отчаяние, не видел выхода ни для себя, ни для венгерского народа. Поэтому в его творчестве встречаются стихи болезненные, индивидуалистические.

Широкую известность среди венгерских трудящихся стихи Йозефа приобрели после освобождения Венгрии.





Мари молодых

Отцы у нас весь век трудились
Затем, чтоб хлеб насущный был.
Трудились, гордые, томились,
Ведь даже бог о нас забыл.

Мы выжили, смерть побороли,
Теперь хотим мы лучше жить,
С железной верой, доброй волей
Судьбу хотим мы изменить.

Как и отцы, мы робки были,
Мы праведники, но без прав,
Так дайте нам дорогу, или
Мы вас отбросим, растоптав.

Мы дети жизни. Мы герои.
Для битвы жизнь готовит нас.
Эх, рухнет все старье земное,
Когда придет восстанья час!

Тот, кто беден...

Пусть бы писарем господь небесный стал
И пером бы сутки круглые писал,—
Все равно бы не сумел он записать,
Сколько нужно беднякам перестрадать.

Тот, кто беден,— всех бедней на свете тот,
И зиме свою он зябкость отдает,
Отдает свою он лету теплоту,
И пустыне отдает он пустоту.

Утомится за неделю от работ,
Долгожданную субботу искалечат сто забот,
Коль к веселью воскресенье повернет,
Понедельник все веселье изведет.

А ведь голуби в страдальце том живут,
Звездокрылые в нем голуби поют...
Станут грифами — придут такие дни!
И накажут черных воронов они!

Памяти Ади

Он мертв, но, что ни день, зачем же его снова
молчаньем, словом, делом убивать
и скорбь его, что так была сурова,
до девичьей обиды принижать!
Поэт он и в земле. Рукою, полной гнева,
мадьярский чернозем в комок он хочет сжать.
Взлетело облако с груди его на небо,
но свой земной мятеж он будет продолжать.

В таинственной отчизне перегнув
не спит он, не забыл он ничего:
он будит, будоражит все земное,
над Хортобатью гонят крик его
те ветры, что крестьянскую солому
срывают с крыш по прихоти господ
и веют снег по бездорожью злему,
где Дьёрдя Дожи бедствует народ.

Земле он отдал плоть свою, но сердцем
он будет на земле принадлежать
трем миллионам нищих земледельцев —
он вместе с ними сеять будет, жать.
Стихов сладчайший ритм звучит таким законом,
что стены замков начали дрожать.
Он жив. Встречает плуг он телом обновленным,
чтоб жить, чтоб без конца цветенье продолжать.

Социалисты

Смерть капитализму! Хлеб и власть рабочим! Мы под алым стягом
Вдаль идем, и наши ружья нас толкают в спины с каждым шагом.
О ружье, качайся и вперед, к победе, нас толкай, толкай,
И о том, что можно победить лишь с бою, нам напоминай.

Мы неторопливы, мы сильны, нас много, поднялись мы в горы,
На горе совет мы держим — землекопы, кузнецы, шахтеры.
Времена туманны, но кой-где вершины уж торчат из тьмы,
Мы туман развеем, потому что счастье заслужили мы.

Заслужили битвой с бедностью, что длилась долго, дни и ночи,
Хлебом, зачерстевшим прежде, чем разрезать мог его рабочий,
Кашею, прогоркшей прежде, чем рабочий мог ее сварить,
Молоком, скисавшим прежде, чем рабочий принимался пить;

Попелуем, сгнившим прежде, чем рабочий мог им насладиться,
Зданием, упавшим прежде, чем рабочий мог в него вселиться,
Платьем, ставшим тряпкой прежде, чем рабочий был в него одет,
Волей, ставшей рабством прежде, чем рабочий родился на свет,

Скверною сигарой, ставшею окурком, — накурись-ка ею! —
Хищным капиталом, что твердить нам будет: «Жми, трудись, трудись», —
До тех пор,
Пока мы
Не ударим дружно
Там, где сталь белее!..
Стих мой, будь отважен, стой за дело класса, с ним взлетишь ты ввысь!

Наконец

Котлы я драил, я косил траву,
на драных тюфяках валялся я усталый,
судья казнил меня, глупец дразнил,
мое сверканье пробивалось из подвала.
Я девушку в пекарне целовал,
хрустящий пышный хлеб не мне достался, впрочем...
Кой-как одет-обут, я книги создавал
и отдавал крестьянам и рабочим.
Влюбился в девушку я, в дочь богатых, —
мне богачи не отдали ее.
Испортил я, питаюсь через сутки,
пищеварение свое.
Я чувствовал, что мир этот — не боле,
чем воспаленный пищевод,
любовь и ум — желудочные боли,
кровавой рвотою от войны несет.
Коль полон рот молчаньем кисловатым —
пну сердце я свое, пускай кричит!
Наемных песен вялая снотворность
пытливого ума не победит!
Чтоб я не мстил — хотели откупиться.
Поп звал: «Вернитесь к богу, все простится!»
Но знал я, что несет кирку и камни,
Кто к господу идет с порожними руками.
Нет! В сердце у меня — победное сиянье,
И я теперь способен пожелать
лишь истины! И хочется восстать
мне против тягостных воспоминаний.
Воспоминания! За них немного дашь.
Нет дела мне до них! Я брошу карандаш,
И лучше косу уж начну точить я.
Безмолвно, грозно движутся события,
и зреет время — час грядущий наш!

Что готовит судьба...

Что готовит судьба человеку на свете,
для кого не нашлось и лопаты простой,
у кого на устах хлебных крох не заметишь,
кто лентяем слывет, кто придавлен нуждой;
кто сажал бы картошку за треть урожая,
если б только нашлася земля для него,
чья упала на лоб шевелюра густая,
кто стоит и не чует себя самого?

Что готовит судьба человеку на свете,
у которого только пять хольдов земли,
и лохматая кура — одна на повети,
и запасы в кладовке к концу подошли;
и не слышно дорожного звона упряжки,
и не видно волов — потому что их нет,
и почти что пустые и кружки и чашки
в час, когда он садится с семьей за обед?

Что готовит судьба человеку такому,
кто один на работе, один и живет,
чья похлебка без соли — торговец знакомый
даже соли и перцу в кредит не дает, —
у кого только стул остается разбитый —
на растопку? Да кошка на печке видна.
Кошка смотрит на дверь и на ключ позабытый, —
смотрит, ждет и, свернувшись, ложится одна.

Что готовит судьба человеку, который
обзавелся семьей и в доме — полно,
и дрянной кочерыжки не съест без укора,
и лишь старшая дочка бывает в кино;
и разъедены пальцы и стерты ладони:
жертва грязи — стирает и гладит жена,
и по бедности лампа погашена в доме,
и в потемках тревожно молчит тишина?

Что готовит судьба человеку на свете,
кто торчит по утрам у ворот заводских,
и его не берут, а работают дети
и согбенные, бледные матери их?
И напрасно он держит корзинку пустую, —
все равно в нее нечего, нечего класть.
Коль заснет он — толкнут. Украдет — арестуют
и отправят его в полицейскую часть.

Что готовит судьба человеку на свете,
кто, отвесивши соль или хлеба кусок,
покупателям в руки сует их в газете
и намеренно крох не сметает с весов;
кто, товары свои убирая под вечер,
все ворчит, что уже не осталось сил,
что налоги большие и жить ему нечем,
хоть и мог он дорожке продать керосин?

И скажи — что готовит судьба для поэта,
если верен всем сердцем он песне своей,
и случайной поденкой живет он при этом,
и жена его моет полы у людей;

если имя его, коль оно не забыто,—
лишь патент, от которого прибыли нет,
если жизнь, коль она до конца не убита,
отдана для борьбы, для грядущих побед?

Ночь окраины

Свет подымает со двора
лучащиеся невода,
а кухня наша мглой полна,
как яма, а на дне — вода.

Всплыл на поверхность тишины
ленивой щетки силуэт;
колеблется кусок стены,
не зная — рухнуть или нет.

И ночь в засаленном тряпье,—
идет окраиной она,
чтоб в нашей повздыхать семье;
луну зажгла, но не сполна,
а так, чуть-чуть... Мерцай, луна!

Стоят руины мастерских,
такая мгла таится в них,
что кажется —
она годна
на пьедестал для тишины.

А там, в окошках корпусов
прядильных фабрик,
лунный луч
струится, мягок и тягуч,
по серебриющимся станкам.
И так оно идет всю ночь —
станки впрыдают в темноту
прядильниц шаткую мечту.

А рядом, как безмолвный склеп,
цементный высится завод
и, как второй семейный склеп,
металлургический завод.

И только эхо в них звучит
и тайну мрачную — секрет,
как умирать и воскресать, —
те предприятия хранят.

Скребется на заборе кот,
а сторож, суевер ночной,
увидел призрак свето-знак.
Но нет! Жучиною спиной
динамо это блещут так.

Вопит во мраке паровоз!
И сырость ежится во мгле
деревьев, гнущихся к земле;
той влагой гравий темных троп
утяжелен и увлажнен.

Встал полицейский на углу,
рабочий ринулся во мглу.

Идет товарищ вслед за ним,
несет листовки на груди,
принюхался — что впереди,
прислушался — что позади,
и укрывается в тени.

Блевотный свет льет пасть корчмы,
задохлись лампы в лапах тьмы,
не спит один поденщик тут;
хозяин сам храпит, а тот
зубами лязгнул и наверх
по бледным лестницам идет,
и революции привет, рыдая, шлет.

Пощелкивает вода,
как стынувшая руда,
и ветер лег бродячим псом
там, у пруда, и вот достиг
воды большой его язык.
Он пьет... мелеет водоем.

Соломенные тюфяки
как плотики плывут, легки,
по руслу ночи. Склад-баркас
сел на мель между черных волн.
Литейная — чугунный челн,
рабочим в этот поздний час
в литейных формах снятся в ней
фигурки алых малышей.
Как тускло здесь и тяжело

среди промозглой темноты!
И плесень вычертила тут
ландкарту мира нищеты,
и на лугах, куда ни глянь,
лохмотья, клочья, словом — дрянь
и рвань бумажная. Ползла б
она куда-нибудь, шурша,
но нет! Бессилен сор и слаб!

А развешивание сырых и грязных простынь по дворам,
подобно веянию сырых и липких ветров по ночам.

О ночь!

Ты с неба виснешь, как перкаль,
и по земле влачишь печаль.

О ночь!

Ночь бедняков, как уголь будь,
дымись, упавши мне на грудь!
Сталь выплавишь ты из меня
и молот, что кует, звеня,
а также наковальни те,
что устоят и в темноте.
И для победы выплавь меч,
о ночь!

Я, братья, сплю. Ночь тяжела.
Пусть камень свалится с души,
а наши бедные тела
пусть не грызут клопы и вши.

Горе

И вот вошел я в лес и слышу: надо мною
Колышется листва, как будто шелестят
Листовки. Тяжело спокойствие земное.

И пальчики-сучки как будто бы хотят
Вцепиться: «Нам вся власть!» И веточки сухие,
Сухие веточки на голову летят.

Да, изгнан я сюда на краткое мгновенье.
Шуми, товарищ лес! Почти скриплю и я.
Нет, и не изгнан я, а это с мордой в пене

Пес бешеный один бросался на меня.
И вот брожу в лесу, чтоб горю, словно тетке,
Собрать, как хворост, тут все мужество мое.

Слезинка. Муравей пришел ее напиться,
Но, размышляя, смотрится в нее,
И потому сейчас не может он трудиться...

Утомленные люди

Молча в деревню крестьяне идут —
В поле работа была не забава.
А мы лежим рядом — река и я,
Дремлют под сердцем тишайшие травы.

Катит Мáрош великую тишь,
Тяжесть во мне превратилась в росистую легкость.
Ни муж, ни дитя, ни мадьяр, ни брат—
Только усталый скиталец прилег здесь.

Роздан покой вечерней рукой.
Я — каравай горячего хлеба.
Звезды спорхнули к волне и ко мне —
Отдыхает сейчас и небо.

Осень

Древесная листва
Колышется едва,
Она совсем иная —
Она желта.

И скачет по ветвям
Немая птичка там,
На дереве, как в клетке
Заперта.

О дорогая, с нас
Не сводит осень глаз.
В них дождь, и скорбь народа,
И нищета.

Подросток гонит скот,
А флейта не поет,
А на устах томится,
Как сирота.

На дереве листва
Колышется едва.
Она совсем иная —
Она желта.

И скачет по ветвям
Немая птица там,
На дереве, как в клетке
Заперта.

И как ни таю я,
Но в глубине меня
Та немота, как в клетке,
Еще живет.

Про скорбь грядущих дней
Воспоминанья в ней,
А юность этой ночью
Уйдет, уйдет.

Ночь зимы

Повинуйся!
Лето
Скрылось где-то.
Упорхнуло.
Гарью потянуло.
Кое-где на кочках — хлопья пепла.

Воздух колок.
Холод,
Как осколок,
Врезался в прорез дубовой ветки.
Славное безлюдье! Лишь вот эти
Тряпочки — обрывочки от платья,
Узкие серебряные ленты
На ветру в кустах упрямо вьются —
Ведь не счесть улыбок и объятий,
Что на сучьях мира остаются!

Дальние мозолистые горы,
Словно старцы, дрогнувшие пальцы
Простирают, чтоб заката пламя,
Мхов немое колебанье,
Пар над хуторами и долин округлое молчанье
Удержать руками.

Земледелец тащится. Вглядеться
Всем он телом в землю эту тщится,
И лопата за плечом плетется,
Из нее как будто кровь сочится,
Будто бы из жизни он влачится,
Чтоб она над ним не тяготела...
И все больше тяжелеет тело.

Со своими звездами на небо —
В трубном дыме — ночь блистать взлетела.

Этой ночи кованные сроки
Возвещает колокол далекий,

Будто сердце — в вечности недвижно,
А другое что-то близко где-то,
Может быть, окрестность вся вот эта
Вместо сердца бьется.
Будто колокол — не что иное,
Как само морозное ночное,
Трепетное небо надо мною,
А язык — земля,
А сердце — голос!

Этот звон летит, в сознание врезан,
А зима кует, гремит железом,
Обивая двери небосвода,
Те, откуда нам валило лето
Свет, зерно, плоды и корнеплоды.
Ночь сияет, как людские мысли.
Вылита серебряным молчаньем,
Как замок, луна на мире виснет.

Ворон... Холод бездны пересек он.
Стынут крыши. Мгла замкнулась. Слышишь
Столкновение молекул?
Никакой витрине магазинной
Не вместить сиянья ночи зимней!
Лезвие на стужу подымает
Ночь такая.
Вздых пустой и черный улетает,
И висит во мгле воронья стая.

Ночь зимы. По ней, по беспредельной,
Мчится ночью маленькой, отдельной
Через пустыри товарный поезд.
В паровозном дыме этом кроюсь,
Гаснут звезды, будто во мгновенной,
Бесконечно маленькой вселенной,
На вагонных мерзлых гулких крышах
Блики света мечутся, как мыши.
Это — ночи зимнее сиянье.

Там, над городами,
Пар плывет клубами,
А по рельсам, по морозу голубому
Мчится к городу любому
Ночи желтое сиянье.

В городе, в упрямом свете ночи,
Цех открыла свой зима и точит
Колющий клинок страданья.

А на городской окраине,
Точно перегнившая солома,

Стелется мерцанье;
Там же в мелкой дрожи
Человечек плечи ежит,

Хочет сжаться, как земля, в комочек,
Но зима ему оттопчет ноги все же,
Обязательно оттопчет.

Вижу: деревцо в полночном сквере,
Ржаволистое, трепещет.
Эту полночь зимнюю я мерю,
Как поместье
Помещик.

Горестно

И вот приходит человек
В тот край, где сырость стелется,
Мечтательно глядит вокруг,
Кивает, не надеется.

И мне как будто бы пора
Спокойно, честно оглянуться.
Блеск серебристый топора
Через листву осины льется.

А тельце сердца, сев на веточку,
Вдруг зубками зацокало,
И кротко смотрят звездочки,
Рассевишиеся около.

Пшеница

Там, над лугами, ветер мчится,
С печалью нашей хочет слиться.
Гудит земля, шумит пшеница,
Звенит пшеница.

Сумел наш пот с землей смешаться,
Чтоб зрелым колосом подняться,
Который в поле золотится.
Шумит пшеница.

Звенит пшеница! Звон пшеницы
В звон золота переродится,
Чтоб к нам лишь эхом доноситься.
Шумит пшеница.

Нужда растет с хлебами споря,
Фашизм несет нужду и горе,
Он хочет тишины добиться.
Шумит пшеница.

— Где я расту, там вольный табор!
Кто храбр, тот — к нам! Поможем слабым!
В моих колосьях штык таится,—
Шумит пшеница.

Рабочий, тракторостроитель
И земледелец, сельский житель,
Ко мне! Пора объединиться!—
Шумит пшеница.

Баллада о капиталистическом барыше

Пеки хлеба, кирпич таскай,
По улице шатайся в муке...
Красотка, тело продавай,
Юнец, бери лопату в руки,
Строй виадуки, акведуки —
Ты не себя обогатишь!
Хоть изучи ты все науки,
А богачам пойдет барыш!

Шелка в бензине полоскай,
Заботься о тепличном луке,
Семь шкур с козы своей спускай,
Искусно шей для франтов брюки—
Все надоест тебе до скуки.
Устал? С работы полетишь.
Украл? Не выйдешь на поруки...
А богачам пойдет барыш!

Стихотворения слагай,
Копти окорока на крюке
Иль над балансом размышляй,
Какие бы устроить трюки,—
Хозяин любит эти штуки!
А то за счастьем мчись в Париж,
С Сатьмазом там живи в разлуке,
А богачам пойдет барыш!

Но, друг мой, что это за звуки?
Бурчит в желудке, говоришь?
Жди! Караса накормят шуки,
А богачам пойдет барыш!



ДЬЮЛА ИЙЕШ

Дьюла Ийеш (Illyés Gyula) родился в 1902 году в семье батрака. В 1919 году вступил добровольцем в Венгерскую Красную Армию. После поражения революции скрывался у родителей в деревне. По окончании средней школы поехал в Париж, где некоторое время работал на заводе, потом окончил Сорбоннский университет. Во Франции включился в венгерское революционное движение и примкнул к революционным венгерским писателям. В 1927 году вернулся в Венгрию. От рабочего движения Ийеш отошел и в тридцатых годах стал одним из возждей венгерских так называемых «народных писателей», «исследователей деревни» — социального и литературного течения, которое искало спасения Венгрии в крестьянском движении.

В начале тридцатых годов Ийеш написал поэму «Юность», в ней он показал трагическую судьбу трудящейся молодежи своего поколения, которая в 1919 году, в пору революции, шла «штурмовать небо», мечтала обрести счастье, но оказалась во мраке воцарившейся реакции.

В 1934 году Ийеш был приглашен в Москву на Первый съезд советских писателей. Вернувшись домой, он написал книгу о Советском Союзе.

Во время немецкой оккупации Ийеш вынужден был уйти в подполье. После освобождения Венгрии стал одним из руководителей национал-крестьянской партии и в числе десяти лучших представителей венгерской интеллигенции был избран депутатом парламента.

Дьюла Ийеш — один из наиболее выдающихся современных венгерских поэтов. В его стихах и прозаических произведениях впервые в венгерской литературе нашли отражение чувства и стремления венгерского батрачества («Народ пушты», «Три старика»).

После освобождения Венгрии эти мрачные настроения, особенно усилившиеся в годы оккупации страны немецкими фашистами, все больше вытесняются бодростью и жизнерадостностью.

Дьюла Ийеш выпустил около двадцати книг стихотворений и прозы.



Юность

(Отрывок из поэмы)

Ребенок взрослым стал. Цветенье мая,
Моя весна и юность, где они?
Как свет меж туч, теперь я вспоминаю
далекие и светлые те дни.
Тех страшных лет волненье и горенье,
и горечь сердца, зрелости закал,
растерзанное бурею цветенье—
о них я эту повесть написал.

Не повесть, нет! А только блеск зарницы!
На миг один по зову моему
возникнут снова дорогие лица
и, словно тени, скроются во тьму,
уйдут опять в слепую мглу, откуда
явились на знакомый голос мой.
Я говорю, надеюсь, верю в чудо,
что вновь они возникнут предо мной.

Два этих ясных дня манят, как остров
среди волн бушующих тех страшных лет;
крестьянка-девушка в платочке пестром
встает над ними тихо, как рассвет.
Ее хотел бы я увидеть снова
и землю так, как видел я тогда,
в цветении покоса лугового,
в начале мира счастья и труда!

I

В кустарнике и кукурузе прячась,
всех встречных избегая на пути,
я крался в час полуденный горячий,
скрывался я, чтоб жизнь свою спасти.
Домой, вперед! Так, обходя дороги,
блуждал я, как изгнанник, среди полей,
шел, чтоб излить все жалобы, тревоги
в дому родимом матери своей.

И, плача, снова отступал в былое
я — шестнадцатилетний гуманист!
Что у меня осталось за спиною?
Прекрасный мир мой! Дымно золотист,
Он и сейчас, как будто бы в тумане,
маячит, как и прежде он мелькал
в фатаморгане башен новых зданий...
О, чистый и высокий идеал!

Шестнадцать лет мне было... помню это!
Прекрасный, дивный мир моей мечты,
хочу, чтоб предо мной в лучах рассвета,
живой и зримый, вновь явился ты!
Платочком алым мне махнул бы кто-то,
и смело кинулся бы я опять
к грядущему в широкие ворота,
чтоб за него с оружием восстать.

Как и тогда... И я твое паденье
все вижу, вспоминая о тебе:
я слышу гул, как при землетрясенье, —
то, мой небесный город, пал в борьбе.
Все гибнет, рушится на камень камень,
и башни падают передо мной,
и я бегу, закрыв лицо руками,
от смерти возвращаясь в мир земной.

Из Абоня тайком я в Пешт пробрался,
проигранного боя грозный гул
в моих ушах как эхо отдавался.

И по дороге я в кусты швырнул
мою фуражку с ленточкою красной,
что долго я за пазухой скрывал;
я с ней расстался, как с мечтой прекрасной,
и будто сердце бросил, потерял.

Из Пешта я тайком пробрался в Толну,
меня преследовал повсюду страх,
блеснули предо мной Дуная волны,
и я, как зверь, укрылся в камышах.
Когда же всадников, жандармов перья
мелькали над дорогою в пыли,
то в ямы прятался от них, как зверь, я
и ждал, пока не скроются вдали.

Так я бродил, усталый и голодный,
уже не спал я несколько ночей,
и, словно пыльный смерч в степи бесплодной,
кружились мысли в голове моей,
вертелись вихрем грезы огневые,
и я порой, остановившись вдруг,
как будто бы увидев мир впервые,
смотрел беспомощно на все вокруг.

Однажды, помню, аисты пугливо
кружились, низко надо мной летя,
и я смотрел на них, прижавшись к иве,
и вдруг заплакал громко, как дитя.
В другой раз из-под ног моих вспорхнули
перепела, и я почти без чувств,
как будто насмерть пораженный пулей,
упал на землю в придорожный куст.

Но было так, что я стоял среди луга
и засмеялся, видя, как, склонясь,
ласкали нежно два цветка друг друга, —
как будто обнимались в этот час.
И я глядел на них и все смеялся,
потом пошел и посмотрел назад —
один цветок к другому прижимался,
я засмеялся вновь, чему-то рад.

И голубь раз вспорхнул, расправив крылья, —
едва я в небе различал его, —
среди синевы парил он без усилия,
в его полете было торжество.
А я смотрел, моргая, как он где-то
исчез под солнцем в блеске золотом,
я все забыл и как с другого света
вдруг вспомнил о самом себе потом.

Я и сейчас спрошу: уж не во сне ли
потом случилось это все со мной?
Вокруг поля цвели и зеленели,
вставал кустарник зарослью лесной.
Я тихо брел по узенькой тропинке,
ногами путаясь в густой траве.
Навстречу — девушка... С едой корзинку
она легко несла на голове.

Я помню: быстрый взгляд ее блестящий
испугом и смущением сверкнул, —
как птичка, вылетевшая из чащи,
по моему лицу легко порхнул.
Я вдруг поцеловал ее несмело,
она, спокойно мне в глаза взглянув,
рукою по щеке меня огрела,
на голове корзины не качнув.

Так гордо отступив и не робея,
она стояла молча предо мной
в своей короне ивовой, как фея
крестьянской сказки из страны лесной.
Смотрели друг на друга мы задорно,
как двое ребятишек-забияк,
и оба мы в веселье непритворном
вдруг прыснули от смеха звонко так.

Веселым этим смехом зазвучала
моей счастливой юности пора,
и действия прекрасного начало
открылось смехом, как звонком игра...
Я оглянусь, и этот смех веселый
звучит из прошлого еще звончей.
Взвивайся выше, занавес тяжелый,
затмивший счастье юности моей!

Какой она была? Лицо забылось.
С тех пор, какая красота меня
ни очаровывала б, все мне мнилось,
что с ней уже встречался прежде я.
Чем больше красоты я в жизни вижу,
тем все светлее на душе печаль,
тем все чудеснее, роднее, ближе
ее лицо сияет мне сквозь даль.

Она была прекрасна... Излучало
ее лицо такую красоту —
как будто ветви белые качала
под стаей птичек яблоня в цвету.

Я помню плавное ее движенье —
она сняла корзину с головы,
и я с ней рядом в радостном волненье
присел на корточки среди травы.

Что я сказал? А то же, что и ныне
вновь повторили бы уста мои
той девочке, той скромной героине,
моей далекой молодой любви.
Я обнял бы ее, мою голубку,
с собою рядом близко усадил, —
за тем, чтоб больше не сморкалась в юбку,
наверно бы, внимательно следил.

Она нахмурясь на меня сначала
смотрела... но, оттаявши, потом
лучистым взглядом мягче засияла
и, как весна, повеяла теплом.
Из глаз ее, сверкающих так зорко,
смотрел девический лукавый ум, —
так милый суслик выглянет из норки
и снова спрячется, услышав шум.

Она меня бранила так сурово:
«Зачем суешься в барские дела!» —
А я в ответ сказать боялся слово
И, чтоб она со мной добрей была,
прикинулся былинкой сиротливой.
Она смягчилась, встала, и за ней
пошел покорно я, такой счастливый,
как будто шел за матерью своей.

То обгонял, то отставал в заминке,
и мне казалось, что вокруг нее
кружилось, танцовало на тропинке
веселье беззаботное мое.
Порою, на меня косясь лукаво,
она шагала молча предо мной,
и все стремительнее — влево, вправо
металась юбка, словно флаг цветной.

Вдали был хутор. Мне она велела
присесть и ждать ее у ивняка.
«Сумею как-нибудь поправить дело», —
сказала мне она, кивнув слегка,
и на прощанье тихо засмеялась.
Тропинка белая вдали под ней,
как будто трос натянутый, качалась
в сиянье ярком солнечных лучей.

С кем говорила там она, не знаю,
но в тот же вечер около жилья,
в просторном продуваемом сарае,
улегся на соломе свежей я.
Дыханье косарей я слушал молча,
и две тарелки супа, что я съел,
перенесли меня от жизни волчьей
в спокойный круг крестьянских мирных дел.

II

Уж солнце высоко над крышей дома
стояло в чистом небе голубом,
когда на золотящейся соломе
привстал я, освеженный крепким сном.
Я был один. Вокруг меня в сарае
зеленые стояли сундучки
да сапоги болтались, просыхая,
подвешенные к балкам за ушки.

Вливался резко яркий свет в оконце,
и теплый аромат от зноя шел,
ворочалось, дышало в небе солнце,
как в стойле золотой огромный вол.
Полуодет, я из дверей сарая,
нахвистывая, выглянул... Как сон,
открылась предо мной картина рая,
и я назад отпрянул, поражен.

Шел ночью дождь, и в свете золотистом
следы проворных маленьких цыплят
сверкали так, как табором лучистым
на небе звезды в августе горят.
И будто бы средь звездного сиянья,
шагая босиком, издалека
шла девушка моих воспоминаний
ко мне с кувшином синим молока.

Воспоминанье милое, яснее
сияй и встань на свежую траву!
Таилась долго ты. Пусть не во сне я
тебя увижу вновь, а наяву!
Ты обещала! Значит, сдержишь слово,
дай поцелуй, дай свежести глоток,
чтоб голос мой помолодел бы снова,
чтоб мог я петь, смеяться звонко мог!

Другие на лугу давно уж косят,
она ж — служанка, дочка косаря,
картошку чистит, воду в кухню носит,
встает чуть свет, как летняя заря,

варит на всех похлебку, тесто месит,
заглядывает иногда в котел,
провизию из кладовой развесит,
прислуживает, подает на стол.

Во всем ей помогая, целый день я,
как мог, работал из последних сил,
раскалывал огромные поленья
и в кухню воду ведрами носил,
и все ловил я проблеск ласки тихой
в ее словах, улыбке, как намек, —
за суповой ложкой поварихи
глазами жадно так следит щенок.

Настал закат — и глянул в лица наши
диск солнца, раскаленный докрасна, —
как будто пьяница плеснул из чаши
остаток мутный красного вина.
Уже серело, и возы скрипели
по сбитым колеям дорог в пыли...
Мы ложкой суп мешали... Где-то пели,
и вот с покоса косари пришли.

Все с косами, они вошли в ворота,
и каждый руку крепко мне пожал.
Подыщется и для меня работа, —
решительно и просто мне сказал
хозяин хутора. — Да, косим на поляне,
и для тебя найдется дело тут... —
Он говорил, как говорят крестьяне,
когда от сердца их слова идут.

Не нужно толковать ему — откуда
и как сюда пришел я... Но сейчас
ему нужны работники покуда...
Ведь многие сейчас ушли как раз,
да вот и сын его ушел с другими,
пришел и снова дом покинул... Ну!
Эх, эх!.. Давненько не был он с родными,
ведь был четыре года он в плену.

Вот так-то... А теперь скорей за ужин,
ведь тем, кто проработал целый день,
покойный сон и отдых ночью нужен...
А завтра будем убирать ячмень...
С уборкой запоздали... Да, проруха!..
Так попросту со мной он говорил,
и я почувствовал, что крепко руку
он на плечо мое вдруг положил.

В кружок усевшись, ложками мы брали
из общей миски свежую еду, —
казалось, что над нами пролетали
страшилища, как будто бы в аду.
Зловещие к нам долетали слухи,
и стыла кровь от них, и ждали мы,
что, воплотившись чудищами, глухо
они обрушатся на нас из тьмы.

Но все ж за ужином я то и дело
поглядывал на девушку. Она
как раз напротив за столом сидела
и молча улыбалась, смущена.
Во мгле струился пар от супа зыбко,
витал, как светлый ореол над ней,
я эту милую ее улыбку,
как луч зари, храню в душе моей.

Когда ж руками губы вытирая,
все остальные встали от стола,
я не пошел за ними в глубь сарая
и все вертелся около котла.
С чем я боролся? Как, у двери стоя,
я ждал чего-то, страх в душе тая?
Она посуду мыла и покоя
себе не находила, как и я.

Мы оба чувствовали: как влюбленно
прижались бы друг к другу мы сейчас, —
но только улыбались всё смущенно,
когда встречались быстрым блеском глаз.
Потом, усевшись у дверей сарая,
оставшись, наконец, наедине,
мы слушали, как, тихо замирая,
сердца у нас стучали в тишине.

И мы прерывисто и торопливо
дышали душным зноем темноты,
а грезы распускались боязливо
и расцветали нежно, как цветы.
Я грезил... Мне хотелось в ласке чистой
закрыть глаза и тихо к ней на грудь
склониться, словно на букет душистый,
и, как к цветку, к лицу ее прильнуть.

Не знаю — пар ли над весенней пашней,
над бороздами черными земли,
иль просто вкусный пар еды домашней
меня той грезой нежной увлекли...

Я чувствовал тепло родного дома,
у очага увидел я семью...
Пусть эта девушка мне чуть знакома,
но с нею я свяжу судьбу свою!

Так я мечтал... Далекие мечтанья!
С улыбкой вспоминаю я о них;
Тогда ж лелеял я в душе желанье —
вести ее невестой в круг родных.
Дом, виноградник, дети, луг, корова —
мелькали быстро в голове моей...
Язык не поспевал... за словом слово
бежало, спотыкаясь, все быстрее.

Я дома выпрошу свое наследство,
три хольда черной пашни, часть свою,
зимой поденщиной добуду средства
и буду жить с любимой, как в раю.
Уже я видел, как по пашне черной
за плугом, нагибаясь, я иду,
она ж мотыжит сзади и проворно
мотыгу погружает в борозду.

Когда я слышу это слово «планы»,
то и сейчас я вижу пред собой
три хольда пашни в утреннем тумане
и светлый плуг над черной бороздой!
О счастье! Где же ты с тех пор витаешь?
Иль все еще в алмазных блестках рос
меня в лучах зеленых поджидаешь,
со звоном дальним серебристых кос?

Так перед нею изливал я сердце
и строил планы, как, с чего начать...
Сперва насадим мы побольше перца,
чтоб в Капоше повыгодней продать...
К хозяйству с нею дружно мы приступим,
так понемногу все мы заведем,
четвертый хольд земли еще прикупим,
и скоро полной чашей станет дом.

Она мне руку гладила в молчанье
И слушала восторженную речь,
Хотелось ей — от разочарованья
Меня заранее предостеречь.
Лишь иногда, к плечу склонясь, шептала:
«Как будет хорошо все!» — мне в ответ,
когда опять я начинал сначала
нести какой-то вздорный, глупый бред.

Она сказала: «Знаешь, каждый вечер,
в тот час, когда приходишь ты с работ,
к тебе я буду выбегать навстречу,
и поджидать я стану у ворот.
А по утрам вставать я буду рано
и с песней хлеб замешивать...» Потом
она замолкла... Я же беспрестанно
мог говорить всю ночь ей об одном.

Когда ж ее будил я, то смущенно
она в объятьях пряталась моих,
держал ее в руках я умиленный,
был сон ее, как у ребенка, тих.
Я спящую отнес к дверям сарая,
чтоб уложить ее в постель скорей, —
на поцелуи мне не отвечая,
она со мной простилась у дверей.

III

Недолгий сон похож был на дремоту,
когда же пред зарею я уснул,
то, как хозяин летом на работу,
меня вдруг поднял деловитый гул.
Звон колокольчиков, волов мычанье,
собачий лай, свист птиц и шум работ,
как будто гимна светлого звучанье,
встречали хором солнечный восход.

Водой умыться изо рта и ловко
приладить инструмент, не позабыть
взять для снопов хорошую веревку
и камнем острие косы отбить,
все это делать я умел не худо,
хотя порой и делал впопыхах,
потом с косцами покидал я хутор
и место выбирал себе в рядах.

Потом с боязнью тайной и волненьем
я в ряд косцов вставал над полосой,
и быстрым и размашистым движеньем
я делал первый пробный взмах косой.
Колосья спелые смотрели в землю,
как будто жаловались на судьбу,
и, словно приговору смерти внемля,
шептали грустно тихую мольбу.

В испуге тело гибкое колебля,
со стоном шелестящим и глухим
рядами падали на землю стебли
и уступали очередь другим.
Сияло небо яркой позолотой,
и, словно злой надсмотрщик на горе,
следа за нашей трудною работой,
вставало гневно солнце на заре.

Оно пылало из лазурной дали,
и раскаленные его лучи
по спинам и по шее нас хлестали,
как кровью обогранные бичи.
Казалось, солнце выло и кричало.
Струился пот со лба мне прямо в рот,
и я отплевывал его устало,
отфыркиваясь, словно злобный кот.

Косил я дома на участке нашем
в то время, как на фронте, там, в бою,
смерть над моим отцом и братом старшим,
взмахнувши, косу занесла свою.
Тогда работал я не через силу,
снопы за мной вязала сзади мать,
она косить меня не торопила,
и мог я, ряд окончив, отдыхать.

А много ли осталось до полудня?
На солнце я смотрел теперь тайком.
Поспеть мне за косцами было трудно,
я косу часто отбивал брусом.
Но глядя на других косцов со страхом,
я напрягался из последних сил,
скрипя зубами, и широким взмахом
я, чуть не падая, косил, косил...

Я вижу отрока, и он до срока
мужскую тяжесть жизни хочет взять.
«Не торопись стать взрослым! Жизнь жестока! —
хочу ему я в прошлое сказать. —
Потом захочешь к юности вернуться,
с рыданьем, стоном будешь рваться к ней...»
Так я косил, стараясь не коснуться
косой до глыб земли и до камней.

Так я шагал, широкую дорогу
себе выкашивая на ходу,
сил набираясь, подавив тревогу,
что я среди колосьев упаду.

Хотел я взрослым быть, косцом примерным
пред девочкой, что ложкой из котла
суп налила уже и нам, наверно,
его медлительно сейчас несла...

Хотел я победить... И предо мною
колосся, с тихим шелестом клонясь,
ложились золотистой волною,
как строчками стихи мои сейчас.
Сойдя с межи к другим косцам в прохладу,
их одобренью жадно я внимал,
их похвалу ценил я как награду
и больше всех теперешних похвал.

Сидел я горделиво за обедом,
в свою похлебку свежий хлеб макал,
и счастлив был я, говоря с соседом
о том, что я в ряду не отставал.
А девочка сидела рядом близко,
ловил я взгляд ее спокойных глаз,
и от смущенья даже ложку в миску
она, краснея, уронила раз.

Хотя она смущалась и краснела
от шуток и острот, намеков всех,
но мне в глаза уже смотрела смело
и слышался ее веселый смех.
Подшучивали косари над нами,
давали дружеский совет, шутя,
как нужно обращаться ей с парнями,
такими неуклюжими, как я.

Над нами же вверху, в тени блистая
среди темной зелени ветвей густых,
порхали блики солнца, словно стая
каких-то быстрых птичек золотых.
О, как я счастлив был! Мои надежды
осуществлялись, и казалось мне,
что уж не мальчик я теперь, как прежде,
а стал мужчиной, взрослым стал вполне.

О, если б, свежести той не теряя,
светло струилась молодость моя
и я остался там, где, озаряя,
как свет зари, холмистые края,
передо мною дивно распустился,
открылся этот светлый мир труда,
тот самый мир, что ясно отразился
в глазах ее девических тогда...

Я не остался там... Пока старался
мужчиной и хозяином я стать,—
над головой моею вихрь сбирался,
чтоб в мусор, в грязь швырнуть меня опять,
чтоб, унесенный грозовым порывом
и с высоты низринутый во прах,
я понял вдруг, каким я был счастливым
и как над миром я витал в мечтах!

Обед уже окончился, я помню,
и отдыхать в тени все разошлись,
и, под копной уединясь укромно,
о будущем мечтать мы принялись...
Мы с нею разговаривали тихо,
вдруг женский крик донесся к нам с холма,
и мы увидели, что повариха
вслед за собакой к нам бежит сама.

Как это было? Словно бред в недуге,
сейчас мне вспоминается тот миг,
схватил я за руку ее в испуге,
вскочили косари, услышав крик.
Бежала с криком женщина, на что-то
рукой показывая нам назад.
Меня по имени окликнул кто-то,
хозяин на меня уставил взгляд.

Я подошел к нему и встал с ним рядом,
не спрашивая ни о чем... На холм
смотрю вслед за его тревожным взглядом
и вижу я, там в топоте глухом
как смерч несетя, как гроза над лугом
блеск сабель, шлемов к нам издалека...
Потом я замечаю, как испугом
искажено лицо у старика.

Хозяину еще не отвечая
и даже на понявши смысла слов,
я приготовился и, как борзая,
стрелой пуститься в бегство был готов.
Я вижу, что товарищи дорогу
мне уступают, намечаю путь
и слышу голос, плачущий в тревоге:
«Потом... вернись сюда когда-нибудь!»

Я громко вскрикнул и взмахнул рукою,
и ноги словно сами понеслись,—
так ласточки пред близкою грозой
со щебетом стрелой взлетают ввысь.

Потом перескочил через канаву,
упал, вскочил, помчался напрямик...
«Братишка... в лес... сюда, за мной, направо!» —
ко мне донесся чей-то звонкий крик.

Я покосился в сторону в испуге
и на бегу заметил, что правей
бежал какой-то парень вдоль по лугу
и, пригибаясь, прятался в траве.
И видел я еще, что в туче пыли,
с холма спускаясь и свернув с пути,
жандармы конные к нему спешили,
чтоб окружить его и обойти...

Вбежал я в кукурузу без оглядки,
ведь в ней легко укрыться беглецу...
Как сабли, кукурузные початки
меня хлестали больно по лицу.
Потом, последние собравши силы,
через болото вброд я перелез,
упал под куст, и, словно из могилы,
смотрел я тупо в синеву небес.

И как Адам на дальний призрак рая,
на счастье, отлетающее прочь,
смотрел я лежа, словно умирая,
в беззвездную и пасмурную ночь.
Отвага жизни, юность, о, как скоро
закрылись вы, едва открыв мне вход,
я не забыл еще, какую горечь
узнал у ваших запертых ворот!

Что ж дальше? Послезавтра был я дома,
как будто к ужину спеша скорей,
ступил я тихо на порог знакомый,
упав в объятия матери своей.
Там уложили спать меня в постели.
Как будто долго спал я крепким сном —
и вот проснулся, годы пролетели,
и с грустью я смотрю на все кругом.

Эпилог

Вернись назад! Чрез десять лет я с зятем
за лошадьми поехал в те края,
где, словно солнце над холмом покатым,
еще сияет молодость моя.
Недалеке был тот знакомый хутор,
где я о счастье грезил с ней вдвоем.
Хозяин дал мне лошадь, и наутро
туда поехал рано я верхом.

Но шла там жизнь совсем уже иная,
и я своих знакомых не нашел,
бродил я там, о прошлом вспоминая,
и снова на зеленый холм взошел.
С того холма когда-то, в мир бросаясь,
сбежал я отроком, был долг путь,
и десять лет бежал я, задыхаясь,
и вот сейчас присел передохнуть.

А на лугу звенели так же косы,
и косари, косившие вдали,
пришли на холм, но на мои расспросы
они ответить толком не могли.
Наверное, они переодетым
жандармом, сыщиком сочли меня,
и я, разочарован их ответом,
вскочил в седло на своего коня.

Вот так под шаг плетущейся лошадки
поэму эту начал я слагать...
Возможно, ритм у ней такой же шаткий,
пускай споткнется... Что ж, начну опять.
Я, бросив повод, ехал торопливо
туда, куда судьба меня вела,
уже я взрослый стал, и спротивно,
как одиночество, сгущалась мгла.

Я песню эту из воспоминаний,
как ленту яркую, стихом плету
и, словно радугу, в слепом тумане
ее подкидываю в высоту.
Она горит, как разноцветный пояс,
в последний раз взмахну я веселей...
Как свадебный счастливый звонкий поезд,
исчезла юность в сумраке полей!

1932

Была весна

С ружьем я долго шел полями,
Вслед за весною вдаль стремясь,
И волосы трепал мне ветер,
А ноги облепляла грязь.

От ливня старый дуб ветвистый
Прикрыл меня шатром своим,
И, как цыпленок под наседкой,
Сидел я, спрятавшись под ним.

Мне, как в гнезде, тепло там было,
И я сидел, задумчив, тих,
Пока не вылупился звонко
Из головы вот этот стих.

Когда же дождь прошел, то дальше
Пошел, насвистывая, я.
Скакали зайцы, словно зная,
Что в них стрелять сейчас нельзя.

Вдруг стаей голуби вспорхнули,
Как снег, пушисты и легки,
Как вверх взлетевшие по ветру
От белой розы лепестки.

Казалось: я стоял, как в сказке,
В хрустальном озере на дне,
И теплое мое дыханье
Ключом струилось в глубине.

Там понял я, зачем я вышел,
Что мне была не дичь нужна,
Что я искал совсем другое,
Что позвала меня весна.

Весна в поля меня манила,
Я гнался целый день за ней,
За вечным свежим обновленьем,
За беглой юностью моей!

Домой я тихо возвращался,
Пустой ягдташ без дичи нес.
Почувявши мою собаку,
Вдали залаял чей-то пес.

Лунный луч у дверцы дома...

Лунный луч у дверцы дома
по ведру пополз худому.

На чердак ушел куда-то,
где коса торчит, щербата,

язычища безобразней
у бетьяра после казни.

Так вырываются из глуби
Серебряные пузыри
И выплывают на поверхность
К сиянью золотой зари.

Лишь в сумерках нашел я в поле
У старой мельницы приют,
И жернова ее, как сердце,
Отстукивали бег минут.

Письмо...

...И, говоря еще короче,
Надежды нет. Я, как бедняк,
Голодный день к голодной ночи
Дотягиваю натошак.

Кого ж обманывать я стану,
Хоть из любви, — сам посудите!
Состарившийся слишком рано
Ребенок — сердце здесь, в груди.

Он обо всем прекрасно знает,
Вот так мы и сидим вдвоем,
Где нахожусь я — объясняю
Объедки на столе моем
Да звезды в небе, за окном.

Высовываюсь из него я,
Как из вагона. Мчит вагон,
И липы гнутся, и листвою
Шуршат мне про полет времен.

Ветер

Дует ветер спозаранок, —
в поле мельниц нет, ветрянок.
Дует в море над волнами, —
нет судов под парусами.

В облаке летучей пыли
мчатся лишь автомобили,
и свистит им перелетный
бедный ветер безработный.

Он трудился бы умело,
если б только было дело.
И, как пес гусей пугает,
облаков вспугнул он стаю.

Ковыли б ему лелеять,
у косцов рубахи взвеять!
Тихо он колышет ветки,
в них качается, как в сетке.

Видно, никому на свете
он не нужен, вольный ветер, —
под землей все жадно рыщут,
уголь, нефть и руды ищут.

Ветер, друг наш старый, милый,
дует праздно с прежней силой.
Бедный ветер сиротливый,
Кыш! — вспорхнул, летит над нивой.

Взвился ввысь, под свод небесный,
одарю его я песней.
Ветер, я с тобою дружен, —
мой напев, как твой, не нужен!

Медведь

Весна мою голову кружит,
Баюкает и тревожит.
В глаза мне внешнее солнце,
Гипнотизируя, льется,
И вкуса морской водицы
В окошко ветер струится.
Дремал бы и ночь и день я,
Но далеки сновиденья,
Я и ленив и взволнован,
Я встал бы, пошел, но — скован.

Побыть одному бы где-то,
Но одиночество это
Как камень висит надо мною,
Тюремной встает стеною.
Я думаю: тот умнее,
Кто спит, как зверь, где темнее.
И, словно медведь в берлоге,
Проспит позорные сроки.
И если лес мое тело,
То сердце мое влетело

В кусты артерий, как птица,
В тени оно там таится.
Спасти в сновидения хочет.
С ним вместе — рот, уши, очи,
Чтоб в сонном прошло покое
То время. А время какое?

Остр запах фиалок. Мчит он,
Как будто кровью налитан,
Земли и лугов дыханье
Подобно кровавой ране,
И мерзостно засмердела
Канава, как мертвое тело.

Кровь, кровь... И дыханье сперло,
Как будто бы кровь из горла,
Как будто бы кровь из носа,
Куда ты ни повернешься —
Сквозь кровь этот мир в тебя льется.

И смерть я ношу сегодня
В себе, как слово господне,
В предвидении ужасном
Того, что грядущее даст нам.
Пророчил бы, но напрасно,
Лишь «смерть» произнес бы ясно.

Похоронюсь я глубоко,
Чтоб мне не бросали упрека,
Что был я бессильный свидетель
Творившегося на свете.

Без крова

Дохнуло ветром. Глядя сквозь золу,
Глаза углей разгневались на что-то...
Печем картошку. Сквозь ночную мглу,
Как утки дикие, несутся самолеты.

Весна

Темно протянулся мертвец
Под всею Европой, под нами,
Но с яблонь не кровь, не багрец,
А белыми каплет цветами.

Плуг идет...

Плуг идет, и борозды —
Друг за другом,
Словно книга пишется
Этим плугом.
Пишет книгу радости
На просторе
Тот, кому встречалось
Только горе.

Плуг идет — и новые
Встали строки.
Я смотрю — читатель их
Одинокий.
Вижу — руки честные,
Трудовые
На себя работают
Здесь впервые.

Плуг идет, врезается,
И шагают
Две коровы в упряжи, —
Помогают.
Танки обгоревшие
Плуг обходит, —
Пусть они рисунками
В книгу входят.

Плуг идет у пахаря
Под рукою,
И строка выводится
За строкою.
Пашня в дымке утренней —
Словно дышит...
Так свою историю
Венгры пишут.

Буда, май 1945 года

Вот я опять в углу своем,
новсюду мусор, прах кирпичный.
Разбит наполовину дом,
но жизнь идет чередой обычной.
Я в комнату свою иду,
где дыры в потолке пробиты.
Я не боюсь могил в саду,
я сам копал их для убитых.

Навалено все на полу —
бумаги, вещи, книги с полки.
На письменном столе к стеклу
примешаны от бомб осколки.
А я сижу в своей норе,
пишу стихи и слышу лепет
моей дочурки на дворе
и беззаботный птичий щебет.

Мне кажется — и это так! —
сижу я среди развалин края.
Но вот уже светлеет мрак,
как грусть и горесть исчеза.
Над миром прошлого парю
я мыслью вольной на рассвете,
и песней встречу я зарю,
как птицы певчие и дети!

Кровельщики

Я сидел над книгой,
чтением увлечен,
так что слышал звуки
смутно, как сквозь сон.
То ли свист синицы,
то ли стук колес
мне рассветный ветер
издали донес.

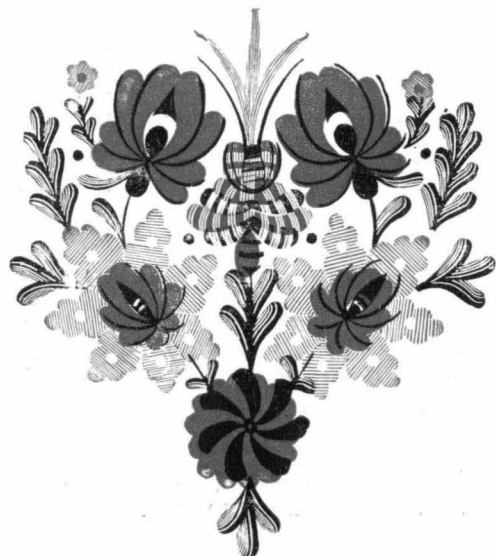
Слышу эти звуки,
шорох, этот стук;
пальцы уловили
ритм какой-то вдруг,
будто кто-то где-то
издали вот так
азбукою Морзе
отбивает такт.

Ах, уж эти пальцы!
Что же их опять
заставляет четко
по столу стучать?
То ли пенье птицы,
То ль воды струя?
Нет! Иные звуки
Различаю я!

Это застучали
наверху вон там
кровельщики звонко
дружно по листам!
С высоты оттуда,
как привет, гремит
этот полнозвучный
и хороший ритм.

Ритм тот подгоняет,
чтоб я не отстал,
чтоб отбросил книгу
и стихи писал,
чтоб в соревнованье,
не жалея сил,
звучными стихами
марш я им сложил.

Чтоб, не погибая,
вновь в стихах жило
все, что проносилось
бурно и светло,
чтоб, как звон их с крыши,
полнозвучен, смел,
с высоты над миром
мой призыв гремел!



МИКЛОШ РАДНОТИ

(1909—1944)

Миклош Радноти (Radnóti Miklós) родился в Будапеште, рано осиротел, провел тяжелое, полное нужды детство и юность. С трудом закончил среднюю школу и университет. Первый сборник его стихов «Языческое приветствие» вышел в 1930 году, второй, «Новые пастухи», был конфискован властями. После этого он выпустил еще семь сборников стихотворений и книгу переводов. Начиная с 1940 года неоднократно подвергался заключению в концентрационные лагеря. В 1944 году, после того как немецкие фашисты оккупировали Венгрию, Радноти отправили на принудительные работы в Сербию, и там, заключенный в «лагере смерти», он создал ряд замечательных стихотворений. Во время фашистского господства в Венгрии Радноти вместе с несколькими сотнями товарищей погнали пешком из Венгрии в Германию. По дороге он был убит фашистами. Стихи Миклоша Радноти проникнуты идеями интернационализма и чувством горячей любви к Венгрии, верой в ее светлое будущее.





Испания

В дожде Париж. Открыв окно,
Мерцанье крыш я вижу.
Всползают тучи мне на стол
И влажный свет Парижа.

Я — над домами. А внизу
Дождем прибита копоть.
Худые вести он несет,
Дождя тяжелый рокот.

О чернокрылая война
И ужас с нею рядом!
Уже не сеют и не жнут,
Не давят винограда.

Там солнце с неба не печет,
Птенцы дрожат в молчанье,
А кровь течет, а кровь течет...
Испания, Испания!

Но из смерчей, из пустоты
Сквозь щели и ущелья
Из недр земли встает она —
Громада ополченья.

Народы о твоей судьбе
Кричат. И вновь я вижу,
Как нынче с песней о тебе
Шла беднота Парижа.

1936

Поэт

Поэт, я никому не нужен больше тут.
Мурлычу я без слов. К чему они? Поверьте:
Что надобно напеть, вам в уши напеют
Прелюбознательные черти!

И подозренья осторожный взор
Меня казнит; он правильно заметил:
Поэт, я годен только на костер
За то, что правды я свидетель,

За то, что знаю я, что зелен стебелек,
Бел снег, и красен мак, и кровь, красна, струится,
И буду я убит за то, что не жесток
И потому, что сам я не убийца!

Я существую

В бешеном небе померк лунный серп.
Я жив! Удивительное дело!
Шарит повсюду усердная смерть,
Бледнеют те, кого задела.

Ведь если вспять обернется год —
Взвизгнет он, теряя сознание:
Страшная осень по следу ползет,
Скорбно тупеет зима от страданья.

Кровоточил здесь времени вихрь,
Кровоточили деревья вот эти;
Шифр из огромных темнеющих цифр
Выцарапывал на снегу ветер.

Гнев натянул на луну пелену,
Темнозеленую и густую.
Пенится небо. А я сигарету сверну
Тихо и тщательно. Я существую!

1940

Пятница

Апрель, как сумасшедший,
И солнца не видать.
Неделю пил вино я,
Чтоб трезво рассуждать.

Апрель, как сумасшедший,
Покоя не дает.
Один писатель пишет,
Отчизну продает.

Апрель, как сумасшедший,
Снег валит без конца...
Иные удирают,
Но лопнут их сердца!

Апрель, как сумасшедший,
Мягельно, как зимой:
Пошли гулять три друга
И не пришли домой.

Апрель, как сумасшедший,
Холодный ливень льет.
И друг мой впал в безумье,
Людей не узнает.

Апрель, как сумасшедший,
Могуч разлив речной.
...Второй мой друг пристрелен
Вот этою весной.

А третий арестован.
Я зря его ищу...
Цветы мой померзли...
Смеяться я хочу.

Все знаю! Берегитесь!
За всех я отомщу!

1942

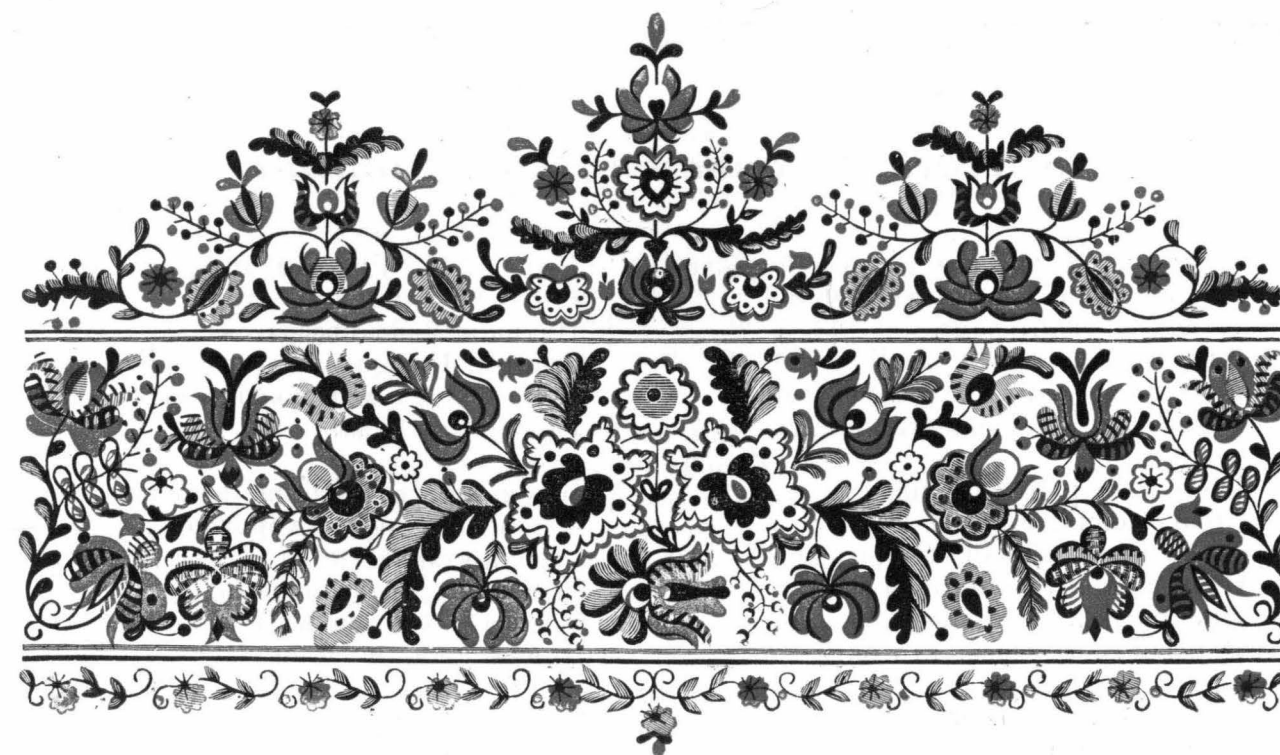




ЗОЛТАН ЗЕЛК

Золтан Зелк (Zelk Zoltán) родился в 1906 году в Эрмихайфальве. Из-за тяжелых материальных условий жизни он не мог получить даже среднее образование. «Я знаю,—писал в связи с этим Зелк,— что у рабочих, у крестьян и в движении коммунистической молодежи я учился большему, чем в любых школах». Золтан Зелк — коммунист, прошедший школу подпольного рабочего движения. Он много печатался в левых венгерских журналах. Первый сборник его стихов вышел в 1932 году. С тех пор Зелк выпустил несколько книг стихов. Наиболее значительные из них «Свидетель сотворения» (1945), «Море в раковине» (1947), «Песня преданности и благодарности» (1950) и «Песня партийца» (1950). После освобождения Венгрии Зелк сразу же включился в создание нового, демократического строя, в строительство социализма, выступил активным борцом за мир; он постоянно печатается в Центральном органе Венгерской партии трудящихся. За оду «Песня преданности и благодарности», посвященную семидесятилетию товарища Сталина, Зелк удостоен премии Кошута.





Стихи, стихи, стихи...

Звезда бежит; кружась, стремится
В стихотворенье превратиться.
Хотят деревья, тени, змеи
В стихотворенье превратиться.

И жаждет окрыленный голос
В стихотворенье превратиться.
Глаголы скачут, как цыплята,
Поэзия, укрой крылом их!

Палач цыплячий, хочет коршун
В стихотворенье превратиться.
И камень, в коршуна летящий,
Стихотвореньем пал бы наземь.

Старуха ночь и отрок утро
В стихотворенье превратятся.
Мясистый смех со скорбью тощей
Хотят созвучьями обняться.

И прошлый год в могиле хочет
В стихотворенье превратиться,
Как и грядущий год — младенец,
Ой, только бы не недоносок!

Мир на колени пал, желая
В стихотворенье превратиться.
Поэты, помогите миру
В тартарары не провалиться!

1939

У могилы советского солдата

Здесь, в Зугло, где владычил ужас
На площади, где стынут лужи
И разворочены дома,
Над незалеченною раной
Могильный этот холм багряный
Встал, как уверенность сама.

По-русски я не понимаю,
Стою, молчу, смотрю, гадаю:
Здесь погребенный, где рожден?
Он правнук Лермонтова или
Праправнук Пушкина? Могиле
Я говорю: «Ответь, кто он?»

Заводом, шахтой, кем — не знаю, —
Был послан он, чтоб на Дунае
Бороться с варварской ордой,
Которая хотела солнце
Сорвать с небес и все колодцы
Наполнить мертвою водой.

Кто он? И будто бы ответом
Горит на памятнике этом
Пятиконечная звезда.
Смотри! Пятерка пальцев звездных
К Востоку, в мир полей колхозных,
Указывает, туда!

Какой простор! Поля, заводы,
Фабричных дымов хороводы...
Стучат станки, поют ремни...
Комбайны и автомобили.
О, не об этой ли могиле
Кричат они, поют они!

О нем, о нем поют стихи,
И через все поля земные
Всем небесам несется весть
Про этого вот человека.
Ведь он и есть — богатство века,
Победа — это он и есть!

1945

Ангелы

С лицом румяным, в белом одеянье —
Таким я представлял себе его,
Такой игрушечный сусальный ангел
Летал по небу детства моего.*
Я возмужал, и небо стало алым,
И дым клубился, облака темня,
И на земле, а не в лазурном небе
Приветствовали ангелы меня.

Старушки добрые! В сосновых избах
Далеких русских деревень и сел
Тепло, обогревающее сердце,
Скиталец замерзающий нашел!
Казалось мне, что над землей кровавой
Запели ангельские голоса,
Что из-за туч и черных клубов дыма
Блеснули голубые небеса.

444

Морщинистая добрая старушка
Отогревала ноги мне, как мать,
Чтоб я в сорокаградусную стужу
С товарищами дальше мог шагать.
Морозы отгонял с ее порога
Потрескивавший в русской печке жар,
А над большим горшком с молочной кашей
Дымился вкусно беловатый пар.

Она постель на печке мне постлала,
Чтоб, как ребенок, сладко я уснул,
Сама же в полночь шла через сугробы,
Услышав поезда далекий гул.
Ласкавшие по-матерински руки
Сдвигали рельсы на пути со шпал,
И поезд вражеский с визгливым стоном
С откоса насыпи на дно упал.

Морщинистая добрая старушка
Дала у печки в стужу мне приют,
И понял я, что не в лазурном небе,
А на земле те ангелы живут.
О, русские далекие деревни,
Бревенчатых избушек длинный ряд,
Их души, словно ангельские крылья,
Над замерзающей землей парят!

1945

Приходи же, гость!

Теперь, когда стучатся в наши двери,
У нас от страха руки не дрожат,
Не мечется вокруг, как мышь, не ищет,
Куда бы скрыться, наш тревожный взгляд.
Входи же в горницу к нам, гость неожиданный!
Она обжита ужасом была,
Он тут ступал чугунными ногами
И ухмылялся в окна, в зеркала.

Входи же, гость! У нас теперь просторно,
Рассказывай и слушай наш рассказ!
О том, как стали, наконец, свободны,
Поведаем тебе мы в сотый раз.

445

А если из концлагеря вернется
Мой брат и сядет с нами за столом, —
В кружке у нас еще найдется место,
Хотя б луна пришла гостить в наш дом!

Так распахнем же шире окна, двери,
Пусть с ветром в них врывается простор!
Нетопырем не вьется черный ужас,
Когда мы с прошлым продолжаем спор.
Хотя его и слышен отголосок,
Но будущего светлая заря
Уже зажглась и, как отец ребенку,
Нам улыбается, и счастлив я!

1945

Утро в Зүгло

Петух дал птицам знак задорный,
И грянул песней птичий хор,
Как будто вызывая солнце
Подняться в золотой простор.

Щебечут, взгромоздясь на ветви,
Как камешки на леса,
И кажется, от птичьих песен
Светлей и чище небеса.

Из дымки голубой и света
За сводом возникает свод,
И вот под куполом рассвета
Наш лучезарный день встает!

И я запел бы, откликаясь
На голос заводских сирен,
Встречая радостное утро
Среди фабричных красных стен!

Кричите ж, трубы, громко, рьяно
Здесь в Зүгло, в Чепеле, везде,
В Уйпеште и Шалготорьяне,
Встречая трудовой наш день!

Кричите, чтоб руины ночи
Распугивал ваш зычный гром,
Чтоб Венгрия моя восстала,
Преображенная трудом!

1945

Гудки из Фемлемеза слышу...
Звучит не гибель в тех гудках,
И не бегут все, обезумев,
Запрятать под землей свой страх.

Сирены и гудки! Вы, птицы
Проснувшейся страны моей!
Гоните ж пенем тени смерти,
Звучите громче и сильней!

На вольный труд народ сзывайте!
Стучат воскресшие станки,
Дымятся трубы в синем небе,
Перекликаются гудки

Из сортировочной Ракоша...
О, что за песня! Что за звук!
Страна моя творит и строит
Под непрерывный звон и стук.

16 мая 1949 года

Все улицы взволнованной столицы
Сегодня поразительно тесны.
Бурлит,
 клокочет,
 вдаль стремится
Тугой поток людской волны.

На площади
Поток был так велик,
Что мне казалось:
 дальнею колонной,
Толпой знамен багряных окаймленной,
Он берегов грядущего достиг.

Объятый счастьем, был я нем,
А мне сказать хотелось всем,
Что тот,
 кто мог свободным стать,
Уже умеет побеждать.

Я, видевший в былые годы
Расстрел рабочих на дворе завода,
Я, видевший в морозной тьме ночей
Изголодавшихся измученных детей,
Я, видевший в былые дни везде
Страдальцев, захлебнувшихся в нужде, —
Я стал свидетелем победного разлива
Народной мощи, светлой и бурливой.
— Навеки слейся, — я сказал себе, —
С великим счастьем,
 завоеванным в борьбе.
Перед тобою люди, твой народ!
А тот, кто с ними,
 тот о них поет.

О них, о женщинах Андьялфельда,
О них,
 о женах Чепеля, которые родят
Отчизне радостной литейщиков, ткачей,
Профессоров, врачей и слесарей
И, если надо будет,
Миллион солдат.

О них,
 гирляндах расшумевшихся детей
(Подобных птицам на сучках ветвей),
Что с плеч отцов
 веселыми глазами
Глядят сейчас
 на взвившееся знамя.

О, как я рад,
Как засиял на площади мой взгляд,
Когда кузнец,
 могучий, рослый, крепкий,
Взмахнул рукой и бросил в небо кепку,
Увидев
Ракоши,
 который вышел к нам
И поздравлял с победою венгерцев,
Глядел любому человеку в сердце
И называл нас всех по именам.
 Борьба
 И мир —
 вот стяг грядущих лет!
Так верит
Народ
 и я —
 его поэт.

Пять лет

(Отрывок из поэмы
«Песня преданности и благодарности»)

Пронизан звездами
 морозный воздух,
Но не от них одних земля светлей:
Спят воины в могилах краснозвездных
Среди венгерских золотых полей, —
Отважные советские бойцы,
Сыны народа,
Братья и отцы!

Пять лет
 алеют звезды, полыхая,
Под вечным небом родины моей,
От их сиянья сделались сильнее
И старый Альфельд и луга Дуная,
Пять лет отчизну я свободной знаю!

Пять лет...

 Когда пишу я строки эти,
В прошедшие и будущие дни
Перо макая, мне кивает ветер,
Спешит с вершины Геллерта кивнуть,
И песня дышит счастьем и приветом,
И вдаль идут, победам счет ведя,
Конструктор и рабочий под портретом
Вождя народов — Сталина Вождя!

Лицо Вождя...

 Здесь в Шаркадской округе,
Под закопченным низким потолком,
Где едкий дым встает столбом упругим,
Где солнца свет и утром незнаком,
Портрет Вождя взирает со стены,
Живет в сердцах, дошел до глубины
Людских сердец!

 Ту землю Черной жилой
Все называют — может, потому,
Что кровь крестьян в ней свой поток струила, —
Черна, как ночь, — сквозь вековую тьму.
«Довольно нам в сырых углах томиться,
Растут дома под красной черепицей,
И знаем мы — на следующий год
В них новоселье справит наш народ!»
Нас поднял Сталин к радости такой,
Вот счастье — до него подать рукой!

Так поднимись и покажи, рука,
Наш обновленный край — страну свободы,
Ее сады, и школы, и заводы
И как бежит могучая река
В лугах зеленых под мостом огромным,
Как зарево вздымают в небо домны,
Как ласков свет родного очага.

И человека покажи, рука,
Воспитанного Партией родною,
Который управляет всей страной
За письменным столом и у станка,
И женщину, что все превозмогла,
Ту, что с окна судьбы своей просторной, —
Как изморось стирают со стекла, —
Столетия рабства тягостного стерла!

Нам покажи и юношей:

 чиста,
 светла любовь их.

И чтобы тот,
 Чья память коротка,
 Не забывал о прошлом беззаботно,
 Ты покажи прошедшее, рука,—
 Завод и рядом толпы безработных.
 Ворота на замке. «Эй, осади!»—
 Вопит надрывно ражий стражник конный,
 Просить работы не велят законы,—
 И залы и трупы с пулями в груди...

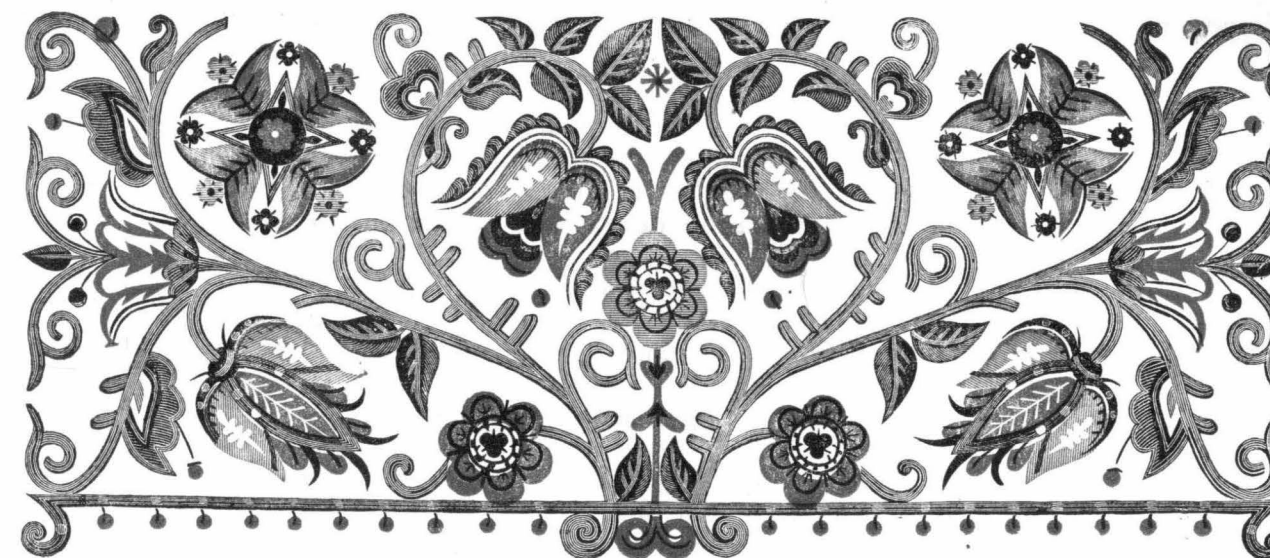
И Альфельд покажи,
 немой и тусклый.
Он не шумел ветвями молодыми,
Над ним не пели птичьи голоса.
И виселицы встали, как леса,
Пошли на казнь Шагвари, Фюрст, Шёнхерц,
Как коммунисты, побеждая смерть
И повторяя
Сталинское имя!

И знали Андьялфельд и Шалгобанья,
И Чепель знал, что это шлет привет
Им Ракоши. Своей страны дыхание
Он слышал и в тюрьме. Он был согрет
Любовью родины. К чудесным далям
Указывала путь его рука,—
То Ленин научил его и Сталин,
Народ прославил их ученика!



Ласло Бенъямин (Benjámin László) родился в 1915 году в Будапеште. Окончил четыре класса гимназии, но учиться дальше у него не было возможности, и он поступил учеником на ткацкую фабрику. Стал металлистом, затем сварщиком и после долгих мытарств, наконец, получил место служащего на заводе. Первые его произведения были напечатаны в 1938 году. Талант Бенъямина развернулся только после освобождения Венгрии. С тех пор поэт выпустил несколько сборников стихотворений: в 1946 году «Торжество литейщиков букв», в 1948 году «После сотворения мира», в 1949 году «Вечно жить», в 1951 году «Избранные стихи». Своими произведениями Бенъямин участвует в жизни и строительстве новой, демократической Венгрии. Ласло Бенъямин награжден премией Кошута.





Я жил в лесу

Как нищий весельчак, бродяга-ткач Основа,
в ком страсть героем стать безудержно росла,
проклятым Робинем в лесу был заколдован
и в ночь Иванову был превращен в осла, —
так заколдован я был бреднями пустыми,
любовью раненный, облитый грязью лжи,
ушами прядал я ослиными своими,
пугаясь грубых рук и хлещущей вожжи.

Я жил в лесу, как все. Столетия стутили,
шумя годами, свой лесной холодный мрак.
Как злые гномы, нас деревья облепили,
совиным уханьем наш обрывая шаг.
Но яркая звезда лесной тропинкой стала,
с веснушчатых небес направив блеск лучей.
О Партия моя! Ты спящих растолкала, —
от колдовских оков освободи ж скорей!

Пришла — и повела меня из чаши сонной,
шумя передо мной, как пенистый поток.
Я воду пил твою — и облик возвращенный
я в зеркале твоём опять увидеть мог!
Кого, как не тебя, благодарить за то, что
дома возникли здесь на месте грязных нор?
Ты помогла — и вот стою теперь я прочно,
и песня широка, как родины простор.

Возьми меня в свои испытанные руки,
достойн ли тебя, расту ли я — взгляни,
твой суд и твой совет пусть будут мне наукой,
от ложных слов и дел умело охраняй!
А если буду слаб и ненадежен — лучше
отбрось меня сама и продолжай свой путь.
Останься, Партия, незыблемой, могучей
и вечно молодой, творящей силой будь!

Весна в Венгрии

Дождь перед ночью хлынул вдруг,
Все улицы он растревожил,
Чтоб на деревьях каждый сук
Листвой младенческою ожил.
Весну вещая, дождь несется
Прочь, через ночь, и вот в садах
Плодом рассветным виснет солнце
На тяжелеющих ветвях.

В горах рассвета торжество,
И со ступени на ступень я
Иду к вершинам своего
Приподнятого настроенья;
Легко шагая, достигаю
Недосыгаемых высот;
Я это солнце взять желаю,
Как самый ранний зрелый плод.

В тумане будто навсегда
Исчезли беды невозвратно.
Леса, поля и города
В цветные превратились пятна.
И, расширяясь и сжимаясь,
Страна раскрылась с горных круч,—
Как будто в небо поднимаюсь
Я, авиатор, выше туч.

Все, что я видел в глубине —
Поля, леса, людские лица,—
Вдруг оказалось здесь, во мне,
Сумело в сердце уместиться
И билось там, на месте сердца,
Кипело там, в крови моей.
Я так в страну сумел взглянуться,
Что воедино слился с ней.

Прочь из зимы идет страна.
Руда из недр стремится горных.
Выращивает весна
Везде ростки надежд упорных.
Мы видим их рассвет лучистый.
Так из подпольных недр на свет
Недавно вышли коммунисты —
Старатели грядущих лет!

Надеясь подыскать жилье,
Лиса-Былое бродит в поле,
Но выследят, пронзят ее
Крестьян заостренные колья.
Крестьяне плугом начертали
Закон и мощь своих имен
Здесь на земле. От звонкой стали
Отскочит злобный град времен.

Так дышит Венгрия. Жива,
Она бушует и клокочет,
Рождает силу и права,
Помочь своим рабочим хочет,
Которые у горнов встали,
Ворочая судьбы сырье,
Чеканя на живом металле
Мощь и веселие свое!

Свободна Венгрия моя!
Я к солнцу очи подымаю.
Кто в эту высь вознес меня?—
Она, страна моя родная!
Страну мою и все, что есть в ней,
Все то, что в сердце я храню,
Отдам я разве с жизнью вместе...
Нет, не отдам. Обороню!

...Мой сын родился в этот день,
Но, свет увидев в наше время,
Он городов и деревень
Богатствами владеет всеми.
Даст Венгрия плоды, и ткани,
И хлеб малютке-богачу.
Ему стихи! В соревнованье
Отстать я тоже не хочу.

Здесь в творчестве моем зажглись
Твои, сынок, большие годы.
Борюсь за них. И ты борись,
Будь покорителем природы.
Чтоб за весною лето было,
Мы продолжаем нынче бой,
И все, что смертью нам грозило,
Пусть будет мальчикам игрой.

Ленин

Он русским старикам, седобородым, чинным,
И детворе свою улыбку подарил;
Разумным женщинам и храбрецам-мужчинам
Он труд свой и борьбу продолжить поручил.

Судьбой рабочего он так был озабочен!
И не предаст его рабочий человек.
Рабочий с Лениным, как Ленин был с рабочим,—
У них одни друзья, одни враги вовек.

Утесы Греции, и рвы, и танков тени;
На Украине рожь шумит, как океан;
Мадрид хранит в земле реликвии сражений,
А на заводе «Ганз» идет борьба за план;

В Ростове пение, веселый шум по школам;
В Нанкине Ленина орудий славит гром,—
К победе пламенной рабочего привел он,
Хлеб для трудящихся нарезал он мечом.

Клубится время; кровь, слезу с лица стирает
Угрюмый древний мир и смотрит веселей;
Грядущее растет, как плод; земля качает
Два миллиарда дорогих детей.

Вечно жить

И всходы на зеленых нивах,
И смех девчонок шаловливых,
И мост, и плеск ручья!
На зорьке реки серебристей,
Скворцы на зорьке голосистей, —
И стал богаче я.

Копают уголь? Ткут полотна?
Как строят? Хорошо ль? Добротное?
Завод возводят? Здесь?
А урожайны ли вот эти
Колосья? До всего на свете
Теперь мне дело есть.

Мне до всего теперь есть дело,
И все чинить, беречь умело
Теперь мне долг велит.
Я обо всем забочусь, зная,
Что милая страна родная
Мне вся принадлежит...

Оздские домны

1

Земля в огне для жизни родилась,
жизнь в пламени возникла и окрепла.
И человек, над пламенем склонясь,
согрел ладони в теплой кучке пепла,
встал на ноги — и взял над миром власть!

Узду надел на пламя человек,
загнал его в кирпичные конюшни,
в одно ярмо запряг его навек
с соперницей — водой холодных рек, —
чтоб вместе с ней работал он послушно.

Гремят воды каскады и шипят
под башнями пылающими Озда!
Сверкающий поток и сталепад!
В мартенах жарко вспыхивают звезды,
и марганец, бурля и клокоча,
железо — сталью делает в печах!

Бушует плавка, воздух и земля
раскалены жаром неумолимой!
По точным планам, пламенем паля,
как солнце в небе ярком и огромном,
гигантским сердцем Озда бьются домны.

2

Мы озираем с высоты просторы.
Так альпинист, шагающий вперед
к вершинам гор, окидывает взором
тропу крутую, взятый переход.
Все выше! Позади — столетий сдвиги,
восстаний грохот и сражений гром,
чтоб стал создатель каменной мотыги
поэтом, инженером, кузнецом.

Мы на горе. Раструбы оздских башен
к железным крышам тянутся подряд.
И отблески багрянца плавки нашей
на все четыре стороны летят.
И у подножий башенных, и выше —
рабочих тени быстрые снуют.
Стобашенная Венгрия! Там пишут
новейшую историю твою.

Гудят цеха завода-исполина,
и пар спешит на гребни гор вспорхнуть,
и кажется, что дышит вся долина,
то опускает, то вздымая грудь.

4

Край этот жгли, ему ломали кости,
но вот он жив — и двинулся вперед.
Рабочий класс здесь создается в Озде,
и общество без классов здесь растет!

3

На Западе, у портового входа,
где пламя факела задула тьма,
под каменную статую Свободы
чернеет царство рабского ярма.
Фашизм занес гранату над плечами
и отточил для плахи топоры.
Мы на посту! Бессменно рдеет пламя —
горячих домен оздские костры.

На Севере, у рослых гор лесистых,
земля тверда, сурова и бедна.
Но мы куем — миллионы металлистов —
природе удила и стремяна!
И общность воли двух народов братских
кострами башен возвещает Озд.
Костры республики чехословацкой
зажглись в ответ огнем горящих звезд.

Там, где взойшло живое солнце полдня, —
измены черное пятно ползет,
на свет шахтерской лампы руку поднял
предатель, оптом продавший народ.
Позор и смерть злодею! Будет страшен
возмездия неотвратимый час!
Бодрящий свет на вышках оздских башен
рабочей дружбой спланивает нас!

Отчизна солища, колыбель восхода —
в огне Востока сделала навек
крепчайшим сплавом жизни и свободы
все, что добыл в сраженьях человек.
Чтоб неумолчно сердце билось зримо,
чтоб оздских домен не остыл накал,
Союз Советов — друг непобедимый —
руду и уголь щедро нам послал.

Земля для слабых жадная могила,
и служит только сильному она.
Бок о бок с другом — стой могучей силой,
стой пред врагом, как крепкая стена.
Ничто не сокрушит ряды стальные:
Землетрясений рев и смерчей вой, —
но встанет мощь тяжелой индустрии —
и победит врага народный строй!

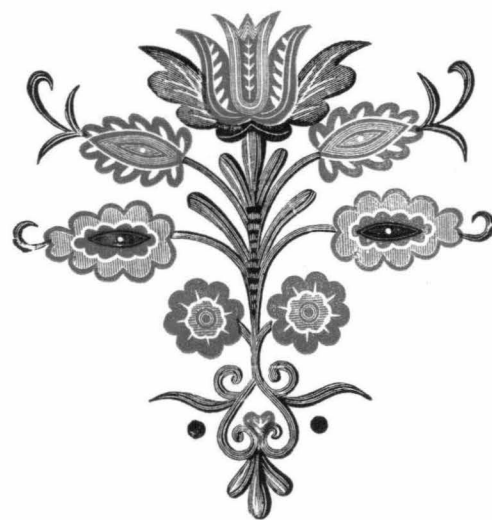
Так пусть в долины лавою густою
железо хлынет, искрами сверкнет!
Социализма прочные устои
народ из прочной стали создает!
Пускай богатство прочного металла
из Озда льется, золотом звеня.
Без этой стали разве б устояла
тяжелая, но хрупкая броня?

В сердца людей, разбивших гнет и голод,
пускай течет расплавленный металл,
чтоб каждый, кто берет кирку и молот,
еще упорней и сильнее стал!
И как руда становится железом
и вновь горит, упругой сталью став,
пусть так сознание, волю в души врезав,
сплотит людей в несокрушимый сплав.

5

Мы на горе. За гранью горных кряжей
угадывает будущее взор.
И маяки высоких оздских башен
идуших лет прорезали простор.
Внизу вода гудит, руда клокочет,
рождается сверкающая новь.
Как хлеб на потом окропленной почве,
шумит в сердцах взволнованных любовь.





ПЕТЕР КУЦКА

Петер Куцка (Kuczka Péter) родился в 1923 году в Секешфехерваре. Отец его был художником, умер рано, и мальчику пришлось самостоятельно зарабатывать на жизнь: он батрачил, был рабочим на соляном руднике, разносчиком газет, работал каменщиком. В ноябре 1944 года Куцка взяли в армию, но уже в декабре он бежал, уведя с собой еще тринадцать товарищей. Куцка не желал воевать против Советского Союза. Впервые он стал печататься в 1947 году. Выпустил сборники стихотворений: «Посреди длинной строки», «Завещание» и «Жизнь хороша». Куцка один из самых активных молодых поэтов Венгрии.





Далека была земля

Не обносил участка я оградой,
И не росла пшеница у меня,
И не боялся я, что льдинки града
Побьют весною в поле зеленя.

Я не пахал, не сеял и под паром
Не холил землю. В городе я жил.
Я был товаром, хлеб мой был товаром,
И я посевами не дорожил.

Теперь во всех работах я — хозяин,
Мне, горожанину, близка земля, —
Хлеба растут у городских окраин,
И фабрики выходят на поля.

Когда чужое поле колосится,
Я урожая по-крестьянски рад,
Смотрю, как наливается пшеница
И как подвязывают виноград.

Хочу, чтоб жатва во-время настала
И были косы и серпы острей,
Чтоб вдоволь было угля и металла, —
Забочусь я о всей стране моей.

Сегодня теплый с коркой золотистой
Хлеб подали к обеду моему,
И я беру ломоть его душистый —
Как будто руку хлеборобу жму

Мир

Видишь, дочка: это — скалы,
Это — ящерка, а вот
На песок взбегают волны,
Волны поднял пароход.
И далеко за рекою
Наших фабрик дым плывет.

Там Восток, а там вот — Запад,
Здесь вот — родина моя.
Над холмами, за Дунаем
Велика моя семья.
Это всё — твои родные!
Так своей двухлетней дочке
Мир показываю я.

Мир! Отныне стал он нашим!
Мамин он, и твой, и мой.
Посмотри на человека:
Вот идет он на работу,
Трудится он, как герой,
Чтобы много-много хлеба
Было здесь в стране родной.

В нашем небе мягкий ветер
Чуть колышет облака,
А на Западе — скорбь, горе...
Как нужда там велика!
...А над нами ветку пальмы
Поднимает в чистом небе
Гордой статуи рука.

Китай

Пускай в глаза нам смотрят жерла пушек
И танки поливают нас огнем, —
Мы все равно ни шагу не отступим
И головы в печали не согнем.

Бойцы Народной Армии Китая,
Мне ваши руки хочется пожать.
Нет, не сдержать тростинке водопада,
И ветхим стенам бури не сдержать!

По вечерам, склонясь над пестрой картой
И не скрывая радостной слезы,
Мы ищем родину Мао Цзе-дуна
И берега красавицы Ян-цзы.

Нас не влекут фарфоровые башни
И фолианты древних мудрецов, —
Мы думаем: хватает ли вам нефти,
Не мало ли винтовок у бойцов.

Товарищи, душой мы ныне с вами,
Мы слышим ваши грозные шаги.
Смелей вперед, пока не захлебнутся
В морской воде последние враги!

Радость

Я знал, что потрудился хорошо,
И шел домой я, предвкушая отдых.
И вот, когда спускался я с горы,
Гляжу: в долине множество народа.

А что за люди? Пригляделся я
К лопатам, к вагонеткам, к конским гривам...
Там люди превращают в кирпичи
Прекраснейшую глину под обрывом.

С горы казалось: город — недвижим,
На труд не обращает он вниманья.
Но, будто в новой шляпе паренек,
Блестящей крышей вдруг сверкнуло зданье!

А над рекою грохотала верфь:
«Я пароходы, пароходы строю!»
И деловитый дым фабричных труб
Над Чепелем плыл в небо голубое.

И солнце, солнце! Не было весны,
Но солнце всю окрестность умывало,
И отскребало снег оно и лед,
И в лужицах щенят оно купало.

Вот радость! Даже свежий ветерок
Летел, как будто земляникой вея,
И так как я один был на горе,
То улыбнулся сам себе я.

Вперед

Штыком в грядущее ты, голос мой, вонзайся!
Завеса будущего, упади!
Ведь только тот, кто врос ногами в землю,
Сегодня хнычет где-то позади.

Пусть на плотах плывут, пускай трусят на клячах
Все те, кто от былого не отвык, —
А мы спешим! Довольно прохлаждаться.
Плестись в хвосте не может большевик.

Тот, кто копается в своих ничтожных чувствах,
Пусть с ними остается одинок.
К вершинам мы истории стремимся,
Для нас простор грядущего широк.

Не ждем мы, чтоб сукно росло на овцах прямо, —
Не нам лелеять сонную мечту.
Мы знаем, башмаки не зреют на деревьях.
Промышленность пора поднять на высоту!

Заводы строим, открываем школы,
Чтоб мог учиться каждый человек;
Обуздываем сталью и бетоном
Неистовые пасти горных рек.

Чего хотим — о том сказали дружно
Пять миллионов наших голосов.
Поэт, рабочий, инженер, крестьянин —
Любой из нас к труду сейчас готов.

Пять лет перешагнем мы за четыре!
От наших лозунгов дрожит небесный свод —
Так мы хотим. Довольно прохлаждаться.
Торопимся! Вперед, вперед, вперед!

Петефи

Вблизи от мест, где речка-невеличка
Тур мчится к Тиссе голубой, —
Стоит деревня... В ней артель возникла,
Объединив крестьян между собой.

Далекая, далекая деревня...
Не доберешься поездом туда.
...Меня послали рассказать о книгах
В места, куда не ходят поезда...

Была окрестность серой и ненастной;
И, наконец, я оказался там,
Где голый лес костлявыми руками
Тянулся к небесам.

И о тебе, о друг мой, я подумал!
С тех пор, как умер ты, прошло уже сто лет.
Здесь, между туч, в плаще, подбитом ветром,
По тощим землям ты бродил, поэт.

И революция в душе твоей пылала,
Любовь и ненависть — одним огнем во мгле.
Мечтал ты, что погибнут все тираны,
Свобода воцарится на земле.

И страшно тяжело мне вдруг на сердце стало,
Уж лучше бы не я, а ты сегодня жил!
Уж лучше бы не я, а ты дорогой этой
По городам и селам здесь ходил.

...Но вот с трибуны в зале речь я начал.
Ты мертв? Неправду это говорят.
Из тысячи очей, горящих острой мыслью,
Навстречу мне сверкнул твой ясный взгляд.

Желание

Хоть у меня всегда хватает
И плавных строк, и звучных слов,
Но разрешил я вдохновенью
Сломать привычный строй стихов.
Росток весенний вдохновенья
Пусть кожуру зерна раздаст,
Как революция ломает
Структуру старых государств.
Свободная от рифм старинных,
Пусть песнь моя летит сейчас;
Живу на родине свободной,
И вольно я творю для вас.

От радости раскрыто сердце,
Стою и громко я кричу,
Что для рабочей молодежи
Сталь новых слов я дать хочу.
Пускай слова мои сияньем
Шахтерских лампочек горят,
И новым методом работы
Пусть будет стих мой для бригад.
Дам в помощь нашему народу,
В подмогу Партии моей
Стихи могучие, как юность,
И радостные, как ручей.

Подсчет

Мы, как и вы, живем... Вот точно так же
Считаем мы под первое число,
Какие можем сделать мы затраты,
Каким расходам время подошло:

Счет за огонь, ботинки... фартук Ютке...
И если впредь все хорошо пойдет,
Мы купим книг и радио в рассрочку...
...Планируем на месяцы вперед.

Все шире наших планов горизонты,
Как будто бы на гору мы взошли
И многое увидели с вершины,
Что было скрыто за горбом земли.

Пожалуй, даже все и не представишь
В своем семейном маленьком кругу.
Тут вся страна к тебе приходит в гости:
«Планируешь? Давай я помогу!»

И так войдет в подсчет постройка ткацких фабрик,
Заводы Мохача, дунайский мост,
Дворцы культуры, тракторы, оружие,
Чтоб вторгнуться врагам не удалось.

Промолвит кто-то: «Надо школ побольше,
Жилых домов! И надо,— говорят,—
Прорыть канал меж Тиссой и Дунаем...»
...Записываем все это подряд.

И, чтобы это все осуществилось,—
А Партия поможет нам во всем! —
Великие расходы пятилетки
В статью своих расходов занесем.

И день сегодняшней в грядущее уходит.
Желаний много в явь превращено.
Любой трудящийся промолвит вместе с нами,
Что будет так, что так и быть должно!

О Нем

От радости,
от ликования
Слова находятся не сразу.
Ликующий не в состояние
Логически построить фразу.
Ломают фразы он, ликуя,
И в каждом звуке сердце бьется.

Но я — поэт,
и не могу я
Кричать бессвязно, как придется,
А я хочу, чтоб речи эти
Могучим эхом пронеслись
По кручам будущих столетий,
Вершины чьи уходят ввысь.

О Нем,
о Мира Кузнеце,
О Нем сегодня петь я буду.
Как дети о своем отце,
О Нем мы думаем повсюду.
Хочу я петь об этом гении,
Которым мир объединен,—
О нем, о современном Ленине!
Стремленья наши знает он.
Он крепко держит знамя мира
В своих уверенных руках,
Чтоб всем нам нынче легче было
Дорогу пролагать в веках.
Он сам — грядущего начало,
Вождь, нас ведущий до вершин!
Хочу, чтоб речь моя звучала
В веселом грохоте машин,
В весеннем тракторном гуденье
И в шуме волн большой реки.
Ведь это всё мои владенья!
Вы видите, как велики
Вот этой новой эры силы!
Ведь все в движение пришло,
Ведь все на свете озарило.
И греет всех ее тепло.
Петь хочется!.. Но все ж едва ль мне
Для этой песни хватит слов,
Какими надо петь о Сталине,
Кующем радостную новь!

Поэт я!
Где мне слов добыть,
Где я обогащусь словами,
Таковыми жаркими, как пламя,
Что сталь способно растопить,
Словами чувства моего —
Таковыми чистыми словами,
Которые звучат ручьями.
Я спрашиваю: где слова,
Соизмеримые с его
Неповторимыми делами,—
Слова, которыми, могуч,
Он целый мир объединяет,
Слова, что выше горных круч,
Слова, что звездами сияют?!

Нашлись слова!
Они звучат!
Я говорю сегодня с вами
Простыми, ясными словами
Крестьян, рабочих и солдат,
Словами матерей и жен
Я говорю. И вновь и вновь
Горят в любом стихотворенье
Сынóвья к Сталину любовь
И благодарность за спасенье!

Так говорю.
И не смолкает
Взволнованная речь моя,
И ежечасно помогает
Мне Партия, чтоб мог бы я
Не только словом, но и делом
Приветствовать его сейчас,
Того, кто одаряет нас
Землей, свободой, духом смелым.
Он хлеб и Партию нам дал,
И Ракоши нам воспитал он,
И чтоб народ наш сильным стал,
Ту мощь уверенно ковал он!

Мир
изменяется всегда,
Становится все совершенней.
Не мог никто и никогда
Пресечь возвышенных стремлений.

Бой бесконечный шел в былом,
В бою родится время наше,
И из борьбы, что мы ведем,
Грядущее встает все краше!

Света.

Правды его солнце
Взошло. Лучи его горят,
Дух учится летать, несется,
Как птица в небеса, крылат.
Горят знамена. Ленин, Сталин —
Два имени, что любим мы, —
Над бурей мира воссияли
И гонят прочь армаду тьмы.

Вот звездочет

за труд берется.
И, телескоп уставив ввысь,
Он знает, сколько весит солнце,
Глубь бездны мерит его мысль.
И я, окна раскинув шторы,
Хочу в миров всмотреться рост:
Безмолвно мчатся метеоры,
Сверкают миллионы звезд...
Да, мир могуч! Но все же люди
Возвысятся ведь и над ним.
Стихии побеждать мы будем,
Вселенную мы покорим!

Вот атлас

на моем столе:
Здесь вал соленый бьет в утесы,
Там Анды высятся во мгле,
Там на лугу стоят березы...
Здесь кроны пальм уходят в небо,
Там мчат упряжки белых лаек...
...Хоть я на Миссисипи не был
И не бывал на Гималаях,
И не успел я насладиться
Твоим сияньем, Южный Крест, —
Но лучше перелетной птицы
Я знаю жизнь всех этих мест!

Вот

победители природы;
Вот гору сдвинувший горняк;
Вот победители — народы,
Завоевавшие свободу;
Вот знак свободы — алый стяг.

Я знаю: Желтая река,
Пока она дошла до моря,
Раз семьдесят с холмами спора,
Вилась среди материка.
Я знаю, что Мао Цзе-дун,
Борясь с врагами непреклонно,
Освободил пятьсот миллионов,
И вот Китай могуч и юн.
Освобожденная страна —
Я знаю это, слышу это —
Ликует, и поет она
О Сталине и о Советах.
А в милых Франции краях,
Где вечно многолюдны порты,
Там на полях и в рудниках
В бессилии не распростерты
Миллионы женщин и мужчин.
Нет! Лучшие сыны народа
В борьбе за мир, все как один,
Держать умеют стяг свободы.
И как с фашистами боролись,
За мир сражается народ,
И явственно звучит их голос,
И Партия их в бой ведет!

В Гренаде,

где убили Лорку,
И в Аргентине, в Перу, в Чили,
И где-то в глубине Нью-Йорка,
И в Риме, и повсюду в мире,
Где Линча суд, где кровь, где трупы,
Где безработица и гибель,
Где бомбу начиняют тупо,
Надеясь тупо на сверхприбыль,
Где хрипнут, о войне крича,
И прославляют неустанно
Завоеватель — палача,
Палач — шута и шарлатана,
Подлец — злодея, Франко — Тито,
И отравителя — тиран, —
Я знаю: всюду в чаще скрыто
Немало храбрых партизан
В краях, где каучук родится
И всяких пряностей не счесть, —
И там великий гнев гнездится!
Везде борьба была и есть!
И люди крепнут в той борьбе,
И шлют они сквозь дым и пламя
Привет словами и делами,
О Сталин, шлют привет тебе!

Но время

ведь придет такое,
Когда сумеем мы взглянуть —
Иль наши дети — на былое,
Как звездочет на Млечный путь,
И наши заблестят творенья,
Как будто звезды в небе том,
И не поглотит нас забвенье —
Ведь и в грядущем мы живем!

Скитался мало

я по свету,
В краях далеких не бывал,
Но здесь — я твердо знаю это! —
Здесь на своем я месте встал.

Твердыню, что не сломит враг,
Вот эти руки создают,
С бойцами я шагаю в такт
И там пою, где все поют.
Живу в семье моей народной
И все счастливей, все быстрее
Иду дорогою свободной
К социализму вместе с ней.
Что ни мгновенье — жизнь все краше,
И всех врагов мы победим.
Великим Сталиным куется
Сегодня будущее наше:
Кузнец он мира!
Как на солнце,
Мы все на Сталина глядим!





ТАМАШ АЦЕЛ

Тамаш Ацел (Aczél Tamás) родился в 1921 году в Будапеште. Окончил гимназию, затем работал инструментальщиком. Впервые стал печататься в 1940 году в газете социал-демократической партии «Непсаве». Первый сборник стихов Ацела «Песни на корабле» вышел, когда поэту было двадцать лет. В 1948 году он выпустил сборник стихов «Верность, преданность». В своих стихах Ацел откликается на все важные события в жизни современной Венгрии. Он постоянно печатается в журналах и в центральном органе Венгерской партии трудящихся. Ацел награжден премией Кошута.





Сталин

Всех, кто стремился в Солнок,
Мы позади оставили,
Когда несли по селам
Большую весть о Сталине;
О светлом, о грядущем,
Как флаг, несли мы весть,
Спешили, потому что
От этой вести пушта
Готовилась расцвести.

И люди в каждом зданье
Глядели с ожиданьем,
И солнце рассекало
Рассветные туманы.
Нас ждали, ибо каждый
Такого слова жаждал,
В котором слил давно ты
Свои и их заботы;

Оно нужнее сабли,
Чтоб души не ослабли,
Чтобы на наше счастье
Враги не посягали,
Чтоб крепла и боролась
Растущая, как колос,
Могучая страна.

Чтоб не было разброда,
Ты, партия родная,
Прими дела народа,
Заботься, укрепляя
Стремительные планы,
Излечивая раны,
Развертывая флаги
Упорства и отваги,
Чтоб тракторы и плуги
Вздымали новь в округе,

Чтоб люд многомиллионный
Встал, славой окрыленный,
Любовью озаренный.

Пусть скажут коммунисты
Работникам планеты,
Что только имя Сталин —
Залог победы,
Что партия — с народом
И с партией везде ты.

Пусть скажут коммунисты
Всем людям всей планеты.
Пусть на стене завода,
На флаге парохода,
Над стройками народа,
Пусть в дереве, в железе
На сотнях языков
Напишут в этот час:
Мы боремся за Сталина,
Он борется за нас!

Баланс

Смелее правду говори!
В Китае правду говорят:
Валы взгорбятил океан,
С Тайвана сбросит эту стаю!
Бежит хваленая пехота
Американская, морская!

Смелее правду говори!
На Яве правду говорят.
Жемчужна правда коммунизма.
Вперед ведет она и к славе.
Там, в дымке рисовых полей,
Предателю капкан на Яве!

Смелее правду говори!
И в Бирме правду говорят.
Там, в рощах пальмовых на Бирме,
Есть пулеметчики такие,
Чья очередь не даст фашистам
Рвать и взрывать сердца людские!

Смелее правду говори!
Здесь дома правду говорят
Все те, кто жизнь оберегают

И Партию — они творят!
Права свои осуществляет
Победный пролетариат!

Комиссией ревизионной
Предстал перед собой я сам.
Я целую неделю слушал,
Как вы отчет давали там:
Дьердь Тот, Пойяк и Имре Рети...
Теперь отчет даю я вам:

Правдив ли я? Или, быть может,
Я лгу? Узнаете сейчас.
Я четверть века жил, как узник.
Судите же, прошу я вас:
Вот жизнь, вот дело коммуниста,
А вот слова... Каков баланс?

Я не молчу. Сказал, что знаю:
Победа миру! Смерть войне!
Вы, агитаторы, на это
Миллионом уст ответьте мне.
Мы свет увидели! Довольно
Сидеть в пещерной глубине!

ГАБОР ДЕВЕЧЕРИ

Габор Девечери (Devecseri Gábor) родился в 1917 году в Будапеште. Окончил литературный факультет университета. До освобождения Венгрии печатался в журналах «Ньюгат» и «Сеп Со», выпустил несколько сборников оригинальных стихов и переводов из античных поэтов и Шекспира. В последние годы издал два сборника стихотворений: «Письма с горы» и «Ширья, сиянье». Девечери постоянно печатается в Центральном органе Венгерской партии трудящихся «Сабад неп» и активно участвует в литературной жизни современной Венгрии.





Цепной мост

Четыре льва с себя стряхнули воду
и возвещают, разевая пасть,
двум берегам, вновь слитым воедино,
о том, что сотворили труд и страсть.

Пять долгих лет гуляли рыбы стаи
по гривам их, застигнутым волной,
пять лет работ немолкнущему гулу
внимал с надеждой старый мост Цепной.

Тот гул вздымался в городах обоих
над Пештом и над Будюю чуть свет,
в угрюмых волн тюремные ограды
стучался, как спасительный привет.

Мы, наконец, его освободили,
мы подняли его из бездны вод, —
вновь меж водою и туманным небом
наш славный мост торжественно встает.

И я хотел ему слова привета
сказать, — казалось мне, что мост Цепной
люблю я больше всех — и мне хотелось,
чтоб старый побеседовал со мной!

Но как бедны слова мои! Повсюду
слились в едином хоре берега;
мост возрожденный славит труд народа
и ненавидит алчного врага.

Поток веселый рассекает реку:
строителей шагает череда
по нерушимой, по стальной дороге,
украшенной святым гербом труда.

О нем поет мой стих. Наш самый старый
и самый юный, самый новый мост,
над пеною былого пролетая,
в грядущее vyplывает во весь рост!

*Венгерскому собранию,
посвященному борьбе за мир*

Вот голубь мира! Он расправил крылья.
С Востока, из Москвы несется он.
Парижу, Праге и отчизне нашей
Блестящий свет грядущего зажжен.

О, эти всплески, эти взмахи крыльев,
Летит бойцов, детей и женщин песнь:
«Есть, есть теперь, что взять нам под защиту,
Ведь и у нас теперь отчизна есть!»

Мы — против тех, кто видит на ландкартах
Не шахты, не поля, не рудники,
А новые и новые могилы,
Кто мир хотел бы разодрать в клочки!

Борясь за мир, мы помним судьбы Буды
И день освобождения, когда
Хотела через горные ущелья
Улепетнуть фашистская орда.

Не удалось! А мирные народы
Объединились нынче меж собой!
Устережем любое мы ущелье
От тех, кто снова выйдет на разбой.

На горных высях дом воздвигнут нами,
А под горой порос травой прах
Предателей, наемников фашистских.
Все оказалось на своих местах!

Для родины мы трудимся. И с нами
Все те, кто, вражьей силы не боясь,
Освободительное сталинское знамя
Вздымают ввысь, за родину борясь.

Вот ветвь оливы в клюве голубином!
Мир — боевое слово, а не стон.
Мир знал всегда, что он прекрасен,
Свое могущество теперь познает он!

Ты мир народам дал!

Еще орудий гром звучал
И города пылали,
Ты, Сталин, мир народам дал,
Ты силу дал им, Сталин!

Ты вдохновил своих сынов!
Могучий сын народа
С оружием всегда готов
Оберегать свободу!

Привет от нас, от молодых!
Недавно в строй мы встали,
Но с нами семьдесят твоих
Великих лет, о Сталин!

В нас — мощь твоих великих лет!
Твое ведет нас знамя
В грядущее! Тебе привет
Шлем, гордые сердцами.

Кипит советская страна;
Все по-иному стало:
Пустыни нет, — в хлебах она,
Металл буравит скалы,

Встают плотины и мосты,
Труд пламенный прекрасен...
Руководишь всем этим ты!
И путь дальнейший ясен.

Земли сияет древний лик,
И люди обновились...
На угнетателей своих
Мы тоже ополчились.

Своих врагов мы победим
В бою святом, суровом!
Мы вдохновляемся твоим
Огнеподобным словом!

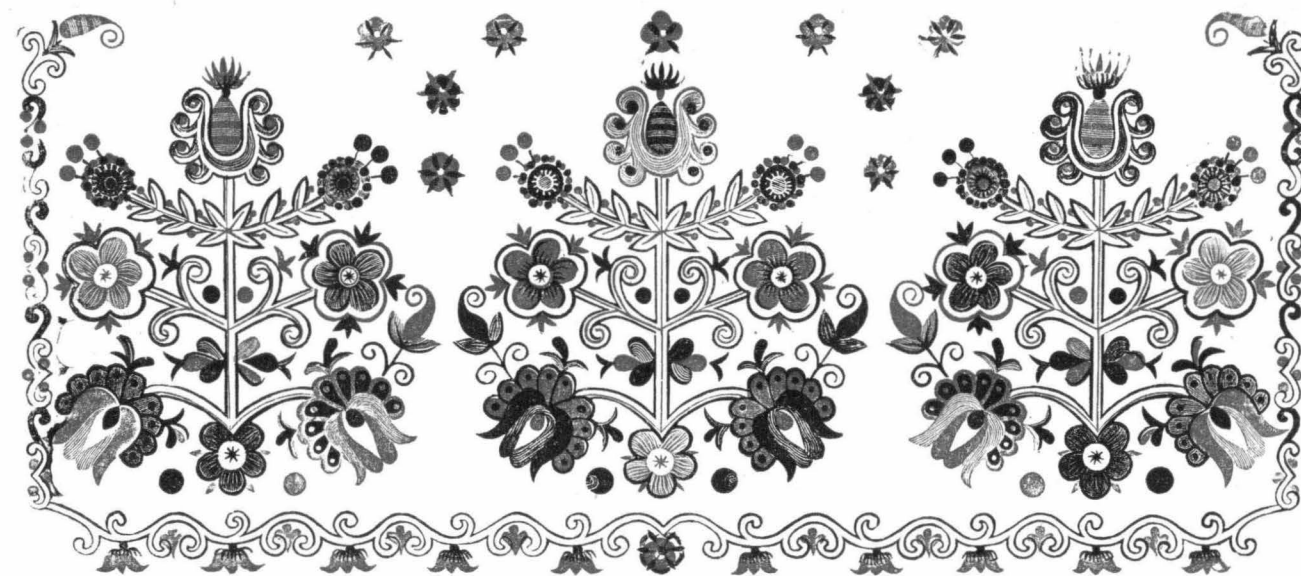




ДЬЮЛА ТОТ

Дьюла Тот (Tóth Gyula) родился в 1926 году в Серенчене в бедной крестьянской семье. Еще подростком подвергался за свои политические убеждения преследованиям фашистов. С первых дней освобождения Венгрии он включился в строительство новой жизни родины. Печататься начал в 1945 году, и с тех пор стихи Дьюлы Тота появляются на страницах различных журналов и газет. В его стихах звучит пафос борьбы за новую Венгрию, за мир. Дьюла Тот выпустил сборник стихов «Солдат Мира».





Небо блестит

Небо блестит. Летняя лень.
Ясная синь.
Ветер дохнул, пошевелил
Листья осин.

Льется Дунай, там пароход
Пенит струю.
Близ Будапешта на берегу
Стих создаю.

Лейся, вода, пенься, волна,
Чепель, гуди!
Домен огонь, ярко шлифуй
Рифмы мои!

Теплую ткань ткут для меня
Руки ткачих,
А на бумажных белых полях
Зреет мой стих.

В эти поля я народ позову:
«Вот урожай!»
Взор заблестит, будешь ты сыт,
Знай собирай!

Песнями я разгорячу
Звезды небес,
Чтоб над людьми распростерли они
Свежий свой блеск!

Рабочие

Они шагают, как солдаты,
Как солнце светятся их лица,
Глаза озарены сознанием:
Вперед! Нельзя остановиться!

Знамена отразились в окнах
Крылатой алостью полотнищ.
Родятся в камне искры песен;
Дома толпой спешат на площадь.

Сегодня каждый шаг — победа,
И штурм — строительство любое!
Теперь побеждено бывшее,
Бежит бывшее с поля боя!

Серп с молотом — родные братья!
Труд! Вот идут твои герои!
Промышленность и земледелье
Проходят поступью стальною.

Чье сердце — поле под парами?
Кто сердцем вросся в лед метровый?
Лед взламывают ледоколы,
Пары подымет плуг наш новый!

Нам в новый мир пути открыты,
В мир вольный, радостный, богатый...
Лучатся солнечные лица,
Шагают гордые солдаты.

Государственный универмаг

Нынче денег у нас в достатке:
Будешь одет
И будешь обут.
Обувь,
Костюмы,
Шубы и ткани
Фабрики наши
Потоком льют!

Универмаги
Полны доотказа.
Падают цены,
Спрос растет.
Все это мы изготовили сами,
Вот и пускаем
В оборот!

Слышал я,
Как грохотало море,
Но и оно грохотало не так:
Рот разеваешь,
Глядя на этот
Государственный
Универмаг.

Улыбаются
Продавщицы:
«Шляпу вот эту бы ты надел?
Ах, тебе надо в костюме облачиться?
Это — рядом,
Другой отдел!»

Целая уйма
Всяких отделов.
Пожалуй,
Заблудишься в первый раз.
Реки материй,
Лес костюмов —
Множество
Всяких приманок для глаз.

Девушка взглядом тебя измеряет:
«Вещь вам подходит и эта и та».
Радостно
Между прилавков
Плутает
Твоя
Заблудившаяся
Мечта.

«Это к лицу вам!» —
«Да, девушка! Верно,
Как по заказу мне выбрала ты!»
...Значит, недаром
Прошибли мы
Стену
Капиталистической
Нищеты!

Мы — батраки
И рабочие люди,
Партией подняты
С самого дна!
Здесь и учитель,
Здесь и строитель —
Все, кому речь эпохи ясна!

Море людское!
Поет и смеется
Шумных потоков живая вода!
Ну, а в целом народ?
А народ выходит
На рубеж коммунизма —
Вот куда!

И торговаться
Сегодня не надо.
Нынче
Торговля идет от души!
Точные цены,
Прекрасные вещи
И за прилавками —
Не торгоши!

Хватит нам денег
Обуться, одеться.
Нынче на это у нас достает!
Люд
Городов, деревень и заводов —
Нынче единый
Свободный
Народ!

Висла

Мчится, льется Висла,
Пеною покрылась,
Шумная, как город,
Что над нею вырос.
Плещут воды эти,
Блещут на рассвете,
И бурлят, и свищут,
Если дует ветер.

В каждом этом всплеске
Вижу ночь и день я
Всей просторной Польши
Вольное волнение.
Жизнь вскипает, пенясь
Бесконечным морем.
Друга мы обнимем,
А врага — поборем!

И не только волны —
Глубина вызывает,
Воды прибывают,
Берег заливают.
Сбросивши оковы,
Так народ стремится
Миром любоваться,
Светом насладиться.

И на плесах дальних,
В заводях глубоких
Жизнь идет на прибыль:
Наступают сроки!
Там водой подмыты
Ветхие обрывы, —
Так народ стремится
В новый мир счастливый!

Мчись на воле, Висла!
Ведь на самом деле
Все теперь стремимся
Мы к единой цели.
Все между собою
Будем мы друзьями,
Лишь враги народа
Будут нам врагами!

Строитель дорог

В час, когда электролампы
в ночь бросают свет дневной,
будапештские трамваи
отбывают на покой.

Стихли площади и город,
гомон уличный затих,
но работа не стихает
на постройке мостовых.

Плиты старые снимают,
рельсы новые кладут.
Люди строят! В явь живую
превращает планы труд.

Свежесть жизни в этих планах!
Сталь блестящая крепка,
и, как замысел чудесный,
мостовая широка.

Утром выедут машины,—
тряски нету! Благодать!
И трамвай бежит смелее,—
рельсам нечего дрожать!

Веселей звонит вожатый,
улыбается народ,
и уверенней прохожий
через улицу идет.

Путь хорош! И люди тоже!
Не толпятся, не ворчат.
По такой дороге ровной
прогуляться каждый рад!

Мой привет тебе, товарищ,
превращающий пути
в ширь такую, в гладь такую,
что и глаз не отвести!

Друг и брат, горжусь тобою,
целью слиты мы одной,
я хочу тебе с любовью
руку сжать своей рукой.

Строй дорогу! Будет счастлив
каждый, кто пройдет по ней!
Так клади ровней брусчатник,
рельсы свинчивай прямей!

Очищай от грязи город,
новизной сменяя хлам,
чтоб истрепанная ветошь
не гнездилась по углам.

Строй и делай то, что надо!
Сил, товарищ, не жалея
и укладывай быстрее
в ночь — по тысяче камней!

Пусть старье искореняет
непреклонная рука!
Новый мир победы жаждет.
Победит! Наверняка.

О моей поэзии

Я стиснут слушателями—
наперебой вопросов рой:
— Когда и сколько
я сложил
стихов
и кто учитель мой?
Запрос — откуда родом я?
Кто — муза?
Склонен ли любить?
Политика ль влечет меня,
или другое, может быть?

Выпытывают, будто я
издалека пришел сюда,
открыв
страну
и новый мир,
невиданные никогда.
В расспросах этих —
дел и дней
прибой напорист и кипуч,
и ум сверкает, словно ввысь
несущийся ответный луч.

Друзья! Все вы — формовщики
свободной жизни, новых дней.
Любовь моя
и муза —
вы,
и темы вы даете мне.
Вы все,
что сплавлено в стихе, —
судьба моя, борьба и мысль!
В биенье ритма — стук сердец.
Так воедино мы слились!

1950



ЛАЙОШ КОНЯ

Лайош Коня (Kónya Lajos) родился в 1914 году в Фелиёгалле. По окончании школы стал учителем. Печататься начал еще до освобождения Венгрии. Первый сборник его стихов «Лживая ночь» вышел в 1939 году. Но творческая деятельность Кони развернулась уже при новом, демократическом строе. Коня выпустил несколько сборников стихов: «Завоеватели родины» (1949), «Сияние на Дунае» (1950), «Свадьба Анны Сеп» (1950), «Радость и ненависть» (1951). Стихи Кони проникнуты радостным чувством благодарности к Советскому Союзу за то, что он принес свободу венгерскому народу. Многообразие новой жизни Венгрии нашло отражение в стихах Кони. Лайошу Коне присуждена премия Кошута.





Облака летят

Вслед весенним упованиям нашим
Облака летят над морем пашен.
Борозды за трактором гудящим
Пенятся, как в море настоящем.

Хорошо расти пшеничным зернам
В этом поле, чистом и просторном!
Тракторист взглянул вокруг и замер:
Вольный мир перед его глазами...

Пусть утешится бессильным визгом
Тот, кто навсегда отсюда изгнан!
Тракторист на подвиг благородный
Вышел ради радости народной.

Он сказал с улыбкой простодушной:
— Будь, моя машина, мне послушной, —
Целину с тобой мы, друг мой, режем
На ветру, волнующем и свежем.

Имя Сталина

Он одной рукой мальчонка поднял,
Девочке другую руку дал.
Этот образ ласковый сегодня
Для меня родным и близким стал...

В роще возле Старого Оскола
Возвышалась статуя вождя.
Ребятишки там в кругу веселом
Собирались, хоровод ведя.

Но настали горестные сроки
Материнских слез, забот, тревог.
Шли фашисты по полям широим,
Мял посевы варварский сапог.

Мрак настал. Захватчики решились
Статую из рощи увезти.
Маленькие дети становились
Поперек фашистского пути.

Маленькие дети... Чужеземцы
Смертью и кнутом грозили им,
Но они шептали: «Сталин в сердце.
Сталин с нами. Он непобедим!»

Так оно и есть. Великий Сталин,
Человек семидесяти лет,
Нынче на высоком пьедестале
Держит знамя правды и побед.

Он — отец могучего народа,
О котором в песнях говорим:
«Тот народ прошел огонь и воду.
Счастья дверь открыта перед ним».

Сталин... Это имя произносят
Всюду старики и молодежь.
Радость беднякам оно приносит.
Богачам — печаль, и страх, и дрожь.

Сталин — свет всемирного восхода.
Он — надежда наша, наша жизнь...
Мир, свобода, братство всех народов
В этом громком имени слились!

Приговор

Пусть вода в твой след просочится,
Захлестнет следы каблука,
Пусть от ярости загорится
Взволновавшаяся река:
Растопчи ренегата-убийцу,
Задави его, червяка!

Что за светлый, прекрасный жребий
Выпал нам в эти счастья дни,
Что за радуги встали в небе,
В мир грядущий влекут они!
Наши нивы поют о хлебе,
Урожай золотой звенит.

В небо поднялся голубое
Наших фабрик веселый дым,
Похоронено наше бывшее,
Жить по-новому мы хотим!
Кто же поднял оружие злое?
Мы бандита не пощадим!

Враг старался казаться красным,
Тварь подкрашивалась, хитра,
Но коричневого, опасного
Не сумела скрыть нутра, —
Враг зубами острыми ласкал,
Уничтожить его пора!

Слава тем, кто следил за ними,
Кто из рук их выхватил нож,
Слава тем, чье самое имя
Всех мерзавцев вгоняет в дрожь.
Мой народ, с врагами своими
Ты сурово счета сведешь.

Капитала злые отряды
Нынче нами окружены.
Пусть гремит, не зная пощады,
Обвинительный акт страны, —
Пусть народ покарает гада...
Все мы Партии нашей верны!

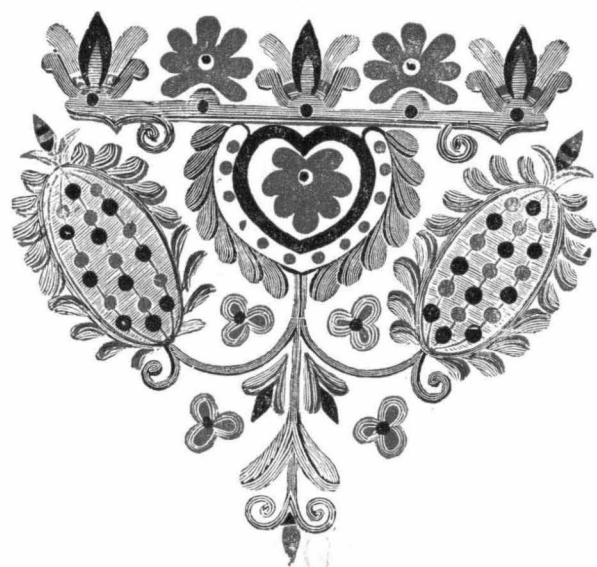
Планомерно, целеустремленно

Солнце село, свет зажегся звездный,
Громок ночью грохот паровозный.
Блеск на рельсах — фонарей отливов.
Мчусь к тебе я через мир счастливый.

Полная луна подняться хочет,
А на поле тракторы грохочут —
Соревнуются! Скорей охота
Зябь вспахать. Всю ночь идет работа.

Планомерно, целеустремленно...
Так всегда мечтал я... С небосклона
Теплый ветер. Завтра — встреча наша,
И еще отчизна будет краше!





ЛАСЛО Ф. НАДЬ

Ласло Ф. Надь (Nagy F. László) родился в 1925 году в комитате Веспрем. Отец его был землекопом. До двадцатилетнего возраста Надь прожил в деревне. После освобождения Венгрии поступил учиться в Народную коллегия. С этого времени он начал печататься в различных молодежных журналах и газетах. В 1949 году вышел первый сборник стихов Надя «Исчезни, боль». Большую часть своих стихотворений Надь посвящает теме социалистического строительства, преобразования деревни и борьбы за мир.





Капитан Христо Марков

Волна кипит. Волна по нраву нам.
Волна сверкает ярко.
— Что ты о море скажешь, капитан,
Товарищ Христо Марков?
— Пускай шумит, как хочет, — перед ним
Склоняться не хочу я,
Народом в капитаны посвящен,
Я по волнам кочую.
— Полмира ты объехал, капитан,
Знаком ты с целым светом:
Какую гавань ты б воспеть хотел,
Когда б ты был поэтом?
— Одесса всех красивей на земле.
Как весело в Одессе!
Готов о ней рассказывать всю ночь,
Так этот порт чудесен!
Там широки улыбки моряков,
Там пароходов дымы,

В Одессу так спешим мы, как спешат
Лишь к матери любимой!
— А каково в Голландии житье,
Цветут ли там тюльпаны?
Там лица девушек, как встарь, свежи;
И щеки их румяны?
— Нет! Девушки бледны, как лунный
свет,

Глядят на флаг багряный,
И там на спинах грузчиков цветут
Пылающие раны.
Я видел стачку. Знай, наемный штык
Не испугал рабочих:
Народ теперь суровой и смелей,
Сам взять оружие хочет! —
Так говорит со мной мой добрый друг
Товарищ Христо Марков,
В его руке блестит морской бинокль,
Сверкают волны ярко.

Девушки на сенокосе

Сравнились межи, сгнили колья
В полях. И, песней слава труд,
Лучи в ковровое раздолье
На граблях девушки несут.

Растет копна, растет другая,
И, убегая от грозы,
Плывут от края и до края,
Скрипят груженные возы.

А девушки за далью дымной
Поют о лучшем из времен,
И в их глазах весь край родимый
Как в росных каплях повторен.

Димитрово — сердце страны

Тебя стерег султанский ятаган,
Секиры Византии,
В гаремах Турции кончали век
Болгарки молодые.

И труд своей сохи и кровь твою,
Роз казанлыкских запахов,
И все, что ты на свет произвела,
Скупал всемогущий Запад.

Прекрасны Вытоши в мерцающем снегу,
Прекрасна мощь морская,
Прекрасны пловдивские яблоки — но я
Стих не о них слагаю.

Прекрасней их электростанций свет
И проводов сплетенье!
Прекрасней уголки в недрах шахт,
Завод сталелитейный!

Взлетают на-гора, бегут назад
Десятки вагонеток.
Здесь соревнуются. Димитров вдохновил
Соревнованье это.

Здесь соревнуются, чтоб домны поднялись,
Чтоб счастье рядом встало,
Чтоб жилы древних горных руд взорвать
Зарядом аммонала.

Дома рабочих встали у реки,
Над ними ветви сенью...
Оттуда слышу сердца твоего,
Болгария, биенье.

Ликуй же, сердце! Пусть по всей стране
Промчатся жизни волны,
Чтобы в машинном рокоте земля
Проснулась, силы полной!

Здравница

Так же, как над всеми нами, над тобой сияло небо,
И твое прибытие к людям не отметил шумный пир,
Но тебя сегодня славят жилы руд и волны хлеба,
О тебе поет сегодня весь необозримый мир!

Ленину принес ты клятву во главе людей свободных,
Стали Ленина заветы знаменем народных масс.
Вырвал Венгрию из плена твоего народа подвиг,
Мы тогда узнали сердцем, как, отец, ты любишь нас!

Кровь твоих героев славных оживила нашу землю,
Научились побеждать мы и идем вперед, вперед.
Сердцу Венгрии воскресшей, сердцу радостному внемля,
К счастью, к солнечному счастью приближается народ.

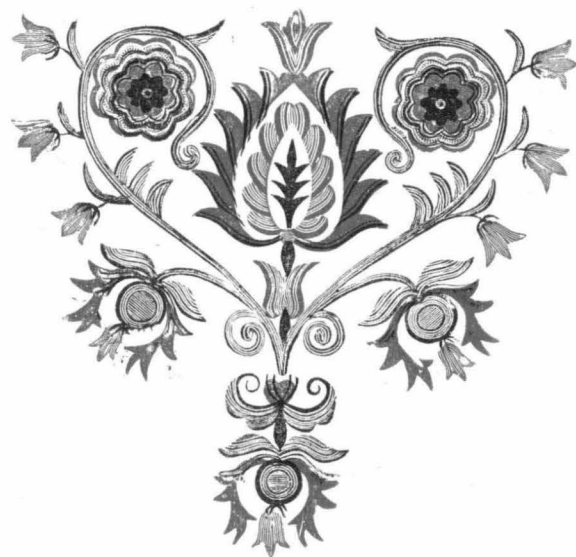
Мы прославим край родимый исполинскими делами,
Недругов сметем с дороги, счастье выстроим себе;
Наши планы воплощая, знаем, — ты всем сердцем с нами,
Ты живительное солнце в нашей радостной судьбе!

Обращаются к Востоку стебли хризантем мохнатых,
И в хрустальные бокалы хлынули ручьи вина,
О тебе поют мадьяры — льются песни и кантаты,
О тебе поет грузинка, точно кипарис стройна.

Шлет тебе привет от сердца славный генерал Китая,
Шлет партиец, закаленный как сверкающая сталь,
Шлет французский забастовщик, шлет парижский пролетарий,
И летят слова приветов в Кремль, в сияющую даль.

Для людей миролюбивых сила слов твоих спокойных —
Как победное оружие! Все мы любим мир и труд,
Знаем — трумэны готовят истребительные войны,
Если нужно, патриоты им огнем ответ дадут.

То, что дал ты, защитим мы: труд, свободную отчизну.
Пусть с лица земли исчезнут все, кто омрачают день.
Мы тебе желаем, Сталин, многих лет счастливой жизни,
Много лет живи на свете ради счастья всех людей!



ФЕРЕНЦ ЮХАС

Ференц Юхас (Juhász Ferenc) родился в 1928 году. Он относится к поколению молодых венгерских поэтов, творческая жизнь которых началась после освобождения Венгрии. Юхас происходит из бедной семьи, рано стал работать по найму: был батраком, поденщиком, строительным рабочим. Впервые стал печататься в 1947 году. В 1950 году вышел его первый сборник стихов «Крылатый конь», вслед за ним вышли отдельным изданием поэмы: «Семья Шанты» и «Мой отец». Ференц Юхас лауреат премии Кошута.





Песня о тракторе

Склоните шеи, кроткие лошадки:
Артель сумела в нынешнем году
Купить тридцатисильную машину —
Громаду на резиновом ходу!

В воскресный день пришел в деревню трактор,
Сиял он, наши взоры веселя,
Мы гладили бока его крутые,
Потом брались за колесо руля...

А в понедельник трактор вышел в поле,
Таща четыре плуга за собой.
Пар из ноздрей его блестящих рвался,
Дымок оттуда неся голубой.

Склоните шеи, кроткие лошадки
С трепещущими звездами на лбах!
Летит, как пламя, жеребец железный —
Бензин и масло на его губах.

На тракторе работаем мы в поле,
А сердце будто просится в полет,
Туда, где облака летят над ветром
И жаворонок радостно поет.

Вот полдень. Я и трактор отдыхаем.
Передо мной качаются цветы.
К машине с луга подошла корова
И нюхает: «А чем же пахнешь ты?»

Пейзаж

Как пламенная роза,
Склоненная с небес,
Осеннее светило
Позолотило лес.

В росинках на травинках
Трепещут небеса,
И блеск бросает лужа
На обод колеса.

Засохшей кукурузы
Шуршащие стволы
Куда-то к горизонту
Везут волы.

А там идет крестьянка,
И в белом узелке
Счастливый день грядущий
Несет она в руке.

Природу нынче холит
Своей рукой народ,—
Богатые колосья
Сулит грядущий год.

Вот девушка-водитель,
Взялась за руль она,
И на ветру, как знамя,
Волос ее волна.

Встают, уходят тучи,
А вот и, наконец,
В горах столпились кучей,
Как множество овец.

Вот тракторы... Большие!
И гул такой идет,
Как будто вместе с ними
Гудит и небосвод.

Машины! В эту осень
Их восемь стало здесь...
Летит навстречу ветру
Грохочущая песнь.

Сейчас чернеет пашня —
День снега недалек,
Сироткой смотрит в небо
Подсолнуха цветок.

Крылатый конь

Мой Пегас, крылатый конь мой быстрый,
Ржет: «Я здесь! Садись!»
Мечет он из-под подков алмазных
Брызги алых искр.

Вскакиваю. Бешеная скорость.
Кругом голова.
Мы смеемся и летим, как звезды.
Бездна. Синева.

Вот так вихрь! И в гриву я вцепился —
Не упасть бы вниз!
Вниз гляжу. Сверкай от счастья, сердце,
Да не разорвись!

Как дитя под материнской лаской,
Нежится земля.
Хлопок, гуще чем ребячьи кудри,
Увенчал поля.

Выросли мосты над голубыми
Ленточками вод,
Все поля железная дорога
В сети рельс берет!

И с небес спорхнул на землю эту
Добрый мой Пегас.
На какую чудную планету
Я попал сейчас?

Средь каких миров мы заблудились
В синеве небес?
Выдержит мое земное сердце
Блеск таких чудес?

Я взглянул кругом. Был вечер близок.
В солнечной пыли
Я заметил: бесконечным строем
Тракторы пошли.

Все строенья в зелени тонули:
Что ни дом — то сад.
Я увидел школу. Много сотен
Было в ней ребят.

В домике качала мать ребенка.
Юная сама.
А на полке Ленина и Маркса
Видел я тома.

На меня взглянул с улыбкой мальчик,
И в глазах его
Вдруг узнал я своего ребенка,
Сына своего.

Это сын мой будущий! Я — дома!
И слышал я
Речь жены, знакомый милый голос:
«Спи! Встает заря!»

И как солнце, заалела радость:
Друг мой, знаешь ты —
Станут после первой пятилетки
Явью все мечты!

На пашне

Золото облачных гребней,
гребни чернеющей вспашки,
выбью подернуты лужи,
почек побег и ромашки.

Снег почернел от проталин,
холм от потока фиалок
синей покрылся глазурью —
так он наряден и ярок!

— Эй, я живу! — прокричал я
ветру весенней отчизны.
Вдаль понесли меня крылья, —
видите, чьи они? — Жизни!

Добрая здравница

Грудь у ночи — золотая,
вся в медалях,
снежно-белым войском стужи
стынут дали.
Мы, качаясь, едем к роще
на телеге.
И сверкает, как на хлебе, —
сахар снега.
У крыльца легли коровы —
Бешке, Чиллаг.
Снег под ними тает, стужа
отступила.

В жилках мраморных рассвета
день восходит.
Поцелуем нас встречает
новогодье.
Так поднимем же стаканы
утром ранним, —
За Союз Советский — первый
тост мы грянем!
Пьем за Партию! За этот
край свободный
и за план труда и счастья
всемирный!

С нашим первым пятилетним
гордым планом
поздравляем мы друг друга
за стаканом.
Будет день, — его мы громкой
песней славим, —
и на стол, как лампу, солнце
мы поставим!

А теперь домой на отдых
ехать нужно,
чтоб за новую работу
взяться дружно.
Надо дням такой фундамент
класть бетонный,
чтоб держался груз столетий
многотонный!..

Зажигает ветви солнца
луч багровый,
нас везут домой обратно
две коровы.
Пар клубится над дорогой,
влажной, снежной,
слышен мерный треск оглобли,
скрип тележный.

Клепальщики

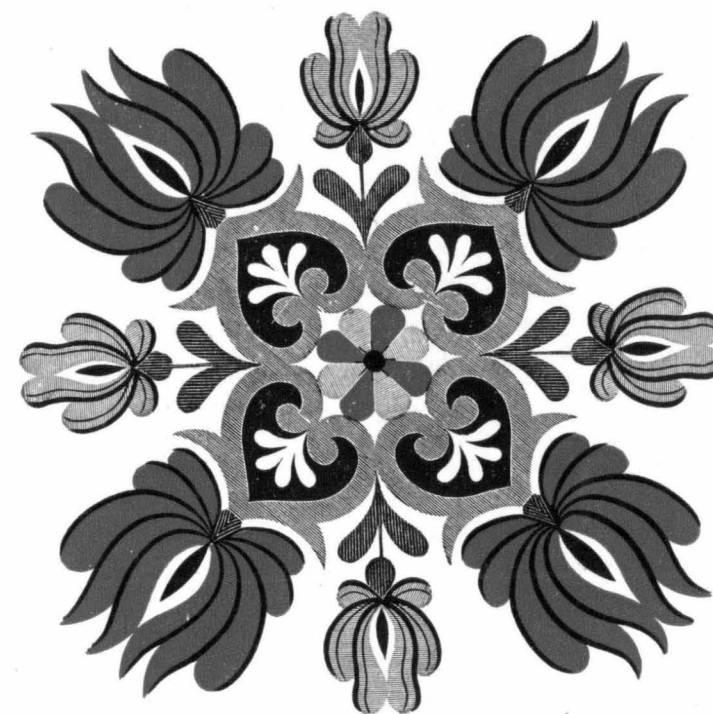
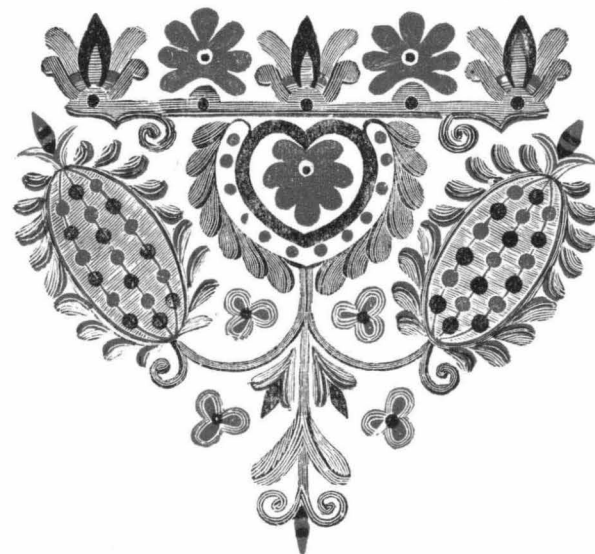
В лазурном небе застывают птицы,
И солнце смотрит с удивленьем вниз:
Там, на земле, крутую выгнув спину,
Огромный мост над пропастью повис.

Вот кран ручищей поднял столб чугунный,
Повел его в стремительный вираж.
Так поднимает престарелый пахарь
Впервые взятый в руки карандаш.

Клепальщики сидят верхом на балках,
Грохочут молоты то тут, то там,
И пробегают огненные змеи
По потрясенным молотом листам.

Вода, ты слышишь, над твоей пучиной,
Где только вольный ветер пролетал,
Слились в нерасторжимое единство
Горячий пот, сознание и металл.

Большевики, вы сами тверже стали,
Так поднимите выше ярких звезд
На удивление и на счастье миру
Ведущий к свету коммунизма мост!



**ВЕНГЕРСКАЯ
НАРОДНАЯ
ПОЭЗИЯ**



Песня Якоба Буги

— Что, земляк, печалишься, что глядишь с тоскою?
Бог-господь поможет — станет жизнь другою.
Солнышко пригреет — луг зазеленеет,
Мы по белу свету вновь пойдем с тобою.

— Как же не печалиться, коль печаль за мною
Днем и ночью ходит, друг ты мой желанный,
Коль такой мне выпал жребий окаянный,
Коль грызут заботы сердце беспрестанно?

Доломан мой порван — тело видно стало,
На штанах заплаты — не сочтешь, пожалуй,
Шляпа так свалялась, что пиши — пропала,
Ветхий полушубок лоснится от сала.

Плащ мой износился на дожде, на стуже,
В тряпки превратился — ни на что не нужен,
Сапоги ж тичто не сыщешь хуже, —
Вот дела какие, мой бесценный друже!

Корма нет, и лошадь в клячу превратилась,
На седле давно уж стерлись украшения.
А на дом посмотришь — крыша провалилась, —
Всюду запустенье, всюду разрушение.

Хлеб доеден, мяса ж вовсе не бывало, —
И в желудке пусто, и в кармане пусто:
Денег от работы достается мало,
А сказать по правде — их совсем не стало.

Конь пристал — подкова, видишь, оторвалась, —
Этакое горе, этакая жалость!
Подкуешь — поедешь. А не то — осталось
Пешему по свету поскитаться малость.

Мех на волчьей шкуре клочьями повывлез,
На гвозде покрылась паутиной фляга.
Вся черна от грязи белая рубаха,
Вши по ней гуляют целою ватагой...

Ну, да ну их к чорту все невзгоды эти!
Как-нибудь, а все же проживу на свете.
Лягу брюхом к солнцу, если в брюхе пусто,
Трубку закурю я — дешево и вкусно.

Куруц в изгнании

На чужой, на неприятной,
На неласковой земле
Он — один в лесу дремучем
С горькой думой на челе.

На него деревья тихо
Осыпают желтый лист.
И, на скорбный плач похожий,
Раздается птичий свист.

Конь пасется, не расседлан,
У седла повис кинжал —
Тот, которым прямо в сердце
Куруц немцев поражал.

Белый плащ турецкий брошен
На помятую траву.
На него склоняет куруц
Непокрытую главу.

Все печальней птичье пенье,
Все тревожней лес шумит.
И одна на сердце дума —
Спит ли куруц, иль не спит:

«Что за мир, когда в изгнание,
В край чужой солдат идет.
Если мать о нем и плачет,
То народ его клянет.

Что за мир, коль нет приюта
Для солдата, для бойца.
Только горы, только скалы,
Только темные леса.

Нашу скорбную дорогу
Заметает листопад,
И оплакивают птицы
Нашу славу, друг-солдат.

Я уйду — и не узнать вам,
Где, в какой я стороне.
А узнали б, так, наверно,
Тоже плакали б по мне.

Я возьму поводья в руки,
Ногу в стремя я вложу:
Из родного края в Польшу
Ухожу я, ухожу.

Бог с тобой, земля родная,
Что ты стала вдруг чужой.
Но одну тебя люблю я
Всею кровью, всей душой».

Так он с родиной простился, —
Нет ему пути назад.
Под печальный шум деревьев
Едет изгнанный солдат.

Пусть же тень его укроет,
Пусть тропа его ведет,
Пусть хотя б в воспоминаньях
Утешенье он найдет.

Эту песню мы сложили
Там — над Ужем, над рекой,
В час, когда мы уходили,
Покидая край родной.

Палко Чином

(Песня куруцев)

Палко Чином, Янко Чином,
Карабин мой костяной.
Патронташ мой шелковистый,
Пистолет мой нарезной!

Выпьем, храбрые солдаты,
Для здоровья по одной, —
Выпьем, спляшем, погуляем —
Кто с невестой, кто с женой!

Для печали нет причины, —
Нынче в Альфельд мы идем,
Чванных немцев-иноземцев
Расколотим, разобьем!

Между Тиссой и Дунаем
Путь свободен, друг-солдат!
Если ж немца повстречаем —
Значит, сам он виноват.

Мы покажем иноземцам,
Мы докажем им в бою
Силу нашего народа,
Честь солдатскую свою.

Улепetyвает немец,
Даже бросил свой фитиль.
Шляпа — старый гриб осенний —
С головы слетает в пыль.

Храбрый куруц не боится,
Не страшится ничего.
Он — в богатом доломане,
Конь горячий у него.

У него сверкают шпоры
Да на красных сапогах.
Если ж он обут и в лапти,
То портянки — в жемчугах.

Сабля золотом покрыта —
Солнца ясного ясней.
Из куницы шапка спита,
И звезда видна на ней.

Куруц — бархат драгоценный,
Изумруд — жена его.
Немец — тряпка. А женою —
Лихорадка у него.

Пусть же немцы уберутся
Поскорее с наших глаз.
А не то — такое будет!
Не пеняют пусть на нас.

Добрый старый наш народ...

Добрый старый наш народ,
Ой, как враг тебя гнетет,
Жизни не дает.
Ой, мадьяр, плохи дела:
Бит горшок, насквозь течет,
А прекрасный был народ.
Неужель не оживет
Образ тот?
Как птенец в когтях орла,
Гибнешь ты, народ.
Бит горшок, течет.
Кто-то трещины зальет,
Нацию спасет,
Кто-то снова нас, мадьяры,
К счастью поведет!

Ой, Ракоци, Бёрчени,
Наших витязей вожди.
Ой, Бёзереци.
Где они?
Где живые зеркала
Прежней славы, где они
Звезды нации, огни!
А ведь жил в былые дни
Очади!
Вражья глотка пожрала
Вас, отцы мои.
И куда ты ни пойдешь,
И куда ты ни взглянешь,
Ой, как наш народ страдает,
Тонет он в крови!

Ой, богатство, отчий дом!
Но подумай вот о чем —
О себе самом!
Видишь: нынче мы рабы,
Здесь, в отечестве своем,
Не мечтаем об ином,
Таем, таем с каждым днем
И не ждем
Никакой другой судьбы,
Скручены врагом!
Он нас жрет живьем;
Ой, вот так мы и умрем
В нищенстве нагом.
Мы недаром, ой, недаром
Слезы горько льем!

Горе родине и нам,
Горе нашим сыновьям,
Горе дочерям,
Горе горькое везде,
Нет надежды беднякам,
Счету скорбным нет глазам,
Счету нет людским слезам.
Знаешь сам:
В величайшей мы нужде,
Счету нет смертям,
Вдовы здесь и там,
По лесам, и по полям,
И по городам.
Горе горькое за нами
Ходит по пятам!

Между нас германец встал,
Немец править нами стал.
Помнишь: прискакал,
Чортов кавалер,
Красовался, гарцовал,
А потом и показал...
Как он мучил! Как терзал,
Бил, вязал,
Истязал нас, изувер.
«Все мое!» — сказал.
Толст, как бочка, стал.
Обирало, все глотал,
Что бы ты ни дал.
Хлеба в Венгрии не стало:
Весь он хлеб пожрал!

Бог, с небес на нас взгляни,
От врагов оборони.
Топчут кровь они
Знаменитых храбрецов.
Боже, венгров сохрани,
Жадным швабам пасть заткни,
Мразь такую, как они,
Изгони!
Скорбно мы в стране отцов
Коротаем дни.
Всюду западни,
Не лишай нас имени,
Не лишай нас знамени,
Господи, былую славу
Снова нам верни!

Ракоци в изгнании

Возле Мункачской крепости
Он стоит над рекою,
На палаш опирается
Правой рукою;
На палаш опирается
Правой рукою,
Он зовет барабанщика
Речью такую:

«Эй, барабанщик мой,
Эй, барабанщик мой,
Мой барабанщик придворный!
Брось барабанить немецкое «Марш!» —
«Райта!» давай мне, «Райта!»,
«Райта!» Пусть чорт с тебя
Шкуру дерет! —
Что б ни случилось, —
«Райта!» — «Вперед!»
Что бы ни встретилось, —
Только вперед!

Бей, чтоб все дрожало,
Бей ударом твердым!
Бей, чтоб слышно стало
И живым, и мертвым!
Чтоб и те, что пали,
«Райта!» повторяли.

О мои соратники,
С кем я шел к победе, —
Бёрчени и Боттян,
Пёкри, Бёзереци!
Все — вперед, за мной!
На последний бой.

Туманы ложатся
На Майтенском поле,
И грудь разорваться
Готова от боли,
От скорби и боли...
Гремит барабанщик,
Вперед призывает,
А войско, а войско
Знамена склоняет;
На Майтенском поле
Склоняет и плачет...
Эх, Карои, Карои,

Что это значит?!
Эх, Карои, Карои,
Как это случилось?!
Куда мое войско,
Куда подевалось?
Ты должен ответить,
Ты в верности клялся!
Зачем же, зачем же
Ты недругам сдался?
Ты продал, ты предал
Меня и победу!

Ты продал, ты предал,
Подобно Иуде,
Тебя проклянут
Настоящие люди —
Соратники Эссе,
И Андраша Боне Надь,
И дети их — тоже!

Мне места здесь нету, —
Уйду я, уеду!
Пора отправляться,
Пора мне прощаться...
Кузнец мой, кузнец мой,
Придворный кузнец мой!
Готовь мою лошадь
К дороге суровой:
Ты задом наперед
Поставь ей подковы,
Чтоб ей не вернуться
И мне не вернуться!

Народ мой родимый,
Народ мой любимый,
Спаси тебя, боже!..
Придавлен мой Патак
Немецкой пятою.
Мой Мункач, не встречусь
Я больше с тобою.
Не встречусь, не встречусь.

Прекрасную Венгрию,
Землю родную,
Вовек не увижу,
Вовек не услышу...

О Венгрия, Венгрия,
Край животворный!
Не раз тебе вспомнится
Час этот скорбный.
Как тяжело и больно
Ярмо чужеземца!
Я — сын твой и вождь твой —
Навек уезжаю.
И с плачем ты смотришь,
Меня провожая,
Ты смотришь и плачешь...

Дорог я Венгрии,
Дорог я Эрдей.
Жалко меня им,
Жалко до смерти.
Даже, когда я
В земле уже буду,
Даже тогда
Обо мне не забудут.

Будут оплакивать
И на погосте
Будут искать,
Собирать мои кости,
Кости истлевшие...

Там, где раскинулось
Море, бушуя,
Меркнет звезда моя, —
Там и умру я...»

Грустно; вдали
Барабан отбивает, —
Он уж вперед не зовет,
Не зовет он вперед,
А рыдает:
«Родная земля моя,
Скорбная Венгрия!
Теперь уж прощай!
Теперь уж прощай!..»

Жена каменщика Келемена

Было их, было двенадцать по счету,
Каждый на крепости Дэва работал, —
Стены из камня они воздвигали.
Только те стены недолго стояли:
За день поставят — разрушатся ночью,
За ночь поставят — разрушатся утром.

Келемен дал нерушимое слово:
«Чья бы жена ни явилась первой, —
Камнем обложим ее, замуруем
И обожжем, чтоб, скрепленная кровью,
Наша твердыня стояла вовеки...»

Келемен видит: жена его первой
К крепости Дэва несет ему завтрак, —
На голове поместила корзинку,
А на руках ее — малый ребенок...

«Господи, господи! Лютого зверя
Ты перед нею поставь на дороге, —
Может, вернется...»
Но нет, не вернулась.

«Господи, господи! Пусть ее лучше
Каменный дождь осыпает из тучи, —
Может, вернется...»
Но нет, не вернулась.

«Здравствуйте, здравствуйте, добрые люди!
Боже мой, боже мой! Что это значит? —
Всем поклонилась, а вы — как немые...»

«Келемен — муж твой — дал клятву такую:
Чья бы жена ни явилась первой, —
Камнем обложим ее, замуруем
И обожжем...
Ты явилась первой».

«Что ж, если он меня так ненавидит,
Я соглашаюсь...»

Сняли корзинку и взяли малютку,
Стали закладывать женщину камнем:
Скрылись колени — считала за шутку,
Скрылся живот — посчитала за глупость,
Грудь заложили — поверила: правда!

«Мальчик мой! Люди тебя не оставят:
Добрая женщина грудью накормит,
Добрые дети с тобой поиграют,
Птицы тебя убаюкают пенем,
Мальчик мой милый!..»

«Где моя мама, отец мой, отец мой!»
«Полно, малютка, воротится к ночи».
Ночь наступила, а матери нету...

«Где ж моя мама, отец мой, отец мой!»
«Полно, сыночек, под утро вернется».
Утро проходит, а матери нету...
Умерли оба...

Назови меня мужем

Эй, пава ты, пава, спесивая пава!..

Судила судьба — на богатой женился,
Да сжиться не мог я с женою своею...
Купил ей сапожки, купил — разорился,
Принес и поставил на стол перед нею:

— О радость моя, назови меня мужем!
— Вот новость еще! А на что ты мне нужен? —
Я знатных господ, что отца навещали, —
И тех-то не очень... А вы б уж молчали!

Эй, пава ты, пава, спесивая пава!..

Судила судьба — на богатой женился,
Да сжиться не мог я с женою своею...
Купил я ей платье, купил — разорился,
Принес и на стол положил перед нею:
— О радость моя, назови меня мужем!
— Вот новость еще! А на что ты мне нужен? —
Я знатных господ, что отца навещали, —
И тех-то не очень... А вы б уж молчали!

Эй, пава ты, пава, спесивая пава!..

Судила судьба — на богатой женился,
Да только с женою своею не сжился.
Пошел я по роще — развеять кручину,
Принес я и спрятал в сарае дубину.
— О радость моя, назови меня мужем!
— Напрасная просьба. На что ты мне нужен?..
Схватил я дубину, взмахнул я дубиной...
— О муж мой бесценный! О муж мой любимый!

Анна Молнар

В путь собрался Мартон Айго,
В путь — в далекую дорогу.
Повстречал он Анну Молнар
У домашнего порога.

— Не пойду я, Мартон Айго,
На кого я дом покину?
На кого оставлю мужа
И трехмесячного сына?
Будет плакать сын мой милый.

Не пошла. Похитил силой.

Двое скачут по дороге.
Друг за другом едут двое.
Под ветвистым старым дубом
Оба спешились от зноя.

— Посмотри в глаза мне, Анна.
Отчего лицо ты прячешь?
На щеках я вижу слезы, —
Ты о чем, голубка, плачешь?

Отвечает Анна Молнар:
— Что вы, сударь! Я не плачу,
То роса с вершины дуба
Пала каплею горячей.

По ветвям взобрался Айго
И с вершины на поляну
Уронил палаш свой острый...
— Подыми! — он просит Анну.

Но она швырнула метко
Тот палаш с такою силой,
Что и рыцаря и ветку
Пополам перерубила.

А потом, сорвав доспехи
С остывающего тела,
Доломан его широкий
На себя она надела.

Возвратилась Анна Молнар
Поздним вечером к воротам,
И знакомый голос мужа
Со двора окликнул: — Кто там?

А сама пошла к постели,
Где лежал младенец милый,
Доломан свой расстегнула,
Сына грудью покормила.

— Приюти меня, хозяин,
Тьма спускается ночная!
— Не могу, почтенный рыцарь,
Как зовут тебя, не знаю.

— Приюти меня, хозяин.
Только ночь переночую.
— Не проси, любезный рыцарь,
Рад впустить, да не могу я.

— Не забуду я, хозяин,
Никогда твоей услуги! —
И впустил он Анну Молнар,
Не узнав своей супруги.

— Извини меня, хозяин,
Что не во-время разбужен.
Не достанешь ли в деревне
Для меня винца на ужин?

Красивая Илона

— Добрый день, судья! С поклоном
Я пришла в твой дом.
— Бог послал тебя, Илона,
В этот скромный дом!
Что же плачешь ты, Илона,
На крыльце моем?

— На лугу пасутся гуси
Белые мои.
Но пришел на луг зеленый
Юный сын судьи.
Навсегда он опозорил
Честь твоей семьи!

Он убил мою гусыню, —
Небом я клянусь!..

— Ты не плачь, не плачь, Илона,
Сколько стоит гусь?
Заплачу тебе сполна я
За твое добро!

— Золотой червонец стоит
Каждое перо.
А за белый пух подхвостья,
Пышный и густой,
Мне купить твой сын обязан
Веер золотой.

Пусть две чаши золотые
Даст за два крыла,
Золотой кувшин — за шею,
Что как снег бела.

За гусиную головку,
Добрый господин,
Пусть мне купит золотое
Яблоко твой сын.

А за два горящих глаза
Даст мне две свечи.
А за лапки —
Золотые кольца и ключи.

— Ах, красивая Илона,
Небом я клянусь, —
Слишком дорого он стоит,
Твой покойный гусь!

Нет, уж лучше я для сына
Припасти велю
Две скрипучие осины
Да на них петлю!..

— Если должен быть повешен
Твой прекрасный сын,
Пусть я виселицей буду
Вместо двух осин.

Если должен быть повешен
Юный сын судьи,
Пусть петлею будут руки
Нежные мои!

Три сиротки

Возле креста, над могилой родною,
Плачут сироты горючей слезою:

«Встань, посмотри, что со мною случилось, —
Платье на теле совсем развалилось».

«Встала б я, встала, дочурка родная, —
Кровь мою выпила толща земная».

«Встань, помоги, осуши мои слезы, —
Видишь, хожу я и грязный, и босый».

«Встала б, сыночек, да встать я не в силе, —
Кости рассыпались в темной могиле».

«Встань, приласкай материнской рукою,
Горько без ласки мне жить сиротою».

«Встала б, да крышка моя гробовая
Плотно закрыта и крепко прибита».

«Кто ж нас накормит, оденет, утешит?
Кто наши волосы гребнем расчешет?»

«Мачеха волосы ваши пригладит,
Даст вам рубашки, за стол вас посадит».

«Чешет нас мачеха, чешет, ласкает, —
Кровью затылок у нас подтекает».

«Если ж рубашку на нас надевает, —
Нашей слезою ее омывает».

Если же нас она кормит, голодных, —
Прыгают черти в глазах ее злобных...»

Мать моя, иди домой!..

«Мать моя, иди домой! —
Заболел отец родной...»
«Дочка, я приду сейчас,
Протанцую только раз,
Выпью красного винца
Да дождуся молодца...»

«Мать моя, иди домой! —
Умирает он, родной...»
«Дочка, я приду сейчас,
Протанцую только раз,
Выпью красного винца
Да найду для вас отца...»

«Мать моя, иди домой! —
Умер мой отец родной...»
«Дочка, я приду сейчас,
Протанцую только раз,
Выпью красного винца,
Я нашла для вас отца...»

«Мать моя, иди домой! —
Он уже в земле сырой...»
«Дочка, я приду сейчас,
Протанцую только раз,
Только выпью и — домой, —
Вот он — ваш отец другой!..»

Ката Кадар

Мартон Дьюла Кату Кадар —
Дочь родную крепостного, —
С первых встреч и с первых взглядов
Полюбил и дал ей слово.

«Мать родная, мать родная,
Дорогая!
Окажите,кажите
Милость мне большую:
Взять женою разрешите
Кату Кадар — крепостную».

«Не могу я дать такого
Позволения сыну, —
Ты венчайся, Мартон Дьюла,
С дочкой дворянина».

«Нет, не надо мне, не надо
Дочку дворянина:
Полюбил я Кату Кадар, —
Разве ж я покину?»

«Если так, то я отвечу —
Не раскаюсь:
От тебя я, Мартон Дьюла,
Отрекаюсь...»

«Кучер мой, кучер,
Кучер мой лучший!
Готовь мне карету —
Поеду скитаться
По белому свету».

Отъезжает Мартон, Ката смотрит в очи
И ему на память
Дарит свой платочек:
«Если мой платочек цветом
станет красный,—
Знай, что изменился жребий
мой несчастный».

Едет Мартон Дьюла,
Едет на чужбину —
Скачет днем и ночью.
Среди леса вынул
Мартон тот платочек.

«Кучер мой, кучер,
Кучер мой лучший!
Назад поскорее,
Назад побыстрее!

Мой бедный платочек —
Он сделался красным,—
Судьба изменилась
У Каты несчастной».

Мартон свинопаса встретил у деревни:
«Расскажи, поведай,
Новости какие?»

Здесь у нас — хорошие,
У тебя ж — плохие:
По приказу матушки
Кату погубили,
В озере бездонном
Кату утопили.
Трижды на поверхность
Выплывала Ката,—
На четвертом разе
Сгибла без возврата».

«Кучер мой, кучер,
Кучер мой лучший!
К бездонному озеру,
Сил не жалея,
Гони побыстрее,
Гони поскорее!»

Кони прилетели к озеру поспешно,
И воскликнул Мартон, Мартон
безутешный:

«Где ж ты, где — ответь мне,
Друг мой Ката Кадар?»

«Здесь я, здесь, любимый,
Друг мой Мартон Дьюла!»

Слышит Мартон Дьюла
И — как камень — в воду!
В воду, в вир бездонный!

В озере бездонном обнял Мартон Кату:
«Вместе, вместе будем!»
Но и там нашли их,
Разлучили люди:

Мартона зарыли впереди престола,
А ее зарыли позади престола.

Расцвели над ними два цветка пригожих
И обнялись крепко над престолом божьим.

Мать цветы сорвала,
Растоптала злобно.
И один ответил
Ей цветок надгробный:

«Будь ты проклята навеки!
Ты меня сгубила,
Принесла мне столько горя,
А теперь убила...»

Убили молодца...

Убили молодца
За шестьдесят монет,
И в Тиссу головой,—
Не ездил на коне.

Но Тисса, не приняв,
На мель его несет,
И корабельщик труп
На свой корабль берет.

Приходит мать к нему:
«Склонись на грудь ко мне.
Встань, сын родной мой, встань» —
Не слышит в темном сне.

— Нет, встать я не могу,
И смерть в моих очах,
И смоль моих кудрей
Застыла на плечах.

Отец идет к нему:
«Склонись на грудь ко мне.
Встань, сын родной мой, встань» —
Не слышит он во сне.

— Нет, встать я не могу,
И смерть в моих очах.
Примерзла мне к ногам
Медь шпор на сапогах.

Его голубка тут,
Он слышит, как во сне:
«Встань, розан мой родной,
Склонись на шею мне».

— О роза, встану я,
Чтоб в ночь не уходить,
Раз верная любовь
Пришла меня будить.

Жена Иштвана Гергё

«Ты отпусти меня, муж мой любезный,
Ты отпусти меня нынче в дорогу:
Младшую дочку хочу навестить я,—
Бедных она, говорят, не жалеет».

Вот и отправилась, как загадала,
Вот и слугу у ворот увидала:

«Добрый слуга, попроси ты хозяйку,—
Может быть, даст она бедной старухе
Хлеба кусок и позволит напиться?»

«Барыня, добрая барыня наша,
Там у ворот ожидает старуха,—
Может, вы хлеба немного дадите,
Может, напиться вы ей разрешите?»

«Нищенке хлеба?! Да я его лучше
Брошу собаке своею рукою.
Нищенке воду?! Да лучше в хоромах
Тою водою полы я помою».

«Добрая барыня, где вы родились?
Дочерью чьей до замужества были?»
«Младшею дочерью Иштвана Гергё».

«Были вы дочерью Иштвана Гергё,
Я же ему прихожуся женою».

«Матушка, я-то тебя не узнала!
Что ж ты стоишь? Заходи поскорее!
Вкусный обед я велю приготовить,
Лучшую дам для тебя я рубаху,
Дам я хоромы тебе расписные,
Дам я тебе дорогую коляску,—
Будешь ты ездить на ней шестернею».

«Пусть твой обед пожирают собаки,
Пусть унесет ураганом рубаху,
Пусть твой дворец от пожара погибнет,
Пусть твои лошади сдохнут от мора,
Ржа дорогую коляску покроет!
Крохи одной от тебя не приму я,
Ты и сама не нужна мне такая!»

Три разбойника

Как идут, как идут
Три разбойника,
Как идут, как идут
Через темный лес.
С греком в темном лесу
Повстречались
И с богатством его
Не расстались.

Как идут, как идут
Три разбойника, —
До корчмы дошли
И в корчму вошли.
«Эй, хозяйка, скажи,
Есть в подвале вино?»
«У меня — и вино,
И красивая дочь,

И сама хоть куда, —
Погулять непрочь». —
Как едят да как пьют
Три разбойника,
Только младший из них
Приуныл, приутих.
Он не ест и не пьет, —
В сердце дума встает:

«Лучше мать меня
Не родила бы,
А родился я —
Погубила бы.
Лучше б гробом была
Колыбель моя,
Одеяльце мое —
Смертным саваном...»

Банди Андьял

Говорил тебе я, Банди:
К пастухам не ходи,
На табун, что там пасется,
Не гляди, не гляди!

А не то коней привыкнешь
Воровать, воровать.
А поймают — так придется
Горевать, горевать...

Скакуна седлает Банди, —
Оседлал, оседлал,
Полосатую уздою
Придержал, придержал.

Шапка Банди с острым верхом —
Хороша, хороша.
А на шее распушился
Белый шарф, белый шарф.

Шуба, сшитая богато, —
Лучше всех, лучше всех.
Не жалел портной — поставил
Добрый мех, добрый мех.

А штаны его из ткани
Не простой, не простой,
Бахромой они сверкают
Золотой, золотой.

Лоб у Банди — нет, не мрамор, —
Алебастр, алебастр.
Брови — с радугами схожи, —
В самый раз, в самый раз.

Как на хутор едет Банди —
Все быстрее, все быстрее.
Там баран готов на ужин, —
Ешь и пей, ешь и пей!

Целый город ловит Банди:
«Захватить, захватить!»
Завязать веревкой руки,
Прикрутить, прикрутить!»

Для себя не ждал такого
Он конца, он конца.
Изменяется у Банди
Цвет лица, цвет лица.

Руки связаны у Банди:
«Ну, идем, ну, идем!»
Отправляют Банди в Кашшу
Под ружьем, под ружьем.

Хлеба фунт, с водою кружку
Подают, подают,
А на ноги — пуд железа,
Целый пуд, целый пуд.

Песня о Шандоре Дако

«Я пойду, отец мой,
Нынче в Мадефальву:
Господа большие
Сбор там собирают
И на сбор сегодня
Всех нас приглашают.
Все идут, я — тоже».

«Не ходи, не надо,
Сын ты мой хороший! —
Немцы-офицеры
Сбор там собирают,
Немцы-офицеры
Что-то замышляют.
Сэкеи от немцев
Только горе знали.
Сколько вас в солдаты
Немцы позабрали!
Сколько в нашем крае
Матерей печальных!..
Не ходи же, сын мой,
Нынче в Мадефальву!»

«Не могу, отец мой,
Не могу остаться:
Немцев-офицеров
Мне нельзя бояться.
Если б я остался,

Струсил, в самом деле, —
На меня б с презреньем
Девушки глядели.
Нет, пойти я должен!»

Утром в Мадефальву
Вышел Шандор Дако:
Немцы-офицеры
Сбор там объявили.
На поле широком
Все собрались к сроку.
Прибыл Шандор Дако —
Стройный, с ясным взглядом...
Немцы всех пришедших
Поставили рядом.
А поставив рядом,
Как траву скосили, —
Молодую кровью
Поле оросили...
На свою гибель,
Матери на горе
Шел ты, Шандор Дако,
Шел на это поле.
Лучше б, Шандор Дако,
Ты остался дома, —
Не клевал бы коршун
Тело молодое,
Тело неживое...

Яни Шебек

Наступает Яни Шебеку капут,—
Яни Шебека по улице ведут.
Руки, ноги у бедняги в кандалах,
Смотрит мать на Яни Шебека в слезах.

С перекладины спускается петля,—
Яни Шебек, жизнь окончилась твоя!
Ветер стал его раскачивать-качать.
Яни Шебек, на кого ж ты бросил мать?

В воскресенье пополудни...

В воскресенье пополудни,
В воскресенье пополудни
Он по улице гулял,
Он по улице гулял.

Говорила мать родная,
Говорила мать родная:
«Пишта мой, иди домой,
Пишта мой, иди домой!»

«Не пойду я, мать родная,
Не пойду я, мать родная,—
Искупаться я хочу,
Искупаться я хочу.

Я не в Тиссе искупаюсь,
Не в Дунае искупаюсь,
А в корчме среди двора,
А в корчме среди двора.

Не в воде я искупаюсь,
Не в воде я искупаюсь,
А в крови, в крови густой,
А в крови, в крови густой...

Есть ли грязная рубашка,
Есть ли грязная рубашка,
Мать родная, у меня,
Мать родная, у меня?

Если нет — ее принес я,
Если нет — ее принес я,—
Кровью залита она,
Кровью залита она...»

Йожеф Варади

Торопит коня лейтенант, погоняет,
И искры подковами конь высекает.

«Куда вы, куда, господин офицер?»
«Катаюсь, сынок мой, гуляю...»

«Нет, это не так, господин офицер,—
Таких я прогулок не знаю.
Прогулки вдвоем хороши, говорят,
А с вами я вижу двенадцать солдат,—
Двенадцать вы взяли с собою...» —
«Мой старый приятель скрывается здесь,—
Он многих господ уничтожил.
Ему я везу о прощении весть,
И ты мне, наверно, поможешь,
Поможешь его поскорее найти,
Зовут его Варади. Знаешь, поди?...» —
«Конечно же, знаю, конечно же, знаю,
И вам указать я непротив:
Вот в этой деревне живет его роза,—
У ней вы его и найдете...»

Мальчишка-пастух на дороге остался,
А немец вперед по дороге помчался.

У девушки Рафаи, в домике белом,
Скрывается Варади — сильный и смелый,
Живет он, не чуя беды...

«Здравствуйте, Рафаи!»
«Здравствуйте, витязь!»
«Может, коню вы дадите воды,—
Не пожалейте, не поскупитесь!..»
«Если он пить захотел — напою,
Если он есть захотел — накормлю...»

В горницу немец поспешно проходит,
В горнице Варади немец находит:
«Ты не уйдешь от меня, негодяй!..»
Мигом солдаты его окружили,
Руки и ноги солдаты скрутили...

* * *

Что же за дерево это такое,
Что не растет ни листочка на нем?
Дерево, дерево это такое,—
Варади нынче повесят на нем...

* * *

Парни и девушки! Немцам не верьте!
Немец вам только лишь горе несет.
Немец обманет вас, немец погубит.
Немец вам шею петлей захлестнет.

Янош

Плача, по дороге бродит Янош.
Сверху спрашивает кто-то:
— Что ты плачешь, Янош?
— Кабы вам пришла охота
Для меня открыть ворота!
— Можно, милый Янош!

По двору блуждая, плачет Янош.
Слышит голос из светлицы:
— Что с тобою, Янош?
— Мне бы к двери прислониться,
На ступеньках примоститься.
— Можно, милый Янош!

На ступеньках сидя, плачет Янош.
Слышит голос из окошка:
— Что ты плачешь, Янош?
— Кабы мне побыть немножко
В ваших сенцах у порожка!
— Можно, милый Янош!

Плача, по сеним блуждает Янош.
Слышит шопот через щелку:
— Что с тобою, Янош?
— Быть в сених — немного толку.
Кабы мне попасть в светелку!..
— Можно, милый Янош!

Плача, по светелке бродит Янош.
Слышит шопот близко где-то:
— Что ты плачешь, Янош?
— Полежать бы до рассвета
На перине разогретой!..
— Можно, милый Янош!

На перине лежа, плачет Янош.
Слышит шопот над кроватью:
— Что ты плачешь, Янош?
— Кабы в крепкие объятья
Вашу милость мог бы взять я!
— Можно, милый Янош!

Барышня

Барышня козу доила,
В грязь подойник уронила.
Крошка ведь, слабы ручонки,
Сорок лет всего девчонке.

Стала с горя бить скотину
И сломала хворостину.
Крошка ведь, слабы ручонки,
Сорок лет всего девчонке.

Захотелось есть малышке,
Да с горшка не снимет крышки.
Крошка ведь, слабы ручонки,
Сорок лет всего девчонке.

Старый муж

Старый, сивый, некрасивый,
А гляди — не постыдился:
Сватал будто бы для сына,
А засватал — сам женился.

Вот пошла жена к соседке, —
Смотрит старый — туча-тучей.
Он спешит за нею с палкой, —
Молодую бьет и учит:

«Не затем, мол, я женился,
Чтобы ты сюда ходила, —
А чтоб ты меня любила,
Чтобы патлы мне чесала,
Чтоб морщины целовала».

«Ты разлейся, Тисса, шире,
Ты, Дунай, разлейся шире! —
Захлестни его водою
Вместе с сивой бородою!»

«Не везет мне, боже правый! —
Мужа брила — торопилась,
И сама собою бритва
В горло врезалась, вонзилась.

Ой, натру глаза я луком, —
Лук мой горький, лук мой красный! —
Надо ж мне оплакать мужа —
Бедной вдовушке несчастной».

Като

«Здравствуй, Като, добрый вечер!»
«Здравствуй, муж мой, добрый вечер!»

«Что постель-то выше стала?»
«Я нарочно так постлала».

«Кто ж там тронул покрывало?»
«Видно, мышь под ним застряла».

Нож сверкнул, и крик раздался,
Сиротою сын остался.

Расставанье

— Уезжаешь? — «Уезжаю».
— Покидаешь? — «Покидаю».
— Дай же мне, мой милый, руку
На прощанье, на разлуку.

Ты уедешь в край далекий,
Я останусь одинокой.
Но прошу я — в дальней дали
Не забудь моей печали.

Хлеб возьми — меня припомни,
Воду пьешь — меня припомни.
А уж я не позабуду —
Днем и ночью помнить буду.

За прялкой

«Я бы, мама, пряла,
Я бы не вздыхала,
Только не прядется,—
Нитка часто рвется».

«Не вздыхай, голубка,—
Будет тебе юбка».

«Матушка-голубка,
Не поможет юбка».

«Что ж тебе поможет?—
Хлопца звать, быть может?»

«Матушка, спасибо,
Но не в хлопце сила».

«Дочка, может статься,
Хочешь обвенчаться?»

«Мама, разгадали
Вы мои печали!»

Подмастерье мельника

С подмастерьем мельника
Я всю ночь сидела.
Я всю ночь сидела —
На него глядела.
Одного хотелось,
Чтобы ночь продлилась,
Чтобы я нескоро
С милым разлучилась —
С подмастерьем мельника.

Если бы колеса
Всех на свете мельниц
Золотыми были
И один бы жемчуг
Мельницы дробили;
Если б мне их дали,

Дали б и сказали:
«Только не встречайся!..» —
Я б не променяла
Подмастерья мельника.

Если б можно было
Всю морскую воду
Превратить в чернила;
Если б все травинки
Перьями бы стали;
Если бы все звезды
Писарями стали,—
И тогда бы даже
Было невозможно
Описать любовь мою
К подмастерью мельника.

Молодница

«Ох, и красива ж! Люблю я таких.
Сядь, посиди на коленях моих,—
Мужа нигде не видать, не слышать».
«Муж мой отправился поле пахать».

«Значит, осталась ты словно вдова.
Что же напрасно мы тратим слова?—
Лучше давай целоваться с тобой,—
Это, ей-богу же, грех небольшой».

«Пусть тебя вихрь унесет полевой!—
Что же ты делаешь с бедной вдовой?!
Если бы муж мой увидел, узнал,—
Что б он подумал и что б он сказал?!»

Запоздалая свадьба

Батя в полном облаченье
Начинает обрученье.—
Ночь темна, милый мой,
Проводи меня домой!

Батя парня обручает,
С черноглазую венчает,—
Ночь темна, милый мой,
Проводи меня домой!

Обвенчал, но что случилось?
Что жена заторопилась?—
Ночь темна, милый мой,
Проводи меня домой!

Только, как ни торопилась,—
По дороге разродилась.—
Ночь темна, милый мой,
Проводи меня домой!

Веселая свадьба

Жил сверчок и не тужил,
Пел он в уголке.
И жениться он решил
На мушиной дочке.

Лучшей пары не найдешь,
Да невеста — крошка.
А жених собой хорош,
Только крив немножко.

Сговорились, наконец,
И сверчок и муха.
Дочь в карете под венеч
Повезла старуха.

А жених пешком пошел,
Чтоб не тратить денег.
Жук под кличкой богомол
Был у них священник.

Золотистая пчела
Шаферицею была.
Трутни с комарами
Были шаферами.

А потом на целый мир
Задала веселый пир
Мать невесты — муха,
Славная стряпуха.

Прилетела егоза,
Голубая стрекоза
В шелестящем платье.
Прискакали молодцы,
Полевые кузнецы,
Жениховы братья.

Прилетели мотыльки,
Щеголи и франты.
Прикатили и жуки,
Хлопцы-музыканты.

Принимала всех гостей
Муха на лужайке.
Притащился муравей,
Старый друг хозяйки.

Собралась ее родня —
Шмель, слепень и овод.
Шершень старого коня
Притащил за повод.

Приготовили столы,
Скатертью накрыли,
На столах стоят котлы,
Жбаны да бутылки.

За здоровье молодых
Осушили кубки,
А невеста и жених
Пили из скорлупки.

Серый волк был мясником.
Ободрал десяток
Жирных коз, козла с быком,
Пару поросят.

Из лесов медведь пришел
Да и вывалил на стол
Целую колоду
Липового меду.

В ступке перец натолкла
Старая собака.
Кошка в печке напекла
Пирожков из мака.

Жук, и овод, и слепень
Выводили трели,
На лужайке целый день
За обедом пели.

Был кузнечик скрипачом,
Суслик был флейтистом,
Оглушал он всех кругом
Разудалым свистом.

Старый дятел на дубу
Клювом барабанил.
Дула выпь в свою трубу:
«Бу-бу-бу» да «бу-бу-бу»,
А петух горланил.

Длинный аист с журавлем
В пляс пустились лихо,
Хомячиха с хомяком,
Барсучиха с барсуком,
С русаком зайчиха!

А потом плясать пошли
Гости друг за дружкой —
Журавли, коростели,
Пчелы, зайцы и шмели,
Аисты, лягушки.

Пировали целый день,
Танцевали ночью.
Пьяный овод и слепень
Разодрались в клочья.

Подралась оса с пчелой
Из-за капли меду.
Испугался их косой,
Да и задал ходу.

Помирить хотел гостей
Старый черный ворон —
Да чирикнул воробей,
Что и сам-то вор он!

Ворон клюнул воробья,
И пошла тут драка.
Жаба съела муравья,
Барсука — собака.

Тут и аист с петухом
За столом сцепились.
А невеста с женихом
В уголок забились.

С этих пор на свет сверчок
Вылезать не хочет.
Целый день сверчок — молчок,
По ночам стрекочет.

Да зато его жена
Не бывает с мужем —
То на чай приглашена,
То летит на ужин!

Не сдержал ты слова...

Не сдержал ты слова,
Не простился даже:
Обманул, покинул,—
Бог тебя накажет.

Бог тебя накажет
Барыней-женою,
Кучей ребятишек,
Покупной едою.

Путь закрыт ночной метелью...

Путь закрыт ночной метелью,
Конь бежит уже без цели,
И поводья опустивший,
Мрачен всадник загрустивший.

На коне бетяр вздыхает,
Точно снег с себя стряхает.
Вот не знал, что так обманет,—
Пусть же гром над нею грянет!

Мчится Тисса перекатно...

Мчится Тисса перекатно,
Вниз стремится невозвратно,
Поцелуй плывет там милой,
Эх, коль жаль, бери обратно.

То светлей, то гуще вечер,
Милый мой идет навстречу,
Шляпу он приподымает,
Эх, мне понравиться желает.

Что ты зря приподымаешь,
Что твоя — и так ведь знаешь,
Ты ж не в лавке куплен мною,
Сорван, как цветок весною.

За всю ту ночь...

За всю ту ночь и часа не спал я, как шальной,
Все милой розы жалобы я слышал до одной.
Устала в полночь правая рука моя,
И левою рукою голубку обнял я.

Ведь если надоело мне тебя любить,
Возлюбленного нового поищем, так и быть.
Дай бог, чтобы красивей, добрей меня нашла,
А мне бы лишь такую, какою ты была.

Храни ту улицу, господь...

Храни ту улицу, господь,
Моя там роза бродит,
В алмазы камни превращу,
Пусть в них себя находит.

Карай ту улицу, господь,
Где бродит мой завистник.
Я камни в бритвы превращу,
Пусть рухнет, ненавистник.

Что, бедняжка роза...

Что, бедняжка роза, больно?
Я же парень, лекарь вольный.
Со всего цветы я царства
Соберу, сварю лекарство.

В моем сердце боль разбудишь —
Ты моей аптекой будешь.
Не ищи цветов всех царства,
Не вари из них лекарства.

Три дороги предо мной...

Три дороги предо мной, на какой остаться?
Трое милых у меня — с кем мне расставаться?
Постоянен первый друг, второй — настоящий,
Третий будет мне как раз самый подходящий.

Для того звезда, чтоб она сверкала...

Для того звезда, чтоб она сверкала,
Для того и женщина, чтобы изменяла,
Для того и мать меня на свет рожала,
Чтоб сходить с ума мне по тебе.

Для того и лес, чтоб встал зеленой силой,
Для того и буря, чтоб его косила,
Для того и сердце, чтоб любило
И от горя треснуло оно.

Пусть на дом жениха...

Пусть на дом жениха
Божья кара падет,
Не на дом, а на тех,
Кто в том доме живет,

Не на всех, на тебя,
На родного отца!
Почему разлучил
Ты со мной молодца?

Если это твой сын,
То возлюбленный — чей?
Мил тебе он давно, —
Мне еще ведь милей.

Не напрасно мама нянчила меня...

Не напрасно мама нянчила меня,
Словно роза расцвела я в блеске дня;
Не за мной ли ходят парни из трех сел?
Я, красивая, свожу их всех с ума,
Что мне надо, выбираю я сама.

По дороге только вздумаю пройти —
Каждый встречный позабудет о пути.
Шепчут старцы, повторяют молодцы:
— До чего же и румяна и чиста!
Ой, смугляночка, какая красота!

Нет! Парням я не поверю все равно,
Потому что догадалась я давно —
Есть два цвета у парней, как у осин.
Как увижу, что у парня путь другой:
— Что ж, иди, — ему скажу я, — дорогой!

Пастухово горе...

Пастухово горе —
Кто его измерит!
А богач смеется,
Пастуху не верит.

Звякнул грош в кармане,
Говорит — украл он.
Если ничего нет,
Значит — промотал он.

Ходит, мол, за стадом,
И заботы мало,
Был бы хлеб в котомке
Да кусочек сала.

Бедняком рожден я...

Бедняком рожден я матерью на свет.
Я любил девчонку, нынче ее нет.
Взял себе девчонку благородный хлыщ,
Был я, братцы, беден, а теперь я нищ.

Нищий я не нужен в мире никому.
Страннический посох в руки я возьму
И пойду скитальцем до конца земли,
Чтобы люди плач мой слышать не могли.

Горит звезда полночная...

Горит звезда полночная, горит над головой,
Идет моя любимая, торопится домой.
На ней сапожки новые, красивей в мире нет,
На тех сапожках лаковых играет звездный свет.

Боюсь, звезда полночная сгорит иль упадет,
Домой моя желанная дороги не найдет.
И все тропинки спутает завистливая ночь,
Но как же мне, далекому, беде ее помочь!

Хочу, чтоб в ночи темные из края в край земли
Твои пути-дороженьки цветами поросли,
Чтоб звездочки веселые сияли в вышине,
Чтоб ты, моя любимая, мечтала обо мне.

Дочь мельника

Ходит-бродит стадо у глубоких вод,
Мельникова дочка вслед за ним идет.
— Ой, как я устала, ноженьки в пыли.
Янчи, пастушок мой, шубу расстели.

— Дочь моя родная, чую — быть греху,
Если ты доверишь сердце пастуху.
— Мать моя родная, не боюсь греха.
Нет в деревне краше Янчи-пастуха.

Вызревала в поле золотая рожь,
Налетела буря, бурю не уймешь.
Опустевший колос не нальется вновь.
Вот к чему приводит девичья любовь.

Мать и дочь

— Светят в небе звезды золотым огнем,
Ходит мой любимый под моим окном.
Ходит, словно узник в тесном терему.
Мать моя родная, отпусти к нему.

— Роза моя, роза, посмотри в окно,
Сколько звезд на небе, а в душе темно.
Сотню поцелуев я тебе припас,
А чужие люди не увидят нас.

— Матушка родная, он меня зовет,
Постою немного с милым у ворот.
Не стели постель мне, не гаси огня,
Возвращусь я скоро, но... не жди меня.

— Дочь моя, успеешь ты еще любить,
И платок успеешь ты еще носить.
До тех пор довольна будешь ты судьбой,
Пока ходит парень плача за тобой.

— Роза моя, роза, будешь ты моей,
Жду я, не дождуся тех счастливых дней.
Жду я, не дождуся нашего венца,
Чтоб тебе родного заменить отца.

— Матушка, ты слышишь, что он говорит?
Милый мой мне радость вечную сулит.
Сладко и тревожно сердцу моему.
Не кори, родная, отпусти к нему.

— Дочь моя родная, ты ему не верь,
И любовь и счастье он сулит теперь.
Если ж он покроет голову твою,
То конец наступит райскому житью.

— И тебе, родная, — что греха таить, —
В жизни приходилось часто битой быть.
Все ж вы долго жили в счастье и в ладу.
Что бы ни случилось, я к нему иду!

Я брожу по роще...

Я брожу по роще
И пою,
Девочку смуглянку
Жду мою.

Где же ты, смуглянка,
Мой левкой?
Возврати мне радость
И покой.

Я гуляю степью
И грущу,
Парня молодого
Я ищу.

Где ты, стройный клен мой,
Отзовись.
Ты к своей тростинке
Наклонись!

Ты мне часто снишься
По ночам,
Днем ты светишь сердцу
И очам.

Если я вздыхаю,
То любя,
Если улыбаюсь, —
Для тебя.

Треплет ветер ленту...

Треплет ветер ленту
На твоей повязке.
Милая, спасибо
За любовь, за ласки.

А за грех измены
Бог тебя накажет —
Был я не последним,
Это всякий скажет.

До земли согнулся
Стебелек пиона,
Так и я сгибался,
В милую влюбленный.

Что мне в розе алой —
Жизнь ее мгновенна.
Что в твоей любви мне,
Если в ней измена.

Если нареченных
Разлучило море,
Есть ли где на свете
Тяжелее горе?

Горше, если двое
Вовсе не любили,
А старухи злые
Их соединили.

Горе малой птахе
От пурги-метели,
Горше с нежеланной
На одной постели.

Обнимает — плачет
И вздыхает тяжело,
Поцелует — слезы
Долго льет бедняжка!

А у нас пошли веревкой вербовать...

А у нас пошли веревкой вербовать,
Значит, бедным паренькам не сдобровать.
Угрожают, вяжут руки за спиной,
В город Шопрон провожает их конвой.

Семь сынов у богача, но у него
Вербовщик не отберет ни одного;
А последнего сынка у бедняка
Завербуют уж в войска наверняка.

Провожают новобранца старики:
«Пощадите, господа вербовщики».
Никакого нету дела господам:
«За гроши твои я парня не отдам!»

Ковыляй, старик, назад в свое жилье
Да готовь теперь ты внука под ружье!
За такое злодеяние господ
Покарает их когда-нибудь господь.

Мать родная написала мне письмо...

Мать родная написала мне письмо:
«Возвратись, сыночек милый! Жду давно».
«Ах, вернулся бы я, матушка, давно,
Да, должно быть, здесь погибнуть суждено!»

Сквозь оконце я гляжу в ночную мглу,
Вижу плац да часового на углу.
Боже, боже, где родимые края?
Я не знаю, где ты, матушка моя!»

Распекает взводного...

Распекает взводного командир роты:
— Как он честь отдает? Научи его ты!
— Научил бы его, господин начальник,
Ничто в голову нейдет этому полену,
Плачет он, говорит, лишь жена, говорит,
У него на уме, в голове бессменно.

Господин капитан...

— Господин капитан, пощадите,
Наказанье мое отмените:
Так был сладок поцелуй моей милой —
Я вечернюю зорю не слышал.

Бог пошлет добра и счастья...

Бог пошлет добра и счастья
Матери недаром,
Той, что сына воспитала
Молодцом-гусаром.

Чорт пусть даст дурное счастье
Ведьме криворотой,
Что ублюдка воспитала
Рядовым пехоты.

Если в Буду ты придешь...

Если в Буду ты придешь,
Если в Буду ты придешь,
мать родная,—
Ты в казарму загляни,
Сквозь окошко загляни,
дорогая:

Там меня в солдатской форме
встретишь сразу—
Сбриты волосы мои,
Сняты черные мои
по приказу.

Если в Буду ты придешь,
Если в Буду ты придешь,
мать родная,—
Загляни в окно тюрьмы,
Посмотри в окно тюрьмы,
дорогая:

Там — в цепях, как птица в клетке,
сын твой бьется.
И не диво, коль твое,
Сердце бедное твое
разорвется.

Наша Венгрия дымится...

Наша Венгрия дымится
Вся кругом.
Славной пушки старца Бема
Слышен гром.
Старый Бем играет зори
На трубе.
Верных венгров призывает
Он к себе.

Коник мой стоит привязан
За корчмой.
Он по грудь забрызган кровью,
Конь гнедой.
Много пролили мы крови
Молодой,
Все же Венгрия осталась
Сиротой!

Конь Кошута

Конь Кошута, он заслужил овса мешок большой
За то, что Венгрию родную дважды обошел.
А если б мог разок еще ее обойти,
В австрийскую бы армию венгерцам не идти.

Ты откуда же, дружище...

Ты откуда же, дружище, сам не свой?
Что ж не сладишь со слезами, дорогой?
Что ж печали свое сердце отдаешь?
Неужели дней веселых ты не ждешь?

Грустно колокол откликнулся вдали —
Новый гроб к могиле понесли.
Может, бог, и тот заплакал оттого,
Что от венгров не осталось никого?

Гнев господен, ты Гёргея покарай,—
Предал он народ прекрасный, милый край...
Будь Гёргей достойным сыном и вождем,—
И сейчас венгерец не был бы рабом.

Я покинул край родимый...

Я покинул край родимый,
Милой Венгрии равнину,
И бреду, судьбой гонимый,
На далекую чужбину.

Позади — нужда и муки,
Впереди — тоска разлуки.
Под чужими небесами
Слезы льются, льются сами.

Боже, сжапись надо мною!
Не хочу чужого неба,
Не хочу чужого хлеба,
Орошенного слезою.

Бродит мой любимый...

Бродит мой любимый
Где-то на чужбине
И меня покинул
В горе и кручине.

Знать бы мне дорогу,
Пройденную другом,
Я б ее вспахала
Золоченым плугом.

Я бы засадила
Пашню жемчугами
И заборонила
Горькими слезами.

По любви погибшей
Траур бы надела —
До полудня черный,
А с полудня белый.

Прилети, прилети...

— Прилети, прилети,
вестница крылатая! —
У меня для тебя
клетка есть богатая:
Золотая она,
золотая, чудная,
В ней кормушка стоит —
вся-то изумрудная.

— Нет, не надобны мне
клетки золоченые, —
Мне милее поля
да леса зеленые:
Буду вольно летать,
славить дали дальние,
Буду зерна клевать,
росы пить хрустальные.

Провалилась моя крыша...

Провалилась моя крыша —
ой-ё-ё!
Даже аист сесть не хочет
на нее.

И такой прислали нынче
мне налог,
что от тяжести прогнулся
потолок.

Входит в дом за недоимкой
сам судья,
и не слышит он, что плачет
вся семья.

И не видит он — как будто
вдруг ослеп, —
он уносит всю одежду,
весь наш хлеб.

Трудно, трудно жить на свете
бедняку:
сколько горя он выносит
на веку!

От нужды его избавит
вековой
разве только тяжкий камень
гробовой.

Зазвенели лес и поле...

Зазвенели лес и поле,
За трубу трубач берется —
За отчизну, за свободу
Призывает он бороться!

Буду, буду я бороться,
Я жалеть не стану жизни,
Раздобуду я свободу
Дорогой своей отчизне.

Башня венская осела...

Башня венская осела,
Скоро вся повалится...
В башне горлица гнездится,
Песней заливается:

«Пусть мадьяры не тоскуют,
Нечего печалиться —
С вольной волею мадьяры
Скоро повстречаются!»

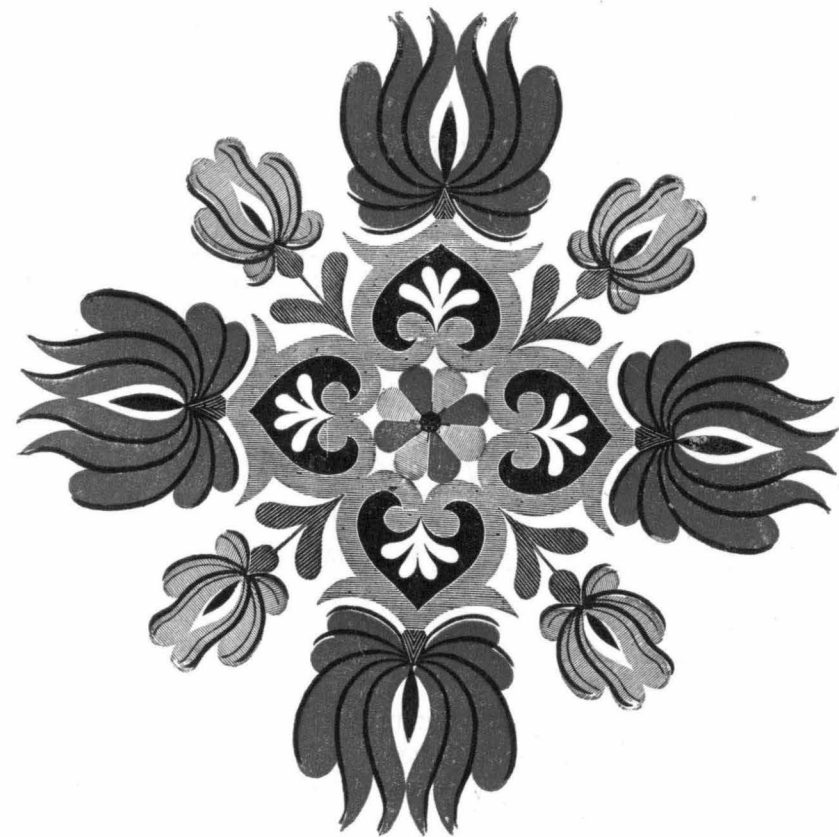
Солнце красное на небо выплывает...

Солнце красное на небо выплывает,
Борозды на поле озаряет,
Гордый лоб мадьяру озаряет,
Ясный день мадьяру обещает.

Мы, отец, живем теперь не худо —
Свет повсюду, и тепло повсюду!
Я хозяйским псом теперь не буду —
Сам себе хозяином я буду!

Ленинские звезды засияли,
Сталинские звезды засверкали,
Подлинную волю и свободу
Нашему народу указали!





ПРИМЕЧАНИЯ

ВЕНГЕРСКАЯ ПОЭЗИЯ

ПЕТЕР БОРНЕМИССА

Стр. 53. *Как грустно, что с тобой расстаться должен я...* Б у д а — древняя столица Венгрии, расположенная на правом берегу Дуная. В 1541 году была захвачена турецким султаном Сулейманом II и находилась под властью турок до 1686 года. Х у с т — небольшое местечко со старинным замком, расположенное на берегу Тиссы.

БАЛИНТ БАЛАШШИ

Стр. 59. *О, как несчастен я!* — О принадлежности этого стихотворения перу Балашши в венгерском литературоведении шли споры. Впервые оно было напечатано в 1862 году венгерским историком и поэтом Кальманом Тали. Позднее оно было найдено в отрывках в одном старинном песеннике. Новейшие изыскания венгерских филологов доказывают, что автором этого произведения мог быть только Балинт Балашши.

ЙОЖЕФ ГВАДАНИ

Стр. 77. *Поездка деревенского нотариуса в Буду.* Пешт и Буда. — Во времена Гвадани Пешт и Буда были отдельными городами, раскинутыми по обоим берегам Дуная; только позднее, в 1872 году, они объединились в один город Будапешт. П о д а х а н ь е з е в а к, х о т ь н а с в я - т о м И ш т в а н е ... — Речь идет о колокольне собора Святого Иштвана (Стефана) в Вене.

ВИТЕЗ МИХАЙ ЧОКОНАИ

Стр. 94. *Тиханьскому эхо.* Т и х а н ь — полуостров на озере Балатон, известный своим старинным аббатством, от стен которого эхо отдавалось семнадцать раз.

МИХАЙ ФАЗЕКАШ

Стр. 101. *Мати Лудаш.* Л у д — по-венгерски гусь, от этого слова и образована фамилия героя поэмы.

ФЕРЕНЦ КЕЛЬЧЕН

Стр. 123. *Гимн. Бендегуз* — согласно легенде, отец Атилы, короля гуннов. Арпад — основатель венгерского государства, родился в 840 году и умер около 907 года. Куншаг — низменность, лежащая между Тиссой и Дунаем. Токай — местность в Венгрии, славящаяся своими виноградниками. Матьяш (1440 — 1490) — венгерский король, создатель центральной королевской власти в Венгрии, сын национального героя Яноша Хуняди. Матьяш вел ряд успешных войн. В 1485 году завладел Веной и почти всей Австрией.

ЙОЖЕФ БАЙЗА

Стр. 139. *Вечерняя заря* — первая песня Байзы, привлекавшая к нему внимание вождя литературной жизни того времени поэта Кароя Кишфалуди. Это стихотворение Кишфалуди напечатал в 1822 году в своем журнале «Аурора», постоянным сотрудником которого стал после этого Байза.

Стр. 140—141. *Мольба, Пророчество*. — Написаны после поражения революционно-освободительной борьбы 1849 года.

МИХАЙ ВЁРЁШМАРТИ

Стр. 145. *Пустая корчма*. — Написано в 1829 году, напечатано впервые в сборнике стихов Вёрёшмарти в 1833 году. Это первое произведение поэта, в котором он использует традиции венгерской народной поэзии.

Стр. 146. *Черные глаза*. — Датировано 1830 годом.

Стр. 146. *Герб Венгрии*. — Датировано 1833 годом.

Стр. 146. *Призыв*. — Популярное патриотическое стихотворение Вёрёшмарти. Написано в 1836 году, напечатано впервые в 1837 году в журнале «Аурора». Хуняди, Янош — венгерский национальный герой, правитель Венгрии середины XV века; прославился своими победами над турками. 16 июля 1456 года он одержал блестящую победу над турецкими войсками возле Белграда, а 11 августа того же года пал жертвой эпидемии, начавшейся в лагере его войск.

Стр. 147. *Песня Фоти*. — Датировано 5 октября 1842 года. Это стихотворение поэт прочел своим друзьям в Фоте во время сбора винограда. И тогда же, с согласия поэта, оно было названо «Песней Фоти». Помещенный отрывок — только первая часть стихотворения.

Стр. 148. *Горькая чаша*. — Напечатано в 1843 году. Впоследствии поэт включил это стихотворение в свою трагедию «Чиллей и Хуняди» как застольную песню.

Стр. 149. *Песня студента словака*. — Напечатано в 1844 году.

Стр. 150. *Мечта*. — Написано в 1843 году, напечатано впервые в журнале «Элеткепек» («Картины жизни») в 1844 году. Посвящено семнадцатилетней Лауре Чаяги, на которой поэт впоследствии женился.

Стр. 150. *Люди*. — Написано в 1846 году под влиянием крестьянского восстания в Галиции, спровоцированного агентами Меттерниха с целью подавления национально-освободительного движения поляков. Гнев Вёрёшмарти обращен в этом стихотворении против тех, кто держит народ в рабстве и темноте, принуждая его к кровопролитию. Это стихотворение явилось предвестником мрачных, полных отчаяния стихов Вёрёшмарти, созданных им после поражения венгерской революции 1848 года.

Стр. 152. *Гёргей*. — Написано 10 октября 1849 года. Полностью напечатано впервые в 1925 году. Гёргей, Артур — главнокомандующий венгерской революционной армией, который 13 августа 1849 года сложил оружие, предав этим революционно-освободительную войну. Рукопись стихотворения была вручена самому Гёргею, из архива которого оно попало в Венгерскую академию наук.

Стр. 153. *Предисловие*. — Впервые напечатано в 1864 году, через девять лет после смерти поэта. В этом стихотворении Вёрёшмарти противопоставляет эпоху революции 1848 года эпохе реакции, наступившей после нее.

Стр. 154. *Старый цыган* — последнее стихотворение Вёрёшмарти, если не считать отдельных незаконченных отрывков. В этом стихотворении поэт выражает надежду на то, что судьба его родины изменится к лучшему и что «старый цыган-скрипач» должен быть готов к этому празднику, чтоб сыграть такие песни, которые развеселят даже богов.

ЯНОШ ГАРАИ

Стр. 159. *Отставной солдат*. Страшно тут чихнул студент. — Чиханием студент намекает на то, что Хари солгал. *Dictum factum* (лат.) — говорю точно.

Стр. 165. *Свободен нынче Венгрии народ*. — Этим стихотворением поэт приветствовал революцию 1848 года. Кошут, Лайош (1802—1894) — видный венгерский политический деятель, глава революционного правительства 1849 года. Пешт возгласил, и Пожонь носит в сердце. — Революция была провозглашена в Пеште. Гараи воспринимал революцию, как либеральный дворянин; он считал, что революцию, провозглашенную пештскими народными массами и левой революционной молодежью во главе с Шандором Петефи, «носят в сердце» и дворяне, заседающие в сословном сейме Пожоня.

ШАНДОР ПЕТЕФИ

Стр. 179. *Против королей*. — Напечатано впервые 26 октября 1848 года. Под заглавием Петефи приписал: «Это стихотворение было написано мной еще в 1844 году; нет нужды объяснять, почему оно до сих пор валялось в ящике моего письменного стола, и к тому же на самом его дне». Луи Капет — французский король Людовик XVI, казненный во время первой французской буржуазной революции. Принадлежал к династии Капетингов.

Стр. 181. *Старый добрый трактирщик*. — Осенью 1845 года Петефи часто и подолгу гостил у своих родителей в Салк-Сентмартоне. Отец его, прежде зажиточный мясник, разорившийся в 1838 году (дом его снес разлив Дуная, хлеб побил градом, и люди, которым он верил, обманули его), теперь был арендатором маленькой сельской корчмы.

Стр. 182. *В альбом К. Ш.* — Написано осенью 1845 года, когда поэт гостил в Борьяде у родных своего друга детства, автора мемуаров о Петефи — Иштвана Шаш. Стихотворение написано в альбом младшего брата Иштвана Шаш, Кароя Шаш, с которым Петефи был дружен.

Стр. 183. *Мамсара с четверкой волов*. — Написано осенью 1845 года во время пребывания в Борьяде. Упомянутая Эржике — сестра Иштвана и Кароя Шаш.

Стр. 188. *Меня тревожит лишь одно...* — Одно из самых известных революционных стихотворений Петефи. Впервые было напечатано в марте 1847 года в журнале «Хазанк» («Наша родина»), выходившем в г. Дьёре под редакцией Пала Ковача; в этом журнале печатались все молодые передовые писатели Венгрии. Опубликованию этого стихотворения предшествовало очень характерное для Петефи столкновение с редактором журнала. Петефи прислал в журнал несколько своих стихотворений, в том числе и «Меня тревожит лишь одно», и, по своему обыкновению, указал, в каком порядке их печатать. Но ввиду того, что цензор сперва запретил печатать это стихотворение, Ковач поместил вместо него стихотворение «Кутякапаро». Петефи, ничего не зная о запрещении цензора, послал Ковачу следующее письмо: «Милый мой Пали! С величайшим удивлением заметил я, что в «Хазанк» помещено сейчас «Кутякапаро», несмотря на то, что я пронумеровал стихи и просил их печатать в обозначенном порядке. Признаюсь, что к этому я не привык. На сей раз я готов простить такой редакторский произвол, но на будущее должен заявить со всей решительностью, что если вы станете таким образом поступать с моими произведениями, то я буду вынужден сам исключить себя из числа сотрудников «Хазанк». Во-первых, потому, что я устанавливаю порядок печатанья не произвольно, не для собственного удовольствия и из ребячества, а во-вторых, и главным образом потому, что я смертельный, страшный враг всяческого произвола, всего того, что носит даже малейший оттенок деспотизма».

Стр. 191. *Тисса*. — Написано в качестве объяснения к одной гравюре по дереву. Петефи не раз обращался в своих произведениях к реке Тиссе. «Я так люблю эту реку, — писал он в 1847 году в своих «Путевых письмах», — и, может быть, именно потому, что она венгерская с головы до ног».

Стр. 194. *Лаци Араню*. — В 1847 году летом Петефи провел десять дней в семье своего лучшего друга, выдающегося венгерского поэта Яноша Араня. «Он написал у меня несколько стихотворений, — вспоминал позднее Арань, — нарисовал меня (плохо) и покосившуюся башню, которую он прославил и в стихах... Тогда же и посвятил он стихотворение моему сыну Лаци, которому в ту пору было три года и Петефи его очень любил. Дети тоже очень любили Петефи... так как он умел быть очень милым, если хотел». В августе Лаци знал уже стихотворение, посвященное ему, наизусть, об этом свидетельствует письмо Яноша Араня к Петефи от 25 августа 1847 года: «Лаци знает твоё стихотворение, посвященное ему, наизусть, и гордится им чрезвычайно. Кто бы ни заходил к нам в дом, знакомые или чужие, — он первым делом разыскивает бумажку и начинает показывать стихотворение, хвалясь, что это прислал ему дядя Петефи и он привезет ему еще и лошадку». Позднее Ласло Арань стал тоже поэтом, написал несколько поэм, лучшая из них «Герой миража». Ласло Арань сыграл большую роль в собирании венгерского фольклора.

Стр. 204. *Знамя*. — Написано в январе 1848 года. 19 марта 1848 года, через четыре дня после провозглашения революции, журнал «Элеткепек» писал в связи с этим стихотворением о Петефи: «Поэты, видимо, провидцы мировых событий».

Стр. 205. *Национальная песня*. — Написана Петефи 13 марта 1848 года на случай предполагавшегося 19 марта праздника левой радикальной молодежи, которая хотела таким образом отметить день французской революции 1848 года. Сперва это стихотворение, по рассказу очевидцев, начиналось словами «Вперед, мадьяр», — но один юноша, присутствовавший на первоначальном чтении, сказал Петефи: «Дружище, мадьяра-то нужно сперва на ноги поставить, только потом сможет он ринуться вперед». После этого поэт исправил это место на «Встань, мадьяр!» «Национальная песня» — первое произведение, появившееся в венгерской печати после освобождения ее от цензурного гнета. Она была напечатана большинством современных газет. Кроме того, ее выпустили отдельными листовками в столице и в провинции, и она сразу же стала гимном венгерской революции. В знаменательный день 15 марта сам поэт читал ее на народных митингах, и революционная молодежь повторяла вслед за ним слова клятвы. Первый экземпляр «Национальной песни» Петефи послал своему другу Яношу Араню со следующей надписью: «Это первый экземпляр, напечатанный после завоевания свободы печати 15 марта 1848 года, таким образом это первое дыхание свободы».

Стр. 206. *Восстало море*. — 27 марта 1848 года в Пеште разнеслась весть о том, что существование независимого национального правительства стоит под угрозой. Указ от 28 марта подтвердил эти вести: король отказался от слова, данного им 17 марта 1848 года. В ночь на 30 марта огромные толпы народа вышли на площадь Свободы. Раздавались угрожающие крики: «К оружию», «Долой немецкое правительство». Волнения продолжались и весь следующий день; улеглись они только после того, как 31 марта был зачитан новый королевский указ, оставлявший в силе положение о независимом национальном правительстве. В эти бурные дни и написал Петефи стихотворение «Восстало море».

Стр. 207. *Королям*. — Написано в те же бурные дни конца марта 1848 года, первоначально было напечатано в виде листовки. Как пишет сам Петефи, «оно было первым откровенным выражением республиканских взглядов в Венгрии». Именно поэтому стихотворение и вызвало такое яростное негодование в реакционных кругах. История этого стихотворения описана в «Политических статьях» Петефи. М у н к а ч — замок, принадлежавший Илоне Зрини, матери Ференца Ракоци II. Она три года героически выдерживала в нем осаду австрийских войск. Впоследствии этот замок был превращен в тюрьму, куда заключали борцов за свободу.

Стр. 208. *Ты задрожал, о сброд презренный...* — Написано в связи с отказом большинства газет печатать революционные призывные стихи Петефи.

Стр. 212. *К нации*. — Написано под впечатлением поражений венгерской национально-освободительной армии на южном фронте, поражений, вызванных предательством командования. Начальные строфы стихотворения совпадают с первыми строфами прокламации, написанной Петефи в середине сентября 1848 года по поручению «Общества равенства»: «Скорбь и борьба кричат нашими устами; наши слова, как вой ветра, врывающийся в набат: «Пожар, пожар!..» Не деревня, не город,

целая страна горит. Они разбудили всю нацию! Подымайтесь, ребята! Если не встанете сейчас, будете лежать до скончания мира».

Стр. 215. *Венгерец вновь венгерцем стал!* — Напечатано 6 августа 1848 года, вдохновлено тем знаменательным днем в Национальном собрании, когда после воодушевленной речи Кошута депутаты собрания согласились дать 42 миллиона форинтов на вооружение двухсоттысячного войска.

Стр. 216. *На виселицу королей!* — Написано в декабре 1848 года. При жизни Петефи не было напечатано. Впервые увидело свет в 1874 году. После отречения Фердинанда австрийским императором стал Франц-Иосиф. В своем «Воззвании к венгерской нации» он требовал безусловного повиновения и грозил мятежникам суровыми карами. Стихотворение Петефи было ответом на воззвание императора. Л а м б е р г, Ф р а н ц - Ф и л и п п (1791—1848) — граф, генерал австрийской армии. В связи с императорским указом о роспуске венгерского парламента был назначен наместником и главнокомандующим венгерской армии; был убит разгневанными массами на Корабельном мосту, в то время, когда вез из Буды в Пешт указ о роспуске парламента. Л а т у р, Т е о д о р Б а й е (1780—1848) — австрийский военный министр, один из главарей реакции; был повешен в Вене революционным народом 6 октября 1848 года.

Стр. 217. *Тиха Европа*. — Впервые напечатано в газете «Кёзлень» («Известия») со следующим примечанием редакции: «Мы хотим услужить милым читателям, помещая на страницах газеты стихи нашего самого популярного поэта». К концу 1848 года революция в странах Европы была подавлена. 31 октября войска Виндишгреца заняли Вену и началась расправа с повстанцами. В это время уже только одни венгерцы отражали удары контрреволюции. Об этом последнем этапе венгерской революционно-освободительной войны Маркс и Энгельс писали: «Впервые в революционном движении 1848 г., впервые после 1793 г. нация, окруженная превосходными силами контр-революции, осмеливается противопоставить трусливой контр-революционной ярости революционную страсть...» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. VII, стр. 271). «Они еще не побеждены. Но если они падут, то падут с честью, как последние герои революции 1848 г. ...» (Т а м же, стр. 282.) В этот героический период венгерской истории и было написано стихотворение Петефи.

Стр. 218. *Я говорю, что победит мадьяр...* — Напечатано впервые 15 марта 1849 года в газете «Кёзлень» со следующим примечанием редакции: «В славную годовщину революции вряд ли можем мы преподнести нашим читателям лучший подарок, чем стихотворение Петефи».

Стр. 220. *Явилась смерть...* — Написано под впечатлением от побед революционной армии весной 1849 года и занятия венгерскими войсками замка Буда.

Стр. 221. *Ужаснейшие времена!* — Последнее стихотворение Петефи.

Стр. 221. *Волшебный сон*. — Написано в начале 1846 года. Эта поэма относится к тому недолгому периоду в творчестве Петефи (конец 1845 — середина 1846 года), когда поэт, под влиянием ожесточенных нападков реакционной критики и ряда неудач в личной жизни, покинул Пешт и поселился на время у своих родителей в Салк-Сентмартоне. В этот период он создал ряд романтических, мрачных произведений, в которых выразил все свое отчаянье, гнев и презренье к окружающему его феодальному миру. Он создал в это время цикл стихов «Тучи», поэмы: «Проклятие любви», «Волшебный сон», «Пишта Силай» и «Шалго», роман «Петля палача» и пьесу «Тигр и гиена». Основным мотивом всех этих произведений, за исключением поэмы «Волшебный сон», является мотив мести. В поэме «Волшебный сон» поэт, спасаясь от горестей настоящего, уходит в воспоминания о прошлом — о первой любви и первой дружбе. Этот период пессимизма, некоторого романтического отхода от действительности кончился у Петефи, как только он пришел к сознанию того, что бесплодные романтические грезы не приводят ни к чему, что мир следует преобразовать путем социальной борьбы.

Стр. 227. *Судья*. — Эту реалистическую и сатирическую поэму Петефи начал писать в октябре 1847 года в Колто, где он проводил первый месяц после женитьбы. Затем он продолжал писать ее в Пеште, но не закончил, приступив к работе над поэмой «Глупый Ишток».

До 1848 года, согласно венгерской конституции, глава комитета назначал присяжных судей. Это было в какой-то мере почетным званием. Для передовой революционно-настроенной молодежи

Венгрии сороковых годов название «судья» стало символом невежества, косности и тупости венгерского провинциального дворянства. Судьи часто служили предметом насмешек для передовых молодых писателей Венгрии. Петефи с убийственным сарказмом заклеил судей в стихах: «Пал Пато», «Венгерский дворянин» и др. В лице судьи Тамаша Федьвереша Петефи стремился дать широкий обобщенный образ противника всякого прогресса, реакционера, лентяя и невежду, сопротивляющегося всем передовым устремлениям в венгерском обществе того времени. Тамашу Федьверешу Петефи собирался, видимо, противопоставить его сына, воплотив в нем лучшие черты передовых людей Венгрии.

ЯНОШ АРАНЬ

Стр. 267. *Уэльские барды*. — Написано в 1857 году, в связи с предполагавшейся поездкой австрийского императора по его венгерским владениям. Сам Арань снабдил эту балладу следующим примечанием: «Историки подвергают этот факт сомнению, тем не менее легенда держится упорно, что английский король Эдуард I после завоевания Уэльса (1277) приказал казнить пятьсот бардов, чтоб они не воспевали славного прошлого нации и не побуждали народ к бунту против английского ярма».

ЙОЖЕФ ЛЕВАИ

Стр. 283. *Революция*. — Написано в дни венгерской революции 1848 года.

Стр. 285. *Микеш*. — Микеш, Келемен (1690—1761) — первый крупный венгерский прозаик. Родился в дворянской семье в Загоне. Семнадцати лет стал пажом при дворе Ференца Ракоци II. После поражения освободительной войны 1703—1711 годов Микеш вместе с Ракоци отправился в эмиграцию в Польшу, затем во Францию и оттуда в 1717 году в Турцию, где они поселились в Родосе. В 1735 году Ракоци умер, а Микеш еще четверть века влачил жизнь изгнанника. Во время вступления на престол императрицы Марии-Терезии Микеш подал прошение, чтоб ему разрешили вернуться на родину, но императрица отклонила его просьбу. Одиноким, похоронив уже всех своих товарищей, он умер в 1761 году. В ссылке Микеш написал свою известную книгу «Турецкие письма».

КАЛЪМАН ТАЛИ

Стр. 289. *Где Гарам сливается...* — В стихотворении описан героический эпизод штурма венгерскими повстанцами-куруцами замка Эстергома, расположенного в том месте, где Гарам впадает в Дунай. Замок Эстергома всегда был пристанищем венгерской реакции. Гарам — левый приток Дуная. Фодор, Ревая, Лочия, Эссе, Чаяги — полководцы, сподвижники Ференца Ракоци II.

ЭНДРЕ АДИ

Стр. 303—304. *Поэт Хортобади, Души на аркане*. — Напечатаны в сборнике «Новые стихи» (1906). Как бы подтверждая ощущение, выраженное в этих стихах, Ади в одном из своих «Парижских писем» объясняет свое положение венгерца и поэта в полуфеодальной, полукOLONиальной Венгрии, когда главенствующую роль в культуре пытались играть торгаши и предприниматели: «...Странный варвар — не такой уж варвар. Он горемычный сын нашей страны, и он никогда не будет достаточно ловким для жизни. В его стране достигают удачи только ловкие торгаши. Вся действительность принадлежит торгашам, которые, хохоча, калечат чувствительные, тонкие, гордые души». В 1913 году в своей «Автобиографии», возвращаясь к этому, мучившему его всю жизнь вопросу, Ади писал: «Мои произведения, особенно стихи, вызывали попросту возмущение: меня уже называли безумцем, комедиантом, непонятно бессмысленным, невенгерским, изменником родины — словом, я достиг всего того, что мог достигнуть в Венгрии новый поэт, — и я не умер».

Стр. 304. *Осень прокралась в Париж*. — Напечатано в сборнике «Кровь и золото» (1907). Это одно из первых стихотворений Ади, посвященных Парижу, куда он поехал впервые в 1904 году, надеясь укрыться от преследовавших его венгерских реакционеров. «Одна и та же сила, — писал Ади, — гонит с Дуная и меня и венгерского крестьянина. Крестьяне уезжают из-за отсутствия хлеба, а люди такого рода, как я, из-за того, чего в стране недостает даже в большей степени, чем хлеба. Исправничий режим не терпит ни урчания желудка, ни душевного голода... Велика наша вина, потому что мы посмели быть такими, какие есть».

Стр. 304. *Павушка на крышу...* — Напечатано в сборнике «Кровь и золото». Русская революция 1905 года оказала огромное влияние на передовые круги венгерского общества. Ади — самый передовой революционный писатель своей страны — также откликнулся целым рядом стихотворений и статей на это событие всемирно-исторического значения. В этой накаленной атмосфере, насыщенной предчувствием грядущих революционных событий, написал Ади стихотворение «Павушка на крышу...». Начальные строки этого стихотворения — слова известной венгерской народной песни. Пава благодаря своему особенному оперению с древнейших времен считалась птицей, символизирующей бессмертие. В данном стихотворении она предвещает грядущие общественные преобразования.

Стр. 307. *Зов святого июня*. — Напечатано в сборнике «Кровь и золото». Это стихотворение, как и все предыдущие любовные стихи, посвящено Леде, подлинное имя которой — Адель Брюль. Ади был близок с ней с 1903 по 1913 год, и она сыграла огромную роль не только в его личной жизни, но и в формировании его как поэта. Самые значительные произведения любовной лирики Ади посвящены Леде. По собственным его словам, он поставил ей в стихах «золотую статую».

Стр. 307. *От Эра до Океана*. — Заключительное стихотворение сборника «Кровь и Золото». Эр — маленькая речушка в деревне Эрминдсент — родине Ади. С а м о ш, К р а с н а — притоки реки Тиссы.

Стр. 308. *Песнь венгерского яkobинца*. — Напечатано в сборнике «На колеснице Ильи пророка» (1908). О л т — правый приток Дуная, впадает в Дунай на территории Румынии.

В 1907 году Ади писал в одной из статей: «Я верю и провозглашаю, что для Венгрии революционное обновление неизбежно. Уже пришел благостный вихрь, его предвещают герольды — священные буревестники. В политике, обществе ощущается еще только беспокойство. В литературе, искусстве, науке — всё пронзают молнии уверенности. И как же красны, святы, оборваны и все-таки богаты в Венгрии люди новых стремлений, новых душ...»

Стр. 308. *Зимняя Венгрия*. — Напечатано в сборнике «На колеснице Ильи пророка». Родители Ади всю жизнь прожили в деревне. Ади, не порывавший связи с деревней, несколько раз в году приезжал в гости к родителям.

Стр. 309. *Витез Михай Чоконай*. — Напечатано в сборнике «На колеснице Ильи пророка». Чоконай — выдающийся венгерский поэт, всю жизнь гонимый и непризнанный (см. предисловие). Ади писал о нем: «Наиболее близким к себе из всех венгерских поэтов я ощущаю Витеза Михая Чоконай».

Стр. 309. *Твое великое тепло*. — Напечатано в сборнике «На колеснице Ильи пророка». Посвящено Леде.

Стр. 309. *На пиришестве Дьёрдя Дожи*. — Напечатано в сборнике «На колеснице Ильи пророка». Образ вождя крестьянского восстания 1514 года — Дьёрдя Дожи, которого после подавления восстания сожгли на раскаленном железном троне и сподвижников заставили съесть его труп, — образ этого революционного героя венгерской истории всю жизнь привлекал Ади. Доже Ади посвятил ряд революционных стихотворений. В этих стихах поэт выступил как выразитель чаяний и революционных устремлений венгерского угнетенного крестьянства. В 1912 году он замыслил даже написать драму о своем любимом герое, но этот замысел остался неосуществленным.

В одной из своих статей Ади как бы еще раз объясняет сущность своих стихов о Доже: «Трагедия Дожи — это истинная трагедия миллионов венгерцев. Властители Венгрии нас тоже изжарят и заставят сожрать друг друга... Пусть борющийся против феодализма народ Венгрии воздвигнет памятник Дьёрдю Доже в знак того, что мы тоже не забываем, что наша борьба серьезна».

Стр. 310. *На графском гумне*.— Впервые напечатано в газете социал-демократической партии «Непсава» («Слово народа»). Помещено в сборнике «На колеснице Ильи пророка».

Стр. 312. *Внук Дьёрдя Дожи*.— Впервые напечатано в газете социал-демократической партии «Непсава». Выходец из мелкопоместной дворянской семьи, Ади был «дворянином в лаптях», как называли бедных дворян в Венгрии. В бедном дворянине — вожде крестьянской революции Дьёрдые Доже — он видел своего «предка».

Стр. 314. *Корабль в тумане*.— Напечатано в сборнике «Хотел бы, чтоб меня любили» (1909). Стихотворение проникнуто предчувствием революции, к которой Ади неустанно призывал тех людей Венгрии, о которых думал, что они «плывут с ним на одном корабле». Он писал в 1909 году о прогрессивной литературе Венгрии: «Новая, проклинаемая (к тому же действующая без политической программы) венгерская литература является, вероятно, предвестницей запоздавшего социального преобразования, которое, однако, уже не может быть отложено на долгие сроки... Даже самый умный бог не знает, когда освободит нас социализм экономически, но души наши он уже освобождает...»

Стр. 314. *Друг Тамаша Эссе*.— Напечатано в сборнике «Хотел бы, чтоб меня любили». Революционная поэзия куруцев — героев венгерской национально-освободительной борьбы против немцев (1703—1711) — оказала большое влияние на венгерских поэтов, в том числе и на Эндре Ади, который считал себя наследником традиции этой поэзии. Эссе, Тамаш — один из известнейших полководцев Ракоци, самый последовательный представитель интересов крестьянства, много раз воспетый в песнях куруцев. Погиб в 1708 году. Мункач — крепость Ракоци.

Стр. 316. *В безумии сердцебиения...* — Напечатано в сборнике «Хотел бы, чтоб меня любили». Это стихотворение перекликается с таким заявлением Ади: «Жизнь прекрасна всегда и всюду. Моя душа часто валялась в пыли и грязи, но перед ней всегда вставали новые и новые высоты жизни».

Стр. 317. *Морские каракули*.— Напечатано в сборнике «Хотел бы, чтоб меня любили». Написано в ответ на травлю, которая велась против Ади кругами венгерских модернистских литераторов, проповедников теории «искусства для искусства», преследовавших Ади за то, что он прямо и во всеулышание заявил о своем нежелании быть знаменем декаданса в венгерской литературе.

В журнале «Социализм» Ади высказал свой взгляд на передовую венгерскую поэзию. «Может быть, новое возрождение венгерского духа — это новая революция, которая проявляется покамест только в виде литературных споров между беспокойными и нервными людьми; она вырастает в серьезную революцию... Я радуюсь, что мне выпало счастье написать первым, во всяком случае открыто, что все это новое литературное движение никогда не могло бы возникнуть без развития венгерского социализма. Эта новая литература, которая издавна и с точки зрения феодалов и буржуа не кажется социалистической (да, наверно, ее и нельзя считать таковой), существует, однако, благодаря социализму и вместе с социализмом. Эта война в литературе является детищем социальной войны — ведь как раз поэтому так ее и бояться».

Стр. 318. *Сладко дремлет нищета*. — Напечатано в сборнике «Хотел бы, чтоб меня любили». Одно из самых значительных стихотворений Ади о пролетариате Будапешта. В статье о столице Венгрии Ади пишет: «Кому же должен принадлежать Будапешт?.. Магнаты, очинившиеся джентри, богатые евреи, безмозглые буржуа, громадная каста рыцарей промышленности, писатели и художники Будапешта — отвратительны... Кому же должен принадлежать Будапешт и кому должна принадлежать страна? Только тем, которые находятся внизу, — народу, жаждущему культуры».

Стр. 322. *Чем хуже жизнь*.— Напечатано в сборнике «Стихи всех тайн» (1910). «Я исповедую и провозглашаю, что нет ничего ценнее, могучей и прекраснее жизни», — писал Ади в одной из своих статей, как бы подтверждая «эвое» жизни, провозглашенное в этом стихотворении. Еще в 1902 году Ади заявлял: «Жизнь не знает траурных маршей, она знает только гимны — звучные, торжественные, жизнерадостные гимны».

Стр. 325. *Несемся в революцию*. — Напечатано в сборнике «Наша любовь» (1913). За это стихотворение, помещенное в будапештской, затем перепечатанное в провинциальной газете, Ади был привлечен к судебной ответственности «за нападки на конституционный государственный строй». В статье «Преступное стихотворение», написанной по этому поводу и напечатанной в газете «Вилаг», Ади пишет:

«Странная у меня история с этими политическими стихотворениями, которые я пописываю иногда с превеликим гневом и удовольствием и за которые меня всегда ругают мои друзья эстеты. Они считают, что такими стихами я принижаю себя... Я не повинен в том, что меня интересует, волнует, занимает... проблема, судьба и мучение венгерцев и меня — венгерца. Я не умею элегантно, утонченно транспонировать происходящее кругом в прошлое или будущее, а так как я сильнее всего, вероятно, в стихах, то стихами и врываюсь я в эту звучащую кругом политическую какофонию».

Ади выступил в этом стихотворении как глашатай борьбы за свободу и независимость Венгрии, как общественный обвинитель «гестского безумца» — реакционного премьер-министра Венгрии графа Иштвана Тиссы, который жесточайшим образом подавлял революционное движение в Венгрии.

Стр. 328. *Голос ужаса*.— Этим стихотворением Эндре Ади, потрясенный первой мировой войной, встретил новый, 1915 год. Это одно из первых его антивоенных стихотворений, прозвучавших в стране, где почти все, в том числе и социал-демократическая партия, поддались шовинистической лихорадке. Ади, уже тяжело больной, живший в это время в замке Чуча, на границе Румынии, и видевший каждый день, как мимо замка идут воинские эшелоны, в ответ на обвинения, что он не желает писать шовинистических стихов, заявлял: «Как же могут представить себе сии злопыхательствующие фантазеры, что эта война может иметь своего Петефи? Когда-нибудь, если я останусь жив и буду иметь на это право, то объясню, сколь несчастен в теперешние времена каждый думающий и чувствующий мадьяр». Но уже в ноябре 1916 года в письме к брату Ади, очнувшийся от первого ощущения ужаса перед войной, снова заговорил голосом революционера: «Я страдаю много, но все-таки верю, что должен вынести эту адскую жизнь, должен пройти через нее. Я должен вмешаться в первые движения этого нового, необычного мира. Я хочу присутствовать и буду присутствовать при том, как станут забивать гвозди в гроб старого мира».

Стр. 330. *В юных сердцах*. — Напечатано в последнем сборнике «Во главе мертвецов» (1918).

Одиночество Ади, почти единственного венгерского поэта, не поддавшегося шовинистическому угару, усугублялось еще той кампанией клеветы, которую вели против него буржуазно-шовинистические писатели Венгрии. Антивоенные стихи Ади цензура не пропускала, и они оставались в ящике его письменного стола до выхода книги «Во главе мертвецов». «Стихи для ящика письменного стола, — писал Ади своему брату, — мне не подходят: ты же знаешь меня... О, сколько превосходных пурпурно-красных стихотворений погибло во мне до их рождения, меня поддерживает только то, что людям нужны мои стихи не как война, а как сила». Это ощущение, что его стихи нужны передовым людям Венгрии, особенно лучшей части молодежи, было единственным, что придавало силы Эндре Ади в эти тяжелые дни.

АНДОР ГАБОР

Стр. 363. *Орговань*.— Написано в Вене в 1920 году. Орговань — лес близ города Кечкемета, где во время белого террора по приказу регента Венгрии Хорти были замучены и убиты сотни революционеров.

ЭМИЛЬ МАДАРАС

Стр. 375. *Чепель*. Чепель — остров около Будапешта, где находится крупнейший в Венгрии завод. В 1919 году с радиостанции, находившейся на этом острове, известили Ленина о том, что в Венгрии победила советская власть.

Стр. 376. *В Шегешваре*. Шегешвар — венгерский город; недалеко от него произошла знаменитая битва венгерских революционных войск с армией интервентов. В этой битве видели в последний раз Шандора Петефи. Шаркань, Виллам — клички лошадей, по-русски озабочающие Дракон, Молния.

АНАТОЛЬ ГИДАШ

Стр. 389. *Стонет Дунай*. Уйфехерт, Надудвар — венгерские деревни. Черные руки вздымают мосты. — Перед освобождением Будапешта советскими войсками в 1945 году фашисты взорвали дунайские мосты — гордость Будапешта.

Стр. 394. *Венгерская весна.* — Написано в 1949 году к тридцатилетней годовщине со дня провозглашения венгерской пролетарской диктатуры. Чепельский полк. — В 1919 году для защиты советской республики заводы и фабрики сформировали рабочие отряды. Крупнейшим из них был чепельский полк. Проспект Андраши. — 3 мая 1919 года на проспекте Андраши в Будапеште проходил первый смотр рабочих полков. «Вольфнер», «Ганс», «Вулкан», «Оружейный завод», «Электрическая компания» — заводы Будапешта. Бекеш, Шомодь — комитаты Венгрии. На мосту Фердинандском флаги. — В конце декабря 1944 года часть Будапешта была освобождена от фашистов, а 13 февраля 1945 года Советская Армия освободила Будапешт полностью. Там, над излучиной Тиссы, встал Красной гвардии отряд. — У излучины Тиссы произошло последнее сражение венгерской Красной Армии в 1919 году.

ДЬЮЛА ИЙЕШ

Стр. 415. *Юность.* — Поэма «Юность» написана в память о венгерской пролетарской диктатуре 1919 года, во время которой Ийеш служил в венгерской Красной Армии и участвовал в боях против наступающих войск международной реакции.

Стр. 430—431. *Письмо, Ветер.* — Написаны в конце тридцатых годов, когда на Венгрию, уже и без того долгие годы придавленную жестоким антинародным режимом Хорти, надвигалась черная тень немецкого фашизма.

Стр. 431. *Медведь.* — Написано в 1939 году, напечатано впервые после освобождения Венгрии. Стихотворение это является живым свидетельством того ужаса, той бесчеловечности, которые принес в Венгрию фашизм, и вместе с тем ощущения бессилия, одиночества, которым были временно охвачены некоторые представители венгерской прогрессивной интеллигенции.

Стр. 432. *Без крова, Весна.* — Из цикла стихов «Инкогнито», написанных в 1944 году, когда Дьюле Ийешу пришлось скрываться от преследования фашистов. Впервые напечатаны после освобождения Венгрии в сборнике стихотворений Ийеша «Глядя в упор».

Стр. 433—434. *Плуг идет... Буда, май 1945 года, Кровельцики.* — Стихи, написанные вскоре после того, как Советская Армия освободила Венгрию от ига немецкого фашизма.

МИКЛОШ РАДНОТИ

Стр. 437. *Испания.* — Стихотворение было написано в 1937 году, в дни битв испанского народа за свою свободу.

Стр. 438—439. *Поэт, Я существую, Пятница.* — Стихи, написанные в тот период, когда власть в Венгрии переходила в руки немецких фашистов и прогрессивные писатели, подобные Радноти, все больше предчувствовали роковую участь, которую готовили гитлеровские сподручные венгерскому народу и его прогрессивным деятелям культуры.

ЗОЛТАН ЗЕЛК

Стр. 444. *У могилы советского солдата.* Зуго — рабочее предместье Будапешта.

Стр. 444. *Ангелы.* — Золтан Зелк во время второй мировой войны был отправлен фашистами за свои политические взгляды в штрафной рабочий батальон, который был пригнан на восточный фронт. В стихотворении «Ангелы» поэт вспоминает о добрых и героических русских женщинах, которых он увидел в России.

Стр. 446. *Утро в Зуго.* Фемлемез — будапештский завод. Уйпешт — фабричное предместье Будапешта. Шалготарьян — рудничный поселок на севере Венгрии.

ПЕТЕР КУЦКА

Стр. 462. *Мир.* А паднами ветку пальмы... — Речь идет о статуе Свободы, поставленной в Будапеште в честь освободительницы, Советской Армии. Статуя изображает женщину, которая держит над головой пальмовую ветвь.

ВЕНГЕРСКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

Стр. 511—512. *Песня Якоба Буги, Куруц в изгнании.* — Созданы после поражения восстания Тёкёли, когда вожди куруцев были вынуждены бежать, а солдаты-повстанцы частью остались брошенными на произвол судьбы, в нищете и унижении, частью же ушли в изгнание и, тоскуя по родине, страдали на чужбине.

Стр. 513—514—515. *Палко Чином, Добрый старый наш народ... Ракоци в изгнании.* — Относятся к поэзии куруцев эпохи национально-освободительного восстания 1703—1711 годов. Палко Чином — боевая песня куруцев, до сих пор пользующаяся в Венгрии большой популярностью. Добрый старый наш народ. — Эта знаменитая песня, как и «Ракоци в изгнании», до сих пор является предметом спора в венгерском литературоведении. Некоторые утверждают, что они являются в какой-то мере плодом творчества ученого и поэта Кальмана Тали, собирателя и исследователя поэзии куруцев. Другие утверждают, что он составил эти песни из отрывков различных оригинальных песен куруцев. Песня «Добрый старый наш народ» была впервые напечатана Кальманом Тали в 1872 году. В комментарии к песне Тали пишет, что она возникла в 1708 году после тренченского поражения куруцев. Берчени, Миклош, граф (1665—1725) — полководец и друг Ракоци. Уехал вместе с ним в эмиграцию и так же, как и он, скончался в Турции. Безереди, Имре — полковник армии Ракоци. Ракоци в изгнании. Райта — боевой приказ, означающий по-венгерски «Вперед». Боттян, Янош (1640—1709) — генерал армии Ракоци. Пекри — сподвижник Ракоци. Майтенское поле — местность, где сложил оружие предатель Шандор Карой.

Стр. 524—525—526. *Банди Андьал, Песня о Шандоре Дако, В воскресенье пополудни... Йозсеф Варади.* — Из цикла бетьярских песен-баллад. Бетьярами — своеобразными разбойниками — становились большей частью венгерские бедные крестьяне, дезертировавшие из австрийской армии или сбежавшие от помещика. Это были бунтари-одиночки. Действовали они большей частью небольшими группами. Венгерский народ говорил, что они «берут у богатого и отдают бедному». Некоторые группы бетьяров занимались просто воровством и разбоем, другие же стремились к установлению социальной справедливости. Один из наиболее знаменитых бетьярских атаманов Шандор Рожа получил в 1848 году от венгерского революционного правительства амнистию и вместе со своей повольницей принял участие в революционной войне.

Литературно-биографические справки, помещенные в настоящей Антологии, принадлежат А. Красновой.

СОДЕРЖАНИЕ

Анатоль Гидаш — Демократические традиции венгерской поэзии	5
--	---

ВЕНГЕРСКАЯ ПОЭЗИЯ

Петер Борнемисса — Как грустно, что с тобой расстаться должен я... Перевод Н. Чуковского	53
Балинт Балаши — Журавлям. Перевод Н. Чуковского	57
Рухнут в конце концов... Перевод Л. Мартынова	58
Как плачет соловей... Перевод Н. Чуковского	59
О, как несчастен я! Перевод Н. Чуковского	59
Мольба изгнанника. Перевод Н. Чуковского	60
Миклош Зрини — Время на крыльях летит. Перевод Н. Чуковского	65
Сигетское бедствие (Отрывок из поэмы). Перевод Н. Чуковского	66
Иштван Дьендеш — Янош Кемень (Отрывок из поэмы). Перевод Н. Чуковского	71
Йожеф Гвадани — Поездка деревенского нотариуса в Буду (Отрывки из поэмы). Перевод И. Миримского	77
Ференц Казинци — Посвящение. Перевод Н. Чуковского	83

Поэт. Перевод Н. Чуковского	84
Тем, кто калечит язык. Перевод Н. Чуковского	84
Янош Бачани — На перемены во Франции. Перевод Л. Мартынова	87
Провидец. Перевод Л. Мартынова	87
Витез Михай Чокони — Вечер. Перевод Н. Чуковского	91
Прощение. Перевод Н. Чуковского	93
Клятва. Перевод Н. Чуковского	93
Тиханьскому эхо. Перевод Н. Чуковского	94
К надежде. Перевод Н. Чуковского	95
Любовная песнь к фляжке в жеребьячей шкуре. Перевод Н. Чуковского	95
Бедная Жужи на привале. Перевод Н. Чуковского	97
Михай Фазекаш — Мати Лудаш. Перевод Н. Тихонова	101
Даниэль Бержени — Наступающая зима. Перевод Н. Чуковского	113
Отрывок из письма моей подруге. Перевод Н. Чуковского	114
К Пештскому мадьярскому обществу. Перевод Л. Мартынова	114
Шандор Кишфалуди — Из цикла «Горестная любовь Химфи». Там, где в детстве обитал я... Ласточки нас покидают... Перевод Н. Чуковского	119
Ясно речь твоя звенела. Дни проходят, дни уходят. Перевод Н. Чуковского	120

Из цикла «Счастливая любовь Химфи»	
Уже последняя отава. Перевод Н. Чуковского	120
Ференц Кёльчеи — Гимн. Перевод Л. Мартынова	123
Лодка. Перевод Л. Мартынова	124
Глухо. Перевод Л. Мартынова	125
Карой Кишфалуди — Желтый лист. Перевод Н. Чуковского	129
Тот, кто любит так... Перевод Н. Чуковского	130
Ракошский пахарь под турецким игом. Перевод Н. Чуковского	130
Гергей Цуцор — Деревенская девушка в Пеште. Перевод В. Левики	133
Тревога. Перевод Н. Чуковского	135
Йожеф Байза — Вечерняя заря. Перевод Н. Чуковского	139
Вдох. Перевод Н. Чуковского	140
Мольба. Перевод Н. Чуковского	140
Пророчество. Перевод Н. Чуковского	141
Михай Вёрёшмарти — Пустая корчма. Перевод Н. Чуковского	145
Черные глаза. Перевод Н. Чуковского	146
Герб Венгрии. Перевод Н. Чуковского	146
Призыв. Перевод Н. Чуковского	146
Песня Фоти. Перевод Н. Чуковского	147
Горькая чаша. Перевод Л. Мартынова	148
Песня студента словака. Перевод Л. Мартынова	149
Мечта. Перевод Н. Чуковского	150
Люди. Перевод Л. Мартынова	150
Дом Сейма. Перевод Л. Мартынова	151
Гёргей. Перевод Н. Чуковского	152
Предисловие. Перевод Л. Мартынова	153
Старый цыган. Перевод Л. Мартынова	154
Янош Гараи — Отставной солдат. Перевод Н. Тихонова	159
Свободен нынче Венгрии народ. Перевод Л. Мартынова	165
Йожеф Этвёш — Не нынче завтра... Перевод Н. Чуковского	169
Хотелось бы и мне... Перевод Н. Чуковского	170
К озеру. Перевод Н. Чуковского	171
Завещание. Перевод Н. Чуковского	171
Шандор Петефи — Любовь и свобода. Перевод Л. Мартынова	175
Мечта. Перевод Л. Мартынова	175

Патриотическая песня. Перевод Л. Мартынова	176
На осле сидит пастух... Перевод Н. Тихонова	177
Если девушки не любят... Перевод В. Левики	177
Чоконан. Перевод Н. Чуковского	177
Моя любовь. Перевод Б. Пастернака	178
Против королей. Перевод Л. Мартынова	179
В сто образов я облакаю любовь... Перевод Н. Тихонова	180
Если ты цветок... Перевод Б. Пастернака	180
Война приснилась как-то ночью мне... Перевод Н. Тихонова	181
Старый добрый трактирщик. Перевод Б. Пастернака	181
В альбом К. Ш. Перевод Л. Мартынова	182
Мажара с четверкой волков. Перевод Н. Тихонова	183
Развалины корчмы. Перевод Б. Пастернака	183
Сумасшедший. Перевод Л. Мартынова	185
Мечтаю о кровавых днях... Перевод Н. Тихонова	187
Меня тревожит лишь одно... Перевод Л. Мартынова	188
Кутякапаро. Перевод Б. Пастернака	189
Поэтам XIX века. Перевод В. Левики	190
Тисса. Перевод В. Левики	191
Тучи. Перевод Н. Чуковского	193
Скинй, пастух, овчину... Перевод Б. Пастернака	193
Герои в дерюге. Перевод Л. Мартынова	194
Лаци Араню. Перевод С. Маршака	194
Аист. Перевод В. Левики	195
Песня собак. Перевод Н. Тихонова	198
Песня волков. Перевод Н. Тихонова	198
У леса — птичья трель своя... Перевод Б. Пастернака	199
Бродяга. Перевод В. Левики	199
Все говорят, что я поэт... Перевод В. Инбер	200
Осенний ветер шелестит... Перевод В. Левики	201
Зимние вечера. Перевод Б. Пастернака	202
Знамя. Перевод Л. Мартынова	204
Степь зимой. Перевод Б. Пастернака	204
Национальная песня. Перевод Л. Мартынова	205
Восстало море. Перевод Н. Тихонова	206

Королям. Перевод Л. Мартынова	207
Жена и клинок. Перевод Л. Мартынова	208
Ты задрожал, о сброд презренный... Перевод В. Левики	208
На родине. Перевод Б. Пастернака	209
Малая Кумания. Перевод Б. Пастернака	210
К нации. Перевод В. Левики	212
1848. Перевод Л. Мартынова	213
Осень вновь... Перевод Б. Пастернака	215
Венгерец вновь венгерцем стал! Перевод Л. Мартынова	215
На виселицу королей! Перевод В. Левики	216
В конце года. Перевод Б. Пастернака	217
Тиха Европа. Перевод Н. Тихонова	217
Я говорю, что победит мадьяр... Перевод Н. Тихонова	218
Вновь жаворонок надо мной... Перевод Б. Пастернака	219
Явилась смерть... Перевод Л. Мартынова	220
Ужаснейшие времена! Перевод Л. Мартынова	221
Волшебный сон (Поэма). Перевод Б. Пастернака	221
Судья (Незавершенная поэма). Перевод И. Миримского	227
Михай Томпа — Мое жилище. Перевод В. Левики	241
Зимой. Перевод В. Левики	242
Праздник. Перевод В. Левики	243
Мир кипит. Перевод В. Левики	243
К аисту. Перевод В. Левики	244
Птица говорит своим птенцам. Перевод В. Левики	245
Янош Арань — Толди (Отрывок из поэмы). Перевод Н. Заболоцкого	249
Эх, вот так бы и всегда нам... Перевод Л. Мартынова	265
Соловей. Перевод М. Исаковского	265
Уэльские барды. Перевод Л. Мартынова	267
Янош Вайда — Что нового? Перевод В. Левики	271
Франция. Перевод В. Левики	272
Республика идет. Перевод В. Левики	273
Комета. Перевод В. Левики	274
Края моего детства. Перевод В. Левики	274
Осеннее. Перевод В. Левики	275
Затмение солнца. Перевод В. Левики	276
Уже редуют в небе тучи... Перевод В. Левики	276
На озере в камышах. Перевод В. Левики	276

Двадцать лет спустя. Перевод В. Левики	277
Смятение. Перевод В. Левики	277
Только раз тебя обнять... Перевод В. Левики	278
В Ваальском лесу. Перевод В. Левики	278
Йожеф Леваи — Революция. Перевод Л. Мартынова	283
Сбор винограда. Перевод Л. Мартынова	284
Микеш. Перевод М. Исаковского	285
Кальман Тали — Где Гарам сливается... Перевод М. Исаковского	289
Дьюла Ревицки — Петефи жив. Перевод Л. Мартынова	293
Пятнадцатое марта. Перевод Н. Чуковского	294
Йожеф Киш — Огни. Перевод Н. Чуковского	297
«Князь Потемкин». Перевод Н. Чуковского	299
Эндре Ади. — Поэт Хортобади. Перевод Л. Мартынова	303
Души на аркане. Перевод Л. Мартынова	304
Осень прокрасалась в Париж. Перевод Л. Мартынова	304
Павушка на крышу... Перевод Л. Мартынова	304
Всегда опаздываем всюду... Перевод Л. Мартынова	305
Дочерью была когда-то. Перевод Л. Мартынова	306
Дай мне твои глаза... Перевод Л. Мартынова	306
Я не могу идти к тебе. Перевод Л. Мартынова	306
Зов святого июня. Перевод Л. Мартынова	307
От Эрадо Океана. Перевод Л. Мартынова	307
Песнь венгерского якобинца. Перевод Л. Мартынова	308
Зимняя Венгрия. Перевод М. Исаковского	308
Витез Михай Чоконан. Перевод Л. Мартынова	309
Твое великое тепло. Перевод Л. Мартынова	309
На пиршестве Дьёрдя Дожи. Перевод Л. Мартынова	309
На графском гумне. Перевод Л. Мартынова	310
Звезда звезд. Перевод Л. Мартынова	311
Внук Дьёрдя Дожи. Перевод Л. Мартынова	312

Крестьянское лето. Перевод Л. Мартынова	312
Весенние вихри. Перевод Л. Мартынова	313
Мой грех. Перевод Л. Мартынова	313
Я останусь молодым. Перевод Л. Мартынова	313
Корабль в тумане. Перевод Н. Тихонова	314
Друг Тамаша Эссе. Перевод М. Исаковского	314
Старый слуга. Перевод Л. Мартынова	315
Безумная, смертельная ночь. Перевод Н. Тихонова	315
Смерть поэта Катулла. Перевод Н. Тихонова	316
В безумии сердцебиения.. Перевод Л. Мартынова	316
Морские каракули. Перевод Л. Мартынова	317
Смерть радуги. Перевод Л. Мартынова	317
Като на мессе. Перевод Н. Тихонова	318
Сладко дремлет нищета. Перевод Л. Мартынова	318
Сын пролетария. Перевод В. Инбер	319
Старики. Перевод М. Исаковского	319
Деревня в страхе. Перевод М. Исаковского	320
На осеннем знойном холме цветов. Перевод Л. Мартынова	320
Дай им, боже. Перевод Л. Мартынова	321
Телега в ночи. Перевод Н. Тихонова	321
Не верну тебе... Перевод Н. Тихонова	321
Бегство в покой. Перевод Л. Мартынова	322
Чем хуже жизнь. Перевод Л. Мартынова	322
Судно, которое продается. Перевод Л. Мартынова	322
Мать и дочь. Перевод В. Инбер	323
Урок истории для мальчиков. Перевод В. Инбер	323
Песня перед жатвой. Перевод Л. Мартынова	324
Последними смеяться будем. Перевод Л. Мартынова	324
Несемся в революцию. Перевод Л. Мартынова	325
Весна кровавых панорам. Перевод Л. Мартынова	326
Голос ужаса. Перевод Л. Мартынова	328
Проклятье нынешнего пророка. Перевод Л. Мартынова	328
Иду я к ждущим. Перевод Л. Мартынова	329

Свадьбу здесь лишь раз играли... Перевод Н. Тихонова	329
В юных сердцах. Перевод Л. Мартынова	330
Дьюла Юхас — Песня деревенского колокола. Перевод Н. Чуковского	333
Песня. Перевод Н. Чуковского	334
Рабочие на мосту. Перевод Н. Чуковского	334
Майский праздник. Перевод Н. Чуковского	334
Новое признание. Перевод Н. Чуковского	335
Арпад Тот — Серенада на рассвете. Перевод Н. Чуковского	339
Осенний вопрос. Перевод Н. Чуковского	340
Март. Перевод Н. Чуковского	341
Оскар Геллерт — 1848 год. Перевод М. Зенкевича	345
Шестьдесят шесть. Перевод Н. Чуковского	346
Три вершины. Перевод В. Луговского	346
Бела Балаж — Рождественская песня эмигранта в 1939 году. Перевод Н. Чуковского	351
На серебряную свадьбу. Перевод Н. Чуковского	352
Я верен свету твоему, звезда. Перевод Н. Чуковского	352
К портрету Сталина. Перевод Н. Чуковского	354
Шаролта Лани — Мечта о фиалке. Перевод Н. Чуковского	357
На новый год. Перевод Н. Чуковского	358
Весна победы. Перевод Н. Чуковского	358
Зеркало. Перевод Н. Чуковского	359
Мать зовет. Перевод Н. Чуковского	359
Андор Габор — Орговань. Перевод Л. Мартынова	363
Песня взрослым детям. Перевод Н. Чуковского	365
Женни Варнаи — Моему сыну солдату. Перевод И. Миримского	369
Жизнь! Свобода! Перевод И. Миримского	370
Восстань, мадьяр! Перевод И. Миримского	371
Эмиль Мадарас — Чепель. Перевод В. Нейштадта	375
В Шегешвар. Перевод Н. Тихонова	376
Кремль. Перевод Л. Мартынова	378
Аладар Комьят — Венгерская деревня. Перевод Н. Чуковского	381

Парижский вечер. Перевод Н. Чуковского	382
Марш интернациональных бригад. Перевод Н. Чуковского	382
Анатолий Гидаш — Севастополь. Перевод Л. Мартынова	387
Стонет Дунай. Перевод Н. Заболоцкого	389
Венгерская весна. Перевод Л. Мартынова	394
Аттила Йожеф — Марш молодых. Перевод Л. Мартынова	401
Тот, кто беден... Перевод Л. Мартынова	402
Памяти Ади. Перевод Л. Мартынова	402
Социалисты. Перевод Н. Чуковского	403
Наконец. Перевод Л. Мартынова	404
Что готовит судьба... Перевод М. Исаковского	404
Ночь окраины. Перевод Л. Мартынова	406
Горе. Перевод Л. Мартынова	407
Утомленные люди. Перевод Л. Мартынова	408
Осень. Перевод Л. Мартынова	408
Ночь зимы. Перевод Л. Мартынова	409
Горестно. Перевод Л. Мартынова	411
Пшеница. Перевод Л. Мартынова	411
Баллада о капиталистическом барыше. Перевод Л. Мартынова	412
Дьюла Ййеш — Юность (Отрывок из поэмы). Перевод М. Зенкевича	415
Была весна. Перевод М. Зенкевича	429
Лунный луч у двери дома... Перевод Л. Мартынова	430
Письмо... Перевод Л. Мартынова	430
Ветер. Перевод М. Зенкевича	431
Медведь. Перевод Л. Мартынова	431
Без крова. Перевод Л. Мартынова	432
Весна. Перевод Л. Мартынова	432
Плуг идет... Перевод М. Исаковского	433
Буда, май 1945 года. Перевод М. Зенкевича	433
Кровельщики. Перевод М. Зенкевича	434
Миклош Радноти — Испания. Перевод Л. Мартынова	437
Поэт. Перевод Л. Мартынова	438
Я существую. Перевод Л. Мартынова	438
Пятница. Перевод Л. Мартынова	439
Золтан Зелек — Стихи, стихи... Перевод Л. Мартынова	443
У могилы советского солдата. Перевод Л. Мартынова	444
Ангелы. Перевод М. Зенкевича	444
Приходи же, гость! Перевод М. Зенкевича	445
Утро в Зүгло. Перевод М. Зенкевича	446

16 мая 1949 года. Перевод А. Безыменского	447
Пять лет. Перевод В. Луговского	448
Ласло Бенъямин — Я жил в лесу. Перевод С. Кирсанова	453
Весна в Венгрии. Перевод Л. Мартынова	454
Ленин. Перевод Н. Чуковского	455
Вечно жить. Перевод Н. Чуковского	456
Оздские домны. Перевод С. Кирсанова	456
Петер Куцка — Далека была земля. Перевод М. Зенкевича	461
Мир. Перевод Л. Мартынова	462
Китай. Перевод И. Миримского	462
Радость. Перевод Л. Мартынова	463
Вперед. Перевод Л. Мартынова	464
Петефи. Перевод Л. Мартынова	464
Желание. Перевод Л. Мартынова	465
Подсчет. Перевод Л. Мартынова	466
О Нем. Перевод Л. Мартынова	467
Тамаша Ацел — Сталин. Перевод Д. Самойлова	473
Баланс. Перевод Л. Мартынова	474
Габор Девечери — Цепной мост. Перевод В. Луговского	477
Венгерскому собранию, посвященному борьбе за мир. Перевод Л. Мартынова	478
Ты мир народам дал! Перевод Л. Мартынова	479
Дьюла Тот — Небо блестит. Перевод Л. Мартынова	483
Рабочие. Перевод Л. Мартынова	484
Государственный универмаг. Перевод Л. Мартынова	484
Висла. Перевод Л. Мартынова	485
Строитель дорог. Перевод С. Кирсанова	486
О моей поэзии. Перевод С. Кирсанова	487
Лайош Коня — Облака летят. Перевод А. Жарова	491
Имя Сталина. Перевод А. Жарова	492
Приговор. Перевод В. Луговского	492
Планомерно, целеустремленно. Перевод Л. Мартынова	493
Ласло Ф. Надь — Капитан Христо Марков. Перевод В. Луговского	497
Девушки на сенокосе. Перевод Н. Грибачева	498
Димитрово — сердце страны. Перевод В. Луговского	498
Здравица. Перевод В. Луговского	499
Ференц Юхас — Песня о тракторе. Перевод Л. Мартынова	503

Пейзаж. Перевод Л. Мартынова	504	За всю ту ночь... Перевод Н. Тихонова	533
Крылатый конь. Перевод Л. Мартынова	505	Храни ту улицу, господь... Перевод	
На пашне. Перевод С. Кирсанова	506	Н. Тихонова	534
Добрая здравица. Перевод С. Кирсанова	506	Что, бедняжка роза... Перевод Н. Тихонова	534
Клепальщики. Перевод И. Миримского	507	Три дороги предо мной... Перевод Н. Ти-	
ВЕНГЕРСКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ			
Песня Якоба Буги. Перевод М. Исаковского	511	хонова	534
Куруц в изгнании. Перевод М. Исаковского	512	Для того звезда, чтоб она сверкала... Пере-	
Палко Чином (Песня куруцев). Перевод		вод Н. Тихонова	534
М. Исаковского	513	Пусть на дом жениха... Перевод А. Кудрейко	535
Добрый старый наш народ... Перевод		Не напрасно мама нянчила меня... Перевод	
Л. Мартынова	514	А. Кудрейко	535
Ракоци в изгнании. Перевод М. Исаковского	515	Пастухово горе... Перевод И. Миримского	536
Жена каменщика Кёлемена. Перевод М. Иса-		Бедняком рожден я... Перевод И. Мирим-	
ковского	516	ского	536
Назови меня мужем. Перевод М. Исаковского	517	Горит звезда полночная... Перевод И. Ми-	
Анна Молнар. Перевод С. Маршака	518	римского	536
Красивая Илона. Перевод С. Маршака	519	Дочь мельника. Перевод И. Миримского	537
Три сиротки. Перевод М. Исаковского	520	Мать и дочь. Перевод И. Миримского	537
Мать моя, иди домой!.. Перевод М. Исаков-		Я брожу по роще... Перевод И. Миримского	538
ского	521	Треплет ветер ленту... Перевод И. Мирим-	
Ката Кадар. Перевод М. Исаковского	521	ского	538
Убили молодца... Перевод Н. Тихонова	523	А у нас пошли веревкой вербовать... Перевод	
Жена Иштвана Гергё. Перевод М. Исаковского	523	Л. Мартынова	539
Три разбойника. Перевод М. Исаковского	524	Мать родная написала мне письмо... Пере-	
Банди Андьал. Перевод М. Исаковского	524	вод Л. Мартынова	539
Песня о Шандоре Дако. Перевод М. Иса-		Распекает взводного... Перевод Н. Тихонова	539
ковского	525	Господин капитан... Перевод Н. Тихонова	540
Яни Шебек. Перевод М. Исаковского	526	Бог пошлет добра и счастья... Перевод	
В воскресенье пополудни. Перевод М. Иса-		Н. Тихонова	540
ковского	526	Если в Буду ты придешь... Перевод М. Иса-	
Йожеф Варади. Перевод М. Исаковского	526	ковского	540
Янош. Перевод С. Маршака	528	Наша Венгрия дымится... Перевод Л. Марты-	
Барышня. Перевод И. Миримского	528	нова	540
Старый муж. Перевод М. Исаковского	529	Конь Кошута. Перевод Н. Тихонова	541
Като. Перевод М. Исаковского	529	Ты откуда же, дружище... Перевод А. Куд-	
Расставанье. Перевод М. Исаковского	529	рейко	541
За прялкой. Перевод М. Исаковского	530	Я покинул край родимый... Перевод И. Ми-	
Подмастерье мельника. Перевод М. Исаков-		римского	541
ского	530	Бродит мой любимый... Перевод И. Ми-	
Молодица. Перевод М. Исаковского	530	римского	542
Запоздалая свадьба. Перевод М. Исаковского	531	Прилети, прилети... Перевод М. Исаковского	542
Веселая свадьба. Перевод С. Маршака	531	Провалилась моя крыша... Перевод М. Иса-	
Не сдержал ты слова... Перевод М. Иса-		ковского	542
ковского	533	Зазвенели лес и поле... Перевод Л. Мар-	
Путь закрыт ночной метелью... Перевод		тынова	543
Н. Тихонова	533	Вашня венская осела... Перевод Л. Марты-	
Мчится Тисса перекастно... Перевод Н. Тихо-		нова	543
нова	533	Солнце красное на небо выплывает... Пере-	
		вод Л. Мартынова	543
		Примечания А. Красновой	545



Редактор И. Миримский
Художеств. редактор А. Ермаков
Технич. редактор Д. Ермоленко
Корректоры Г. Фальк и
В. Туманская

Сдано в набор 6/I—51 г. Подписано
к печати 22/IX—51 г. А06173.
Бумага 82×108¹/₁₆ = 17,6 бум. л.
57,8 печ. л. 33,27 уч.-изд. л.
Тираж 10 000. Заказ № 2249.

Цена 16 р. 30 к.
(Номинал по прейскуранту 1952 г.)

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова Главополиграф-
издата при Совете Министров
СССР. Москва, Воровая, 28.

